

Йозеф Бодански

Талибы, международный терроризм и человек, объявивший войну Америке

НЕИЗБЕЖНОСТЬ БОРЬБЫ

20 августа 1998 года президент Клинтон сообщил американскому народу, что Соединенные Штаты только что нанесли удар крылатыми ракетами по объектам террористов[1] в Афганистане и Судане как возмездие за недавние взрывы посольств США в Кении и Танзании. «Нашей целью был терроризм, — заявил президент. — Наша задача была четкой: нанести удар по сети радикальных групп, созданной и финансируемой Усамой бин[2] Ладеном — возможно, самым выдающимся организатором и спонсором международного терроризма в современном мире». Три дня спустя министр обороны Уильям Коэн добавил, что Соединенные Штаты не будут сожалеть о смерти Усамы бин Ладена, если он будет убит в ходе будущих акций США против террористических сетей.

Взрывы американских посольств в Кении и Танзании 7 августа 1998 года были не первыми и не самыми смертоносными ударами исламских террористов, направленными против Америки и американцев. И все же никогда ранее Соединенные Штаты — единственная сверхдержава в мире — не выделяли ни одного лидера террористов, объявляя его своим врагом. Чтобы заслужить такое признание, Усама бин Ладен преуспел в гораздо большем, нежели обычное участие в террористических операциях. До сих пор бин Ладен является единственным террористическим лидером, официально объявившим джихад — священную войну — против Соединенных Штатов. Начиная с 1996 года, он повторил это множество раз, подкрепляя свой первый призыв к оружию дополнительными и более конкретными приказами, по мере того, как рос его теологический и военный авторитет.

Это объявление священной войны — не просто жест. Бин Ладен страстно ненавидит Соединенные Штаты, считая их своим главным врагом. Он обвиняет Соединенные Штаты — средоточие вестернизации и современной цивилизации вообще — в том, что они являются причиной всех кризисов и бед, поражающих мусульманский мир. Бин Ладен убежден, что присутствие США в мусульманском мире, в частности в его родной Саудовской Аравии, мешает установлению истинно исламских правительств и возрождению ислама, на которое так надеются он и другие исламисты. Так как о прямом нападении речи не идет, Соединенные Штаты должны быть подвергнуты террору, чтобы вынудить их уйти из мусульманского мира.

Усама бин Ладен — не тот человек, которого можно игнорировать, ибо он занимает центральное место в международном исламистском терроризме. Он не злой «одиноким рейнджер», а важный игрок в запутанной и зловещей паутине поддерживающих терроризм государств, руководителей разведслужб и опытных террористов. Все вместе они составляют грандиозную силу в мусульманском мире и сеют беспорядок и разрушение среди своих врагов. Чтобы понять Усаму бин Ладена, мы должны понять мир, в котором он действует. Бин Ладен всегда был :— и по-прежнему является — частью крупной системы, командным игроком и верным товарищем по оружию. Террористические операции в разных частях света, которые сейчас приписывают бин Ладену, на самом деле поддерживались на государственном уровне и осуществлялись группами самоотверженных исламистов. Роль самого бин Ладена в этой сети стала более важной, а его статус резко вырос. Таким образом, Усама бин Ладен стал таким, какой он есть на заре двадцатого столетия, благодаря ключевым событиям и организациям, определившим его жизнь и сформировавшим его мировоззрение. Но в конечном счете бин Ладен, его товарищи и поддерживающие их страны — все это компоненты тенденции, господствующей в мусульманском мире, а именно — подъема и распространения радикального воинствующего исламизма. Все они руководствуются теологическими мотивами, убивают и умирают во имя исламистского джихада против остального мира. Чтобы понять явление исламистского терроризма, нам следует обратиться к его теологическим и идеологическим истокам, а также рассмотреть его действительные возможности.

Радикальный воинствующий исламизм — движущая сила международного терроризма и оправдывающая его идеология — возникли из конфликта ислама с европеизацией и современностью. Антагонизм между исламской и западной цивилизациями зрел несколько столетий. Иранский ученый и дипломат Ферейдун Ховейда утверждает, что исламская цивилизация прекратила развитие с XII века в результате серьезных кризисов и столкновений с христианством. В XI веке мусульманский мир потерпел ряд серьезных поражений: крестоносцы заняли Левант[3] и Святую землю, основали христианские государства на территориях, на которые предъявлял претензии ислам, а на Пиренейском полуострове христианская коалиция медленно, но решительно начала кампанию по изгнанию мусульман из Испании и Португалии. Последовавшие затем многочисленные кризисы и яростные стычки не только не дали мусульманам возможности противостоять этому натиску, но даже разрушили или ослабили существующие исламские режимы.

Эти поражения вызвали обратную реакцию мусульман. Появились беспощадные военачальники, которые повели армии верующих возвращать земли ислама. Наиболее известными из них были Саладин — курд, наносивший поражения крестоносцам с 1187 до 1192 года, и Абдул Мамин из Марокко, громивший христианские армии в Испании в 1146–1163 годах, а также в 1195 году. Но по мере того, как эти и другие военачальники набирали силу, прежняя блестящая исламская культура и цивилизация приходили в упадок. Объединив свою военную мощь, эти новые завоеватели, ставшие теперь правителями, старались доказать свою уникальность — свою «исламскость». Они возродили религиозный экстремизм как оправдание своей власти, обвиняя своих просвещенных и мудрых предшественников в прежних поражениях мусульманского мира.

Таким образом, мусульманский мир охватило то, что Ховейда называет «антиинтеллектуальной яростью», — которую поощряли правители из стремления к абсолютной власти и из-за неумения воспользоваться достижениями своих предшественников. Новая элита искала и нашла упрощенные догмы, объясняющие законность их власти, и никто не осмелился спорить с ними. «В Коране содержится вся истина, необходимая, чтобы провести верующего по этому миру и открыть для него врата рая», — утверждала новая религиозная элита: принцип, которым все еще руководствуются сегодняшние исламисты. К тому времени, когда это антиинтеллектуальное движение достаточно окрепло — в XII веке — мусульманский мир совершил то, что Ховейда называет «культурным самоубийством»: подстрекаемые и возбуждаемые соблазнами грубой силы, верующие охотно соглашались отказаться от своих собственных культурных и научных достижений и посвятить себя процессу саморазрушения, продолжающемуся до сих пор.

Таким образом, мусульманский мир после развития религиозного экстремизма в XII веке впал в паралич. Стремясь к власти, все новые поколения экстремистов и военных непрерывно демонстрировали свое превосходство, приказывая уничтожать культурные сокровища предыдущих поколений. К примеру, в 1192 году улема (религиозная верхушка) в Кордове (Испания) публично сожгла книги из главной научно-медицинской библиотеки, включая и редкий труд по астрономии, так как эти книги были «ужасным несчастьем для ислама». А в 1979 году, после исламской революции в Иране, аятолла Хомейни издал приказ об исламизации системы высшего образования. С поощрения правительства, студенческие комитеты, состоящие из твердолобых исламистских активистов, изгоняли из кампусов (летних студенческих городков — прим. ред.) левых активистов — как студентов, так и преподавателей, — а затем проверяли исламскую «правильность» как учебных программ, так и проводимых уцелевшими преподавателями исследований. Наконец правительство закрыло университеты — между 1980 и 1983 годами, — демонстрируя подобающий исламский подход, то есть закрытие всех факультетов и курсов, которые муллы считали неисламскими, а также изгнание и, порою, арест и наказание преподавательского состава.

Мистицизм, воинственность и стремление к нескончаемому джихаду стали объединяющими идеями последнего поколения мусульманских военных лидеров. Слово джихад, буквально означающее «борьба», относится к священной войне с целью дальнейшего распространения власти ислама на спорных территориях — особенно мусульманских землях, населенных немусульманами (любая территория, когда-либо завоеванная исламом, считалась мусульманской навсегда), а также в странах с многочисленным мусульманским населением и немусульманскими правительствами. Эти лидеры предпочли подтвердить свой исламский «мандат» экстремистскими трактовками исламского закона. Экстремисты лишили мусульманскую цивилизацию будущего и обrekli ее на вечную изоляцию.

Кризис в мусульманском мире усилился, когда изолированность обернулась подчинением, когда Запад проник в Сердце ислама — район между Марокко и Индией, где мусульмане не только составляют подавляющее большинство населения, но также определяют социополитическую и культурную жизнь. Этот процесс начался с приходом Наполеона в Египет в 1789 году. Затем последовали русско-турецкие войны и завоевание Центральной Азии в XIX веке, потом — крушение Турецкой империи и британская оккупация в Первую мировую войну, а также искусственное перекраивание империалистическими силами карты Ближнего Востока. Это был удар, от которого мусульманский мир — в особенности Сердце ислама — до сих пор не оправился.

Исторически мусульмане идентифицировали себя на двух уровнях, — пользуясь современной западной терминологией, — на «наднациональном» и «внутринациональном». Оба уровня самоидентификации отличаются от основного принципа, используемого в современном мире, — то есть «нация/государство». Наднациональная идентификация — это самоидентификация всех мусульман с единой общностью — мусульманской нацией, — проявившаяся в панисламизме. Рост политического сознания в мусульманском мире привел к появлению побочных систем идентификации — вроде пантюркизма и панарабизма, которые по-прежнему в силе. Внутринациональная идентичность относится к кровному родству — кланам, племенам, разветвленным семьям и т. д., которые определяли повседневную жизнь мусульман в ходе истории. После Первой мировой войны и русской революции западные власти не только перекроили мусульманский мир, создав новые псевдогосударственные образования, совершенно не отвечающие характеру и чаяниям коренного населения, но и навязали населению новые, чуждые, правящие элиты — будь то королевские фамилии, поддерживаемые западными колониалистами, или коммунистическая элита, поддерживаемая Советами. После Второй мировой войны различным мусульманским государствам пришлось столкнуться с идеологиями и системами законодательства, заимствованными у Востока и Запада; все они вели к установлению жестоких военных диктатур, подавлявших население во имя национальной славы, модернизации и военной мощи.

Лидеры исламистов полностью осознавали неравенство в мощи между их нарождающимися движениями и противостоящими им силами — от арабских военных диктатур и до врагов арабов, таких как Израиль и западные государства. В результате ведущие теоретики исламизма стали искать альтернативные методы, позволяющие вести джихад при условиях явного проигрыша в силе. В октябре 1968 года шейх Мухаммад[4] Абу-Захра из каирского университета аль-Азхар так определил сущность джихада в современных условиях: «Джихад не ограничивается мобилизацией и образованием огромных армий. Он принимает различные формы. Во всех землях ислама должны подняться люди, укрепленные верой, хорошо оснащенные средствами и методами. И пусть они атакуют узурпаторов, неустанно изводя их, пока их жилища не превратятся в дома непрекращающегося мучения... Джихад никогда не кончится... Он будет длиться до Судного дня». Это определение бесконечного джихада против превосходящих сил составляет центральную догму современного исламистского терроризма, быстро прижившуюся в мусульманском мире, который борется против растущего влияния Запада.

Кризис достиг первой критической точки в середине 1970-х, когда мусульманский мир, обогащенный нефтедолларами, познакомился с западной цивилизацией как никогда ранее близко — благодаря обучению на Западе, туристическим поездкам и спутниковому телевидению, находившемуся в то время еще в зачаточном состоянии. Шок был огромен. Ведущие исламистские интеллектуалы, защищавшие дипломы в Соединенных Штатах, заключили, что личные свободы и материализм, с которыми они столкнулись на Западе, представляют смертельную угрозу для традиционного исламского общества, организованного и управляемого с помощью строгих норм поведения. Ислам предполагает, что шариат — закон, управляющий людьми, — имеет божественное происхождение и толковать его могут лишь обученные и набожные люди, которые правят верующими как духовные лидеры. В противоположность этому, суть западной демократии состоит в установленном порядке, когда граждане избирают нескольких человек из своих рядов, чтобы те создавали законы и управляли ими в соответствии с этими законами. Исламисты убеждены, что такое расхождение западного общества (особенно американского, где разделение между церковью и государством так четко выражено) с моделью исламской власти, которая носит божественный характер, и является главной причиной его социальной болезни.

Критика исламистами американского образа жизни была очень резкой. Последователи аятоллы Хомейни в Иране рассматривают Соединенные Штаты как страну, поглощенную поклонением деньгам, а Маджид Анараки — иранец, проживший несколько лет в южной Калифорнии, — описывает Штаты как «скопище казино, супермаркетов и публичных домов, связанных

бесконечными магистралями, не ведущими никуда», где все определяется жадью денег. «Люди на Западе ради прибыли выставят на аукцион собственных матерей», — пояснял получивший образование в США Бехзад Набави, тогдашний министр тяжелой промышленности Ирана. Сам же Хомейни указывал, что поглощенность Западом стремлением к деньгам влечет за собой «развращение общественного образа жизни».

Исламисты решили гарантировать то, что эта болезнь, уже «разрушившая» христианство, не проникнет в мусульманский мир, не развратит и не разрушит его. С целью предотвращения такого разрушения оправдывались все средства, включая насилие и терроризм. Но исламисты не могли отделить свой мир — Сердце ислама — от Запада. Разработка нефтяных источников требовала западных технологий, равно как и система здравоохранения. Мусульмане ездили на машинах, сделанных на Западе, пользовались телефонами, установленными западными подрядчиками, и ели западную пищу, сидя за импортными телевизорами. А их лидеры тем временем защищали свои диктаторские режимы с помощью оружия, закупленного за границей. Это острое противоречие впервые выплеснулось наружу на стратегическо-политическом уровне в Иране, во время исламской революции Хомейни. В своей книге «Среди верующих» В.С. Нейпол лаконично объясняет, в каком затруднительном положении оказался Хомейни: «Толкователь воли Бога, лидер правоверных, он выражал все смятение своего народа и сделал так, чтобы оно казалось славой, знакомой верой, — смятение народа высокоразвитой средневековой культуры, которому открылись нефть и деньги, чувство власти и насилия, а также знание об окружающей его новой великой цивилизации. Эту цивилизацию нельзя было подчинить себе. Ее следовало отринуть — но в то же самое время нельзя было не зависеть от нее». Другие современные выдающиеся деятели исламизма, чьи сочинения составляют теологический фундамент нынешних террористов, видели в этом распространении «вестоксикации» смертельную угрозу самому существованию ислама. «Мир сейчас такой, каким его сделали другие [т. е. не-мусульмане], — пояснял ведущий иракский ученый-шиит аятолла Мухаммад Бакир аль-Садр. — У нас есть два выбора: либо подчиниться ему, что значит обречь ислам на смерть, либо разрушить его, чтобы мы смогли построить такой мир, как того требует ислам».

Мусульманский мир оказался на историческом распутье. Столкновение с западной цивилизацией закончилось провалом, несмотря на неслыханные богатства, накопленные элитой. Попытки укрепить современные режимы привели к повсеместному угнетению и обнищанию масс, что, в свою очередь, привело к напряженной обстановке среди народа, с которой не могла справиться государственная система и которую дальнейшая модернизация могла лишь обострить. А исламистским интеллектуалам — обычно их называют «фундаменталистами» — не удавалось найти в их соблазнительных теориях какие-либо практические решения. «В исламе, особенно в исламе фундаменталистов, прецедент — это все. Принципы Пророка, содержащиеся в Коране и в установившихся традициях, считаются вечными. Они могут охватывать все отрасли знания, — поясняет Нейпол. — Так говорят новые, образованные, фундаменталисты. В этих словах звучит как их вера, так и их ненависть к цивилизации, которая их окружает и которую они как общество отчаялись подчинить себе». Начиная с конца 1970-х, исламистские мыслители не видели другого выхода из кризиса ислама, кроме тотальной конфронтации с Западом, которая одновременно стала бы и оправданием вспышке насилия. «Мы ведем войну. И наша битва только что началась. Нашей первой победой станет полоска земли, полностью управляемая исламом», — заявил Абдул-Кадыр ас-Суфи ад-Даркави, один из величайших мыслителей и философов современного исламизма. «Ислам движется по миру, — добавил он. — И ничто не остановит его распространение в Европе и Америке».

Полностью осознавая мощь и все более быстрое распространение влияния Запада, исламисты искали косвенные формы конфронтации с Западом. Они определили способ тотальной войны, при котором отставание мусульманского мира в технологии и военной мощи не влияло бы на исход джихада. Эту стратегию сформулировал пакистанский бригадный генерал С.К. Малик в своей книге «Кораническая концепция войны». Согласно Малику, коранический путь ведения войны «бесконечно лучше и эффективнее» любой другой формы военных действий, потому что «в исламе война ведется за дело Аллаха» и, следовательно, все средства и методы оправданы и справедливы. Терроризм, доказывает Малик, является сущностью исламской военной стратегии: «Ужас, поражающий сердца врагов, — это не только средство, но и цель сама по себе. Когда в сердце противника поселяется ужас, больше уже почти ничего делать не нужно. В этом случае средства сливаются с целью. Террор — это не средство заставить врага принять наши решения; это и есть решение, которое мы хотим применить в отношении к нему».

Одно время казалось, что успех уже в руках. Мусульманский мир праздновал укрепление исламистских режимов в Иране и Судане, то есть способность шиитского Ирана поддерживать режим Хомейни, несмотря на восемь лет изнурительной войны с Ираком и почти полную международную изоляцию, а также установление в суннитском Судане исламистского правления в 1989 году, когда после военного переворота духовным лидером страны стал Хассан аль-Тураби. Мусульманский мир также праздновал победу исламистских сил в Афганистане над Советским Союзом, распад Советского Союза и появление в Центральной Азии шести новых мусульманских государств. А затем, в 1991 году, началась война в Персидском заливе, и Запад снова продемонстрировал свое подавляющее техническое и военное превосходство. Более того, саудовская королевская семья — хранители исламских святынь в Мекке и Медине — была вынуждена прибегнуть к помощи армии США и других западных государств, чтобы защитить Саудовскую Аравию и разгромить братскую арабско-мусульманскую страну, Ирак. Это было унижение, о котором до сих пор помнит мусульманский мир.

И снова лидеры исламистов увидели альтернативу роковой схватке с Западом в духе ислама. В конце 1991 года Ахмад Хомейни, сын аятоллы (который неожиданно умер, принимая мантию власти), подчеркнул роковой характер неизбежной борьбы с Соединенными Штатами: «Нам следует понять, что мир враждебен к нам только из-за нашей преданности исламу. После крушения марксизма его заменил ислам, и пока существует ислам, будет существовать враждебность США, а пока существует враждебность США, будет продолжаться борьба». Он предупредил о том, что военные операции не должны ограничиваться непосредственными задачами на Ближнем Востоке, «потому что война против Израиля — это война против США и Европы, которая закончится нескоро».

Сегодня этот кризис обостряется благодаря росту пропасти между Западом и мусульманским миром из-за все более широкого знакомства мусульманского мира с западной цивилизацией через электронные средства массовой информации — от спутникового телевидения до Интернета. Исламисты считают такое знакомство атакой на их образ жизни, постоянным и кричащим напоминанием о неудачах отсталого исламского мира в науке и технике. «Вызов, бросаемый воинствующим исламским фундаментализмом Западу, не только «военный». Он борется в первую очередь с западной идеологией, демократической и светской. Он хочет усвоить западную технологию, не принимая ее духа. То есть борьба против Великого Сатаны и более мелких дьяволов имеет важное социокультурное измерение, — поясняет Ховейда. — С точки зрения воинствующих исламских фундаменталистов, опасность, которую представляет для ислама Запад, подкрепляется политикой нынешних мусульманских лидеров, которые отошли от «истинных» принципов своей религии и в сговоре с неверными разбазаривают национальные ресурсы. Эти лидеры и их сподвижники «узурпировали» власть. Следовательно, истинным слугам Аллаха остается только применить силу и восстановить правление шариата. Отсюда обращение к насилию и растущее применение терроризма и других подобных средств исламскими фундаменталистами в большинстве мусульманских стран».

Эта борьба за дух власти в мусульманском мире составляет суть конфронтации исламистов с их собственными правительствами и обществом. Профессор Йоханнес И.Г. Янсен, голландский эксперт по исламу, считает эту борьбу между исламистами и современным государством первопричиной исламистского насилия и терроризма: «Многие мусульмане сузили ислам до требования введения исламского закона. Оно является и политическим, и религиозным одновременно, и именно двойственная природа этого требования придает исламскому фундаментализму его отличительный характер. Мусульмане, ограничившие ислам одним лишь требованием исполнения исламского закона, часто обвиняют своих собратьев-мусульман в отступничестве от ислама. В их глазах любой, кто пренебрегает каким-либо традиционным предписанием ислама, не только плохой мусульманин, но и отступник. В исламском законе отступничество считается серьезным преступлением, и потому требование следовать исламу и исламскому закону становится как политическим, так и религиозным требованием, которое часто подкрепляется терроризмом и смертельными угрозами».

Но эта борьба, яростная и безобразная, насколько это только возможно, не может разрешить главной проблемы, стоящей перед исламистами. Они убеждены, что только Запад — как это ясно показала война в Персидском заливе, — поддерживает зависимые мусульманские режимы и наказывает тех, кто восстает против него. А радикальные исламисты убеждены, что пока Запад, особенно Соединенные Штаты, будет иметь доступ (уже не говоря о присутствии) к Сердцу ислама, невозможно будет установить истинно исламские правительства и сразу разрешить все проблемы, раздирающие, сейчас мусульманский мир. Исламистские лидеры могут расходиться в

деталях насчет того, что такое истинно исламское государство, но все они сходятся на том, что прежде всего следует изгнать Соединенные Штаты и западную цивилизацию из их среды.

Усама бин Ладен продолжает возглавлять составленный правительством США список террористов и лиц, угрожающих безопасности, — что подчеркнул директор ЦРУ Джордж Тенет, выступая в Сенате 2 февраля 1999 года. Тенет заявил: «Во-первых, нет никаких сомнений в том, что Усама бин Ладен, его союзники по всему миру и сочувствующие ему готовят дальнейшие атаки на нас. Несмотря на прогресс в борьбе с его сетью, организация бин Ладена имеет связи буквально во всем мире, включая Соединенные Штаты, — а сам он недвусмысленно заявлял, что его мишенями являются все американцы». ЦРУ предвидит со стороны организации бин Ладена попытки взрывов с использованием традиционных взрывчатых веществ, а также, возможно, похищение людей и убийства. Недавно ЦРУ заметило активность, похожую на ту, что предшествовала взрывам посольств в Африке, и опасается, что удары могут быть нанесены в любое время — возможно, с использованием химического или бактериологического оружия. По словам Тенета, «организация бин Ладена — лишь одна Из десятка террористических групп, которые проявляли интерес к химическому, бактериологическому, радиоактивному и ядерному оружию — или уже получили его. Бин Ладен, например, назвал приобретение этого оружия «религиозным долгом» и заметил, что «как мы будем его использовать — это наше дело».

Для убежденных исламистов уроки войны в Персидском заливе — то, что Запад может применять силу и побеждать, — уравниваются примерами Афганистана, где Советский Союз потерпел откровенное поражение, и Сомали, откуда США были изгнаны силами исламистов. А поскольку отставание мусульманского мира в военной и научно-технической области не позволяет атаковать Запад напрямую, то остается единственный путь конфронтации — международный терроризм. Эти тенденции ведут к тому, что профессор Сэмюел П. Хантингтон, преподаватель Гарвардского университета и бывший директор отдела планирования безопасности Совета национальной безопасности, называет столкновением цивилизаций. «Глобальная война с участием основных государств крупнейших мировых цивилизаций крайне невысказима, но вовсе не невозможна. Такая война, как мы полагаем, может возникнуть из эскалации пограничного конфликта между группами, принадлежащими к разным цивилизациям, и, скорее всего, в ней будут участвовать мусульмане с одной стороны и не-мусульмане — с другой. А эскалация, скорее всего, произойдет, если честолюбивые центральные мусульманские государства будут стараться перещеголять друг друга в помощи своим воюющим единоверцам», — пишет Хантингтон. Вполне может случиться и то, что профессор Марк Юргенсмайер, декан Школы гавайских, азиатских и тихоокеанских исследований при Гавайском университете, называет «новой холодной войной между религиозным третьим миром и светским Западом». В любом случае исламистский терроризм, если его не сдерживать, послужит катализатором для взрыва насилия как в Сердце Запада, так и в Сердце ислама. «Воинствующий исламский фундаментализм — главным образом политическое движение, а не только религиозное. Хотя он и может создать угрозу для Запада вообще и Соединенных Штатов в частности, он также несомненно будет фатальным для мусульманского мира», — сетует Ховейда. Между тем все более враждебное отношение исламистов к Западу — подпитываемое явно непреодолимой европеизацией (благодаря электронным средствам массовой информации), — побуждает террористов, таких как бин Ладен, наносить все более ужасающие, более зрелищные удары, только лишь для того, чтобы продемонстрировать жизнестойкость радикального ислама и его ярость. Личная борьба каждого из них составляет сущность исламистского движения против европеизации.

Предисловие, написанное после событий 11 сентября 2001 года

11 сентября 2001 года Соединенные Штаты и весь остальной мир поняли, что имел в виду Усама бин Ладен, когда воодушевлял своих последователей-исламистов на зрелищный терроризм.

Четырем авиалайнерам, вылетевшим примерно в 8:00 утра по восточному поясному времени из Бостона, Ньюарка и Вашингтона, предстояло стать центральной сценой беспрецедентной драмы. Примерно через полчаса после начала полета эти лайнеры были захвачены небольшими

отрядами террористов, в которые входили и обученные пилоты. Завладев рычагами управления захваченных лайнеров, угонщики превратили каждый из самолетов в крылатую ракету, вооруженную бомбой с 300 000 фунтами топлива — так сказать, исламистское оружие массового поражения.

В 8:45 Мухаммад Атта, — теперь считающийся руководителем этих террористов, — направил свой самолет «Боинг-767», летевший из Бостона, в северную башню Всемирного торгового центра (ВТЦ) в Нью-Йорке. Восемнадцать минут спустя «Боинг-767», тоже летевший из Бостона, отклонился от курса над рекой Гудзон и врезался в южную башню ВТЦ. Сорок минут спустя, в 9:43, «Боинг-757», летевший из Вашингтона, врезался в здание Пентагона. Вскоре после этого несколько пассажиров четвертого авиалайнера — «Боинга-757», вылетевшего из Ньюарка, — напали на угонщиков, когда узнали об ударах по ВТЦ. Им удалось посадить самолет в безлюдном поле в Пенсильвании. Тем временем в 9:50 обрушилась южная башня ВТЦ, а в 10:30 — северная. Все еще не определено количество жертв, превышающее 6000 человек, что примерно в два с половиной раза превышает количество погибших в Пёрл-Харборе. Это была очень сложная операция, подготовленная, скорее всего, с участием нескольких разведслужб государств, поддерживающих терроризм.

Однако в нашу эру электронной информации, в отличие, например, от Второй мировой войны, об этих ударах немедленно узнали во всем мире. Миллионы людей оставались прикованными к экранам своих телевизоров — беспомощно и с ужасом наблюдая, как горит первая башня и как поражает цель второй самолет. Спутниковое телевидение транслировало на весь мир кадры ослепительных взрывов и последующего крушения двух небоскребов, окутанных клубами дыма и пыли. Ужас охватил всю страну. Правительственные чиновники были эвакуированы, пустые улицы Вашингтона охраняла армия нервничающих полицейских. Облако дыма, клубящееся над Пентагоном, служило постоянным напоминанием о терактах. Для телезрителей во всем мире это зрелище одновременно стало и демонстрацией всемогущества западных информационных технологий, и наглядным проявлением яростного и дерзкого вызова, брошенного исламистским терроризмом.

Эти ужасающие теракты были рассчитаны прежде всего на мусульманский мир — как на «улицу», так и на правящие элиты. Практически для всех мусульман, независимо от положения в обществе и отношения к исламу, отчаянный героизм террористов, их мученическое самопожертвование стали источником гордости. К тому же мишени этих эффектных терактов были символическими для мусульманского мира, и особенно для лидеров стран, сотрудничающих с США. Глобальная власть и всемирное присутствие США выражаются прежде всего в их финансовой и военной мощи. Теперь же исламистские террористы нанесли удар по центру американской финансовой империи, обрушив Всемирный торговый центр, а также, пусть и символически, атаковали центр американской военной мощи — Пентагон. Послание арабскому миру было ясным: не верьте, что американцы помогают и защищают своих друзей, ибо они не в состоянии защитить центр своей родины.

Операцию провели девятнадцать исламистских террористов, причем некоторые из них были обученными пилотами. Все они были из дружественных Соединенным Штатам арабских стран, и большинство находилось в стране легально. Многие из них въехали в США легально, но просрочили свои визы. Расположенные в США террористические ячейки поддерживались международной сетью материальной помощи и финансирования, раскинувшейся от Западной Европы до Ближнего Востока и Южной Азии. Угонщики были представителями нового поколения профессиональных террористов, привыкших жить и свободно чувствовать себя на Западе, сохраняя при этом свое исламистское рвение и ярость.

То немногое, что нам известно об их мыслях, выражено в написанном от руки на пяти страницах документе, обнаруженном ФБР в багаже Атты, в котором изложены духовные и практические наставления для будущих камикадзе. «Помните о войне, которую Пророк вел против неверных, когда он начал строить исламское государство», — говорилось в письме по поводу конечной цели исламистов и предстоящем самопожертвовании. В письме были практические советы — взять с собой «ножи, завещание и паспорт» — и предупреждение: «убедитесь, что за вами никто не следит». Заканчивалось послание текстом молитв, которые следовало произнести при входе в самолет и в начале операции. Это было ярчайшее свидетельство полной преданности исламистов своему делу и их непримиримой враждебности к Западу.

Обращаясь к объединенному заседанию Конгресса 20 сентября, президент Буш объявил «войну терроризму» и поклялся искоренить его во всем мире. Хотя главный акцент был сделан на

организации «аль-Кайда» и Усаме бин Ладене, президент пояснил, что «наша война против террора начинается с «аль-Кайда», но не заканчивается на ней. Она не закончится, пока последняя террористическая группа международного значения не будет обнаружена и уничтожена». Особое внимание уделялось государственной поддержке терроризма. «С сегодняшнего дня любая нация, которая продолжит поддерживать терроризм, будет считаться враждебным Соединенным Штатам режимом», — пообещал Буш. Дело это будет нелегким, и Буш пообещал народу «длительную кампанию, какую еще никто не видел». Он подчеркнул всю опасность и размах предстоящей военной акции. Будущая война, заключил Буш, станет «борьбой цивилизации» против явления международного терроризма.

7 октября Соединенные Штаты и Объединенное Королевство нанесли первые авиационные и ракетные удары по Афганистану, где нашли себе убежище бин Ладен и его высшее командование. По словам официального Вашингтона, эти удары стали началом долгой и решительной кампании, которая выйдет за пределы Афганистана. Официальные лица США и их союзников ожидают, что война с терроризмом протянется несколько лет. Одновременно во всем мусульманском мире резко возросла народная поддержка бин Ладена и его исламистского дела. Массовые демонстрации и вспышки насилия от Марокко до Индонезии и от Пакистана до Южной Африки вновь подтвердили размах популярности и поддержки бин Ладена, а также — растущую пропасть между мусульманскими народами и их прозападными правительствами. Яростная ненависть к Соединенным Штатам и чувство солидарности с бин Ладеном отчетливо проявляются в местных средствах массовой информации и на пятничных молитвах. Эти чувства подтверждают мнение западных лидеров, что объявленная война с терроризмом будет продолжительной и болезненной.

У президента Буша есть все поводы считать Усаму бин Ладена «главным подозреваемым» в зрелищных ударах по Всемирному торговому центру и Пентагону. Прежнее торжественное заявление бин Ладена о своей невинности было настолько же многословным, насколько неопределенным. Он не отрицал возможности того, что разделяет ответственность за акцию, совершенную вне Афганистана, — с территории другого поддерживающего терроризм государства. Скрывающийся в Афганистане и давший клятву (своему зятю мулле Омару) не осуществлять терактов с территории страны, бин Ладен мог способствовать проведению терактов в США, освятив их и благословив исполнителей. Он предоставил религиозное оправдание этим и последующим террористическим ударам — разъясняя причины их проведения и их конечную цель. Бин Ладен намеревается вызвать судьбоносную глобальную войну между исламом и Западом во главе с США с помощью эффектных террористических операций.

Непосредственные идеологические истоки терактов 11 сентября можно найти в книге бин Ладена, изданной в начале 1999 года, — «Америка и Третья мировая война». По сути, эта книга — ответ исламистов на западную доктрину «глобализации». Пользуясь западными понятиями, бин Ладен доказывает, что, учитывая развивающиеся в мире глобальные тенденции, исламизм должен перехватить инициативу и развернуть джихад тоже в мировом масштабе. Бин Ладен доказывает, что в осуществлении задач исламизма все — включая оружие массового поражения и неслыханного размаха террор — дозволено, если на то есть соответствующее религиозное разрешение, или фатва. «Америка и Третья мировая война» — это лаконичное, ясное и крайне авторитетное «руководство», объясняющее, почему следует вести всемирный джихад и почему при этом насилие не должно быть ограничено никакими рамками.

В своей книге бин Ладен доказывает, что роковая конфронтация с Западом в сферах культуры и религии — а не только в военной — неизбежна. Он устанавливает главные стратегические приоритеты этого джихада: 1) изгнание «евреев и христиан» с Ближнего Востока и установление мусульманских государств; 2) превращение Сердца ислама (часть мира, где мусульманское население составляет большинство и определяет общественно-политический характер региона) в халифат; и 3) установление мусульманского мирового порядка в остальном мире. В халифате бин Ладена будут поддерживаться торговые отношения с Западом и заимствоваться высокотехнологичные «нау-хау», но заимствование иудейско-христианских ценностей и демократического образа жизни будет запрещено. После установления халифата, говорится в книге, Запад окажется в подчиненном положении по отношению к исламскому миру. А в заключение говорится, что XXI век станет веком ислама после глобальной войны.

Кратко излагая содержание книги в письме к своим последователям, написанном в конце июля 1999 года, бин Ладен снова предупреждает о растущей американской угрозе для исламского мира и настаивает, что джихад — единственный подходящий выход. «Если мусульманские народы не объединятся против Соединенных Штатов, то США подготовят заговор с целью разделить их или

же истребить их по очереди, пока в них не умрет способность протестовать и сопротивляться, — пояснял он. — Если такое случится, исламскому миру грозит крах». Однако бин Ладен оптимистично смотрит на перспективы ислама в этой конфронтации. «Путь Соединенных Штатов к гибели начнется до наступления XXI века, поскольку это будет век ислама, и потому мусульманская нация должна объявить джихад против Соединенных Штатов».

В течение нескольких последующих месяцев бин Ладен и разделяющие его взгляды видные деятели исламизма продолжали совершенствовать свою доктрину предстоящей глобальной войны. Этот период совпадает со временем первоначального планирования операций 11 сентября, хотя бин Ладен никогда не вдается в детали вдохновленных им конкретных терактов. Тем не менее, бин Ладен стал еще более уверен в неизбежности глобальной войны между исламом и Западом, которая разразится после первого удара исламистов по Америке.

Планы исламистов в этом отношении бин Ладен пояснил в ряде частных бесед. Наиболее показательным было его выступление на свадьбе сына 10 января 2001 года. Его призыв к оружию подчеркивал готовность исламистов развязать джихад. «Наша история переписывается заново», — сказал бин Ладен. Мусульманской нации придают новые силы моджахеды, демонстрирующие своими действиями «все более сильную веру». Следовательно, подчеркнул он, «Запад боится, что они [моджахеды] просто уничтожат его. И хотя Запад наращивает вооружения и мощь, в глубине души он боится их».

Бин Ладен предвидел, что такое положение вещей вскоре приведет к решающей конфронтации между исламом и Западом. «Два лашкара [армии, отряда] сошлись друг против друга». Один из них — исламский и «пронизан желанием самопожертвования», а другой — западный и придерживается порочной идеологии. «Столкновение обязательно произойдет, и тучи войны уже окутали оба лашкара», — замечает он. Бин Ладен не сомневается в исходе этой стычки. «Не боящиеся мощи и количества неверных, значительно меньшее число преданных моджахедов одержит над ними верх. В то время как Запад гордится своими военными ресурсами, моджахеды ведут на поле боя вера и убежденность». Бин Ладен ожидал, что это первое столкновение выльется в исторический катаклизм, сопоставимый с крестовыми походами. Учитывая цветистость и неопределенность поэтического арабского языка, это заявление можно считать одобрением зрелищных террористических актов.

Весной 2001 года, когда шли активные приготовления к терактам 11 сентября и был готов или почти готов конкретный оперативный план, бин Ладен снова дал теологическое обоснование предстоящей акции. В начале мая исламистским кругам во всем мире, и особенно на Западе, был предложен документ под названием «Вдохновенное послание шейха Усамы бин Ладена мусульманскому миру». Это был страстный призыв бин Ладена к сподвижникам ислама поддержать всеобщий вооруженный джихад против Запада как единственный путь спасения ислама: «На вас лежит ответственность перед этим морем людей... Публично заявить, что успех и честь заключаются только в джихаде. Именно благодаря такому джихаду мусульмане на заре ислама достигали вершин славы и чести. Именно благодаря ему следующие поколения мусульман станут почтенными и величественными людьми... Дайте мусульманам понять, что истинной цели джихада нельзя достичь, если его не ведет общество, беспрекословно подчиняющееся одному эмиру [гражданский и военный мусульманский лидер]». Если видные деятели исламизма не одобряют и не санкционируют предстоящую эскалацию джихада, предупреждал бин Ладен, ислам не устоит перед натиском европеизации и Запада.

После этого бин Ладен замолчал — как он обычно делает накануне крупных событий. Спустя несколько часов после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне Абдул-Бари Атван, друг бин Ладена и издатель выходящей, в Лондоне газеты «аль-Кудс аль-Араби», заявил, что его друг «почти наверняка» ответственен за случившееся. «Скорее всего, это работа исламских фундаменталистов. Усама бин Ладен предупреждал три недели назад, что он нанесет по интересам Америки беспрецедентный удар — очень серьезный», — сказал Атван в интервью агентству Рейтер. Сам бин Ладен хранил гробовое молчание, а представители «Талибана» энергично отрицали, что он причастен к взрывам. Лишь 16 сентября бин Ладен опубликовал заявление о своей невинности — столь же многословное, сколь и неопределенное. «Я нахожусь в Афганистане. Я дал клятву верности, которая не позволяет мне совершать такое с территории Афганистана, — гласило заявление бин Ладена. — В прошлом нас обвиняли в таких вещах, но мы были ни при чем».

Между тем, видные союзники и последователи бин Ладена с трудом сдерживали свою радость. Анализируя теракты и их последствия, они строили параллели с предсказаниями бин Ладена о предстоящей глобальной войне. Еще 11 сентября, спустя несколько часов после взрывов, шейх Омар Бакри Мухаммад, представитель бин Ладена в Западной Европе, заметил, что такие акции «запрещены» исламом, но, не критикуя их, подчеркнул, что из них можно извлечь ценные уроки. Наиболее важными из них была решимость поколебать высокомерие западных правительств и их уверенность в своей неуязвимости и показать, что «никакая система обороны не может встать на пути человека, желающего стать Мучеником».

Абу-Хамза аль-Масри, один из ближайших боевых товарищей бин Ладена по войне в Афганистане в 1980-х, был еще более резок: «Миру не следует удивляться таким терактам. Внешняя политика Соединенных Штатов враждебна и беспощадна к другим странам. Они навязывают свои идеи и образ жизни людям, которые их просто не хотят. Подавляющее большинство этих людей — мусульмане, готовые умереть, чтобы только изгнать американскую систему из своих стран».

Критикуя США за сосредоточенность на доказательстве мнимой ответственности бин Ладена, Абу-Хамза предупреждал об исходе только что объявленной США войны против терроризма. «Если США нанесут удар по Исламскому эмирату Афганистан или убьют бин Ладена, все останется по-прежнему. Есть много других людей, похожих на бин Ладена и выросших в мире ислама. Соединенные Штаты просто не могут сражаться с исламом и надеяться на победу. Крайне вероятно, что если вмешательство США в дела других стран продолжится, то последуют новые удары на американской территории. США должны покинуть Аравийский полуостров и Центральную Азию, а также снять все санкции с наиболее быстро растущей части населения Земли», — заключал Абу-Хамза.

Пару дней спустя находящийся в Лондоне Бакри начал предупреждать о последствиях решения США применить жесткие меры против исламистского терроризма. При этом он повторял призыв бин Ладена к вооруженной борьбе. Вероятность американской военной акции возрастала, и Бакри опубликовал наставления к молитвам в пятницу 14 сентября, где почти что признал ответственность исламистов за теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне. Послание Бакри определяло предстоящую конфронтацию как вклад США в Божье наказание Соединенных Штатов и Запада. «Похоже, что Аллах снова откликнулся на мольбы мусульман во всем мире, наслав разрушения и смятение на врагов ислама и мусульман — то есть на американское правительство и его союзников», — пояснял Бакри. Согласно Бакри, и Соединенные Штаты, и Великобритания собирались использовать события 11 сентября, чтобы начать всемирную кампанию против «всех, кто уверен, что джихад против американской и британской агрессии, к примеру против Израиля и Ирака, есть его мусульманский долг!». Бакри высмеивает мнение, что противостояние США международному терроризму имеет что-либо общее со справедливостью или с воздаянием за совершенные преступления.

Учитывая глобальный и бескомпромиссный характер американского наступления на мусульманский мир, эскалация неизбежна. Бакри требует военной солидарности между всеми мусульманскими сообществами во всем мире, придавая таким образом законную силу исламистскому насилию — то есть терроризму — на Западе в отместку за удары США или их союзников по исламистским террористам и их спонсорам в любой части земного шара. «Долг мусульман — защищать мусульман всюду, где они подвергаются нападению неверных», поясняет он. Повторяя догму бин Ладена о том, что лишь единство всех мусульман поможет исламистам победить, Бакри заключает, что теперь все мусульмане должны «молиться, чтобы Аллах даровал нам халифат, из которого мы сможем сражаться и защищать себя, как можно скорее».

В следующем заявлении от 16 сентября Бакри признает, что «указующий перст вновь направлен на ислам и мусульман, и война теперь окажется неизбежной». Бакри считает, что ответ США на теракты — это лишь повод, чтобы противостоять возрождению исламизма в мире. «Вовсе не борьба с терроризмом, которую США действительно активно поддерживают с помощью израильтян, ИРА и т. д., является истинным мотивом этой агрессии. Вероятнее всего, США хотят помешать «Талибану» учредить халифат (исламское государство, где законом и порядком является ислам), установить контроль над ядерным арсеналом Пакистана (ныне входящим в их список государств-террористов) и завязать экономические отношения с Китаем. На самом деле, если терроризм определяется как систематическое применение насилия и угроз для достижения политических целей, то тогда политика США в Панаме, Ираке и Палестине гораздо больше подходит под описание терроризма, чем борьба мусульман за освобождение оккупированных

мусульманских стран — таких как Чечня и Кашмир! Если, конечно, терроризм не служит лишь мотивом для оправдания эксплуатации и усиления гегемонии».

Первая реакция самого бин Ладена последовала 18 сентября, спустя неделю после терактов, когда человек, представившийся как «Сулейман Абу-Гаят из Кувейта», позвонил на ток-шоу катарского телеканала аль-Джазира. Показательно, что ведущий, Файзал аль-Кассим, прервал своих гостей, чтобы принять этот звонок. В начале октября, во время очередной передачи аль-Джазира, Абу-Гаят появился уже как «официальный представитель организации «аль-Кайда»». Абу-Гаят отметил настоятельную необходимость разъяснить общие обстоятельства и значение «этого важного события, потрясшего Соединенные Штаты и нанесшего удар их гордости и величию», — чтобы мусульманская нация могла лучше осознать событие в целостности. Начал он с того, что теракты 11 сентября Соединенные Штаты сами вызвали своей общей политикой в отношении мусульманского мира, — а не только в отношении конкретных вопросов, таких как Палестина, поддержка династии аль-Саудов и других прозападных правительств в странах Персидского залива или же обречение на голод иракских детей.

Гораздо более важно, подчеркнул Абу-Гаят, осознать роль и место бин Ладена, равно как и непосредственных исполнителей терактов 11 сентября, в рамках тенденций, преобладающих в мусульманском мире. Мусульманский мир переживает кризис, «крупный и очень тяжелый». «Его ни в коем случае нельзя сводить к личности Усамы бин Ладена, — пояснил Абу-Гаят. — Это правда, что Усама бин Ладен — символ джихада и героизма нашего времени... Но эта тема ни при каких обстоятельствах не может быть ограничена человеком, принадлежащим к нации из 1,2 миллиарда человек. Образ мыслей Усамы бин Ладена глубоко укоренился среди чрезвычайно большого количества молодых мусульман, и мысль о джихаде — это мысль нации, а не отдельного человека. Правда, сейчас, оценивая событие, многие стараются утаить свое мнение».

Затем Абу-Гаят затронул важную роль непосредственных исполнителей терактов 11 сентября и их прошлого. Он отметил, что «семнадцать из них были уроженцами стран Персидского залива и Аравийского полуострова. Это страны богатства, процветания и роскошной жизни. Кроме того, двое из них получили образование за границей. Возникает настоятельный вопрос: что подтолкнуло их пожертвовать этими благами ради смерти?». И Абу-Гаят дает ответ: «Как я и говорил, это мысли о джихаде заставляют их отказаться от жизни в унижении и стремиться встретиться с Богом в раю, заставляют их отстаивать свою веру и защищать свои земли и честь». И, добавил он, эти девятнадцать террористов были не одиноки в своих убеждениях; мир еще увидит, как многие другие последуют их примеру.

Именно эта постоянная ненависть к Соединенным Штатам, а не реакция президента Буша определит параметры зреющей мировой войны. Абу-Гаят объяснял, что «уже известны участники надвигающейся войны, ее определенные цели и задачи. А более четкими и понятными их сделало заявление президента США Буша, что это «крестовый поход» — война между Соединенными Штатами и исламом». Соединенные Штаты понесут глубокое поражение в этой роковой войне, заверял Абу-Гаят своих слушателей. И потому закончил предупреждением: «Арабские и исламские лидеры и те, кто их поддерживает, должны понять, что Соединенные Штаты уже вступили в проигрышную войну и что они должны перестать поддерживать США, поскольку эта война — война между исламом и неверными». И потому, заявлял Абу-Гаят, ни один мусульманский режим не может рассчитывать уцелеть в предстоящем катаклизме, поддерживая Соединенные Штаты.

Находясь под пристальным вниманием Запада и полностью осознавая возможность военных репрессий со стороны Соединенных Штатов, Усама бин Ладен создал два важных документа. Сначала 24 сентября он отправил факс на телевидение аль-Джазира. В нем он выражал скорбь по поводу смерти участников исламистской демонстрации в Карачи, «которые демонстрировали свое противостояние силам американских крестоносцев и их союзников в мусульманских странах Пакистане и Афганистане», и обещал позаботиться об их семьях. Бин Ладен считал бурные демонстрации, охватившие Пакистан, первым этапом всенародной исламистской конфронтации с американскими войсками, которые должны были туда прибыть. «Мы надеемся, что эти наши братья станут первыми мучениками в битве ислама против нового христианско-еврейского крестового похода, возглавляемого крестоносцем Бушем под знаменем Креста, — писал бин Ладен. — Мы призываем наших братьев-мусульман в Пакистане всеми силами не допустить вторжения войск американских крестоносцев в Пакистан и Афганистан». Затем бин Ладен снова высказал свою преданность и восхищение муллой Мухаммадом Омаром, лидером движения «Талибан».

Несколько дней спустя, 28 сентября, «Уммат» — выходящая в Карачи исламистская газета на урду — опубликовала текст беседы с бин Ладеном, где он рассматривал тему своего участия в терактах 11 сентября и разъяснял свое восприятие дальнейшей эволюции в отношениях между исламом и Западом. Он отрицал всякую причастность к терактам. «Я уже говорил, что не участвовал в терактах 11 сентября в Соединенных Штатах, — сообщил своему неназванному собеседнику. — Я ничего не знал об этих операциях и не считаю приемлемым убийство невинных женщин и детей». Однако бин Ладен подчеркнул, что эти удары были направлены на законные мишени — символы американского мирового господства, — и потому жертвы не были невинными людьми, а, пользуясь западными понятиями, «неизбежным побочным ущербом». Эти операции, заключает бин Ладен, были делом рук «людей, которые хотят сделать наш век веком конфликта между исламом и христианством, чтобы их цивилизация, нация, страна и идеология могли выжить».

Конец сентября 2001 года бин Ладен воспринял как поворотный момент. Он был чрезвычайно доволен распространением исламистских террористических организаций по всему миру. «Во всех частях света есть регионы, где присутствуют серьезные силы джихада, — от Индонезии до Алжира, от Кабула до Чечни, от Боснии до Судана и от Бирмы до Кашмира», — пояснял он. В то же время он скромно приписывает их успехи Божьей помощи. «Так что проблема не во мне лично. Я — беспомощный слуга Аллаха, постоянно пребывающий в страхе из-за ответственности перед Аллахом. Так что проблема не в Усаме, но в исламе и, в частности, в джихаде. Благодаря Аллаху, те, кто ведет джихад, сегодня могут ходить с гордо поднятой головой. Джихад существовал тогда, когда Усамы еще не было, и продолжится, когда Усамы уже не будет... Величайшее желание мусульманина — это загробная жизнь. А мученичество — самый короткий путь к достижению вечной жизни».

7 октября, вскоре после начала долго ожидавшихся воздушных ударов США, арабские средства массовой информации опубликовали записанное заранее обращение бин Ладена и его ближайших помощников. На первых кадрах видеопленки бин Ладен сидит между своим главным боевым командиром и доверенным лицом Айманом аль-Завахири и Сулейманом Абу-Гаятом — тем самым «официальным представителем организации «аль-Кайда»». Первым говорит Абу-Гаят; он выдвигает Соединенным Штатам резкий ультиматум, обещая новые теракты против гражданского населения из-за «открытой враждебности США к исламу». Абу-Гаят пояснил, что американский народ «несет полную ответственность» за все террористические акты и что «то, что происходит с ним, происходит из-за поддержки политики американского правительства».

Затем говорит Завахири, рассматривая нынешний кризис в контексте мусульманской истории — как вечную судьбоносную борьбу между исламом и его врагами. На этот раз главным врагом являются Соединенные Штаты. Главные преступления Америки — это поддержка прозападных арабских режимов и Израиля, а также продолжающаяся «осада» Ирака. Завахири обращается к американцам, предупреждая их: «Ваше правительство толкает вас на новую проигрышную войну. Оно уже потерпело поражение во Вьетнаме и в страхе бежало из Ливана. Оно бежало из Сомали и получило пощечину в Адене. Теперь ваше правительство ведет вас на новую войну, в которой вы потеряете своих сыновей и свои деньги». Завахири поклялся, что Израиль ждет поражение, потому что исламский мир «не потерпит повторения андалузской трагедии в Палестине». (Имеется в виду изгнание мусульман из Испании — Андалузии — во второй половине XV века.)

Затем следует основное обращение бин Ладена, в котором он приводит логическое обоснование терактов 11 сентября и обещает продолжительную военную кампанию против Соединенных Штатов. «Бог Всемогущий поразил Соединенные Штаты в их самое уязвимое место. Он разрушил их величайшие здания. Теперь США охвачены ужасом — от севера и до юга и от востока до запада». Бин Ладен пояснил, что операции против Соединенных Штатов, — являющихся лидером и символом Запада, — были возмездием за разрушение Оттоманского халифата 80 лет назад и за последующие страдания мусульманского мира под игом Запада. Следовательно, и наказание для Запада должно быть сопоставимо по размаху.

Недавние теракты — это начало мировой войны, идею которой бин Ладен поддерживает с конца 1990-х годов. «Эти события разделили весь мир на две области; одна из них — это область веры, где нет места отступничеству и другому неверию и где, как мы надеемся, Аллах защитит нас», — пояснял он. Первоначальный эффект этих событий — активизация исламизма во всем мусульманском мире и последующая дестабилизация враждебных режимов. Заключительные слова бин Ладена обращены к его главному врагу: «Что же до Соединенных Штатов, то я скажу им и их народу эти несколько слов: я клянусь Всемогущим Богом, который поднял небеса без

колонн, что ни Соединенные Штаты, ни те, кто живет в Соединенных Штатах, не будут наслаждаться покоем», пока не будет уничтожен Израиль и не установится исламистский режим в Саудовской Аравии.

Взгляды бин Ладена на мировые события разделяет и шейх Юсуф аль-Карадави — один из выдающихся идеологов воинствующего ислама. В своей пятничной проповеди 12 октября, которая транслировалась во всех арабских странах, Карадави сделал акцент на широчайшей общественной поддержке бин Ладена и его дела и противопоставил эту народную поддержку поддержке арабскими правительствами Соединенных Штатов и войны с терроризмом. «В глубине души и в узком кругу наши правители проклинают Соединенные Штаты. Но на публике они не могут сказать «нет». Я хотел бы сказать: братья, Соединенные Штаты — это не то, что вам нужно... Есть люди, которые против этой войны. Есть также люди, которых ввели в заблуждение средства массовой информации. Мы говорим руководству США: хотя вы и завоевали некоторых из правителей исламского мира, вы потеряли мусульманский народ. Вы потеряли 1,3 миллиарда мусульман во всем мире... Большинство из них ненавидит вас, особенно после нападения на Афганистан. Вы сделали бин Ладена героем. Люди теперь ходят с его фотографиями — не из любви к нему, но из ненависти к Соединенным Штатам. Вы навредили сами себе. Вы, американцы, теряете поддержку мусульманских масс на Востоке и Западе. Правители уйдут, но народы останутся».

Тем временем бин Ладен погрузился в работу в своем подземном убежище в центральном Афганистане. Вместе с ним и муллой Омаром сюда прибыли отряды особого назначения, насчитывающие 300 арабов и афганцев, под командованием сына бин Ладена, а также 60 грузовиков, наполненных компьютерами, электроникой и спутниковым оборудованием. В середине октября бин Ладен почувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы сделать первое личное заявление после начала американских бомбардировок — многословное обращение к его последователям в Пакистане, где он затрагивает самые злободневные темы. Бин Ладен доказывает, что «американские атаки доказали, что США забыли о нравственности из страха столкнуться с мусульманской молодежью». Нападение на Афганистан было началом наступления, имеющего целью «расколоть исламский мир» и не дать мусульманам занять подобающее им место в мире. Однако бин Ладен уверен, что «исламское братство выполнит свой долг, и мусульмане смогут разрушить миф о сверхдержаве». Бин Ладен ожидал появления всемирной антиамериканской коалиции как ответной реакции на американскую агрессию. Он предсказывал, что «если Пакистан, Афганистан, Китай и Иран заключат союз, то и Соединенные Штаты, и Индия окажутся беспомощны». Этот союз должен послужить плацдармом для воскрешения власти ислама; более того, «этот век увидит крушение Соединенных Штатов, поскольку это век мусульман», — заключает бин Ладен.

История Усамы бин Ладена — это не только история яркого лидера и непримиримого врага, но также история событий, частью которых он являлся, политических процессов и условий, в которых он сражается. Это история самоотверженных фанатиков, которыми движет ненависть, неприемлемая и непостижимая для западного человека, — они готовы на лишения и смерть ради того, чтобы вернуть мусульманский мир на путь истинный (такой, каким они его видят), даже если это обратит вспять ход истории. И, преследуя свои благочестивые цели, они готовы покарать возглавляемый США Запад, чьи ценности и влияние составляют для них непреодолимое препятствие самим своим существованием.

Кто же такой Усама бин Ладен — единственный террорист, который удостоился военного удара со стороны сильнейшей державы планеты, Соединенных Штатов? Просто сумасшедший саудовский миллиардер, отказавшийся от жизни в роскоши, чтобы поселиться в удаленной пещере в Афганистане, где он планирует террористические акты против США, пребывая при этом в постоянной угрозе смерти? Или же символ зла, каким его представляют американские официальные лица? На этих страницах мы узнаем, кто такой этот человек и какие силы заставляют его совершать эти отвратительные террористические акты.

Вашингтон, 15 октября 2001 г.

О терминах и произношении

В любой книге, посвященной мусульманскому миру, обязательно много иностранных имен и терминов. Эта — не исключение. Более того, существует несколько норм транслитерации арабских и персидских слов — от академически точных до тех, что обычно используются в средствах массовой информации. Чтобы сделать эту книгу как можно удобнее для читателя, я предпочел использовать популярное произношение имен — в том виде, в каком они появляются на страницах большинства газет и журналов. К примеру, хотя правильная транслитерация будет Уссамах бин Ладин, я использую общепринятое Усама бин Ладен. Точно так же вместо правильного Умар Абд-аль-Рахман я использую привычное Омар Абдул Рахман, а вместо Тсаддам Хуссейн — Саддам Хуссейн.

Когда это было возможно, я переводил термины, пусть даже при этом и терялась точность, а на языке оригинала оставлял лишь всем известные термины, например джихад, а также названия организаций — такие, как аль-Джамаха аль-Исламия. Для непереуведенных терминов я тоже использовал обычные транслитерации — например джихад вместо гихад. Это должно помочь читателю связать излагаемую здесь историю с событиями, разворачивающимися в мире.

Об источниках и методах

Я изучаю терроризм, особенно в Сердце ислама, уже более четверти века. За такой период у вас появляется не только возможность усвоить обширный материал посредством чтения и личных бесед, но и время поразмыслить.

Имя Усамы бин Ладена впервые привлекло мое внимание примерно в 1981 году. Его упомянул один афганский моджахед,^[5] и я завел досье. Бин Ладена описывали как преданного и очень серьезного молодого человека. Вероятно, в то время, занимаясь теми, кто стал арабскими «афганцами», я уделял больше внимания египтянам и палестинцам, чем юным богачам с Аравийского полуострова. Они были «хорошими парнями» — действительно преданными делу, которое мы тоже поддерживали всей душой. Они не были «террористами». И все же бин Ладен привлек мое внимание сильнее, чем другие его соотечественники. Его отношения с шейхом Аззамом, палестинским покровителем арабских добровольцев в Афганистане, были интригующими. Каждый из моих тогдашних собеседников — пакистанцев (рядовых граждан и государственных служащих), афганских моджахедов и арабов — знал о нем и мог что-нибудь о нем сказать, в основном хорошее. Досье становилось все толще и толще.

Где-то в середине 1980-х я встретил в Лондоне своего друга, арабского исламиста. В то время он был активным «афганцем». В Лондоне он хотел залечить боевое ранение. Мы поговорили об Афганистане, и всплыло имя Усамы бин Ладена. «Он уникальный человек, — сказал мой друг. — Это видно по его глазам. Он делает дело Аллаха как никто другой. Настоящий моджахед». А после короткой паузы добавил: «Обрати на него внимание. Если он еще не погиб, то пойдет далеко. Он будет великим вождем джихада, потому что не боится никого, кроме Аллаха». Мой друг был великим моджахедом — старше большинства своих братьев и умудренным своей героической и очень специфической деятельностью. В 1980 году, после советского вторжения в Афганистан, он был вынужден присоединиться к джихаду. Его боевой послужной список был даже более впечатляющим, чем его предыдущая деятельность. Так что я взял на заметку его слова и с тех пор уделяю Усаме бин Ладену особое внимание.

Книга «Бин Ладен: человек, объявивший войну Америке» основана главным образом на материалах, которые я получил от исламистов, «афганцев» и террористических организаций. Дополнительные сведения получены из первоисточников с арабского Ближнего Востока, из Юго-Восточной Азии и других частей мусульманского мира. У меня было множество интервью и бесед с многочисленными государственными служащими, моджахедами, террористами, боевыми командирами, политическими эмигрантами, перебежчиками и другими людьми, так или иначе причастными к событиям. Эти источники дополняет большое количество открытых источников — в основном региональных средств массовой информации, — которые сами по себе предоставляют обилие сведений и документации. Эти материалы из открытых источников включают сообщения телеграфных агентств, местных и международных; статьи из местных газет, журналов и бюллетеней; статьи из газет, журналов и бюллетеней арабских эмигрантов в Западной Европе; статьи из газет, периодических изданий, бюллетеней и академических журналов в Соединенных Штатах, Европе, России и других странах; расшифровки радиопередач в местных электронных

средствах массовой информации (переведенные главным образом ФБР); и огромное количество материала из Интернета. За более чем четверть века интенсивных исследований у меня собралась уникальная коллекция первоисточников — плюс оригинальные публикации, документы и сообщения.

Но это сухое перечисление источников не отдает должного человеческому фактору. Ибо за четверть века очень многие люди сделали огромный вклад в мое знание и понимание двумя основными способами.

Во-первых, сотни, если не тысячи, людей со всего мира разговаривали со мной, общались другими способами и присылали материалы из скрытых мест — порою даже рискуя жизнью и свободой. Особая благодарность — тем, кто терпеливо рассказывал мне удивительные вещи и отвечал на мои бесконечные глупые и чрезмерно подробные вопросы. Спасибо тем, кто искал, добывал и присылал пачки документов и другой материал на «странных» языках и написанный неразборчивым почерком. Многие из этих людей живут и действуют «по другую сторону». Они общались со мной и предоставляли материалы с огромным риском для себя и своих семей, потому что они действительно заботятся о своих странах и народах. Другие — обычно члены «другого лагеря» — поддерживали связь, потому что они хотят, чтобы мы поняли, во что они верят и за что борются. Их задача также была нелегка.

Во-вторых, недостаточно просто иметь огромное разнообразие периодических изданий, газет, бюллетеней, коммюнике и других письменных материалов, поступающих из данного региона. Качество их варьирует от абсурдного до превосходного, и то же самое касается их достоверности и применимости. Все эти источники важны, потому что при всей своей непохожести и разнообразии они представляют точное отражение красочной и живой цивилизации, из которой вышел Усама бин Ладен. Но эти нюансы нелегко обнаружить и понять. Я благодарю тех «носителей языка», которые терпеливо переводили и объясняли мне все оттенки значений и тонкости цветистых, богатых и удивительных языков мусульманского Востока. Спасибо всем переводчикам и читателям, которые работали вместе со мной многие годы и учили меня «читать» материал, даже когда мне казалось, что я знаю язык.

Несмотря на разнообразие источников и частое использование печатных материалов, в сочинении такого рода нежелательно точно указывать источники, потому что самое главное — это безопасность и жизнь людей. Как правило, после публикации критической работы вражеская контрразведка и органы безопасности начинают неустанно искать человеческие источники в своей среде, чтобы заставить их замолчать. Когда такого человека находят, его — вместе с семьей — обычно подвергают пыткам и смерти для устрашения других. Использование в списке источников статей понятий «анонимные источники» или «государственные служащие» недостаточно для защиты большинства человеческих источников, особенно тех, кто имеет доступ к засекреченной внутренней информации. Четкое указание на то, какой именно материал был получен из человеческих источников, позволяет вражеской контрразведке и органам безопасности сузить круг поисков, идентифицировать учреждения, откуда происходит утечка, и, в конечном счете, найти источник. Автор знает на своем собственном опыте — и как директор Оперативной группы Конгресса по терроризму и нетрадиционным военным действиям, и как писатель, — что, столкнувшись с монолитным текстом, в котором не указаны конкретные источники, вражеская контрразведка и органы безопасности в конце концов оказываются неспособны сузить круг поисков и обнаружить человеческие источники.

Мы должны делать все возможное, чтобы защитить этих храбрых людей, которые, с огромным риском для себя и своих близких, предоставляют важнейшую и точную информацию. И отсутствие точных указаний на источники — это самое малое, что мы можем сделать.

Важные сокращения

ВИД — Вооруженное исламское движение (известно также как Международный легион ислама)
КЗЗП — Комитет по защите законных прав (организация саудовских исламистов, расположенная в Лондоне)
ДРА — Демократическая Республика Афганистан
ИАОСМ — Исламская армия освобождения святых мест
ИКАН — Исламская конференция арабских народов (позже — КАИН).

ММБ — Международное мусульманское братство
ИРГК — Исламский революционный гвардейский корпус (персидское название — «Пасдаран»)
МБР — Межведомственная разведка (пакистанская разведка).

КАИН — Конференция арабских и исламских народов
НДРИ — Народно-Демократическая Республика Йемен (Южный Йемен).

НИО — Народная интернациональная организация
КНР — Китайская Народная Республика
АОК — Армия освобождения Косова
ВЕВАК — персидский акроним иранской разведки
ИАР — Йеменская Арабская Республика (Северный Йемен).

ГЛАВА 1

ИЗ ИНЖЕНЕРОВ — В РАДИКАЛЫ

Усама бин Ладен, которому сейчас за сорок, выпускник университета, умеющий работать с компьютером, живет со своими четырьмя женами и примерно пятнадцатью детьми в небольшой пещере в восточном Афганистане. Водопровода там нет, и лишь элементарная нагревательная установка спасает их от жестокого зимнего холода. Бин Ладен всегда начеку, ожидая покушений, рейдов командос и воздушных налетов. Пойди он по пути, который выбрал для него отец, бин Ладен был бы почтенным строителем-подрядчиком в Саудовской Аравии и миллиардером. Вместо этого он отказался от жизни в богатстве и посвятил себя ведению джихада при чрезвычайно суровых условиях.

Усама бин Ладен — не единственный исламист, отказавшийся от карьеры и комфортабельной жизни ради джихада. Доктор Айман аль-Завахири — правая рука бин Ладена, — которому скоро исполнится пятьдесят, мог бы стать одним из ведущих педиатров Египта, но он отказался от блестящей карьеры и богатства, чтобы сражаться с египетским правительством. Затем он отказался от политического убежища в Западной Европе (и от щедрого жалованья) и теперь живет в восточном Афганистане недалеко от бин Ладена.

Хотя бин Ладен и Завахири являются наиболее известными исламистскими террористами, есть еще сотни им подобных. Эти преданные командиры, в свою очередь, ведут тысячи террористов в беспощадную и бескомпромиссную священную войну против Соединенных Штатов и Запада в целом. Взрывы посольств США в Кении и Танзании в 1998 году были самыми недавними, но далеко не последними выстрелами в этой быстро развивающейся террористической войне. Что же заставляет этих людей — ставших вождями и символами нового подъема исламизма — посвятить себя этой войне?

Возникновение новой элиты радикальных исламистов — недавнее явление в развивающихся странах. Эти лидеры происходят из богатых и привилегированных слоев общества, они высокообразованны и относительно европеизированы. Это вовсе не те лишенные привилегий, обедневшие и озлобленные изгои, которые обычно и составляют среду, из которой выходят террористы и радикалы. Эти лидеры исламистских террористов отличаются от типичных европейских революционеров и террористов, принадлежащих к среднему классу — от анархистов XIX века до коммунистов конца XX, — потому что исламисты стали популярными лидерами непривилегированных масс, в то время как европейские террористы оставались изолированными от населения, относившегося к ним по преимуществу враждебно. Только Эрнесто «Че» Гевара —

аргентинский врач, ставший революционером в начале 1960-х годов, — был чем-то вроде такого «исламистского лидера» широких масс.

Чтобы понять этих исламистских лидеров — и особенно Усаму бин Ладена — нужно понять их разрыв с прошлым, их мотивацию, текущий в их жилах огонь и глубину их ненависти к Соединенным Штатам и тому, что эта страна символизирует.

Усама бин Ладен, Айман аль-Завахири и их соотечественники (главным образом из Саудовской Аравии и Египта) — порождение буйных 1970-х и 1980-х годов. На всю их жизнь, начиная с самого детства и до того времени, когда они отказались от жизни в роскоши и посвятили себя радикализму и милитаризму, сильно повлияли ключевые события на Ближнем Востоке, наиболее важными из которых были обрушившееся на арабский мир богатство и кризис идентичности арабов, сопутствовавшие нефтяному буму 1970-х, триумф революционного ислама в Иране и призыв ко всеобщему джихаду в Афганистане в 1980-х.

Усама бин Мухаммад бин Ладен родился в Эр-Рияде, Саудовская Аравия, вероятно, в 1957 году. В то время его отец, Мухаммад бин Ладен, был мелким строительным подрядчиком, который прибыл из Йемена в поисках работы. Усама был одним из многих сестер и братьев — у его отца было больше пятидесяти детей от нескольких жен. Мухаммад бин Ладен осознавал роль образования в жизни и старался обеспечить своим детям подобающее обучение. В 1960-х годах семья переехала в провинцию Хиджаз, западная Саудовская Аравия, и в конце концов осела в городе Аль-Медина Мль-Мунавва-ра. Усама получил свое формальное образование главным образом в школах Медины, а позже — Джедды, главного коммерческого порта Саудовской Аравии на Красном море.

Нефтяной бум 1970-х изменил жизнь Мухаммада бин Ладена. Строительный бум в Хиджазе позволил ему войти в прямой контакт с саудовской элитой, и вскоре у него установились особые отношения с высшими эшелонами двора короля аль-Сауда: он был и превосходным строителем, и выполнял щекотливые поручения вроде отмывания денег. Связи на высшем уровне позволили Мухаммаду бин Ладену превратить свое дело в одну из крупнейших строительных компаний Ближнего Востока — Корпорацию бин Ладена. У компании бин Ладена появился особый статус, когда королевский двор подписал с ней контракт на обновление и восстановление двух священных мечетей в Мекке и Медине. В 1970-е годы компания бин Ладена занималась строительством дорог, зданий, мечетей, аэропортов и всей инфраструктуры многих арабских стран Персидского залива.

Усаме было суждено пойти по следам своего отца. Он закончил среднюю школу в Джедде, а затем изучал менеджмент и экономику в Университете короля Абдул Азиза (Джедда) — одном из лучших учебных заведений Саудовской Аравии. Отец пообещал, что у него будет собственная компания, которая, благодаря прямому доступу бин Ладенов к королевскому двору, будет получать чрезвычайно выгодные контракты.

В 1970-е годы Усама бин Ладен жил так, как и многие другие сыновья богатых людей с хорошими связями — чередовал строгую жизнь мусульманина в Саудовской Аравии с короткими пребываниями в космополитическом Бейруте. Во время обучения в средней школе и колледже Усама часто приезжал в Бейрут и обходил вульгарные ночные клубы, казино и бары. Он был любителем выпивки и женщин, из-за чего часто ввязывался в пьяные драки.

Но все же Усама бин Ладен был не просто саудовским юношей, развлекающимся в Бейруте. В 1973 году Мухаммад бин Ладен испытал глубокое духовное потрясение, когда перестроил и обновил две священные мечети, и эти перемены постепенно повлияли и на Усаму. Еще совершая короткие поездки в Бейрут, он начал проявлять интерес к исламу. Он начал читать исламскую литературу и вскоре стал сотрудничать с местными исламистами. В 1975 году начало гражданской войны в Ливане положило конец дальнейшим поездкам в Бейрут. Саудовские исламисты заявляли, что беды ливанцев были Божьим наказанием за их грехи и тлетворное влияние на молодых мусульман. Эти доводы произвели на Усаму бин Ладена сильное впечатление.

Резкая личная перемена в жизни Усамы бин Ладена в середине 1970-х отражает тот сумбур, что переживал арабский Ближний Восток, особенно Саудовская Аравия, в это время.

То, что начиналось как время самоуважения и великих ожиданий арабов — после Войны судного дня в 1973 году (совместное египетско-сирийское неожиданное нападение на Израиль, закончившееся неубедительной победой израильтян), которая воспринималась как восстановление «арабской чести», после неожиданно свалившегося богатства и влияния благодаря нефтяному буму и последующему эмбарго 1973–1974 годов (которое объявили нефтепроизводящие государства Аравийского полуострова, чтобы заставить Запад вести антиизраильскую политику), — быстро обернулось эпохой острых кризисов, вызванных тем, что арабский мир не смог справиться с последствиями своих действий. Резкое обогащение правящей элиты, высших и образованных слоев населения и сближение с Западом привели к смятению и практически неразрешенному кризису идентичности, что вылилось в радикализм и вспышки насилия. Благодаря облегчившемуся доступу к средствам массовой информации и глубокому характеру кризиса во всем регионе об этом узнали в других частях мира. Из-за своего консервативного исламского характера и в то же время внезапного обогащения и неожиданного роста влияния Саудовская Аравия была чрезвычайно потрясена этими процессами.

В Джедде Усама бин Ладен постоянно сталкивался с совершенно противоречивыми тенденциями, действовавшими в то время на саудовское общество. Будучи главным портовым городом Саудовской Аравии, Джедда была открыта для влияния Запада гораздо сильнее, чем большинство других городов. В Джедду прибывали моряки и специалисты, а постоянно богатевшая местная элита, включая семью бин Ладена, посещала Запад. Их, приехавших из консервативной и изолированной Саудовской Аравии, встреча с Западом шокировала шокировали личные свободы и состоятельность среднего класса, промискуитет, употребление западной молодежью алкоголя и наркотиков. Многие молодые жители Саудовской Аравии были не в состоянии сопротивляться запретным плодам. Возвращаясь в Саудовскую Аравию, они привозили с собой чувство индивидуализма и личных свобод, которые были восприняты ими на Западе.

Богатство и светский характер Джедды сделали ее также и убежищем для исламистских интеллектуалов, которых преследовали во всем мусульманском мире. Несколько университетов — прежде всего Университет короля Абдул Азиза в Джедде — стали центром интенсивной интеллектуальной деятельности исламистов. Лучшие специалисты и проповедники находили прибежище в университетах и мечетях, где получали возможность учиться и делиться знаниями. На растущие сомнения саудовской молодежи они отвечали просто и недвусмысленно: только полное и беспрекословное возвращение в лоно консервативного исламизма может защитить мусульманский мир от врожденных опасностей и грехов Запада.

В марте 1975 года, в самый разгар нефтяного бума и протеста против него исламских интеллектуалов, был убит король Саудовской Аравии Файсал. Убийцей был душевнобольной племянник короля, принц Файсал ибн Мусаид. Он был совершенно европейским человеком, часто посещал Соединенные Штаты и Западную Европу. И исламисты, и некоторые осведомленные люди при дворе пришли к мнению, что Файсал ибн Мусаид сошел с ума после знакомства с западным образом жизни. Хотя процесс престолонаследования продолжал работать, и в этой связи для королевства не последовало никакого кризиса, семя сомнения и недовольства было посеяно. Это убийство стало переломным моментом для Саудовской Аравии. И для правящих кругов, и для образованной элиты убийство любимого короля послужило доказательством правоты исламистов, предупреждавших о греховном и губительном влиянии Запада. Шок от убийства положил конец истинной и всеобщей европеизации образованной и богатой молодежи страны и вызвал широкий протест, в результате чего многие из этой молодежи, включая бин Ладена, вернулись в лоно исламизма.

В середине 1970-х большое впечатление на саудовскую образованную элиту произвели также события в Египте — безоговорочном лидере арабского мира и политики. Джедда была главным портом, куда прибывали печатные издания из Египта, а многие из действующих в университетах и мечетях города исламистских интеллектуалов были египтянами. Они поддерживали тесные связи со своими коллегами, оставшимися в Египте, и отстаивали их взгляды, знакомя студентов университетов Джедды, в том числе и бин Ладена, с их работами и мнениями.

В середине 1970-х годов египетский президент Анвар Садат старался добиться расположения американцев, чтобы получить политическую и экономическую помощь при подготовке ряда временных соглашений с Израилем. При этом имидж Садата изменился: вместо традиционного деревенского вожака перед Западом предстал мировой лидер совершенно европейского склада. Культ личности, который насаждал Садат в стране, лишь отчуждал образованную элиту, чьи

знания о Западе и непосредственный опыт общения с ним заставляли интеллектуалов бояться пагубного влияния на традиционные ценности мусульманского общества.

Движение исламистских фундаменталистов в Египте возродили в середине 1970-х годов молодые активисты с западным — по преимуществу светским и техническим — образованием, отказавшиеся от попыток найти свое место в мире, управляемом Западом и его ценностями. Интеллектуально активные и любознательные, они создавали высококачественную литературу, имевшую широкое хождение среди молодой арабской элиты. В 1975 году египетский писатель и инженер Ваиль Утхман, один из первых влиятельных идеологов наиболее воинственной ветви исламистского движения, опубликовал книгу «Партия Бога в борьбе против Партии Сатаны». Эта книга делит мир на две социальные общности — Партию Бога и Партию Сатаны — и призывает верующих сражаться, чтобы восстановить власть первой. В предисловии ко второму изданию книги Утхман подчеркивает, что, говоря о неверных, членах Партии Сатаны, он действительно имеет в виду режим Садата. «Когда я писал о партии дьявола, я очень многое взял от коммунистической партии», — признается он. Но хотя по Утхману коммунисты — «важная поддержка» Партии Сатаны, они для него не являются источником зла. «Партия Сатаны — это та группа людей, которые притворяются, что верят в ислам, но на самом деле являются первыми врагами ислама», — писал Утхман. Он считал открытость повседневной западной жизни источником нарастающего кризиса ислама и не видел другого решения, кроме исламского милитаризма.

Арабский мир был потрясен в 1977 году, когда Садат посетил Иерусалим и подписал мирное соглашение с Израилем. Признание Садатом Израиля стало первым открытым нарушением «табу» в отношении еврейского государства — важнейшего общего знаменателя в арабском мире наряду с исламом. В своей книге «Тайные каналы» (1966) египетский журналист и комментатор Мохаммед Хейкал подчеркнул, что арабский мир движим «смесью ненависти и отвращения» к Израилю, которая может нарушить нынешний «мирный процесс». Страх перед европеизацией и нарушение «табу» толкнули многих арабов на крайности. Всеобщее неприятие президента, ставшего фараоном, побуждало молодежь из всех слоев египетского общества — от богатых и образованных до бедных крестьян и обитателей трущоб, от сотрудников служб безопасности до бродяг из пустыни — искать чисто исламистские решения глубочайшего кризиса, поразившего Египет.

Вскоре исламистская молодежь в Египте и других странах получила мощное доказательство правоты их дела. 1 февраля 1979 года аятолла Рухолла Хомейни вернулся в Иран, сбросил с престола шаха и учредил исламскую республику. Во всем мусульманском мире широкие массы праздновали успех исламской революции Хомейни как триумф ислама над Соединенными Штатами и Западом. Исламская революция стала предметом гордости и зависти всех мусульман, равно как и живым доказательством того, что местных правителей можно свергнуть силами исламистов. Влияние Ирана было сильно в Египте, потому что Садат предложил свергнутому шаху убежище — вопиющее оскорбление чувств большинства населения.

Силой, стоявшей за иранской революцией, было радикальное шиитское движение, и его развитие в Иране, Ливане и Ираке происходило почти одновременно и параллельно с суннитским возрождением в Египте. В конце 1970-х годов философия революционеров-шиитов, выраженная в их сочинениях, была очень похожа на философию вождей радикального суннизма. Их подход к диагностике и излечению проблем современности и акцент на особой важности конфронтации и борьбы были почти одинаковыми. Саудовскую Аравию тоже начал охватывать религиозный пыл.

Саудовская Аравия стала первым из традиционалистских консервативных государств, в котором произошла вспышка исламистского насилия. 20 ноября 1979 года главную мечеть в Мекке захватила хорошо организованная группа из 1300–1500 человек под руководством Джухаймана ибн-Мухаммада ибн-Сайфа аль-Утайби. Бывший капитан Белой гвардии (национальной гвардии), он объявил себя «махди» (мессией). Кроме жителей Саудовской Аравии, в костяк группы входили хорошо подготовленные моджахеды из Египта, Кувейта, Судана, Ирака, Северного Йемена (ЙАР) и Южного Йемена (НДРЙ). Египетские и советские источники оценивают общее количество мятежников в 3500 человек. Хотя штурм проводился во имя возвращения к чистоте ислама, большинство из 500 главных нападающих были обучены и снаряжены в Ливии и особенно в Южном Йемене инструкторами из Восточной Германии, Кубы и НФОП (Народного фронта освобождения Палестины). В число нападавших входили и занимавшие руководящие посты коммунисты, которые продемонстрировали превосходные организационные и тактические навыки.

Кроме того, 59 из принимавших участие в штурме йеменцев тренировались в Иране и получили оружие через иранское посольство в Санае.

Во время подготовки к захвату люди Джухаймана завербовали нескольких членов элитной Белой гвардии и получили активную помощь в контрабандной доставке оружия и боевой техники в Саудовскую Аравию и саму мечеть. Полковник Белой гвардии был одним из главных зачинщиков заговора и организовал контрабандный провоз в мечеть автоматического оружия, провизии и боеприпасов. Большое количество оружия было провезено из Южного Йемена за длительный период. Мятежники также запаслись огромным количеством еды и питьевой воды на случай длительной осады.

20 ноября после короткой стрельбы и захвата Каабы (центр комплекса главной мечети, где хранится величайшая святыня ислама) Джухайман обратился к толпе захваченных паломников и попросил у них поддержки. Проповеди и дискуссии о развращенности, расточительности и прозападной позиции саудовской королевской семьи быстро обеспечили мятежникам широчайшую поддержку среди верующих. Вскоре большинство из 6000 захваченных в заложники паломников попросили выдать им оружие, чтобы они могли присоединиться к мятежу. Проповеди Джухаймана встречали сочувствие даже среди придерживавшихся левых и полумарксистских взглядов студентов. Весть о проповедях Джухаймана побуждала воинствующие толпы по всей Саудовской Аравии штурмовать местные мечети и правительственные учреждения. Дремлющие разрушительные силы пробудились к жизни, когда почти одновременно с захватом Каабы последовала серия взрывов в местах, связанных с королевской семьей, в Мекке, Медине, Дждеде и Эр-Рияде. Среди этих объектов были дворцы, личные и официальные офисы, предприятия.

Поначалу Белая гвардия отреагировала на нападение беспорядочно и потерпела унижительное поражение. Более того, растущее недовольство в рядах элитных частей заставляло королевскую семью бояться, что даже они могут взбунтоваться. Саудовские силы безопасности устроили осаду мечети, которая длилась примерно две недели. В конце концов мятеж был подавлен специальным французским военизированным формированием, состоящим из экспертов по терроризму, которые использовали оглушающие гранаты и химическое оружие.

Бунт в Мекке потряс мир принятых норм в Саудовской Аравии. Призывы, высказанные Джухайманом, прокатились эхом по всей Саудовской Аравии, о них шептались на закрытых собраниях. В интеллектуальных кругах его доводы заставляли людей остановиться и подумать об исламе и обществе, в котором они живут. Думающий и хорошо начитанный человек, Усама бин Ладен был впечатлен поднятыми Джухайманом социальными вопросами. Но хотя кризис ноября 1979 года лишь укрепил убежденность бин Ладена в том, что только исламская форма правления может защитить Саудовскую Аравию и остальной мусульманский мир от зла европеизации, он оставался верным подданным короля Фахда и дома аль-Саудов.

Мир Усамы бин Ладена, как и почти весь мусульманский мир, содрогнулся в последние дни 1979 года, когда Советский Союз вторгся в Афганистан. В конце 1970-х в Афганистане — изолированной и отсталой стране — правило поддерживаемое Советским Союзом коммунистическое правительство, которому противостояло исламистское сопротивление, поддерживаемое Пакистаном. Коммунистический режим становился все слабее, и тогда советские войска вошли в Афганистан, заняли стратегическую инфраструктуру страны, убили президента и вместо него поставили послушную советскую марионетку. Они также начали систематическую кампанию по подавлению исламистского сопротивления.

Советское вторжение стало первым случаем со времен Второй мировой войны, когда немусульманские войска оккупировали мусульманскую страну, — притом это были коммунисты, настроенные против ислама. Но какими бы глубокими ни были шок и осуждение вторжения в арабских странах, сделано почти ничего не было.

Сразу после советского вторжения по мусульманскому миру прокатилась волна возмущения. 27 января 1980 года в Исламабаде состоялась чрезвычайная встреча министров иностранных дел тридцати пяти исламских государств. Собравшиеся сурово осудили «советскую военную агрессию против афганского народа» и потребовали «немедленного и безоговорочного вывода» всех советских частей из Афганистана. Они также предложили, чтобы ни одна мусульманская страна не признавала Демократическую Республику Афганистан (ДРА) и не вела переговоров с просоветским правительством в Кабуле.

Советский Союз отреагировал быстро, отметив разобщенность арабского мира и оспаривая право исламского военного движения говорить от имени всего мусульманского населения. Кроме того, Советский Союз заявил, что он искренне поддерживает ислам. «Выказывая уважение к религиозным чувствам масс, СССР протягивает руку солидарности и дружбы всем мусульманам, борющимся против империалистических сил и эксплуатации за право самостоятельно решать свою судьбу, за независимость, экономический и общественный прогресс», — писал А. Васильев (псевдоним, использовавшийся Кремлем в официальных сообщениях, передаваемых чиновником высокого ранга). Советы также предупреждали мусульманский мир об «империалистической угрозе», которая теперь скрывается «за заботой об исламе», и напоминали арабам о своей длительной поддержке во время их военных столкновений с Израилем и Западом. Москва советовала мусульманскому миру рассматривать вторжение в Афганистан соответствующим образом.

Если даже правительства арабских стран советская пропаганда и не убедила, они не были склонны вступать в конфликт с Советским Союзом — главным образом из-за военной ситуации. Советские войска стояли на афганской границе, совсем близко к Персидскому заливу и бурлящему Ирану. Принц Тюрки аль-Файсал, руководитель саудовской разведки, заметил в начале 1980 года, что конечной целью Советов была «наша нефть... В данный момент мы не ожидаем вторжения, но ожидаем, что Советы используют свою силу, чтобы обеспечить себе гарантированные поставки нефти». Несмотря на все красноречие, интерес Эр-Рияда к Афганистану был стратегический — речь шла о неприкосновенности нефтяных месторождений Саудовской Аравии. Хотя саудовцы выражали искреннюю заботу об исламской солидарности, она не была их главной заботой. Эта особенность очень важна для понимания той роли, которую бин Ладену вскоре предстояло сыграть в эскалации войны в Афганистане.

Если после советского вторжения в Афганистан арабский мир и питал какие-нибудь надежды, что Соединенные Штаты спасут его в случае дальнейшего наступления Советского Союза, то эти надежды быстро развеялись. Неудавшаяся американская спасательная операция в Иране в ночь с 24 на 25 апреля 1980 года продемонстрировала уязвимость арабов. В ноябре 1979 года, после иранской революции, группа сотрудников иранской тайной разведки при поддержке элиты страны и КГБ захватили посольство США и взяли в заложники 63 американца, требуя за освобождение заложников ухода США из региона и возвращения замороженных счетов. Элитные американские части попытались спасти американских заложников, удерживаемых иранскими милитаристами в посольстве США в Тегеране. Миссия сорвалась из-за нехватки вертолетов и столкновения самолета-заправщика с вертолетом при подготовке к эвакуации. Кадры с обгоревшими обломками американского самолета и вертолета, телами американских военных и наспех брошенных вертолетов, торжественно передаваемые по иранскому телевидению, были оскорбительны для американцев. А для арабских правителей на фоне событий в Афганистане это продемонстрировало военную некомпетентность Америки и показало, что на Вашингтон нельзя полагаться в деле спасения этих режимов от растущей советской угрозы. Советы извлекли выгоду из этой неудавшейся демонстрации силы, заявив, что американская спасательная операция на самом деле имела целью «вернуть Иран в зону американского влияния». Это мнение поддержали и лидеры стран Персидского залива.

Весной 1980 года страх и осторожность стали главными чертами арабской политики в отношении к Советскому Союзу и афганскому вопросу. Правительства арабских стран не могли игнорировать тот факт, что советское военное присутствие в Афганистане сокращает вдвое расстояние, которое потребовалось бы преодолеть советским войскам, самолетам и ракетам, чтобы достичь Персидского залива. «Советская тень, нависшая над этим районом, кажется такой грозной, что многие мусульманские режимы не находят в себе храбрости бросить ей вызов. И чем более жестоко русские обращаются с афганским сопротивлением, тем больший страх поселяется в сердцах других мусульманских стран», — заметил профессор Ричард Райпс, директор отдела Восточной Европы и Советского Союза при Совете национальной безопасности в первые годы правления Рейгана. Изменения в позиции мусульман стали очевидны на последующей конференции исламских стран в мае 1980 года. Вынесенное на ней осуждение Советского Союза было несколько мягче, чем четыре месяца назад. И, что гораздо важнее, требование не признавать кабульское правительство и не поддерживать с ним отношений не было включено в резолюцию.

Усама бин Ладен был одним из первых арабов, отправившихся в Афганистан после советского вторжения. «Я был в ярости и сразу же поехал туда», — сказал он арабскому журналисту. Сейчас, оглядываясь назад, бин Ладен считает советское вторжение в Афганистан переломным моментом

в своей жизни. «Советский Союз вторгся в Афганистан, и моджахеды обратились за международной помощью», — объяснял он другому журналисту. Его вдохновляло положение мусульман «в средневековом обществе, осаждаемом сверхдержавой XX века... В нашей религии в загробном мире существует особое место для тех, кто участвует в джихаде, — добавил он. — Один день в Афганистане был как тысяча дней молитвы в обычной мечети».

Через несколько дней после советского вторжения бин Ладен, искренне и бескорыстно преданный делу исламской солидарности, отправился в Пакистан помогать афганским моджахедам. По прибытии бин Ладен пришел в ужас от хаоса в Пакистане и отсутствия единства среди арабов и посвятил себя политической и организационной работе. Он организовал переправку добровольцев, благодаря чему за последующие несколько лет к афганскому сопротивлению примкнули тысячи борцов из стран Персидского залива. Поначалу он лично покрывал расходы добровольцев на дорогу в Пакистан и Афганистан, но гораздо важнее то, что он основал главные учебные лагеря. В начале 1980 года бин Ладен учредил Масадат аль-Ансар, в то время — главную базу арабских моджахедов в Афганистане.

В первые годы в Афганистане бин Ладен установил контакт с шейхом Абдаллой Юсуфом Аззамом, сыгравшим важнейшую роль при основании организации, ныне известной как Международный легион ислама, — ядра международного исламистского терроризма, состоящего из чрезвычайно опытных и преданных бойцов.

Аззам родился в небольшой деревушке возле Дженина (Самария) в 1941 году. Благодаря набожным родителям он начал получать религиозное образование с самого детства. После начального образования в Иордании он поступил в Шариатский колледж Дамасского университета, где в 1966 году получил степень бакалавра по шариату (исламскому закону). После Шестидневной войны 1967 года, когда Израиль захватил родной город Аззама, он бежал в Иорданию и присоединился к джихаду против Израиля. Он обнаружил, что его призвание — не на полях битвы, но в просвещении и агитации. С этой целью его направили в Египет, где он получил степень магистра по шариату в престижном университете аль-Азхар. В 1970 году он начал преподавать в Амманском университете, но в 1971 году вернулся в аль-Азхар и в 1973 году получил докторскую степень по принципам исламской юриспруденции. Во время пребывания в Каире Аззам примкнул к рядам египетских воинствующих исламистов. Он установил много личных контактов, которые оказали огромное влияние на его деятельность в Афганистане десятилетие спустя.

В середине 1970-х годов Аззам порвал с вооруженной борьбой палестинцев против Израиля, потому что она была движима идеологией национальной революции и не примыкала к исламистскому джихаду. Аззам отправился в Саудовскую Аравию преподавать в Университете короля Абдула Азиза в Джедде — центре исламистской учености, оказывающем огромное влияние на саудовскую молодежь. Усама бин Ладен в то время учился в университете, и есть свидетельства, что он посетил одну из лекций Аззама. В Джедде Аззам сформулировал свою доктрину о центральном месте джихада в освобождении мусульманского мира от удушающих объятий европеизации. «Только джихад и винтовка — никаких переговоров, никаких конференций и никаких диалогов», — говорил он своим студентам.

В 1979 году, с провозглашением афганского джихада, Аззам покинул университет и перешел к практике того, чему он обучал, став одним из первых арабов, присоединившихся к афганскому джихаду. Но пакистанские и афганские лидеры джихада настояли, чтобы он вместо участия в боях вернулся к преподаванию. Сначала Аззам был назначен преподавателем в Исламский университет (в Исламабаде, столице Пакистана), но затем он решил перебраться в Пешавар, поближе к афганской границе, и посвятить все свое время и энергию джихаду в Афганистане.

В Пешаваре шейх Аззам основал базу Байт-уль-Ансар, куда прибывали и где обучались первые добровольцы-исламисты, приезжавшие в Пакистан, чтобы принять участие в джихаде. Байт-уль-Ансар также выполнял особые поручения моджахедов. На этом фоне бин Ладен вошел в международную исламистскую систему и стал одним из ближайших учеников Аззама.

У бин Ладена были деньги, знания и энтузиазм, чтобы осуществлять идеи Аззама. Аззам и бин Ладен основали «Мактаб аль-Хидамат» — разведывательную службу моджахедов, которую бин Ладен вскоре трансформировал в международную сеть, разыскивающую исламистов с особыми навыками — от врачей и инженеров до террористов и наркокурьеров — и вербующую их на службу

в Афганистан. В конце 1980-х годов у бин Ладена были отделы и вербовочные центры в пятидесяти странах, включая Соединенные Штаты, Египет, Саудовскую Аравию и ряд западноевропейских государств. Занимаясь размещением многочисленных арабов, бин Ладен отметил, что они нуждаются в обучении и физической тренировке, прежде чем столкнутся с суровыми условиями Афганистана. Поэтому Аззам и бин Ладен учредили Масадат Аль-Ансар — центральную базу и лагерь для проживания арабских моджахедов. В ходе этой деятельности бин Ладен установил контакты с многочисленными исламистскими лидерами и моджахедами по всему миру — контакты, оказавшиеся бесценными для его джихада против Соединенных Штатов.

Придя в ужас от беззащитности моджахедов перед советской и кабульской артиллерией, бин Ладен доставил из Саудовской Аравии инженерное оборудование. Он перевез в Афганистан часть принадлежащих его семье бульдозеров, чтобы быстро построить дороги и создать удобства для моджахедов в восточном Афганистане. Вскоре он заключил договоры с многочисленными компаниями из Саудовской Аравии и других стран Персидского залива на поставку строительной техники, чтобы выкапывать траншеи и убежища для моджахедов. Советские войска, полностью осознавая важность этих укреплений, неоднократно обстреливали бульдозеры бин Ладена с вертолетов. Не раз он продолжал работу под огнем, не обращая внимания на опасность. Наряду с военной помощью, бин Ладен обучал афганцев, пакистанцев и арабов работать на строительной технике. Затем он приступил к грандиозной программе строительства укрепленной инфраструктуры для моджахедов в восточном Афганистане, включавшей дороги, тоннели, больницы и склады.

В 1980 году Соединенные Штаты вынудили правительства арабских стран сыграть более активную роль в афганском кризисе. Президент Садат согласился помочь развивающемуся афганскому сопротивлению оружием. Публично Садат заявил, что Египет оказывает военную помощь, «потому что они — наши братья-мусульмане, находящиеся в беде». Это позволило исламистам проводить агитацию в пользу Афганистана, а также обрести безопасное убежище за пределами Египта для ряда своих людей — особенно тех, кто был связан с убийством Садата в октябре 1981 года. Египетский журналист и комментатор Мохаммед Хейкал заметил, что «когда Афганистану стали оказывать помощь во имя исламской солидарности, это сильно сыграло на руку неофициальным мусульманским группам». И действительно, в начале 1980 года египетские исламисты (некоторые из них — бывшие офицеры египетской армии) начали прибывать в Афганистан, чтобы поделиться с моджахедами своими военными знаниями. Многих из первых египтян переправлял Ахмад Шауки аль-Исламбули, в настоящее время — один из старших командиров бин Ладена, и брат Халида аль-Исламбули, убийцы Садата. Это были беженцы, спасавшиеся от политических чисток в Египте. Вскоре они организовали сплоченное арабское революционно-террористическое движение, которое по-прежнему составляет ядро сети бин Ладена, поставляя главных боевых командиров и самые надежные отряды. Тем временем в 1983 году Исламбули организовал в Карачи сеть по переправке людей и оружия в Египет и из Египта, которая все еще действует. Но в целом в 1980–1982 годах арабский мир обходил тему Афганистана молчанием.

В начале 1980-х Усама бин Ладен вернулся домой, чтобы организовать финансовую поддержку моджахедам, а также вербовку и переправку добровольцев. Для этой цели он использовал связи своей семьи с высшими эшелонами власти в Эр-Рияде. Вскоре он установил контакты с принцем Салманом — братом короля, принцем Тюрки, шефом разведки и другими важными чиновниками.

Хотя бин Ладен настаивал на всемерной поддержке афганского джихада, у Эр-Рияда были другие планы в отношении молодого борца, имевшего хорошие связи. В то время жителей Саудовской Аравии пугала мысль о возможном стратегическом окружении и захвате в клещи Аравийского полуострова просоветскими силами. Больше всего их беспокоило растущее военное присутствие Советского Союза, Восточной Германии и Кубы в Южном Йемене (в то время — коммунистическом государстве, НДРГ) и в Красном море, на Африканском Роге. Официально проводя в отношении НДРГ политику попустительства агрессору и экономического стимулирования, Эр-Рияд вынашивал совершенно другие планы.

Саудовская разведка спонсировала исламское подполье в НДРГ, формально выступавшее под знаменем Тарика аль-Фад-ли — последнего аденского султана и воинственного исламиста. Усаму бин Ладена попросили сформировать «добровольческие» части моджахедов, чтобы укрепить ряды йеменских повстанцев. Это мероприятие было полностью профинансировано Эр-Риядом и получило благословение высшей королевской власти. Бин Ладен создал ударные отряды из исламистов-добровольцев, собиравшихся в Афганистан, и бойцов саудовской Белой гвардии

(формально находившихся в отпуске). Бин Ладен был настолько вовлечен в йеменские события, что даже участвовал в нескольких рейдах и стычках с южнойеменскими силами безопасности. Но, несмотря на весь энтузиазм, антикоммунистический джихад в Йемене так и не получил развития. Не видя никаких ощутимых результатов, Эр-Рияд опустил руки. Но к этому времени бин Ладен уже установил тесные личные связи с Тариком аль-Фадли, депортированным в Сану. Он и другие руководители йеменских исламистов, которым бин Ладен помогал в начале 1980-х годов, впоследствии станут помогать ему в 1990-х.

Энтузиазм и эффективные действия Усамы бин Ладена в Йемене не остались без внимания саудовского двора. После окончания специальных операций против НДРЙ Эр-Рияд постарался закрепить особые отношения с юным бин Ладеном, связав его выгодными финансовыми соглашениями. В начале 1980-х королевский двор решил расширить две священные мечети. Проектом должна была заняться одна из компаний Мухаммада бин Ладена, но король Фахд, оказывая уважение Усаме, лично предложил ему контракт на расширение Мечети Пророка в Медине. Усаме сказали, что одна только эта сделка принесет ему прибыль в 90 миллионов долларов. На аудиенции у короля Фахда Усама бин Ладен отказался от предложения и вместо этого страстно высказался за более серьезную поддержку джихада в Афганистане. На короля Фахда, наследного принца Абдаллу и принца Тюрки, уже убежденных в стратегической важности ситуации в Афганистане для Саудовской Аравии, произвела сильное впечатление убежденность бин Ладена, и они пообещали помочь афганскому «делу». Усама много не проиграл в финансовом плане, потому что контракт достался его отцу. Позже Усама говорил верным людям в Афганистане, что его капитал увеличивался, а бизнес развивался соответственно суммам, которые он тратил на джихад.

Несмотря на все усилия афганских моджахедов, влияние Афганистана на мусульманский мир выросло лишь в середине 1980-х годов, когда вопрос стал шире освещаться в прессе, а организованная переправка добровольцев, начало которой положил Усама бин Ладен, обрела размах. До этих же пор даже арабские исламисты, занятые борьбой со своими собственными правительствами, оставались безразличными. Но в 1985 году сотни арабов — преимущественно исламистов — начали вливаться в ряды афганских моджахедов. Если в начале 1980-х в Афганистане находилось 3000–3500 арабов, то в середине 1980-х одних только представителей «Хизб-и-Ис-лами» (Партии ислама) там было от 16 до 20 тысяч. Арабские исламистские организации тоже посылали в Афганистан своих командиров — обучаться джихаду. В лагерях моджахедов они получали своего рода продвинутое исламское образование, запрещенное во многих арабских странах как подрывное, или бунтарское.

Эти иностранные добровольцы легко вписывались в новое окружение в Пакистане благодаря всеисламскому характеру афганского сопротивления. В середине 1980-х годов иранский аналитик Амир Тахери так объяснял характер сопротивления: «Афганское движение сопротивления не ограничивается программой-минимум — сохранением национальной независимости и территориальной целостности, — но открыто выступает за создание исламского общества. Советские войска расстреливаются в горах Афганистана во имя Аллаха, а не из-за национализма в его западном понимании. В ряде освобожденных районов движение сопротивления уже установило свое идеальное исламское общество. Здесь женщины снова надели паранджу, узаконено многоженство, девочки не ходят в школу, а муллы и мавлави [религиозные лидеры] пользуются тиранической властью во всех сферах жизни». Все эти социальные ценности и стремления совпадали с чаяниями приезжающих арабов — особенно тех, кто состоял в Мусульманском Братстве — самобытной и по-прежнему пользующейся сильнейшим религиозным авторитетом суннитской исламистской организации — и различных джихадистских организациях.

К середине 1980-х годов Афганистан стал как магнитом притягивать воинственных исламистов во всем мире. В начале 1980-х египетские и другие исламистские группы очень быстро сделали Пешавар своей штаб-квартирой в изгнании. В результате крепнущего сотрудничества между ними они основали «международную организацию джихада», используя Пакистан и Афганистан как плацдармы для своих операций за границей. К примеру, один из первых офисов открыл в 1984 году доктор Айман аль-Завахири — для исламистского движения под руководством Аббуда аль-Зумура — подполковника египетской военной разведки и старшего боевого командира подпольного исламского джихада, который был арестован накануне убийства Садата. Завахири бежал из Египта в середине 1980-х, во время антиисламистских чисток, проводимых президентом Мубараком, который пришел к власти после убийства Садата. В настоящее время Завахири — ближайший товарищ бин Ладена и старший боевой командир его «движения». Представители этого первого поколения иностранных добровольцев в Афганистане, искренне преданные бин

Ладену, составляют теперь руководство и высшее командование исламистского террористического движения. А египетскому контингенту моджахедов предстояло еще сыграть важнейшую роль в начале 1990-х, в поднятии волны терроризма на Западе.

В начале 1980-х годов ситуация изменилась как в Пакистане, так и в Афганистане. Практически сразу после вторжения Советы перехватили военную инициативу и не выпускали ее из рук вплоть до вывода советских войск в 1989 году. Соппротивление никак не помогло помешать советским частям делать в Афганистане все, что им заблагорассудится. Профессор Бархануддин Раббани — в то время лидер одной из крупнейших организаций сопротивления «Джамия-и-Исла-ми Афганистан» — признался в 1982 году, что «Советы чувствуют себя в Афганистане уютно». Правительство Зия-уль-Хака сочло, что ситуация в Афганистане угрожает жизненно важным интересам Пакистана и стало активно поддерживать афганский джихад. С той поры сложная и отлаженная машина МБР (пакистанской разведки), спонсирующей терроризм (в основном против Индии) с 1970-х годов, стала использоваться для поддержки афганских моджахедов.

К середине 1980-х годов Исламабад уже имел доказательство стратегической ценности подрывной деятельности — благодаря своему длительному финансированию сикхских террористов и подрывной деятельности против Индии. В 1985–1986 годах, вместе с повышением количества и качества поставляемого МБР оружия, сикхский терроризм в Пенджабе и во всей Индии стал гораздо воинственнее и радикальнее. Среди новшеств, стоявших на вооружении возрожденного терроризма, были сложные техники изготовления бомб — те же самые, что использовались афганскими моджахедами. Эскалация сикхского терроризма была обусловлена хорошей подготовкой, которую получали террористы сепаратистского движения Дал Хале в лагерях афганских моджахедов. Весной 1985 года сикхские «стажеры» были убиты во время советского налета на учебный лагерь в Пактии (восточный Афганистан), а документы Дал Хале были изъяты.

Но учебные лагеря не принадлежали афганским моджахедам — они были созданы пакистанской разведкой. В начале 1980-х Исламабад решил использовать растущую поддержку — политическую, военную и финансовую, — которую Пакистан теперь получал от Запада, чтобы помочь афганскому джихаду и таким образом решить свои собственные стратегические задачи. МБР использовала быстро развивающуюся и щедро финансируемую учебно-материальную базу афганских моджахедов как прикрытие для спонсирования и поддержки других повстанческих групп, занятых подрывной деятельностью в Индии.

Перед Исламабадом стояла неотложная задача установить жесткий контроль над различными подрывными и террористическими группировками, которые МБР собиралась разбросать по всей Южной Азии, от Афганистана до Индии, как отряды местных моджахедов. МБР воспитывала командиров и лидеров, которых она могла контролировать, и наделяла их высокими полномочиями в их организациях. МБР отработала этот процесс создания послушных национальных организаций моджахедов в начале 1970-х на организации «Хизб-и-Ислами», возглавляемой Гулбаддином Хекматияром — беспощадным афганским головорезом, поддерживающим контакты как с МБР, так и с советской разведкой. В 1980-х годах Исламабад представлял «Хизб-и-Ислами» как передовой отряд афганского джихада, чтобы последний получил как можно больше иностранной помощи — как оружием, так и деньгами. Исламабад не скрывал, что в этой циничной игре он печется лишь о собственных интересах — сам президент Зия-уль-Хак признавался, что «именно Пакистан сделал Гулбаддина Хекматияра афганским вождем».

Тот же самый подход использовался и при превращении националистического повстанческого движения в Кашмире (Индия) в контролируемую МБР исламистскую армию. Хашим Куреши, основатель националистического движения ФОДК («Фронт освобождения Джамму Кашмир»), недавно вспоминал, как «в 1984 году ко мне обращались генералы и бригадиры МБР: дайте нам на обучение молодежь, чтобы она по возвращении смогла сражаться с Индией». Когда Куреши отказался, МБР вплотную занялась военными действиями в Кашмире, поручив это Аманулле Хану. «Прискорбно, что так называемый националист Аманулла Хан и некоторые из его последователей начали нынешнюю борьбу в Кашмире в союзе с МБР. Любой здравомыслящий человек поймет, что всякое движение, основанное в области с преобладающим мусульманским населением при помощи пакистанской военной разведки, в конце концов приведет к религиозным распрям». Куреши подчеркнул, что к 1993 году «Аманулла доказал, что он является агентом МБР», пожертвовав национально-освободительную борьбу в Кашмире на алтарь исламистской политики.

Сам Куреши был вынужден бежать из Пакистана и искать политического убежища в Западной Европе.

Все это время афганский джихад пользовался поддержкой Вашингтона, и все больше денег выделялось на явную и скрытую поддержку афганских моджахедов. Соединенные Штаты были убеждены, что поддерживают настоящее национально-освободительное движение, пусть и на сильной исламской основе, а Исламабад прилагал все усилия, чтобы США не узнали, какого рода моджахедов финансируют американские налогоплательщики. С этой целью МБР не давала ЦРУ доступа к финансируемой им учебной инфраструктуре. Бригадир Мохаммад Юсуф, тогдашний глава афганского отделения МБР, подчеркивал, что генерал Ахтар Абдул Рахман Хан, шеф МБР в 1980–1987 годах, «имел много проблем с американцами и ЦРУ». Ахтар категорически отказывал на просьбы американцев дать им на обучение моджахедов или даже просто иметь к ним прямой доступ. «Ахтар никогда не позволял американцам непосредственно вовлечься в джихад», — вспоминал Юсуф. Ахтар и высшее командование МБР настаивали на том, чтобы «не допускать американцев» к системе обучения и снабжения, которую те спонсировали.

Бригадир Юсуф подчеркивал, что обучением в Пакистане и Афганистане занималась исключительно МБР и что «ни один американский или китайский инструктор не обучал моджахедов обращению с каким-либо оружием или снаряжением... Это была хорошо обдуманная политика, и мы упорно отказывались ее менять, несмотря на возрастающее давление со стороны ЦРУ, а позднее — министерства обороны США, не позволяя им взять верх». Бригадир Юсуф отмечает, что «с самого начала» руководство МБР «успешно сопротивлялось» всем попыткам американцев непосредственно участвовать в помощи афганским моджахедам. Пользуясь сильной поддержкой высших правительственных кругов, МБР в одностороннем порядке налагала ограничения на посещения сотрудниками ЦРУ и другими американскими официальными лицами учебных лагерей моджахедов, хотя финансировало их правительство США — через ЦРУ «Первоначально генерал Ахтар категорически запретил посещения лагерей. Но ЦРУ и США подняли такой шум, что в конце концов он позволил посещения лагерей сотрудниками ЦРУ», — вспоминает бригадир Юсуф. Но все эти посещения были хорошо подготовленными мероприятиями, и МБР удавалось очень многое скрыть от глаз своих американских союзников и благодетелей.

Стоявшая перед Исламабадом острая необходимость скрывать от американского правительства финансируемую США учебную инфраструктуру привела к серьезному разногласию между МБР и Вашингтоном — благодаря тому факту, что военную помощь получали в первую очередь милитаристские исламские группы. МБР категорически выступала против поддержки организаций афганского сопротивления, состоящих по преимуществу из представителей пуштунских племен, которые вели традиционный образ жизни и придерживались в большинстве своем прозападной ориентации. Вместо этого МБР предлагала передавать примерно 70 % иностранной помощи исламистским партиям — особенно «Хизб-и-Ислами», — которые придерживались откровенно антиамериканских взглядов. С точки зрения Вашингтона, поддержка афганского джихада была очень важна и для того, чтобы исключить использование — или злоупотребление — МБР финансируемой США учебной инфраструктуры для других «дел»: от подготовки арабских исламистов до региональных групп, служащих собственным интересам Пакистана.

Главной причиной того, что МБР решила не пускать ЦРУ в лагеря, был размах обучения и поддержки не-афганских «добровольцев» и прочих. Самыми многочисленными из обучавшихся были исламисты из Кашмира, чуть поменьше было сикхов из Пенджаба. Более того, в лагерях, первоначально предназначенных для подготовки афганских моджахедов, совершенно спокойно обучались тысячи исламистов со всего арабского и мусульманского мира. В середине 1980-х годов у одних только инструкторов из «Хизб-и-Ислами» обучалось 16–20 тысяч арабских моджахедов. С того времени пакистанская разведка обучала примерно 100 арабских моджахедов в месяц. Они проходили военную подготовку в Пешаваре, а после возвращения из Афганистана получали углубленную подготовку в специальных лагерях в Судане и Йемене.

Причина, по которой Пакистан и МБР начали обучать арабских террористов-исламистов, также связана с региональными событиями. Правительство Зия-уль-Хака беспокоило территориальное положение Пакистана — маленькой, перенаселенной страны, зажатой между оккупированным советскими войсками Афганистаном и Индией. Исламабад стремился получить как можно более сильную экономическую и военную помощь — равно как и стратегическую защиту — от Соединенных Штатов и консервативных арабских государств. В Исламабаде рассчитывали, и не

без оснований, что именно представители Саудовской Аравии смогут наиболее эффективно ходатайствовать о предоставлении военной помощи как перед Пентагоном, так и перед администрацией Рейгана в целом. МБР нуждалась также в саудовской помощи и для того, чтобы представить Гулбаддина Хекматияра как самого искреннего и успешного лидера моджахедов: тогда большая часть американской финансовой помощи доставалась бы «Хизб-и-Ис-лами», несмотря на откровенно антиамериканскую политику. В отчете, который предстояло отправить в Вашингтон, саудовцы выражали сильнейший интерес к поддержке исламистского джихада в Афганистане. Эр-Рияд был также заинтересован в отправке саудовских исламистов в Афганистан и Пакистан, — чтобы держать их подальше от Саудовской Аравии, — и выражал готовность щедро платить за услуги МБР.

К середине 1980-х годов бин Ладен понял, что его истинное призвание — это поле боя джихада, где он снискал репутацию отважного и находчивого командира.

В 1986 году он участвовал в битве под Джелалабадом в рядах арабских моджахедов. В том году он также воевал в небольшом арабском отряде, который в Джаджи выстоял против неоднократных атак гораздо более многочисленных сил ДРА, поддерживаемых советской артиллерией. В 1987 году бин Ладен участвовал в нападении на советско-афганские диспозиции в Шабане, провинция Пактия. Отряд, состоящий из арабов и афганцев, которым командовал бин Ладен, проник в диспозиции врага. Последовала яростная рукопашная схватка; моджахеды понесли тяжелые потери и были вынуждены отступить. Бин Ладен до сих пор носит автомат Калашникова, который, по его словам, он снял с убитого русского генерала в Шабане. «После Пактии он стал даже еще более бесстрашным», — рассказывал в интервью «Ассошиэйтед Пресс» бывший друг бин Ладена. — Он собирался сражаться до самого конца «и умереть в славе».

Моджахеды, служившие вместе с бин Ладеном, описывают его как бесстрашного, презирающего опасность человека. «Для нас он был герой, потому что он всегда находился на линии фронта, впереди всех, — вспоминал Хамза Мухаммад, палестинский доброволец в Афганистане, который сейчас руководит одним из строительных проектов бин Ладена в Судане. — Он не только отдавал свои деньги — он отдавал себя самого. Он покинул свой дворец, чтобы жить вместе с афганскими крестьянами и арабскими бойцами. Он готовил вместе с ними, ел вместе с ними, рыл вместе с ними окопы. Таков был бин Ладен».

В 1984–1988 годах бин Ладен часто сопровождал Аззама в его поездках по Афганистану, где Аззам читал моджахедам пламенные проповеди. Основная идея Аззама была недвусмысленной, и суть ее мы находим в нынешнем призыве бин Ладена к глобальному джихаду. Аззам говорил, что джихад в Афганистане — это общеисламское дело, затрагивающее мусульман во всем мире. Все мусульмане должны выполнить свой долг, участвуя в джихаде как в глобальных случаях — вроде Афганистана, — так и защищая своих притесняемых братьев и сестер от не-исламских режимов (имеются в виду мусульманские лидеры, управляющие светскими государствами) у себя на родине. Оба вида джихада являются составляющими великой цели, а именно: установления правления Аллаха на земле. Исламисты называют объединенное панисламистское государство, занимающее все Сердце ислама, а в конечном счете — весь мусульманский мир, Хилафах («халифат»). Чтобы выполнить благородную миссию восстановления Хилафаха, мусульманский мир должен сосредоточиться на джихаде — вооруженной борьбе за установление власти Аллаха. Аззам подчеркивал, что джихад должен продолжаться до тех пор, пока Хилафах не восстановится везде, где живут мусульмане, чтобы «свет ислама мог освещать весь мир». Шейх Аззам постоянно повторял свою основную идею — о том, что «джихад не должен прекращаться, пока люди не станут поклоняться только Аллаху. Джихад должен продолжаться до тех пор, пока слово Аллаха не вознесется высоко. Джихад должен продолжаться, пока не будут освобождены все угнетенные. Джихад защитит наше достоинство и вернет оккупированные земли. Джихад — путь вечной славы».

На всем протяжении 1980-х годов Усама бин Ладен поддерживал тесные отношения с саудовской правящей элитой и особенно с разведкой. Его отношения с принцем Тюрки стали еще ближе. Как и отец, Усама возглавил канал, по которому спокойно текли деньги на сомнительные цели (на этот раз — к моджахедам в Афганистан). Бин Ладен лично занимался финансированием исламистских групп, считавшихся врагами двора аль-Сауда и других консервативных арабских режимов. Прагматичное до цинизма саудовское правительство было счастливо, что все эти исламисты действуют где-то далеко, в Афганистане. Оплачивать их пребывание в далеком Афганистане — это была совсем смешная цена за стабильность.

Кроме того, в 1980-е годы продолжал действовать организованный Аззамом и бин Ладеном в Пешаваре центр по переправке и направлению арабских добровольцев в организации исламистского сопротивления. Спустя несколько лет этот центр начал формировать группы добровольцев, которые можно было бы использовать по их возвращении на родину. К примеру, некоторые из 3000 алжирцев, сражавшихся в Афганистане, учредили свой собственный «Алжирский легион», воевавший под командованием Ахмада Шаха Массуда. Аззам играл важную роль в укреплении связей между Массудом и алжирскими моджахедами и направил к Массуду одного из лучших алжирских командиров, известного как Хадж Бунуа. После убийства Аззама Массуд взял его детей под свою защиту. В начале 1990-х годов эти алжирские «афганцы» возглавили исключительно жестокую и яростную подрывную деятельность исламистов в Алжире.

Аззам уделял много времени и внимания деятельности исламистов в Соединенных Штатах, выявляя потенциальное ядро из образованных сторонников, способных обеспечить высококвалифицированные человеческие ресурсы для джихада. Гораздо важнее в этом отношении было влияние Аззама на американских добровольцев в Пешаваре. Он проводил с ними много времени, прививая им дух джихада. Многие из этих добровольцев были убеждены в важности этой «возможности» выполнить священный долг джихада. К примеру, на Абу Махмуда Хаммуди, ныне живущего в Чикаго, Аззам оказал такое впечатление, что после этого он восемь лет провел в боях в самых разных местах — от Афганистана до Боснии. «Шейх Абдалла знал, когда и где ему следует вспоминать о своих политических и религиозных убеждениях», — объяснял Хаммуди. По возвращении в Соединенные Штаты многие из преданных сторонников Аззама составили костяк «афганцев».

В середине 1980-х количество находящихся в Афганистане арабов — в основном алжирцев, ливийцев, сирийцев и палестинцев — выросло до такой степени, что влияние арабских исламистов стало очевидным даже на высших уровнях руководства моджахедов. Поскольку все руководители Организации освобождения Палестины (ООП) в юности состояли в Мусульманском Братстве, ООП стала одной из первых палестинских организаций, распознавших растущую мощь и значительность радикального исламистского терроризма. Ясир Арафат начал использовать в своих речах исламскую терминологию. Выступая 15 октября 1985 года в Хартуме, он сказал: «Арабская революция живет в сознании арабов, несмотря на заговоры империалистов и сионистов... Священная война и вооруженная борьба будут развиваться... Я говорю Рейгану и его агентам в нашем арабском мире, что воля арабской нации порождена волей Аллаха. Следовательно, арабские народы победят».

Халил аль-Вазир, тогдашний главнокомандующий Арафата, больше известный как Абу-Джихад, одним из первых предсказал будущий подъем исламистского терроризма. Благодаря его стараниям «аль-Фатах» (собственный отдел Ясира Арафата в ООП) «усыновил» различные ветви исламского джихада в Израиле, Иордании и Ливане. К примеру, изучение беспорядков в университете аль-Ярмук (Ирбид, Иордания) в мае 1986 года показало, что Халил аль-Вазир сыграл важную роль в организации тайного союза между иорданским филиалом «Братьев-мусульман» и местной подпольной коммунистической партией, известной под названием «Марксистские ячейки». Также он снабжал иорданских исламистов деньгами и обеспечивал их коллективное обучение в лагерях ООП вне пределов Иордании.

В 1986 году ООП начала посылать наиболее многообещающую радикальную молодежь на специальное обучение в лагеря моджахедов в Пакистане, где у всех исламистских партий были благоприятные условия для тренировок. Палестинцы вступали в такие организации, как египетская партия «Такфир ва-аль-Хиджра» (в ней состояли убийцы Садата), сирийский и ливанский филиалы Мусульманских братьев. При поддержке Абу-Джихада «Братья-мусульмане» в Иордании также поощряли стремление своих членов воевать в Афганистане.

Хотя арабские моджахеда — особенно египтяне, палестинцы и иорданцы — проходили интенсивную тренировку в финансируемых МВР лагерях, не всех их посылали сражаться в Афганистан. Многие из них после завершения обучения и последующего периода практики исчезали из виду, чтобы затем стать элитными кадрами международного исламского терроризма. Эти иностранные добровольцы проходили специальную подготовку в таких областях, как обращение с ручными зенитными ракетами и проведение диверсий, — особенно с использованием сложных детонаторов с дистанционным управлением и усовершенствованной пластиковой взрывчатки. Их также интенсивно знакомили с идеологией исламизма, благодаря чему они становились набожными и сверхпреданными. Роль таких палестинских стажеров в системе «ООП — Исламский джихад» всплыла на поверхность при аресте члена «Исламского

джихада» в Израиле в начале августа 1987 года. Он готовился взорвать технически сложную бомбу, заложенную в автомобиле в центре Иерусалима или Тель-Авива.

Иранцы быстро отреагировали на распространение панисламистских настроений в Пакистане. В начале декабря 1985 года аятолла Ибрагим Амини, вице-председатель Совета экспертов Ирана, заявил, что Иран «счастлив наблюдать усилия, предпринимаемые в Пакистане для установления исламской системы». Подчеркивая значение иранского опыта и особенно его панисламистский характер, Амини советовал пакистанцам следовать подобным путем. Он подчеркивал, что «при установлении исламской системы важно избегать незначительных различий. Следует действовать согласно установленным догмам ислама, заниматься вопросами молитвы и поста вместо того, чтобы ссориться из-за мелких различий... Если мы погрязнем в шиитско-суннитских распрях, среди мусульман не будет единства». Амини давал понять, что Иран поддерживает подход «Джамаат-и-Ислами» (главная пакистанская исламистская партия, идеологии которой придерживается Зия-уль-Хак), нацеленный на исламизацию Пакистана, и добавлял, что поскольку «религиозный и конституционный долг Ирана — оказывать помощь всем мусульманским странам», Тегеран поможет соответствующим силам в Пакистане завершить процесс исламизации. После этого помощь из Ирана потекла широким потоком — первоначально через Джундулла, террористическую организацию Гулбаддина Хекматияра.

Джундулла возникла как ответвление поддерживаемой МБР партии «Хизб-и-Ислами», чтобы взаимодействовать с иранцами, минуя официальный Исламабад.

В Афганистане и Пакистане исламистские организации откровенно поддерживали глобальную миссию своих иностранных «добровольцев». Преданный идее построения утопического мусульманского государства Гулбаддин Хекматияр обращался с призывами к консервативному арабскому миру, заявляя, что «Хизб-и-Ислами» «с падением кабульского режима еще не достигла своей цели. Даже после полного вывода советских войск «Хизб-и-Ислами» продолжит джихад, пока не будет построено исламское государство». Гулбаддин Хекматияр руководил «Хизб-и-Ислами» в соответствии с догмами «Братьев-мусульман», члены которого были убеждены, что война с отступниками важнее войны с иностранным врагом. Чтобы джихад шел успешно и свершилась исламская революция, сначала было необходимо очистить ряды моджахедов от отступников и прислужников империализма. Фанатично следуя этой утопической идее, «Хизб-и-Ислами» начала бороться с другими группами сопротивления, передавала их руководителей и оружие Советам и заключала локальные договоренности о прекращении огня с властями ДРА. Ради достижения своей экстремистской, идеалистической и долгосрочной цели Гулбаддин Хекматияр шел на заключение «временных» компромиссов с неверными, способствуя тем самым сдерживанию и конечному подавлению настоящего Афганского сопротивления. Советы манипулировали «Хизб-и-Ислами» преимущественно с помощью своих многочисленных агентов в военном совете Хекматияра — в нем состояли не только представители «Братьев-мусульман», но и советники из Ливии, Ирана, а также члены ООП. В начале 1980-х стало известно, что Гулбаддин Хекматияр посетил Ливию и Иран; поговаривали также, что он посещал и НДРГ. Пока «Хизб-и-Ислами» продолжала подавлять националистические и этнические организации моджахедов в Афганистане, Гулбаддин Хекматияр продолжал получать мощную пакистанскую, саудовскую и американскую поддержку, несмотря на свое участие в братоубийственной войне.

Подобные идеологические процессы в индийском Кашмире начались примерно в 1984 году. Тогда в Кашмире внезапно стал популярным лозунг «Ислам — в опасности», и именно это чувство, а не национализм, стало побуждающим фактором для кашмирской молодежи. В то время мощная учебная инфраструктура МБР, созданная якобы для афганских повстанцев, примиряла между собой различные региональные группы, прививая при этом чувство товарищества и солидарности, равно как и лояльности к Пакистану. И вскоре афганские террористы начали тайком проникать в Индию для организации местных террористических отрядов. Первые афганцы были взяты в плен в Кашмире в начале 1984 года.

К концу 1980-х годов МБР развернула полномасштабную подрывную деятельность в Кашмирской долине. Когда война в Афганистане стала утихать, разветвленная сеть учебных лагерей для афганских моджахедов по всему Пакистану была преобразована в центр для исламистских террористов со всей Южной Азии, а также стала плавильным котлом для суннитского джихада. Первоначально акцент делался на использовании пакистанской инфраструктуры помощи афганцам для поддержки кашмирских милитаристов. Во время крупнейших вспышек исламистского насилия в индийском Кашмире в середине 1988 года Пакистан помогал в подготовке и вооружении кашмирских террористов, а также помогал повстанцам бежать

за границу. В то время помощь МВР кашмирским исламистам осуществлялась через «Хизб-и-Ислами», минуя официальный Исламабад. Десять лет спустя, в конце 1990-х, афганцы и пакистанцы составили большинство высококвалифицированных бойцов, убитых и взятых в плен индийскими силами безопасности в Кашмире.

В 1980-е годы благодаря наличию оружия, главным образом из запасов для афганских повстанцев, Карачи превратился в центр международного исламского терроризма. Сюда стекались и палестинцы, и «множество людей из Бангладеш, Индии, Непала, Афганистана, Бирмы, Таиланда, Шри-Ланки, Филиппин и Африки, которые жили в Карачи под видом «мусульман»», как сетовал доктор Ясин Ризви, ведущий пакистанский журналист. Все они представляли собой превосходные человеческие ресурсы для осуществления дерзких диверсий и террористических операций.

Поскольку учебная инфраструктура МВР использовалась и другими исламистскими террористами, главным образом арабами, такие совместные тренировки и, во многих случаях, опыт боев в Афганистане создавали дружеские связи между исламистами, которые вели к тесному сотрудничеству между их организациями. Ближневосточные милитаристские организации активно поддерживали кашмирских исламистов с конца 1980-х годов. К примеру, две поддерживаемые Пакистаном кашмирские организации — «Хизб-уль-Муджахиддин» и военизированное отделение «Ихван аль-Муслимин» — в их борьбе против Индии получают финансовую помощь и консультации экспертов от «братьев из Палестины». Эти формы сотрудничества и взаимопомощи в исламистском повстанческо-террористическом движении в Кашмире очень важны, принимая во внимание непрерывное развитие и интернационализацию инфраструктуры по подготовке террористов в Пакистане.

17 августа 1988 года пакистанский президент Зия-уль-Хак, посол США Арнольд Рейфл, американский военный атташе, шеф МВР генерал Ахтар Абдул Рахман и еще двадцать восемь человек погибли: только что взлетевший самолет «Геркулес» неожиданно рухнул на землю. Эта «авиакатастрофа», считающаяся одной из наиболее эффективных тайных стратегических операций Советского Союза, также резко изменила мир международного исламистского терроризма.

Беназир Бхутто, ставшая премьер-министром Пакистана в 1989 году, совершенно по-иному воспринимала роль и полезность исламистского терроризма. Официальный Исламабад, убежденный в том, что будущее Пакистана — в стратегических союзах с такими странами, как Сирия, Иран, Китайская Народная Республика (КНР) и Северная Корея, пересмотрел все аспекты участия Пакистана в афганском вопросе, и мир финансируемого на государственном уровне терроризма стал инструментом решающей важности для пакистанской политики. Теперь Исламабад всеми силами способствовал распространению исламизма в сердце Азии, видя в нем единственную идеологию, способную обратить вспять крушение национально-этнического уклада в Пакистане. В результате поддержка и финансирование военной разведкой дружественных исламистских террористических движений во всем арабском мире стали краеугольным камнем пакистанской политики национальной безопасности. Поскольку у враждебных консервативных арабских режимов, — например в Саудовской Аравии, — существовали особые отношения с Соединенными Штатами, Исламабад ощутил нарастающую угрозу столкновения с США из-за стратегического положения в регионе и переключился на активную поддержку воинствующего исламизма.

Эта перемена немедленно отразилась на отношениях между МВР и арабскими исламистскими террористическими организациями. Генерал Хамид Гул, новый шеф МВР, стал вести новую политику. Осенью 1988 года МВР дала инструкции всем пакистанским дипломатическим представительствам выдавать «специальные туристические визы» всем исламистам, желающим присоединиться к афганскому джихаду. Эти «визы» выдавались, часто вместе с оплаченными авиабилетами, добровольцам, у которых не было нужных проездных документов, — а также тем, кто носил фальшивые имена и разыскивался на родине за терроризм и подрывную деятельность. В то время Советский Союз уже начал выполнять международное соглашение о выводе советских войск из Афганистана при условии прекращения огня. Вывод советских войск фактически завершился 15 февраля 1989 года. Пока МВР активно привлекала и вербовала иностранных исламистов, афганский джихад практически завершился.

В конце 1980-х в Пакистан прибыло 16–20 тысяч воинственных исламистов из двадцати стран. По преимуществу это были арабы, но было также и много представителей других стран, таких как

Филиппины и Малайзия, а также немного боснийских мусульман и косовских албанцев из еще существовавшей тогда Югославии. Практически все они были исламистами, посвятившими себя освобождению своих стран и установлению в них исламистских режимов. В отличие от добровольцев начала-середины 1980-х, их уже не интересовало освобождение Афганистана. Они приезжали, чтобы пройти подготовку, и МВР была рада сделать одолжение.

Эта новая ситуация вызвала глубокую перемену в пакистанской политике в отношении Афганистана. Поворотным моментом стала атака на Джелалабад в марте 1989 — спустя лишь месяц после вывода советских войск. Убежденные Пакистаном в том, что энергичные военные действия моджахедов могут вылиться в крушение власти Кабула, Соединенные Штаты и Саудовская Аравия предоставили обширную помощь для нанесения этого последнего удара. Вместо разработки сложной стратегической операции, соответствующей уровню легких нерегулярных сил афганских моджахедов, МВР толкнула афганское сопротивление на атаку укреплений ДРА, защищенных артиллерией, в Джелалабаде. В Исламабаде знали, что подобное прямое столкновение может привести лишь к кровавой бойне и гибели нападающих, плохо контролируемых Пакистаном. В результате афганское сопротивление, выдержавшее почти десять лет сражений с армиями СССР и ДРА, было подорвано настолько, что больше не представляло какой-либо серьезной силы. Таким образом, перед Исламабадом открылся путь к организации и введению в игру собственной армии «моджахедов», известной ныне как «Талибан».

В битве при Джелалабаде участвовали Усама бин Ладен и многие из его друзей — арабских моджахедов. Здесь он стал свидетелем массовой и бесполезной гибели преданных моджахедов. Вернувшись в Пешавар, арабские моджахеды поделились своим гневом и ощущением предательства с шейхом Аззамом.

Взбешенный Аззам стал делать публичные заявления, требуя возрождения духа джихада. Он напоминал своим слушателям, что они связаны долгом перед общемусульманским делом, начавшимся с освобождения Афганистана. Размышляя над причинами поражения моджахедов после вывода советских войск, Аззам, бин Ладен и другие лидеры исламистов пришли к убеждению, что они стали жертвами американского заговора, претворяемого в жизнь через пакистанцев. Они полагали, что Соединенные Штаты считали своим долгом бороться с исламистским джихадом в Афганистане и в других странах, потому что подъем ислама угрожал их могуществу и богатству.

Самым важным для Аззама был призыв к возрождению былого духа афганского джихада, предполагавшего отчаянную борьбу, основанную на утопических теологических началах. Теперь это противоречило главной цели МВР — держать под контролем афганских, кашмирских и всех прочих моджахедов-террористов. Пребывание в Пешаваре становилось для Аззама смертельно опасным.

24 ноября 1989 года технически сложная и мощная бомба, приведенная в действие по дистанционному управлению, взорвалась под автомобилем Аззама на узкой пешаварской улочке. Аззам, двое его сыновей и попутчик погибли на месте. До сих пор никто не взял на себя ответственность за убийство. Тогда же по Пешавару ходили упорные слухи, что покушение было работой специального отдела «Хизб-и-Ислами», находящегося под контролем МВР, — но никаких доказательств найдено не было.

Шейха Аззама заставили замолчать, но его идеи продолжали жить среди его верных учеников. А одним из ближайших был Усама бин Ладен.

К концу 1980-х годов мир международного терроризма претерпел перемены. Лагеря афганского сопротивления в Пакистане стали настоящим центром радикального исламистского терроризма, причем большинство бойцов составляли исламисты-сунниты. Во всем мусульманском мире поднимал голову традиционный радикальный ислам — как массовая реакция верующих на давление со стороны современного мира и особенно на установление отношений с Западом. Растущее разочарование масс привело к появлению воинственного авангарда, безоговорочно преданного делу возрождения традиционного ислама. В своем религиозном рвении и преданности делу эти люди совершенно пренебрегали своей собственной жизнью, жизнями своих жертв и всеми прочими последствиями своих действий.

Появление нового поколения исламистских террористов из лагерей моджахедов в Афганистане и Пакистане совпало по времени с упадком других крупных террористических движений в мусульманском мире. В 1980-е годы радикальный арабский терроризм медленно умирал. Хотя лагеря беженцев и труппы Ближнего Востока по-прежнему поставляли радикально настроенную молодежь, прогрессивному палестинскому революционному движению — его террористическим организациям — не удалось воспитать поколение молодых командиров и вождей, которые могли бы перенять эстафету от старых мастеров. Эти люди старели и становились негодными к военной службе, а вождей убивали и их враги, и друзья. Фиаско палестинской революции и отсутствие нового поколения харизматичных лидеров привели к тому, что радикально настроенная и отчаявшаяся молодежь отворачивалась от социал-националистических движений и обращалась к традиционному радикальному исламу. Тут они обретали, и молодых харизматичных лидеров, и божественное руководство, и уверенность в высшей награде в загробном мире. Страдания и отчаяние этого мира представлялись как испытания на пути к мученической смерти и раю — чем больше верующий страдал и чем большим жертвовал, тем большая награда ждала его в ином мире. Радикальная молодежь вставала под знамя исламизма в беспрецедентных количествах, и радикальный исламистский терроризм ждало большое будущее.

Лагеря афганского сопротивления в Пакистане стали для суннитских исламистов тем, чем был Ливан для радикальных левых. Пакистан стал местом паломничества для воодушевленных исламистов-радикалов. Исламистские террористы всегда считали полуавтономию своих лагерей — что-то вроде государства в государстве — идеальным условием для подготовки. Самые искренние и радикально настроенные из них отрицали возможность построения исламского государства при современных условиях. В 1980-е годы все суннитские государства считались отступниками и, таким образом, врагами. Афганская община вела джихад ради утопической идеи построения исламского государства и стояла, таким образом, ближе всех к истинному исламскому обществу, которое могло бы поддерживать радикальный воинствующий ислам. Эта автономия давала также и некоторые практические выгоды, — например, некоторую независимость от правительств и их разведслужб и ощущение достоинства и независимости. К концу 1980-х годов афганские лагеря в Пакистане уже превратились в центр исламистского терроризма, плавильный котел суннитского джихада. По мере того как центр тяжести исламистского терроризма смещался к «священному террору», роль афганской инфраструктуры в Пакистане все более возрастала.

Для Усамы бин Ладена резня в Джелалабаде и убийство Аззама стали мрачным завершением прекрасных десяти лет. Немало способствовавший развитию истинного общеисламистского джихада, он теперь наблюдал, как джихад гибнет в руках циничных политиков. Но события 1989 года не поколебали его убежденности, — подкрепленной проповедями Аззама, — в важности общеисламского дела и ведении джихада как против врагов ислама, так и за освобождение мусульман. Однако с выводом советских войск бин Ладен посчитал свою миссию в Афганистане завершенной и решил вернуться в Саудовскую Аравию.

ГЛАВА 2

КРИЗИС И ВОЗРОЖДЕНИЕ

В 1989 году Усаму бин Ладена встречали в Саудовской Аравии как героя. Он стал мудрее, жизненный опыт закалил его. Однако его политические и социальные воззрения стали более радикальными. Многие афганцы и арабы, воевавшие против советских войск в Афганистане, стали воспринимать его как политического лидера. Правительство Саудовской Аравии считало, что его действия могут служить образцом для подражания, доказательством его вклада в невероятную популярность афганского джихада.

Восхваления в средствах массовой информации превратили бин Ладена в чрезвычайно популярную фигуру. Он непрерывно выступает в мечетях и на встречах с людьми. Его пламенные речи записываются на пленку: по официальным сведениям, кассет с записями его речей было

продано почти триста тысяч, а сколько пиратских копий было изготовлено и продано позднее, подсчитать невозможно.

Бин Ладен рассказывал о победах исламистов над сверхдержавой «неверных», заявляя, что афганский джихад показал, что никто и ничто не сможет остановить мусульман, если они будут правильно исповедовать ислам. Представителям династии аль-Саудов, которые обосновывали свое право на власть и легитимность этой власти тем, что они являются хранителями двух мусульманских святынь, было приятно слышать заявления подобного рода. Утверждая, что они стремятся строго придерживаться мусульманского образа жизни, власти Эр-Рияда использовали заявления исламистов для укрепления своего положения. Отношение властей Саудовской Аравии к бин Ладену проявилось и в финансовой форме: принадлежавшие ему компании заключили большое количество выгодных контрактов с государственными и частными предприятиями.

Тем временем после десяти лет джихада Усама бин Ладен постарался вернуться к мирной жизни. Он снова стал работать в Джедде, в филиале строительной компании, принадлежавшей его семье, переехал вместе со своей семьей в довольно скромную квартиру и попытался лично вести тот образ жизни, к которому он призывал. Казалось, что в его жизни началась спокойная полоса....

2 августа 1990 года Ирак напал на Кувейт. Несмотря на то что в обращениях к королю Фахду и другим стоявшим у власти членам королевской семьи Саддам Хуссейн не раз заявлял, что не собирается нападать на Саудовскую Аравию, в Эр-Рияде поднялась паника. Саудовская Аравия ничего не могла противопоставить внезапному нападению иракских войск. Наплыв кувейтских беженцев в Саудовскую Аравию, среди них были эмир Кувейта и члены его семьи, только усиливал царившие там панические настроения.

Усама бин Ладен немедленно приехал в Эр-Рияд и предложил правительству Саудовской Аравии свою помощь. Он встретился с министром обороны Саудовской Аравии, принцем Султаном, и представил ему подробный (на десяти страницах) план оборонительных мероприятий, которые королевство должно было предпринять, чтобы защитить себя. Он утверждал, что машиностроительное оборудование, которое было тогда у крупных строительных компаний, можно использовать для быстрой постройки оборонительных сооружений, способных защитить Саудовскую Аравию. Кроме этого, он предложил усилить вооруженные силы Саудовской Аравии лучшими моджахедами Саудовской Аравии, принимавшими участие в афганской войне, вербовкой которых он был сам готов заняться. Он еще раз высказал это предложение главе разведывательной службы Саудовской Аравии, принцу Тюрки, добавив, что арабы, участвовавшие в афганской войне, могли бы составить костяк народного джихада в Кувейте.

Пока американцы и их союзники из Западной Европы вели войну в Персидском заливе за контроль над тамошними запасами нефти и свободу Кувейта, мусульманский мир там же сражался за политическое будущее ислама. Оккупировав Кувейт и свергнув эмира Кувейта, Саддам Хуссейн стремился тем самым обеспечить господство своего ответвления националистического арабизма над тем, которое господствовало в странах с такими традиционными формами правления, как Саудовская Аравия. Для представителей династии аль-Саудов ключом к долговременной победе была не только победа над Ираком, но и собственное следование законам и правилам ислама. Но Бин Ладен предупреждал, что, воспользовавшись поддержкой иностранных — немусульманских — войск, Саудовская Аравия нарушит законы ислама, верность которым она сохраняла на протяжении столь долгого времени. Прекрасно зная о религиозном фанатизме и преданности принципам ислама вооруженных исламистов, вместе с которыми он воевал в Афганистане, Усама бин Ладен понимал и предупреждал власти Саудовской Аравии, что вооруженные исламисты не потерпят нарушения Саудовской Аравией священных принципов ислама. Он утверждал, что члены династии аль-Саудов должны руководствоваться верностью принципам ислама даже перед лицом непосредственной угрозы со стороны Ирака.

Но мнение Усамы бин Ладена было проигнорировано. Наблюдая за продвижением иракских войск по территории Кувейта, король Фахд и его приближенные запаниковали. Власти Эр-Рияда согласились на размещение на своей территории контингента вооруженных сил, основу которого составляли военные силы США; в начале 1991 года, во время войны в Персидском заливе эти войска разгромили Ирак. Воинский контингент США не выведен из Саудовской Аравии и по сей день.

Усама бин Ладен был не единственным представителем политической элиты Саудовской Аравии, кто возражал против использования военной помощи США. В августе 1990 года король Фахд обратился с просьбой к улемам, членам высшего религиозного органа Саудовской Аравии, дать свое согласие на размещение войск США. По словам одного представителя руководства Саудовской Аравии, которые приводит в своем исследовании Наваф Обед, ученый из Саудовской Аравии, «...все улемы были против этого плана. Великий муфтий, шейх Абдул Азиз бен Баз, неохотно согласился одобрить это решение только после продолжительных дискуссий с королем и только при условии, что ему будут представлены серьезные доказательства того, что Ирак собирается напасть на Саудовскую Аравию». Тем временем руководство вооруженных сил Саудовской Аравии настаивало на том, что в случае нападения Ирака они не смогут защитить свою страну. После того как госсекретарь США Дик Чейни пообещал, что войска США не задержатся в Саудовской Аравии «ни на минуту после того, как отпадет необходимость в их присутствии», король Фахд с трудом убедил собравшихся в Мекке улемов дать свое согласие на временное присутствие американских войск — до тех пор, пока не исчезнет угроза вторжения иракских войск. Слухи о конфликте между Судом Саудовской Аравии и улемами распространились между исламистами Саудовской Аравии со скоростью урагана.

Отвергнутый властями Саудовской Аравии, но поддерживаемый широкими народными массами, Усама бин Ладен оказался в фарватере антиамериканских настроений, которые охватили весь мусульманский мир. По-прежнему живя в Саудовской Аравии, бин Ладен избрал путь компромисса. С одной стороны, он осуждал Ирак за захват Кувейта и требовал его освобождения силой. Но в то же время он резко выступал против присутствия в Саудовской Аравии войск США и других западных держав с его точки зрения это было святотатством. Бин Ладен призывал главным образом к таким гражданским акциям, как бойкот американских товаров. «Покупая американские товары, мы становимся соучастниками убийств палестинцев», — заявил он в одном из своих выступлений. «Американские компании зарабатывают в арабских странах миллионы долларов; с этих денег они платят налоги американскому правительству. Соединенные Штаты ежегодно выделяют Израилю 3 миллиарда долларов, и эти деньги он тратит на то, чтобы убивать палестинцев». Тем не менее, в своих выступлениях бин Ладен воздерживался от нападок на династию аль-Саудов.

Бин Ладен не критиковал действия членов династии аль-Саудов, и его позиция по этому вопросу резко отличалась от мнения подавляющего большинства исламистов. Большая часть лидеров исламистов, включая таких ветеранов войны в Афганистане, как шейх Тамими, выступили в поддержку Саддама Хуссейна. Они заявляли, что борьба с Соединенными Штатами, первейшим врагом ислама, важнее освобождения Кувейта. Становясь союзником Соединенных Штатов и призывая на священную землю Аравийского полуострова иностранные войска, утверждали они, династия аль-Саудов ставит под вопрос свое законное право на хранение священных исламских реликвий. Среди наиболее красноречивых и авторитетных защитников данной точки зрения были многие соратники бин Ладена по афганской войне. Однако сам бин Ладен оставался верноподданным короля Фахда. Он был убежден в том, что династия аль-Саудов, с высшими представителями которой он был знаком лично, сможет восстановить следование предписаниям ислама, добившись вывода американских войск и войск других стран. Он по-прежнему был уверен в том, что в Эр-Рияде поддались панике и не выдержали невероятного давления со стороны США, и был склонен полагать, что, убедившись в том, что им больше ничто не угрожает, власти Саудовской Аравии вернут страну на путь истинного ислама. Поскольку это был вполне вероятный вариант развития событий, а также в силу того, что король Фахд был хранителем священных реликвий, Усама бин Ладен сохранял преданность своему королю.

Будучи не в состоянии противостоять какой-либо критике, в Эр-Рияде не утруждали себя выбором между позицией, занимаемой бин Ладеном, и позицией, занимаемой другими исламистами. Династию аль-Саудов волновало исключительно то невероятное влияние, которым пользовался бин Ладен, и поэтому они оказывали на него огромное давление, пытаясь заставить его замолчать. Для начала представители руководства Саудовской Аравии предупредили бин Ладена, что заключенные с ним контракты могут быть расторгнуты, а когда эта угроза не возымела своего действия, что он может быть лишен всего своего имущества. Затем они начали угрожать всем его многочисленным родственникам — его отцу, братьям, родственникам со стороны жены и более дальним родственникам. Представители руководства Саудовской Аравии также угрожали лишить семью бин Ладена их связей с аль-Саудом и довести их бизнес до банкротства. Тем не менее, в то же самое время спецслужбы Саудовской Аравии продолжали поддерживать контакты с бин Ладеном для того, чтобы убедиться, что он не переметнулся в ряды противников короля Саудовской Аравии, и время от времени просили его об оказании услуг, в основном связанных с

установлением контактов от их имени с разбросанными по всему миру моджахедами, принимавшими участие в афганской войне. В Эр-Рияде понимали, что если Усама бин Ладен присоединится к движению исламистов, то благодаря его невероятной популярности в него вольется огромное количество новых членов; в конечном итоге это их предположение оправдалось.

Как только война в Персидском заливе была завершена и власти Саудовской Аравии приняли решение согласиться на постоянное пребывание иностранных войск на арабской земле, Усама бин Ладен перестал быть нужен официальному Эр-Рияду. Связав себя обязательствами сохранить присутствие на своей земле вооруженных сил Соединенных Штатов и стран Западной Европы, власти Эр-Рияда понимали, что им не удастся достичь с ним компромисса. С самого начала кризиса в Персидском заливе Усама бин Ладен предупреждал, что Эр-Рияду придется выбирать между временной безопасностью и постоянным соблюдением предписаний ислама. Династия аль-Саудов сделала выбор в пользу первого варианта, отдавая себе отчет в том, что восстановит этим против себя исламистов и в частности Усаму бин Ладена. Оказывавшееся на него давление обернулось непримиримой враждебностью с его стороны. Столкнувшись с агрессивной позицией властей Эр-Рияда и опасаясь за благополучие своей многочисленной семьи, Усама бин Ладен со своей семьей отправляется в Судан, в новое прибежище сторонников возрождения ислама, Судан Тураби.

Когда Усама бин Ладен прибыл в Судан, Хасан аль-Тураби уже был духовным лидером этой страны. Он занял такое положение после военного переворота 30 июня 1989 года, в результате которого к власти пришел генерал Омар аль-Ба-шир. Фанатично настроенный мусульманин, Башир старался превратить Судан в исламское государство, правда, успеху его замысла препятствовали ожесточенная гражданская война на юге страны, ухудшающаяся экономическая ситуация и недовольство общественности. Пользуясь поддержкой Башира, Тураби, один из величайших исламских богословов, возник на политической сцене в качестве идеолога установившегося в Судане политического режима.

Хасан Абдулла аль-Тураби родился в феврале 1932 года в Кассале, в восточной части Судана, в семье правоверных мусульман. Его отец, несмотря на занятие торговлей, был просвещен в вопросах веры. Он был сторонником реформирования ислама и боролся за независимость страны в те времена, когда Судан был британской колонией. Двойственность позиции его отца, попытка соединить исламизм и модернизм западного толка, повлияла на образование Насана аль-Тураби и определила его политическое мировоззрение. Он учился в нескольких светских школах в западном и центральном Судане (преподавание в них велось на английском языке); опираясь на учения каирского университета Аль-Ажар, его отец познакомил его с основами мусульманской веры. Кроме этого он познакомил своего сына и привил ему любовь к классической арабской культуре и арабской поэзии. После окончания школы Тураби поступил в английский колледж Гордон и закончил его в 1955 году, получив диплом юриста. В 1955 году он становится тайным членом хартумского отделения египетской организации «Братья-мусульмане». Будучи лидером по натуре, Тураби быстро стал руководителем «Движения за освобождение Ислама», ответвления организации «Братья-мусульмане».

Набожность и приверженность исламизму не отвратили Тураби от западноевропейской культуры. В отличие от большинства своих современников, он не боялся западного влияния и контактов с западным миром. Получив в 1955 году стипендию для обучения в Лондонском университете, он поехал в Великобританию; в 1957 году он закончил университет, получив диплом магистра права. В 1959 году он получает стипендию для учебы в Сорбонне, которую он закончил уже доктором права. Тураби свободно говорит по-английски и по-французски, поэтому западноевропейская культура не является для него чем-то чужим и далеким. Во время своего пребывания в Европе он объездил ее всю и до сих пор продолжает много ездить по миру.

Вернувшись в Судан в середине шестидесятых годов, Тураби возвращается к политической деятельности. Он основывает «Фронт исламской хартии» (ФИХ), союз отдельных исламистов и исламистских группировок, который он попеременно с «Братьями-мусульманами» будет использовать для осуществления политических и общественных акций. ФИХ был первой организацией, продемонстрировавшей его склонность решать серьезные проблемы, создавая широкие коалиции, имеющие общие цели и общий знаменатель. В течение последующих десятилетий Тураби будет оказываться то в положении человека, занимающего какую-нибудь должность в правительстве, то в положении человека, находящегося в оппозиции, незапятнанного связями с военными диктатурами. За это время он написал и опубликовал огромное количество

сочинений на политические и религиозные темы. Он стал заметной фигурой и приобрел в кругах исламистов-интеллектуалов репутацию одного из главных авторитетов в области политического ислама, занимавшегося проблемой отношений между исламистским возрождением и современным государством. В 1980-х годах он был поглощен идеей приведения в соответствие Шари, традиционного свода предписаний ислама, и юридических и законодательных норм современных государств.

Вполне естественно, что генерал Башир пригласил Тураби помочь ему сформулировать принципы правления военной диктатуры исламистского толка. Тураби откликнулся на это приглашение, и Судан превратился в мировой центр возрождения суннизма. Какие бы сомнения не испытывал Тураби по поводу того, нужно ли занимать враждебную позицию по отношению к Западу, после войны в Персидском заливе их у него не осталось.

Временной отрезок между 1991 и 1993 годами — время окончательного формирования взглядов Усамы бин Ладена — был решающим для движения исламистов-суннитов. Мусульманский мир постепенно приходил в себя после потрясения, которое на Западе называют «войной в Персидском заливе». Для мусульманского мира это было болезненным событием; священный союз мусульманских стран испытал шок: одни мусульманские страны стали союзниками ненавистного Запада, объявили войну и разгромили другое мусульманское государство. Не удивительно, что исламисты называют это время аль-Азма — «Кризис», для приверженцев ислама это было бедствие, сравнимое лишь с образованием государства Израиль. Исламисты заявляли, что во время Кризиса стало абсолютно очевидно, что такие коррумпированные и ненавидимые своим населением правительства, как правительства Саудовской Аравии и Кувейта, смогли удержаться у власти только благодаря стремлению Запада поддерживать эти марионеточные режимы во что бы то ни стало, включая массивную военную помощь. Единственно возможной стратегией для наиболее радикально настроенных исламистов было принять вызов Запада и в особенности Соединенных Штатов, чтобы защитить свое священное право образовать исламские государства во всех мусульманских странах.

Тураби способствовал тому, чтобы воплотить эти намерения в жизнь. С осени 1991 года и еще активнее с весны 1992 года исламский терроризм претерпевает фундаментальную трансформацию в том, что касается терроризма, подрывной деятельности и насилия. Данная трансформация привела к беспрецедентной эскалации исламского джихада против иудео-христианского мирового порядка. Исламисты считали, что кульминационным пунктом этой борьбы является значительное усиление террористической деятельности в странах Западной Европы. В основе данного явления лежала интеграция террористических организаций суннитов в новый Интернационал исламистов, широкая коалиция различных организаций моджахедов, которые действовали в рамках теологической доктрины Международного мусульманского братства (ММБ). Контролируемый и финансируемый Ираном и управляемый через Судан шейхом Тураби, Исламистский интернационал является осуществлением разработанного аятоллой Хомейни плана всемирной исламистской революции, в процессе осуществления которой различия между суннитами и шиитами приниматься во внимание не будут.

Шииты, составляющие примерно 15 процентов всех мусульман, отделились от большинства мусульман, которое составляют сунниты, в конце VII века после ожесточенной борьбы за наследие пророка Мухаммеда. Между шиитами и суннитами существуют серьезные разногласия, касающиеся распространения революционного ислама для установления халифата в условиях современного общества. Политическая доктрина суннитов, сформулированная в 1950-х годах египтянином Саидом Мухаммедом Кутбом, предполагает, что поскольку государство-нация представляет собой реальность, изменить которую невозможно, движения исламистов должны сначала прийти к власти в отдельных странах, а затем объединить эти страны в единый халифат. Политическая доктрина шиитов, возникшая в середине 1940-х годов, постулирует, что поскольку государство-нация не является исламскими образованиями, их существование не должно приниматься во внимание для распространения ислама. Законные вожди исламистов, такие как Хомейни, имеют право и просто обязаны активно поддерживать все исламистские организации и бороться со своими врагами — главным образом с США — во имя исламской солидарности. Данная позиция лежит в основе финансирования и поддержки Ираном бесчисленных террористических и подрывных организаций исламистов.

Рассматривая проблему осуществления исламской революции в современных условиях, Тураби заявлял, что различные подрывные организации, действующие на территории стран Ближнего Востока, борются уже не с правительствами этих стран, а с марионеточными режимами,

поддерживаемыми Соединенными Штатами. Пытаясь свергнуть эти режимы и превратить эти страны в исламистские государства, исламисты на самом деле вынуждены бороться с Соединенными Штатами. Поэтому для того, чтобы одержать победу в борьбе с этими марионеточными режимами и победить Соединенные Штаты и страны Западной Европы, развязывание международного терроризма признается вполне приемлемым. Принимая во внимание двойной характер этой угрозы — присутствие американских войск и оказываемое политическое влияние — исламистские организации из различных стран должны объединиться в борьбе против своего общего врага. Данный постулат расчистил дорогу для возникновения альянсов террористических организаций суннитов, которые действовали по всему миру, борясь за победу исламской революции.

В начале 1990-х годов такое изменение тактики не было пустыми рассуждениями теоретического характера, оно начало осуществляться через Исламистский интернационал. «Вооруженное исламское движение» (ВИД) является террористическим звеном Исламистского интернационала. Больше известное как Международный легион ислама, ВИД возглавляет новую волну международного терроризма. Главных террористов обычно называют «афганцами». Многие из них проходили подготовку с моджахедами в Пакистане, некоторые воевали в Афганистане. С начала 1990-х годов Исламский легион посылает членов своей организации в Азию, Африку, Европу и Соединенные Штаты для поддержки, подстрекания и осуществления того, что руководство этой организации считает борьбой за освобождение ислама. В настоящее время связанные с этой организацией группы исламистов действуют по всему миру, особенно там, где живут мусульмане. У исламистов имеются базы и вспомогательные объекты в Судане, Иране, Афганистане и Пакистане, где они проходят военную, террористическую подготовку и обучаются осуществлять тайные и подрывные операции; обучают их профессиональные инструкторы со всего мира. Исламские террористы попадают в эти лагеря через Тегеран, Хартум и Исламабад.

Во время своего пребывания в Судане Усама бин Ладен внес значительный вклад в становление нового исламистского интернационала и особенно ВИД. На этой стадии он выполнял функции основного посредника, но еще не имел того теологического и идеологического влияния, которое он имеет сейчас.

Приход к власти генерала Башира в результате военного переворота в июне 1989 года ни в коей мере не был просто очередным военным переворотом в странах Ближнего Востока, он стал событием стратегического значения. Решимость Башира превратить Судан — бедную, слаборазвитую страну, раздираемую братоубийственной гражданской войной, — в исламистское государство привела к резкому изменению стратегического положения Восточной Африки.

Вскоре после захвата власти Башир пригласил Тураби, чтобы провести с ним консультации о том, какую роль может сыграть Судан в распространении исламской революции. После этих дискуссий Тураби объявил о ведущей роли «Братьев-мусульман» (БМ), которое имело в Судане довольно прочные позиции. В августе 1989 года лидеры БМ встретились в Лондоне и приняли решение превратить Судан в прибежище исламистских движений из арабских стран, Африки и Азии. Судан и руководство МБМ заключили соглашение о том, что Судан становится плацдармом для внедрения исламистов в арабские и африканские страны в обмен на значительную финансовую помощь. Для этой цели на встрече в Лондоне было принято решение о создании в Хартуме под председательством Тураби совета руководства БМ, состоящего из девятнадцати человек.

Судан стремился стать государством исламистского типа, в связи с этим у него наметилась смена союзников и покровителей. Однако превращение Судана из союзницы Ливии и Ирака в союзницу Ирана было проблемой не только смены союзников. В связи с характером как военного режима в Судане, так и суданских исламистских организаций, это был серьезный процесс, затрагивавший идеологию всего мусульманского мира. К началу девяностых годов Судан был готов превратиться в форпост распространения исламистской революции в духе аятоллы Хомейни.

Серьезное сближение Судана с Ираном произошло в начале весны 1991 года на волне кризиса в Персидском заливе и особенно из-за того, что Саддаму Хуссейну не удалось начать настоящий джихад, о начале которого он объявил. Тураби занял эту нишу в самый разгар движения вооруженных исламистов, объявив о создании универсальной структуры для исламистского движения. Конференция арабских и исламских народов, одна из грандиозных организаций, созданных Тураби, была проведена в Хартуме с 25 по 28 апреля 1991 года. С момента ее

создания Тураби является ее постоянным руководителем. Ключевые решения были приняты на закрытом совещании в доме Тураби, в Хартуме, накануне этой конференции; в отношении событий чрезвычайной важности такая процедура будет проводиться и в дальнейшем. Эта конференция фактически была конгрессом террористических организаций и массовых исламистских движений из пятидесяти четырех стран. Это была первая серьезная попытка скоординировать вооруженную борьбу исламистов-суннитов как против консервативно настроенных членов мусульманского сообщества, так и против Западных стран, это была месть за войну, развязанную против Ирака.

На конференции в Хартуме был также основан первый революционный интернационал исламистов-суннитов, названный Народная международная организация (НМО). В своем обращении Тураби подчеркнул, что цель НМО состоит в том, чтобы разработать глобальный план действий, чтобы бросить вызов агрессивной политике Запада, поскольку Аллах больше не может терпеть присутствие в нашем мире абсолютно материалистического государства. НМО учредил постоянный совет, состоящий из пятидесяти членов, каждый из которых представлял те пятьдесят стран, в которых шла борьба за освобождение ислама.

На Иран произвело серьезное впечатление рвение и решимость участников, проявленные во время проведения Конференции арабских и исламских народов; власти Ирана предложили профессиональную помощь для того, чтобы ускорить распространение исламской революции. Наиболее важной была помощь Ирана в организации штаб-квартир НМО. Спустя несколько дней после окончания конференции полковник суданской разведки Аль-Фатих Урва отправился в Тегеран. Вернувшись в Хартум, он привез с собой новейшие системы связи, в том числе электронное оборудование для создания помех в эфире для того, чтобы НМО могла поддерживать связь с многочисленными исламистскими организациями, разбросанными по всему миру. Секретные методики и коды связи также были разработаны прибывшими в Хартум специалистами из Ирана и организации «Хизбалла», а также сотрудниками египетской спецслужбы «Мухабарат».

С помощью иранских специалистов и ветеранов террористического движения, включая моджахедов, воевавших в Афганистане, Судан начал повышать уровень подготовки, которую проходили исламисты в местных лагерях, и включать в нее подготовку к масштабным операциям. Наиболее важной считалась подготовка к серии террористических актов в Западной Европе, которые должны были быть осуществлены, начиная с лета 1991 года. Два наиболее значимых тренировочных лагеря террористов находились в аль-Шамбате и аль-Мазраа, там проходили переподготовку террористы из Туниса, Алжира, Франции и Бельгии. Они изучали такие дисциплины, как стрелковое оружие, приемы самообороны, взрывчатые вещества, организация засад, изготовление взрывчатых веществ из подручных материалов, ориентирование на местности и использование приборов ночного видения. Программа специализированной подготовки для египетских исламистов и исламистов из других стран была разработана Абудом аль-Зумуром, бывшим сотрудником военной разведки, который в те дни находился в египетской тюрьме за участие в покушении на президента Египта Садата; аль-Зумур продолжал возглавлять отделение «Исламского джихада», он переправлял свои инструкции через Пакистан. В одной из инструкций, тайно переправленной через Пакистан, Зумур излагал профессиональные критерии, необходимые для осуществления международных террористических операций. Аль-Зумур подчеркивал, что для того, чтобы исламисты смогли действовать в Западных странах, они должны соблюдать меры профессиональной предосторожности, в том числе носить «обычную одежду, бриться и почаще бывать в кафе».

Тегеран также не скупился на открытую поддержку Тураби и новых международных организаций, которые были недавно им созданы. 18 октября 1991 года Иран созывает Международную конференцию для поддержки исламской революции народа Палестины, на которой присутствовало более 400 делегатов, по одним данным из сорока пяти, по другим — из шестидесяти стран. НМО присутствовала на этой конференции в качестве значимого члена исламского революционного движения; во время заседаний несколько связанных с НМО политических деятелей, включая Тураби, занимали места в президиуме. Террористические и подрывные организации НМО были приняты в возглавляемую и финансируемую Ираном систему международных террористических организаций, при этом о принадлежности Тураби к суннизму вопрос даже не поднимался. Таким образом, шиитский Иран не имел ничего против НМО, полностью состоявшей из суннитов; на Тураби и его сподвижников это произвело большое впечатление. Иран пообещал и в дальнейшем сотрудничать и координировать свои действия с Тураби. Сразу же после окончания конференции иранские спецслужбы отправили три делегации специалистов в различные азиатские, африканские и арабские страны для осуществления

финансовых, экономических и политических решений, которые были приняты на этой конференции, и для эскалации вооруженной борьбы исламистов.

Несмотря на дружественную позицию Ирана, Тураби и его сподвижники были поражены невероятной пропастью между профессиональной подготовкой террористических организаций, возглавляемых Ираном и Сирией, и их собственной организацией подобного рода. Несмотря на свое рвение и преданность исламу, исламисты-сунниты на самом деле практически ничего не знали о таких важнейших аспектах международного терроризма, как организация нелегальной работы, обеспечение безопасности ячеек, борьба с секретными службами иностранных государств или организация покушений. Им также не хватало знаний о том, как нужно действовать за пределами своей собственной страны, особенно в странах Западной Европы. Сразу же после возвращения из Тегерана Тураби созвал специальный совет, состоявший из сорока членов, для выработки стратегии основных действий. Он признал, что движению исламистов пока не удалось достичь ожидаемых результатов. Одновременно с этим до того, как ситуация на Ближнем Востоке нормализуется, необходимость эскалации борьбы исламистов будет еще более актуальной, особенно в таких странах, как Египет. Тураби заверил собравшихся в том, что «политика предоставления помощи солдата Мухаммеда в Египте будет продолжена и что исламисты рано или поздно одержат победу». Размер помощи, которая уже оказывалась моджахедам в Египте, — начиная с 1990 года это был один из основных проектов Тураби, — будет увеличен. В конце своего выступления Тураби подчеркнул важность для суданских спецслужб отношений с Ираном и мировым исламистским революционным движением.

Затем Тураби начал работу по совершенствованию руководства и системы управления движения исламистов. В конце 1991 года он учредил в Хартуме верховный совет НМО и БМ. Около 350 исламским чиновникам, инструкторам и политическим деятелям из разных стран, постоянно проживавшим в Хартуме, было предложено пройти специальную подготовку для того, чтобы они смогли внести свой вклад в борьбу исламистов. Усама бин Ладен был одним из тех, кому было предложено помочь НМО, и на протяжении следующих лет бин Ладен внес значительный вклад в усиление движения исламских террористов. Тураби обратил внимание на бин Ладена и приблизил его к себе, делаясь с бин Ладеном своими мыслями о роли и судьбе движения исламистов.

К концу 1991 года Иран добился определенных успехов и образовал стратегический альянс с Суданом. Между двумя этими странами уже установились весьма тесные отношения и сотрудничество в таких областях, как защита и поддержка исламских террористов. Однако окончательно все препятствия на пути образования по-настоящему тесного альянса исчезли после того, как Тураби удалось найти теологический компромисс между кутубизмом (учением суннита Сайда Мухаммада Кутба (1906–1966) и хомейнизмом (учением шиита аятоллы Хомейни (1902–1989) относительно роли ислама в качестве основной силы современного мира и применить его к революционному движению исламистов. Окончательно данный стратегический альянс, превративший Судан в политического вассала Ирана, оформился в середине декабря во время визита в Хартум иранской делегации, состоявшей из 157 человек, которую возглавлял президент Ирана Али Акбар Хашеми Рафсанджани; в ее состав входили министр иностранных дел, министр обороны, руководитель разведывательной службы, руководитель Исламской революционной гвардии (ИРГ), министр ведения джихада, министр торговли и глава бюджетного ведомства. Они подписали несколько договоров о сотрудничестве в военной области и поддержке терроризма, а также договор об экономическом сотрудничестве, по которому Иран должен был поставлять в Судан нефть, продовольствие и предоставлять ему различную экономическую помощь. В совокупности эти соглашения способствовали превращению Судана в государство, полностью зависимое от Ирана. В начале 1992 года Судан превратился в стратегический оплот и стал основным членом инфраструктуры экспорта исламской революции в страны Ближнего Востока и Африки. Судан следовал той роли, которую Иран отводил ему в своем грандиозном замысле.

Усама бин Ладен, объявленный властями США террористом № 1 Усама бин Ладен на плакате... .. в библиотеке... и в военной палатке Фотографии Усамы бин Ладена, сделанные в разные годы 11 сентября 2001 года. Угонщики превратили самолет рейса 175 авиакомпании «Юнайтед Эйрлайнз» в управляемый снаряд, который протаранил южную башню ВТЦ Пассажирский самолет врезается в южную башню ВТЦ Рушится ВТЦ, символ экономического благополучия Америки, в котором располагалось 10 % всех офисов центра Нью-Йорка Некоторые в отчаянии выбрасывались из окон небоскребов Спасатели и пожарные за работой Этой женщине повезло: она спаслась из огненного

ада Спасатель несет раненую молодую женщину к машине скорой помощи Бруклинский мост. Жители Нью-Йорка покидают опасную зону Испуганные люди стараются оказаться как можно дальше от места катастрофы Другой самолет рейса 77 авиакомпании «Америкэн Эйрлайнз» протаранил в Вашингтоне западную часть Пентагона, выходящую на Арлингтонское национальное кладбище Выступление Буша, на котором он объявил войну международному терроризму Его разыскивает ФБР Сеть террористической организации «аль-Каида», возглавляемой бин Ладеном, охватывает многие страны земного шара На карте Афганистана кружками обозначены базы и тренировочные лагеря сторонников бин Ладена Президент Афганистана Бархануддин Раббани был свергнут талибами в 1996 году Публичные казни на улицах Кабула в годы правления Раббани В годы правления талибов женщины без сопровождения близких родственников могли ездить в такси только в багажнике В военных лазаретах «Талибана» женщины-сиделки и медсестры не допускались к раненым Непроглядная нищета заставляет детей искать пропитание на рынке... ..или на помойке Плантации мака недалеко от Джелалабада. В настоящее время Афганистан производит до 75 % всего героина в мире Талибский солдат наказывает палкой человека за то, что он не пришел на молитву

Понимая опасность по-прежнему значительного разрыва между террористическим движением, финансируемого Ираном, и его зарождающимся суданским аналогом, в Иране решили проверить, как выполняются решения, принятые на октябрьской конференции, и изучить, как идет подготовка к исламскому джихаду. В начале февраля 1992 года в Тегеране была созвана международная конференция, на которой присутствовало восемьдесят членов руководящего состава двадцати террористических организаций. Эта конференция была созвана под предлогом празднования годовщины Иранской революции. Руководители террористических организаций встречались с высокопоставленными сотрудниками иранской разведки, спецслужб, ИРГ, организациями, занимающимися пропагандой идей исламской революции, благотворительного фонда «Шахид» (государственной организации, которая финансирует квазизаконные мероприятия исламистов, такие как создание гуманитарной и социальной инфраструктур для террористических организаций) и благотворительной организации «Имам» (финансирование Хомейни акций особой важности, таких как террористические и подрывные акции, направленные против ведущих деятелей стран Западной Европы). Вместе они выработали совместную доктрину ведения джихада и согласовали способы его осуществления. Руководители террористических организаций согласовали пути реорганизации и совершенствования своих организаций, а также методы усиления их потенциальных возможностей, меры, которые были осуществлены незамедлительно на деньги, выделенные Ираном.

Тем временем, поставки вооружений Ираном Судану продолжали увеличиваться. К весне 1992 года влияние иранского опыта и знаний стало ощутимым. Тураби и его заместитель, Али Утхман Таха, несколько раз тайно посещали Иран; последняя из поездок состоялась в начале февраля. Они просили увеличить объем оказываемой помощи. Иран согласился обучать сотрудников суданских спецслужб навыкам допрашивания и ведения военных операций. Иран также согласился предоставить Судану самую разнообразную военную помощь — от консультаций военных советников до поставок вооружения — для ведения непрекращающейся войны с повстанцами на юге Судана. В конце февраля Организация исламских революционных гвардейцев заняла здание хартумской тюрьмы «Кабар» и превратила ее в свой главный штаб в Судане — это было очевидным свидетельством серьезности намерений Ирана. В середине марта генерал Мухсин Резаи, командующий Исламской революционной гвардии, тайно посетил Судан во главе делегации высокопоставленных иранских военных. Он проинспектировал и одобрил ирано-суданские военные приготовления к наступлению на юге Судана и обсудил просьбу Судана о поставках оружия и оказании материально-технической помощи для обеспечения предстоящих военных операций. Кроме этого он посетил тренировочные лагеря террористов, где исламисты проходили подготовку под руководством членов Исламской революционной гвардии. Возвратившись в Тегеран, Резаи представил положительный отчет о своей поездке, и Иран еще более увеличил объем прямого вмешательства и поддержки и Судана, и террористического движения исламистов.

В 1992 году возник новый Исламистский интернационал, который позволил объединить и скоординировать действия различных вооруженных организаций исламистов-суннитов от Западной Африки до Ближнего Востока. Такие вооруженные организации теперь стали быстро возникать в мусульманских и немусульманских странах. Исламистский интернационал был основной силой исламистского прозелитского движения, его члены активно участвовали в

многочисленных вооруженных стычках и подрывных операциях, осуществлявшихся по всему миру. Эта новая организация стала ответвлением уже существовавших военно-политических организаций «Братьев-мусульман». НМО являлась верховным органом, координирующим многочисленные экстремистские организации ис: ламистов, поддерживаемые Ираном и Суданом. Кроме этого, Тураби расставлял людей, которым он доверял, на ключевые посты для того, чтобы обеспечить глобальный характер исламистского движения. К середине 1992 года Усама бин Ладен уже принадлежал к узкому кругу сподвижников Тураби.

Усама бин Ладен приехал в Хартум в 1991 году, решительно настроенный вести спокойную жизнь и снова заняться бизнесом. Он изучал ситуацию на местном рынке и возможности ведения бизнеса за границей, в частности в Пакистане, Афганистане и Восточной Африке, рассматривал возможность заняться финансированием импортно-экспортных сделок, сулившим немалые выгоды. Он установил рабочие отношения с несколькими банками и международными финансовыми организациями. Однако его мирная жизнь продлилась недолго.

5 июля 1991 года мусульманский мир испытал потрясение: сотрудники Bank of England объявили о закрытии Международного банка кредитования и торговли (МБКТ); в мире разразился грандиозный финансовый скандал. Этот банк принадлежал Пакистану, там хранили свои деньги богатые арабы из стран Персидского залива; МБКТ пользовался весьма дурной славой из-за того, что оказывал довольно «специфические услуги»: отмывал деньги террористических организаций, спецслужб мусульманских стран, моджахедов, тайно финансировал сделки по покупке обычных видов оружия, оружия массового поражения, секретных технологий стратегической важности; переправлял и отмывал огромные суммы денег, которые нахватали высокопоставленные коррупционеры, находившиеся у власти во многих развивающихся странах. На всем протяжении восьмидесятих годов этот банк был основным средством для перевода и отмывания средств, которыми ЦРУ тайно снабжало афганских моджахедов. Саудовская Аравия, Пакистан и другие страны также использовали МБКТ для осуществления своих собственных тайных операций. Поэтому неудивительно, что афганское сопротивление и другие исламистские организации также пользовались услугами МБКТ. Финансируя все эти исламистские «мероприятия», руководство МБКТ не только не вело никакой отчетности, но и позаботилось о том, чтобы набить себе карманы и в официальном, и неофициальном порядке. Банк превратился в пустышку без какой-либо финансовой кредитоспособности; при этом по всему миру путешествовало огромное количество его неучтенных грязных денег. И как только была проведена серьезная финансовая проверка, выяснилось, что его нужно ликвидировать, пока он не лопнул и не потянул за собой в финансовую пропасть другие банки. В июле 1991 года террористы не только лишились своих денег, но и возникла серьезная угроза того, что огромное количество финансистов, регуляторов, юристов и, без сомнения, сотрудников спецслужб на Западе, занявшихся расследованием деятельности МБКТ и получивших доступ к его финансовым документам, докопаются до финансовых махинаций исламистов.

Итак, в самом разгаре подготовки к новому наступлению по всему миру исламисты лишились основной финансовой организации, обеспечивавшей надежное финансирование их операций. Судану срочно понадобился человек, который смог бы сделать все возможное для восстановления всемирной финансовой сети как для НМО, так и для ВИД. В тот момент Усама бин Ладен был наиболее подходящей кандидатурой для Судана для того, чтобы уладить возникший финансовый хаос. В конце лета 1991 года Тураби связался с бин Ладеном и попросил его о помощи.

Крах МБКТ и волны потрясений, которые продолжали будоражить исламский мир, оказались совершенно нестати. Тураби всегда понимал, насколько важно иметь надежную финансовую систему, через которую можно оказывать финансовую поддержку действиям исламистов. К тому времени, когда Башир пришел к власти, Судан уже становился основным центром финансирования исламистских организаций в этом регионе, особенно в Северной Африке. К концу восьмидесятих годов «Братья-мусульмане», под руководством Тураби, обрели контроль и способность влиять на действия нескольких крупнейших исламских финансовых организаций, осуществлявших свои операции на Западе, таких как Исламская холдинговая компания, Исламский банк Иордании, Исламский банк Дубай, Исламский банк Файсал. В начале 1991 года «Братья-мусульмане» рассматривали учреждение в Алжире банка «Таква» как начало того, что один представитель египетских властей назвал «учреждением всемирного банка для фундаменталистов», способного конкурировать с Западными финансовыми организациями. Пока происходили все эти события и вышеперечисленные банки еще только готовились к

финансированию тайных операций, для осуществления текущей финансовой деятельности Судан мог положиться на МБКТ.

Но летом 1991 года, когда эти проекты еще не были завершены, МБКТ перестал существовать. Помимо всего прочего, соглашения, переговоры о заключении которых велись между Ираном и Суданом, включали в себя и финансовые вопросы, а именно финансирование различных исламистских организаций. До того, как Иран начнет переправку денег, нужно было найти новые организации.

Итак, в конце 1991 года, когда Иран перевел Тураби 30 миллионов долларов США для того, чтобы помочь профинансировать контролируруемую «Братьями-мусульманами» банковскую систему, начальная схема, усовершенствованная Усамой бин Ладеном, была готова. Поскольку спецслужбы всех стран мира уделяли особое внимание иранским банкам и контролировали их операции, они не могли быть использованы для нелегальных операций. Вместо них для нелегального перевода денег использовалась целая сеть счетов, которые Усама бин Ладен открыл в суданских банках, контролировавшихся ИМВ. Вскоре при помощи этих банковских сетей стало возможно осуществлять и другие тайные переводы денег. Например, накануне выборов в Алжире богатые иранцы и исламисты из стран Персидского залива перевели на счета отделения Исламского банка Файсал в Хартуме 12 миллионов долларов США. Из этого банка деньги были тайно переправлены в Алжир для поддержки движения поддержки «Исламского фронта освобождения» (ИФО). Еще 20 миллионов долларов США было переведено в начале 1992 года, сначала в Судан, а затем в Алжир для поддержки движения местных исламистов, главным образом членов ИФО. В середине 1992 года Иран предоставил Алжиру дополнительную помощь в размере 30 миллионов долларов США для ускорения процесса подготовки террористов. Тем не менее, большая часть данных средств — а они были предоставлены в твердой валюте — была направлена на счета подконтрольных Тураби лондонских банков для финансирования операций международных террористов. В Хартуме все расходы, связанные с подготовкой террористов в Судане, покрывались из государственной казны.

Но все это были разовые операции. Бин Ладен и Тураби понимали, что им нужна более сложная система. Помимо всего прочего, Гулбадин Хекматияр готовился к переброске наркотиков из Афганистана на Запад, он собирался направить доходы от торговли наркотиков на поддержку зарождающихся террористических организаций. А для этого требовалась другая система отмывания денег.

Бин Ладен пошел двумя путями. Сначала он открыл несколько счетов в различных ближневосточных, африканских и европейских банках, используя свои собственные деньги и деньги богатых сторонников Тураби. Эти деньги использовались главным образом в качестве обеспечения других операций, правда, деньгами с этих счетов покрывались и относительно легальные расходы. Например, приобретение продовольствия и медикаментов для ветеранов афганской войны, живших в Судане и других мусульманских странах, было оплачено чеком на два миллиона долларов США, выписанным на один из личных счетов бин Ладена в Исламском банке Файсал. Бин Ладен заявляет, что он лично передал Тураби чек на эту сумму.

Однако перевод и отмывание более значительных сумм требовали создания более серьезной финансовой системы. Для этого бин Ладен и несколько богатых, верных Тураби суданцев вложили деньги в Северный Исламский Банк Шамаль в Хартуме. Бин Ладен заявлял, что он положил в этот банк 50 миллионов долларов США, хотя до сих пор неизвестно, кому на самом деле принадлежали эти деньги. Данная операция весьма показательна для характера финансовой деятельности бин Ладена в Судане. В качестве благодарности за ее осуществление правительство Судана передало бин Ладену в собственность один миллион акров земли в Кордофане и западном Судане, которые он использует в сельскохозяйственных целях. Правда, деньги не переходили из рук в руки и по документам они тоже никак не проходили. Материалы, которые удалось получить египетским спецслужбам в 1995 году, содержат информацию о величине фигурировавших там сумм. В начале девяностых годов, вероятнее всего, в 1993 или 1994 году, Тураби принял решение об организации особого фонда для финансирования исламского джихада в странах арабского мира и африканских странах в рамках Конгресса арабов-мусульман, фонда, который должен был использоваться организациями египетских моджахедов. «В этот фонд было переведено приблизительно сто миллионов долларов США», — рассказал один из руководителей исламистов на допросе, проведенном египетскими спецслужбами. Для наблюдения за этим фондом, — по всей видимости, одним из многочисленных фондов подобного рода — был учрежден специальный комитет,

возглавляемый помощником Тураби, Ибрагимом аль-Сануси, он также руководил управлением, специально организованным для египетских «афганцев».

Однако это было только начало. К середине девяностых годов, опираясь на семейные связи и своих покровителей, связь с которыми он поддерживал еще со времен войны в Афганистане, Усама бин Ладен завершил организацию обширной и по своей сути полностью закрытой финансовой системы для поддержки сети террористических организаций, которую его ближайший друг, Аймана аль-Завахири, организовывал в Европе. Финансирование этой сети осуществляется через полностью независимую организацию под названием «Группа единомышленников». Ее костяк составляет группа из ста тридцати четырех чрезвычайно богатых арабов, проживающих в странах Персидского залива. Цель данной финансовой системы состоит в том, чтобы скрыть каналы передачи денег и не дать возможности спецслужбам западных стран выяснить, какие именно страны снабжают террористов деньгами. Основные члены «Группы единомышленников» имеют на Западе хорошо известные финансовые организации — сорок пять членов этой организации имеют крупные компании и предприятия в Соединенных Штатах. Все эти финансовые образования и институты используются новой террористической организацией в качестве прикрытия, средства финансовой поддержки и внутренней связи. Данная система также обеспечивает легальное присутствие в Соединенных Штатах высокопоставленных организаторов террористической деятельности и террористов, предоставляя им постоянные должности и давая возможность получать деловые визы. В Западной Европе предоставлением подобного рода услуг занимается порядка восьмидесяти членов этой организации.

Вся эта организованная бин Ладеном финансовая система, по всей видимости, функционирует весьма надежно и эффективно. Наиболее важным доказательством этого служит тот факт, что практически ни один доллар из денег, предназначавшихся террористам, не был перехвачен. Многочисленные исламистские организации существуют в самом центре Запада — в таких дорогих городах, как Женева, Лондон или Чикаго — без каких-либо видимых источников дохода. Исламистские организации растут как грибы, используя большие суммы непонятно откуда взявшихся денег. И поскольку деньги доходят до тех, кому они предназначаются, и обнаружить каналы их передачи не удается, финансовая система бин Ладена функционирует весьма успешно.

Изучая материалы, полученные от одного высокопоставленного активиста террористической организации, египетские спецслужбы обнаружили в мае 1993 года свидетельство того, что «деловые интересы» бин Ладена помогали переправлять деньги египетским исламистам для того, чтобы они смогли приобрести оборудование, печатные станки и оружие. Египтяне смогли выявить всего лишь одну большую операцию и не смогли отследить весь поток поступающих денег. В 1994 году египетские спецслужбы подсчитали, что «по подсчетам, ежегодно террористы получают полмиллиарда египетских фунтов. Эти деньги расходуются ими на покупку оружия и взрывчатки, выплаты тем, кто осуществляет террористические акты, помощь семьям террористов, находящимся в тюрьмах и так далее. Постоянный поток денег является причиной непрекращающихся террористических актов, совершенных в последнее время». Несмотря на то что египетские спецслужбы смогли перехватить несколько чеков, выписанных в других странах, им не удалось ни выяснить происхождение этих денег, ни остановить их поступление. И Египет — не единственная страна, которая не в состоянии решить эту проблему. Неспособность секретных служб нескольких стран проследить источники поступлений чеков и наличных денег, которыми располагают террористы, свидетельствует о сложности этой проблемы.

Тем временем Усама бин Ладен организовал еще одну абсолютно независимую финансовую систему для передачи денег террористам, особенно тем, которые действуют на Западе, имея квазилегальный статус. Эта система была первоначально частью благотворительной организации «аль-Кайда», которую бин Ладен основал в середине восьмидесятых годов для Аззама. Данная организация первоначально использовалась для переправки денег для ведения джихада в Пакистане и Афганистане, но в своем новом качестве она занималась переправкой денег для помощи исламистским центрам и благотворительным организациям во всем мире, в частности в Боснии и Косово, где действовали борцы за веру. Так же, как и в случае с системой нелегального финансирования, эта квазилегальная система быстро распалась на несколько, на первый взгляд, абсолютно не связанных между собой благотворительных фондов и организаций с двойным дном, которые взаимодействовали друг с другом и занимались переброской людей и средств, а тем временем западные спецслужбы пытались распутать этот сложный клубок.

Одно из наиболее скрупулезных исследований деятельности исламских благотворительных фондов было проведено осенью 1993 года в Хорватии. В результате исследования был сделан

вывод о том, что в бывшей Югославии и особенно в Боснии и Герцеговине основной элемент финансируемой Ираном исламистской террористической инфраструктуры скрывался под вывесками различных исламских благотворительных фондов. Эти организации действовали в Загребе, сотрудничая и координируя свои действия с местными представителями иранских спецслужб и организации «Хизбалла». Мохаммад Джавад Асаеш, занимавший тогда высокую должность в иранском посольстве в Загребе, отвечал за разведывательные и террористические операции на Балканах и в Европе, которые проводились под прикрытием гуманитарной деятельности. Подавляющее большинство средств для этих организаций передавалось либо через благотворительный фонд «Мустазафин», «крышу» иранской разведки, либо через благотворительные фонды эмиратов Саудовской Аравии или стран Персидского залива, которые через Усаму бин Ладена подчинялись Тураби. В то время в Боснии и Герцеговине под прикрытием различных примерно двух десятков «благотворительных фондов» и «гуманитарных организаций» действовало в общей сложности от четырех до шести тысяч исламских террористов. С тех пор ситуация там изменилась не сильно.

Эти «благотворительные фонды» и «гуманитарные организации» не просто служат прикрытием для деятельности исламских террористов. Они действительно предоставляют разнообразную социальную и гуманитарную помощь: они организуют школы, детские сады, больницы и поликлиники, фермы и мастерские, они распределяют одежду и помогают осуществлять различные социальные программы. Все эти мероприятия осуществляются с целью обратить в ислам тех, кого они снабжают помощью. В конечном итоге исламисты поддерживают нуждающихся и духовно, и экономически. В большинстве случаев они оказываются единственными, кто этим занимается, они действуют там, где и местные власти, и западные гуманитарные организации не способны ничего предпринять. Они получают широкую настоящую поддержку и благодарность, те, кому они помогают, готовы принять посильное участие в исламском джихаде от помощи и поддержки исламских террористов до поощрения местной молодежи к вступлению в ряды борцов за веру. Учитывая царящие в развивающихся странах лишения и нищету, борьба исламистов за умы и сердца своих единоверцев оказывается чрезвычайно успешной, позволяющей ей получать твердую народную поддержку.

В одном интервью, данном в 1996 году, бин Ладен намекнул на размер его финансово-гуманитарной деятельности. «Проще говоря, организация бин Ладена оказывает помощь в тринадцати странах, в том числе в Албании, Малайзии, Пакистане, Голландии, Великобритании, Румынии, России, Турции, Ливане, Ираке и в некоторых странах Персидского залива, которые в данном случае нет необходимости упоминать», — пояснил он. «С недоброй улыбкой на лице, — замечает египетский корреспондент, — бин Ладен добавил, что «эта помощь в основном поступает от Международного общества гуманитарной помощи, которое было основано в 1982 году в Афганистане»». Вне всякого сомнения, эта улыбка относится к его наглому заявлению, что источником этой помощи является нищий и обездоленный Афганистан, когда на самом деле эти деньги были тайно получены из Саудовской Аравии и стран Персидского залива и тайно отмыты. В настоящее время отделения этих гуманитарных организаций финансируются несколькими финансистами из стран Персидского залива, и их не следует считать предприятиями, принадлежащими бин Ладену. Тем не менее, бин Ладен заявил, что он занимается благотворительной деятельностью. Он заявил: «Основной офис данного общества находится в Стокгольме и имеет отделения по всему миру, в том числе «аль-Мусаада» в Великобритании, «аль-Наджа» в Берлине, «Общество поддержки мусульман» в Италии, «Муваффак» в Загребе и «Байт аль-Ансар» в Пешаваре. Все эти организации «чисты» перед законом».

Помимо той помощи, которую он оказывал, финансируя деятельность исламистов, бин Ладен оказывал Тураби и другие бесценные услуги. Осенью 1991 года власти Судана обратились к бин Ладену за помощью в еще одном важном деле: поправить неудовлетворительное состояние — чтобы не сказать полное отсутствие — у Судана инфраструктуры стратегического значения — дорог, мостов, аэропортов, военных объектов и подобного рода сооружений. В Тегеране подчеркивали свою заинтересованность в наличии в Судане жизнеспособной военной инфраструктуры, и Судан пообещал создать ее. Однако в Судане понятия не имели, каким образом они будут воплощать в жизнь проект подобного масштаба. Опять-таки они обратились к бин Ладену и попросили его о помощи, зная, что в прошлом он занимался строительством крупных строительных объектов.

Бин Ладен учредил «Общество «аль-Джихра» для строительства и промышленных разработок», в частности для строительства дороги стратегического назначения, связывавшей Хартум с Порт-Суданом на побережье Красного моря, а также современного международного

аэропорта в окрестностях Порт-Судана, который был бы в состоянии принимать боевые самолеты и самолеты-разведчики. Он использовал «аль-Джихра» для импорта из Германии грузовиков и тракторов стоимостью приблизительно 15 миллионов долларов. Тураби позаботился о том, чтобы правительство Судана освободило бин Ладена от уплаты таможенных пошлин за ввоз этих тракторов и грузовиков.

К весне 1993 года строительство этой инфраструктуры разрослось до такой степени, что бин Ладен учредил контрольный орган, возглавляемый Абу аль-Хасаном, его ближайшим другом в Судане, с которым он состоял в дружеских отношениях уже более десяти лет. В этом «финансово-отчетном» отделе в Хартуме работало семнадцать человек; они следили за выполнением тех проектов, осуществлением которых занимался бин Ладен. Для контроля за работой на местах бин Ладен нанял большое количество «афганцев» из Афганистана и арабских стран, которых он обучал и с которыми он воевал в Афганистане. В мае 1993 года он привез из Пакистана в Судан, по разным сведениям, от 300 до 480 человек, чтобы они заняли все должности, связанные с управлением и наблюдением за ходом работ.

Приток квалифицированных кадров способствовал увеличению шансов бин Ладена осуществить программу стратегического развития Судана. К началу 1994 года он осуществлял строительство и управление, по крайней мере, тремя крупными лагерями подготовки террористов на севере Судана, инструкторами в этих лагерях работали сотрудники суданской и иранской разведки. К 1996 году, все еще находясь в Судане, он построил и оснастил всем необходимым двадцать четыре террористических лагеря. Кроме того, бин Ладен построил несколько крупных объектов, наиболее важным из которых была плотина аль-Русайрис, крупнейшая в Судане. Он также занимался расширением только что построенной основной магистрали стратегического значения, пятисоткилометрового шоссе военного назначения аль-Таххади, которое связывало Хартум с Шенди и Атбарахом и тянулось дальше, на север до Малака-ла, а оттуда до Вава, располагающегося на юго-западе, и до Джубы, располагающегося на юге Судана. Это единственная жизнеспособная транспортная артерия, которая позволяет осуществлять транспортировку пополнения в живой силе и техники, а также оружия из центральной части страны на юг, что позволяет Судану противостоять силам повстанцев на юге страны. Бин Ладен также управлял строительством каналов аль-Ра-хад и Кианана и многочисленных аэропортов и объектов военного назначения.

Строительство всех вышеперечисленных объектов кардинальным образом изменило стратегическое положение Судана. Если бы они строились в обычном порядке, они бы стоили миллиарды долларов, которых у Судана не было и которые он бы не смог заплатить бин Ладену или кому-либо другому. Не существует также каких-либо доказательств того, что строительство этих объектов финансировал Иран, даже несмотря на то, что эта инфраструктура создавалась главным образом под его покровительством. Даже если до бин Ладена и дошли те деньги, которые он, по слухам, получил в наследство, не может быть, чтобы он финансировал эти проекты. Но он, скорее всего, этим и не занимался, поскольку все эти строительные проекты были для Судана объектами национальной безопасности, они осуществлялись в условиях секретности в том, что касалось оплаты и обеспечения рабочей силой. Бин Ладен участвовал в них как специалист. Компании, которые он «учредил», такие, как «Общество «аль-Джихра» для строительства и промышленных разработок» представляло собой просто-напросто легальное прикрытие для отмывания импорта тяжелой техники и других товаров, которые Судан не мог покупать на Западе. Широко циркулирующие слухи об огромных деньгах, которые были выплачены или должны быть выплачены бин Ладену — это дезинформация и слухи.

Вклад, который Усама бин Ладен внес с начала девяностых годов, — организация международной финансовой системы для исламистов и создание суданской военной инфраструктуры стратегического значения — заставили Тураби и верхушку исламистов полностью доверять ему. Кроме того, в течение этого времени бин Ладен настоял на том, чтобы проделанная им работа не получала никакой огласки, он также отказался от общественного признания или почестей. Каждый год его приглашали на Конференцию арабских и исламских народов, но он регулярно отказывался от присутствия на ней, и это несмотря на то, что присутствие на этой конференции является показателем того положения, которое человек занимает в арабском мире. Между тем сообщается, что Усама бин Ладен пожертвовал на проведение этих конференций взнос размером в несколько миллионов долларов. К 1993 году Усама бин Ладен нашел свой путь в узкий круг руководства международного исламистского движения. И это было только начало.

В начале девяностых система подготовки исламских террористов в Пакистане, Афганистане, Судане и Иране расширилась и совершенствовалась.

Значение пакистано-афганской террористической инфраструктуры для международного исламистского движения возросло в 1991 году после международного давления и последовавших за ним санкций в отношении Ливии в связи с поддержкой режимом Муамара Каддафи международного терроризма. Тогда против двух сотрудников ливийских спецслужб в Соединенных Штатах было возбуждено уголовное дело за взрыв американского самолета в декабре 1989 года. Суровые международные санкции действовали в отношении Ливии до тех пор, пока эти двое не были высланы в США и не предстали перед судом; выступая за эскалацию террористической деятельности, ливийские власти, тем не менее, решили принять дополнительные меры предосторожности помимо решения о выдаче террористов. Ливийские спецслужбы начали перемещать некоторые из своих тренировочных баз и лагерей в другие страны, например в Судан, Афганистан и Пакистан, где уже осуществлялась активная подготовка исламистских террористов. Наиболее значимым было совершенствование Ливией террористической инфраструктуры в лагерях афганского сопротивления в Пакистане и в Афганистане, рядом с границей с Пакистаном, поскольку, как заявил в 1991 году Каддафи: «Афганистан открыт для всех, кто хочет пройти подготовку».

К 1992 году, когда война в Афганистане почти прекратилась, исламисты уделяли все больше и больше внимания подготовке тысяч своих братьев по вере из мусульманских стран. В начале 1991 года только в районе Ховста находилось приблизительно от двух до трех тысяч добровольцев. Тогда район Ховста, расположенный в восточном Афганистане, недалеко от границы с Пакистаном, быстро становился центром подготовки моджахедов из всех мусульманских стран. (В августе 1998 года американцы нанесли по некоторым из расположенных там лагерей ракетные удары в ответ на взрывы американских посольств в Найроби и Дар-эс-Саламе.) Летом того же года началась организованная переброска в некоторые афганские и пакистанские лагеря тренировочных приспособлений, когда туда начали прибывать группы террористов из Ливии и из других стран. Например, в ноябре 1991 года в Пешавар прибыло от 30 до 35 ливийских профессиональных инструкторов, они заявили, что цель их приезда — «подготовка национально-освободительных сил» в лагерях моджахедов, главным образом в тех, которые были организованы Гулбадином Хекматияром и Абдулом-Расулом Саяфом, еще одним лидером исламистских моджахедов. К марту 1992 года, находясь уже в лагере Саяфа в провинции Кана, они стали правоверными мусульманами и вступили в общество «Братья-мусульмане». Некоторым из них вскоре предстоит сыграть ключевую роль в операции, осуществленной под руководством бин Ладена в Йемене накануне размещения американских войск в Сомали.

Действуя под руководством Тураби, «Вооруженное исламское движение» сыграло главную роль в образовании международной системы подготовки и дислоцирования террористов. Например, весной 1991 года восемнадцать исламистов из Кашмира в течение полугода проходили в Судане специализированную террористическую подготовку. Тураби и Мустафа Утхман лично следили за тем, как проходит их подготовка. Ввиду успешности этой программы в сентябре 1991 года Тураби посетил Пакистан и Афганистан для координации дальнейшей поддержки терроризма и обмена различными мероприятиями. Такие организации, как «Джамаат-и-Ислами» (Пакистан), «Хизб-и-Ислами», «Джамиат-и-Ислами» (Афганистан) и «Хизб-уль-Муджахиддин» (Кашмир) стали членами возглавляемой Тураби Народной международной организации (НМО). В этом качестве эти организации теперь оказывали помощь и тесно сотрудничали с исламистами из Египта, членами организации «Хизбалла», алжирским Фронтом освобождения ислама и суданским «Национальным исламским фронтом». Незадолго до этого члены НМО начали обмениваться специалистами и сотрудничать в проведении совместных акций. Кроме того, Тураби работал над укреплением международных связей и взаимного сотрудничества террористической инфраструктуры в Судане. В конце ноября 1991 года он достиг договоренностей относительно обмена и отправки инструкторов в лагеря исламистов в Пешаваре.

Тем временем огромное количество высокопрофессиональных членов инфраструктуры МВР, созданной для поддержки террористов, годами оказывавшей помощь участникам вооруженной борьбы в Афганистане и Кашмире, расширяли сферу своей деятельности; эта организация начала поддерживать и финансировать исламских террористов по всему миру. К 1992 году, получая финансирование от МВР, ВИД начал финансировать и обучать исламских террористов и боевиков для ведения джихада по всему миру в своих лагерях в Афганистане и Пакистане. Эти террористы, более известные как «афганцы», образовали костяк вооруженных групп во всем мире. Например, в Алжире все основные полевые командиры подрывных, террористических и иррегулярных групп

боевиков участвовали в войне в Афганистане. Египетские «афганцы» также принимали весьма активное участие в акциях исламистов в Египте, где они совершали покушения и участвовали в других специальных операциях. «Афганцы» возглавляли и составляли ядро нового Международного исламского легиона, который теперь отправлял ветеранов афганской войны — полевых командиров и профессиональных экспертов — во все мусульманские страны для поддержки, осуществления и подстрекательства к тому, что они считали борьбой за освобождение ислама.

На протяжении восьмидесятих годов все эти «афганцы» прошли через организации, которые были созданы и руководство которыми осуществляли Аззам и бин Ладен. В начале девяностых, по мере того, как военные действия в Афганистане начинали утихать, многие из этих «афганцев» продолжали получать поддержку от «гуманитарных организаций», основанных, управляемых и финансируемых бин Ладеном и его сторонниками. Однако их взаимоотношения не ограничивались предоставлением и получением помощи. После убийства Аззама ветераны афганской войны еще более стали относиться к бин Ладену, как к человеку, способному примирить их зачастую соперничающие друг с другом организации и движения. Его считали ярким приверженцем делу ислама, человеком, который в случае возникновения каких-либо разногласий или недоразумений будет вести себя беспристрастно по отношению к соперничающим или враждующим сторонам. Со временем бин Ладен стал лидером этих «афганцев». Однако с 1991 по 1992 годы он не принимал участия в разработке боевых операций.

Подготовка и наставления, полученные египетскими «афганцами» в 1992 году в Пакистане, и опыт, который они приобрели, свидетельствуют об уровне обучения и подготовки, которую получали другие «афганцы». Полученные переподготовка и наставления включали в себя отношение к вооруженной борьбе, основанное на абсолютной преданности исламскому джихаду и мученичеству во имя Аллаха и ислама, которые стали принципом их борьбы и идеологической установкой, использование автоматического оружия, в том числе оружия, которое легко носить с собой и прятать под одеждой, изготовление и использование мин и ручных гранат, которые в состоянии причинить наибольший вред противнику, современные методы ведения уличных боев, в том числе психологическая подготовка к таким формам вооруженных действий, убеждение боевиков в том, что их цель состоит в свержении одного режима и установлении другого, строящего свою деятельность на исламских принципах, и что единственным возможным средством для достижения этой цели является вооруженная борьба.

Таким образом, «афганцы» были основным стратегическим «продуктом» системы подготовки МВР и войны в Афганистане. В начале девяностых годов эти «афганцы» уже составляли основу вооруженной исламистской оппозиции в нескольких арабских странах, особенно в Алжире, Египте, Тунисе и Иордании. Эти «афганцы» были, по словам одного арабского наблюдателя, «военным подразделением нескольких исламистских организаций в некоторых арабских и мусульманских странах». Они стали неотъемлемой частью «экстремистского исламского революционного движения», финансируемого иранскими спецслужбами и организациями, подчиняющимися Тураби. Используя знания и опыт, полученные в боях, эти «афганцы» способствовали значительному увеличению числа подрывных и террористических операций в странах Ближнего Востока. «В Алжире и Египте «афганцы» устраивают нападения, подрывные операции, устраивают покушения на правительственных чиновников, полицейских, сотрудников спецслужб и военнослужащих. Они взрывают бомбы и нападают на государственные учреждения и здания», — писал арабский чиновник. «Афганцы» также использовались в качестве командного состава, вокруг которого строились местные организации исламистов.

Деятельность «афганцев» из «Вооруженного исламского движения», в которое летом 1992 года входили граждане Египта, Афганистана, Пакистана, Судана, Алжира и Саудовской Аравии, теперь координировалась и финансировалась через некий международный центр в Пешаваре. В результате возросшего сотрудничества между различными исламистскими организациями была создана Организация международного джихада, которая использовала Афганистан и Пакистан в качестве плацдарма для проникновения в другие страны. «Все планируется в этих отделениях в Пешаваре: военные операции в Египте, подготовка к созданию международной организации «аль-Джихад» и вопрос посылки секретных документов в Египет», — писал египетский специалист. «Попытки создать международную организацию «аль-Джихад» не прекращались никогда. Айман аль-Завахири предпринимал множество попыток в этом направлении. В прошлом (1991) году он и (его тогдашний заместитель) Фуад Талат Кассым вели интенсивные переговоры с представителями организации «аль-Джихад» в Сирии, Палестине, Алжире, Ливии и Тунисе. В Пешаваре на этих переговорах также присутствовали представители организации «Хизб-и-

Ислами» Гулбаддина Хекматияра». Отделение движения джихад, первоначально организованное в середине восьмидесятых годов Завахири для движения «Исламский джихад» Аббуда аль-Зумура из Египта, занималось теперь установлением международных связей, поставками оружия и оказанием финансовой помощи многочисленным организациям, ведущим джихад, разбросанным по всему миру.

Пока формировалась эта организация террористов-«афганцев», Иран предпринимал значительные усилия для того, чтобы образовать альянс между основными суннитскими организациями и возглавляемой Тегераном системой террористических организаций. По настоящему дело сдвинулось с мертвой точки в июле 1992 года, когда Завахири приехал в Тегеран после переговоров с Тураби. В Тегеране согласились на то, чтобы в Иране, главным образом в Машхаде (этот город находится на юге Ирана, неподалеку от границы с Афганистаном), а также в Пакистане и Афганистане, прошли подготовку приблизительно 800 египетских «афганцев». Иран также предложил переправить в Судан и подготовить там членов организаций «Хизбалла» и «Гасдаран», а также предоставить финансирование и снабдить их оружием для осуществления планов исламистов по эскалации священной войны в Египте. Единственное условие, которое поставил Иран, заключалось в том, чтобы члены «Исламского джихада» влились в подразделения «Арабского освобождения», которыми командовала спецслужба IRGG. В конце лета 1992 года Ахмад Шавки аль-Ис-ламбули прибыл по приглашению Ирана в Ливан, в долину Бекаа, для того, чтобы ознакомиться с находившимися там тренировочными лагерями «Хизбалла» и обсудить пути подготовки египетских моджахедов уже в Судане. Эти египетские исламисты составили первые батальоны «Египетского освобождения». Помимо египтян, отправленных в Иран, около пятисот террористов было направлено в Судан, где они присоединились к программе подготовки, организованной «Хизбалла». К осени 1992 года основные группы исламских террористов были интегрированы в «Хизбалла». Тот факт, что с декабря 1992 года «Исламский джихад» начал выпускать свои коммюнике из Тегерана, не является случайным. Это произошло задолго до того, как их взаимоотношения доказали свою ценность в боях на улицах Могадишо, столицы Сомали.

В 1992 году ВИД и его Международный легион (Исламская бригада) поддерживали, обучали исламских террористов и моджахедов и отправляли их во все концы света непосредственно из своих тренировочных лагерей в Афганистане и Пакистане. Несколько тысяч воевавших в Афганистане арабов, сначала в рядах организации Гулбаддина Хекматияра «Хизб-и-Ислами», составили костяк вооруженных отрядов этих «афганцев». В начале 1990 года они присоединились к террористам, прошедшим подготовку на местах. Среди этих «афганцев» были граждане Алжира, Египта, Судана, Йемена, Туниса, Иордании, Марокко, Ливана, Саудовской Аравии и других арабских государств, а также несколько палестинцев. Летом 1992 года из приблизительно 12 000 арабов-«афганцев» были сформированы вооруженные исламистские группировки. У многих из них было свое личное оружие и другое снаряжение, сохранившиеся со времен афганской войны. Эти «афганцы» — не только арабы, но также значительное количество иранцев, индонезийцев, индусов и пакистанцев — составили целую систему хорошо подготовленных боевиков, способных обучать других новобранцев.

Несмотря на то что организацией этих «афганцев» занималось ВИД, а помощь они получали их тренировочного лагеря в Пешаваре, среди различных подрывных и террористических организаций исламистов они представляли собой уникальное явление. Они не составляли организации с единым командованием и четкой структурой. «Среди них есть алжирцы, египтяне, тунисцы и граждане других стран, но в их стремлении достигнуть своих целей и выполнить стоящие перед ними задачи их объединяет насилие, вооруженная борьба и организация терактов. Стремясь нарушить стабильность в некоторых арабских странах, они организуют подпольные организации», — писал арабский эксперт. «Афганцы» рассматривали себя — и когда они действовали самостоятельно, и находясь в составе Международного легиона, — в качестве основной движущей силы исламской революции. К середине 1993 года ядро этой новой организации исламистов составляли 800 египтян, 700 алжирцев, 400 тунисцев, 370 иракцев, 300 йеменцев, 200 ливийцев, 150 суданцев, 100 арабов из стран Персидского залива и 70 египтян. Большинство из них находилось в Иране, Судане и Йемене, странах, в которых находились основные террористические базы. Роль ВИД состояла в том, чтобы направлять ветеранов афганской войны, полевых командиров и главных экспертов в различные азиатские, африканские и европейские страны для участия в борьбе за освобождение ислама. Руководящая роль ВИД сводилась к тому, что «афганцы» отправлялись к местам своей «деятельности» из Тегерана, Хартума и Карачи.

Представление о том, что организационная структура «афганцев» является рыхлой, было обманчивым. Несмотря на то что «афганцы» действовали самостоятельно и малыми группами, на самом деле они служили фактором, объединяющим исламистское движение: те организации и движения, в которые они вступали, присоединялись к движению исламистов. В 1992 году Народная международная организация, штаб-квартира которой находилась в Хартуме, уже объединяла бесчисленное количество групп и движений. Все организации проявляли солидарность с другими исламскими группировками. Набиравшее силу движение «религиозных профессионалов», организаторов тайных операций и квалифицированных террористов во всех странах альянса также обеспечивало взаимные контакты и обязательства. Эти афганцы оказывали значительное влияние на стремление пожертвовать своей жизнью во имя ислама, готовность умереть за дело исламской революции, что чрезвычайно увеличивало мужественный настрой самих «афганцев» и членов местных террористических организаций, которым они оказывали помощь. Еще одним проявлением такого централизованного контроля было появление социальных, медицинских и образовательных организаций и благотворительных фондов, организовывавшихся вокруг мечетей для того, чтобы расположить к себе и контролировать настроения местного мусульманского населения. Проведение такой политики, вооруженной борьбы и системы социального обеспечения было одним из принципов политики, проводимой Хомейни еще в пятидесятые годы, в настоящее время ее широко используют представители «Хизбалла» в Ливане.

К середине 1992 года Международный легион (Исламская бригада) ВИД был готов начать осуществлять распространение исламской революции по всему миру, а также начать джихад на территории своих злейших врагов — в Соединенных Штатах, странах Западной Европы и Израиле. И хотя командный состав «афганцев», входящих в ВИД, только формировался и временами допускал ошибки, система финансового и материально-технического снабжения была цельной и довольно солидной. Эффективность этой системы, систему, которую организовал и которой в значительной степени руководил бин Ладен, завоевала ему признание среди полевых командиров «афганцев». В сочетании с уже имевшимися у него уникальными взаимоотношениями с «афганцами», позиции бин Ладена в международном исламистском движении стали более весомыми. Поставив во главу угла интересы общего дела, бин Ладен избегал публичной деятельности и не занимал видных постов. Вместо этого он сосредоточил свои усилия на поддержке стремления Тураби усилить движение исламистов, оказывая им поддержку и финансовую помощь. В результате бин Ладен снискал уважение и поддержку Тураби и других высокопоставленных деятелей международного исламистского движения.

На протяжении долгого времени распространение и экспорт исламской революции в страны Восточной Африки оставались основной задачей Ирана и Судана. При том, что Тураби был лично заинтересован в распространении ислама в Африке, деятельность в Африке стала одним из важнейших направлений политики Судана, особенно начиная с 1992 года. Генеральный секретарь Международного совета дружбы народов, Мустафа Утхман Измаил, заявил, что «Судан стал одной из ведущих стран Африки, он протягивает руку дружбы своим соседям и друзьям». По сути дела, Судан принял на себя обязательство стать проводником стратегических программ Ирана. «Тураби превратился в политика, осуществляющего экспорт иранской революции, отводя себе роль «великого аятоллы» и вербуя себе новых союзников на основе широкого фундаменталистского движения с его собственными базами, тренировочными лагерями и финансированием», — писал один консервативно настроенный арабский эксперт. Осенью 1992 года Тураби распорядился усилить кампанию по дестабилизации положения в Восточной Африке, что являлось частью его намерения «осуществить мечту стать верховным имамом фундаменталистской исламской империи». Вскоре после этого из Судана в различные страны Восточной Африки были направлены новые сотрудники и квалифицированные специалисты, в самом Судане усилились обучение и подготовка террористов из этих стран.

Сначала Тураби попытался воспользоваться существующими иранскими активами. С конца 1991 года Иран и Судан сотрудничали в деле предоставления помощи шиитским организациям, набиравшим силу в Танзании, Кении, Уганде, Бурунди и Заире. Они также координировали свои поставки оружия и другие формы международной торговли в Африке, которая являлась способом предоставления финансовой помощи, размещения людей и образования запасов оружия и взрывчатки. Усама бин Ладен контролировал этот процесс проникновения в Африку с суданской стороны, учреждая коммерческие и финансовые предприятия в различных странах Восточной Африки. Важную роль в этом процессе также играл Фронт во имя ислама, которым руководил Муххамад аль-Шариф, высокопоставленные представители которого находились в Хартуме. Иран позволил Тураби воспользоваться силами некоторым суннитских организаций и даже командовать

ими, но шиитские организации находились непосредственно под контролем Ирана. Например, в Кении Исламская партия, которую поддерживали и Иран, и Судан, была основной силой в Мобассе, крупнейшем кенийском порту. Иран же распространял свое влияние на членов экономической элиты Кении, состоявшей из членов племени Оромо, которые оказывали многостороннюю помощь исламистским подрывным организациям, действовавшим по всей стране.

Усиление распространения ирано-суданского влияния на Африканском континенте незамедлительно проявило себя. К февралю — марту 1992 года случаи массовых беспорядков в Кении и Уганде заметно участились; стараясь дестабилизировать социальную ситуацию, мусульманские организации играли на существовавших социально-экономических трудностях. Массовые беспорядки оказывали непосредственное влияние на социальную стабильность и различные политические процессы в обеих этих странах.

Летом 1992 распространение своего влияния на Африку стало основной задачей стратегических планов Судана. Попытки Тураби распространить влияние ислама были частью плана, согласованного с Ираном. Странами, в которых должна была произойти серьезная эскалация действий, стали Сомали, Уганда, Танзания, Чад, Кения. Исламисты начали тихую войну с правительствами этих стран, используя тайные операции и основывая такие, на первый взгляд, безобидные организации, как образовательные центры и гуманитарные фонды. Для поддержки интенсивного проникновения на африканский континент Судан также основал сеть специальных лагерей, которые находились под командованием небольшой группы верных Тураби суданцев. Для планировавшихся в Африке операций Уганда, Кения, Танзания и Чад стали странами, которым уделялось наибольшее внимание.

К тому времени акцент грандиозного плана Ирана и Судана переместился в Танзанию, которую они рассматривали в качестве стартовой площадки для второго этапа проникновения исламистов в Африку; особое внимание уделялось сепаратистскому движению «Занзибар». К тому времени оно финансировалось через иранские и исламистские организации, скрывавшиеся за международными компаниями, зарегистрированными в Германии. Занзибар, один из крупнейших портов Восточной Африки, считался идеальным местом для доставки людей, товаров и оружия через Африку и страны Третьего мира в целом.

Одновременно с этим власти Судана предвидели серьезное усиление вооруженной борьбы на Африканском Роге и в Восточной Африке, это вынудило их организовать и начать подготовку местных «вооруженных сил», способных выполнить поставленные перед ними военные задачи. Основные сооружения для этих полувоенных формирований находились в военном лагере в одной из центральных провинций Судана; командовал ими полковник Сулейман Мухаммад Сулейман, член Правящего Совета Судана. В начале девяностых годов из отрядов вооруженных боевиков, находившихся в Восточной Африке, было сформировано шесть батальонов и три артиллерийских дивизиона общим числом 3 000 человек, в которых были граждане Йемена, Египта, Алжира, Сомали и Кении. Они проходили подготовку под руководством специалистов ОИРГ из Ирана и пакистанских военных инструкторов. Осенью один батальон из этого лагеря принимал участие в боевых действиях в Сомали на стороне генерала Айдида против вооруженных отрядов Али Махди Мухаммада. Одним из важнейших планов Ибрагима Ахмада Омара была помощь отряду вооруженных повстанцев из восьмисот человек из Уганды, основу которого составляли члены племени Аринга; командовал этим отрядом Джума Арис. Этот отряд дислоцировался в Джубе, откуда они совершали вооруженные вылазки в северную Уганду. Вскоре все эти вооруженные отряды — равно как и вся военная, тренировочная и вспомогательная инфраструктура Судана — будут вовлечены в военную кампанию исламистов, которая на сегодняшний день остается самой успешной: они бросят вызов военному присутствию Соединенных Штатов на Африканском Роге и в конечном итоге вынудят их покинуть этот стратегически важный для них район. В борьбе за Африканский Рог дееспособность международной организации исламистов была впервые проверена, и выяснилось, что она выдержала это испытание.

Несмотря на то что участие бин Ладена против американских войск в Сомали носило вспомогательный, правда, довольно существенный, характер, оно было важно для его дальнейшей деятельности, его и его соратников по борьбе, поскольку в Могадишо, небольшом городе страны с полностью разваленной экономикой, исламисты одержали победу над Соединенными Штатами и заставили их капитулировать.

ГЛАВА 3

ПОБЕДА НАД БУМАЖНЫМ ТИГРОМ

В конце 1992 года телевизионные трансляции о голоде в Сомали изобиловали огромным количеством репортажей об умирающих от голода детях. Снимаемые на фоне лишений и нищеты, возмущенные сотрудники западных благотворительных организаций призывали облегчить участь этих несчастных. На самом деле, этот голод был в большей степени результатом целенаправленного, искусственно спланированного кризиса, а не результатом стихийного бедствия — засухи. Голод не только стал причиной смерти большого количества людей, помимо всего прочего он полностью парализовал работу органов власти в Сомали.

Причиной этой катастрофы послужила война племен за независимость и самоопределение; она усугублялась борьбой за власть между конфликтующими группировками. Во время борьбы за власть между главными лидерами основных политических группировок Сомали голод стал их оружием влияния на судьбу гражданского населения в тех районах, где они были хозяевами. Вожди намеренно препятствовали доставке продовольствия тем группам населения, истребления которых они добивались, и снабжали продовольствием тех, чьей поддержки они добивались. Запутанная братоубийственная война разворачивалась на фоне всплеска активности радикальных исламистов во всем этом регионе.

События, разворачивавшиеся на Африканском Роге в начале девяностых годов, главным образом вооруженный конфликт и изгнание действовавшего под эгидой ООН и возглавляемого США воинского контингента, могли бы помочь предвидеть потенциальные возможности исламистских террористов, финансируемых Ираном и Суданом. Эти события продемонстрировали, что исламисты преодолели серьезные разногласия как между суннитами и шиитами, так и между Ираком и Ираном и мобилизовали все имеющиеся у них ресурсы для борьбы с Соединенными Штатами за регион исключительной геостратегической важности — Африканский Рог и южное побережье Красного моря. Для этого исламисты, финансирующие их страны, и их пособники организовали оперативную систему управления стратегического значения, подготовили и перебросили туда тысячи боевиков из южной Азии и Африки, тайно перевели огромные суммы денег для осуществления секретных операций и, в конце концов, сумели успешно противостоять могуществу Соединенных Штатов. Исламисты рассматривают события в Сомали как поворотный пункт в своей борьбе, для Запада же эти события являются прецедентом, к которому следует относиться весьма серьезно.

Усама бин Ладен рассматривает вооруженные столкновения исламистов с американскими войсками, действовавшими в Сомали под эгидой ООН, поворотным пунктом не только в развитии движения вооруженных исламистов, но и своего восхождения на вершину политического влияния. Именно во время подготовки вооруженной борьбы исламистов в Сомали бин Ладен принял участие в мероприятиях, осуществляемых высшими руководителями исламистов. Его собственный вклад в успех исламистов был значительным, хотя он принимал участие только в подготовке этих событий.

Африканский Рог — Эфиопия (в том числе получившая независимость Эритрея), Сомали и Джибути — был и является ареной борьбы сверхдержав и местных режимов на протяжении многих столетий. Расположенный в восточной оконечности Африки, к юго-востоку от Аравийского полуострова, Африканский Рог занимает уникальное геостратегическое положение. Его длинная береговая линия является южным побережьем Красного моря. С баз, расположенных на побережье Сомали, возможно перекрыть морское сообщение между Европой (и Соединенными Штатами) и Восточной Азией, блокировав выходы в Красное море, ведущие к Суэцкому каналу. Истоки Голубого Нила, главной жизненной артерии Египта, находятся в горных районах Эфиопии. Тот, в чьих руках находится Африканский Рог, способен оказывать огромное влияние не только на мировую торговлю и морские перевозки, а также на стабильность в Египте, а стало быть, и на Ближнем Востоке. Как правило, борьба за стратегическое влияние на этот регион — ведется ли

она под лозунгами освобождения от колониального владычества или борьбы за социализм или капитализм — сводится к игре на острых разногласиях между христианами, живущими в глубине материка (эфиопская церковь является одной из наиболее древнейших христианских церквей), и мусульманами, живущими ближе к побережью. В начале девяностых годов традиционные этнические и религиозные распри, не утихающие на протяжении столетий, вспыхнули с новой силой. При непосредственном участии аль-Ту-раби исламисты воспользовались этим для того, чтобы упрочить свои стратегические позиции и добиться того, чтобы американцы покинули этот регион.

Свержение в конце мая 1991 года президента Эфиопии Менгисту Хайле Мариама произошло вследствие наступления повстанческих сил и не без помощи США, но в гораздо большей степени это было проявлением серьезных перемен, происходивших на территории Африканского Рога; они до сих пор являются основной причиной отсутствия стабильности и хаоса в этом регионе. Анализ событий, произошедших в этом регионе в начале девяностых годов, показывает, что им предшествовал серьезный процесс, быстро развивавшийся во всех странах этого региона: развал системы государственной власти и пересмотр границ, в основе которого лежало стремление местных племен и народностей к самоопределению. Местное население большинства африканских стран до сих пор стремится к этому.

Хотя с семидесятых годов длительная революционная борьба в странах Африканского Рога велась против диктаторских режимов Эфиопии и Сомали, идеологические установки организаций, боровшихся с этими режимами, были в основном этноцентрическими. Люди, воевавшие в составе этих группировок или фронтов, были в основном одной и той же национальности, приоритетные направления деятельности каждой группировки определялись ее национальными интересами; они были реальной движущей силой этих движений.

Положение в Африканском Роге еще более усугублялось тем, что, несмотря на то, что практически все эти освободительные движения были по сути своей этническими сепаратистскими движениями, они также до определенной степени находились под влиянием коммунистической идеологии. Следование этой идеологии, которая была в основном унаследована от западноевропейских интеллектуалов, а не была выражением чаяний народных масс, возникло в результате желания угодить Кубе, которая изначально поддерживала все эти организации, а позднее этим занимались радикальные арабские просоветские режимы, такие как Ливия и Алжир, которые также снабжали их оружием, деньгами и где они проходили подготовку. Однако руководители этих движений оказались заложниками своей собственной политики, продолжая придерживаться своих прогрессивных «западных» взглядов, игнорируя тот факт, что их сторонники придерживались этноцентрических и традиционалистских взглядов. Противоречие между истинными настроением простых людей, выступавших за усиление этноцентрических настроений, и всеобъемлющими настроениями политических лидеров становилось камнем преткновения каждый раз, когда одержавшие победу повстанцы пытались сформировать правительство. Во время возникновения кризисных ситуаций, когда требовалась абсолютная народная поддержка, для достижения политических альянсов лидерам этих политических движений приходилось принимать во внимание господство этноцентрических настроений.

Дополнительным внешним фактором, ставшим катализатором обострения отношений, стало заявление арабских стран о своей цели превратить Красное море в «арабское» море. В этой связи Сомали рассматривалась как одна из стран-членов Лиги арабских государств и получала финансовую помощь от Саудовской Аравии. Одновременно с этим арабские страны подталкивали мусульманскую Эритрею к отделению от христианской в большинстве своем Эфиопии. В связи с усилением панарабских настроений в странах Ближнего Востока падение режима Менгисту Хайле Мариама означало, что появление «арабского» озера может стать политической реальностью. Непреодолимые идеологические расхождения между христианами и мусульманами послужили основой для борьбы проживавших в Эритрее мусульман за самоопределение и независимость от Аддис-Абебы. В Сомали щедро финансировавшаяся партия Исламского единства уже начала пропагандистскую кампанию за воссоединение всех мусульман, проживающих на побережье Африканского Рога: Сомали, Джибути и Эритреи. Несколько арабских стран во главе с Саудовской Аравией щедро финансировали эту и другие программы, призывавшие мусульман к объединению.

Тем временем в связи с той позицией, которую США заняли, пытались урегулировать кризис в Эфиопии, они стали гарантом порядка, установившегося в результате окончания «холодной войны», и гарантом существующих границ. В 1991 году США инициировали проведение Лондонской конференции, на которой присутствовали представители различных эфиопских и

эритрейских освободительных организаций. В результате достигнутого соглашения в мае 1991 года президент Эфиопии Менгисту Хайле Мариам ушел с политической арены; его место заняла коалиция эфиопских повстанческих движений, возглавляемая Мелезом Зенави. Данное соглашение также обеспечивало единство и территориальную целостность Эфиопии, несмотря на желания некоторых сепаратистки настроенных лидеров, большинство из которых было мусульманами. В конечном итоге, когда в мае 1993 года Эритрея в одностороннем порядке объявила о своей независимости, США никак не отреагировали на это заявление. В результате лидеры исламистских сепаратистских и революционных движений приобрели уверенность в том, что Африка готова к борьбе с Соединенными Штатами, особенно на волне кризиса в Персидском заливе. Это произошло задолго до того, как Соединенные Штаты поняли, что в Африканском Роге они ведут борьбу против радикально настроенных исламистов.

Начиная с 1990 года основные революционные организации в Сомали, так же, как все региональные группировки, формировались по этническому признаку. Наибольшим влиянием обладали Объединенный конгресс Сомали (ОКС), который возник на основе клана Хавие, члены которого населяют центральную часть Сомали, и Национальное движение Сомали (НДС), возникшее на основе клана Исаак, члены которого населяют Сомалиленд, бывшую британскую колонию, которая составляет северную часть Сомали, своими географическими очертаниями Сомали напоминает перевернутую вверх ногами букву «L», одна «палочка» которой — это бывшая британская колония, расположенная вдоль Аденского залива, а другая — составляющая побережье Красного моря — бывшая итальянская колония. К менее значительным организациям относились Сомалийское патриотическое движение (СПД), костяк которого составляли члены клана Огадени и в меньшей степени члены кенийского клана Кисмаю; Фронт освобождения Сомали (ФОС), основанный членами клана Маржентин, которые традиционно враждовали с Хавие (они вовлекли в свою организацию все подвергавшиеся насилию небольшие кланы, населявшие центральную часть Сомали); Демократический альянс Сомали (ДАС), основанный членами клана Гедабурси; и Демократическое движение Сомали (ДДС), организованное членами клана Раханавеин. Члены этих двух кланов жили на севере Сомали.

Все вышеперечисленные организации четко делились на две группы: северные организации — НДС и ее противники, и ОКС и ее противники. Исконные места проживания этих двух группировок совсем немного не совпадали с территориями бывшей итальянской и бывшей британской колоний, в результате объединения которых в 1960 году возникло независимое государство Сомали. По сути дела вооруженная борьба этих кланов всегда была направлена против центрального правительства Сомали, т. е. основные кланы боролись за самоопределение.

К концу 1992 года вооруженные столкновения в районе Могадишо и центральном прибрежном районе происходили в основном между семейными кланами, объединявшимися вокруг основных политических лидеров. Основными действующими лицами были генерал Мухаммад Фаррах Айдид, председатель ОКС, которого поддерживал его семейный клан Хабара Гидира и свободный альянс более мелких семейных кланов (их объединение носило название Национальный альянс Сомали, сокращенно НАС), и Али Махди Мухаммад, так называемый временный президент Сомали, и свободный альянс мелких семейных кланов. Мухаммад пришел к власти в декабре 1990 года, будучи одним из лидеров ОКС, однако к началу 1991 года между возглавляемыми Айдилом и возглавляемыми Мухаммадом фракциями возникли серьезные разногласия. Формально возникновение данного кризиса было связано с попытками Айдида наладить отношения с НДС, сохранив таким образом территориальную целостность Сомали за счет монополии на власть ОКС в Могадишо. К сентябрю 1991 года кризис перерос в ожесточенные вооруженные столкновения за власть, которые привели к распаду ОКС. Контакты Айдида с НДС окажутся важны в ходе вооруженных столкновений 1993 года, когда бин Ладен будет участвовать в организации системы поддержки антиамериканских сил в Сомалиленд.

К 1992 году члены семейного клана Хабара Гидиа из Галь-као проявили себя как наиболее одиозные и беспощадные боевики, воевавшие на стороне Айдида. Члены этого клана всегда отличались склонностью к насилию; перспектива занятия Могадишо привлекала их именно возможностью грабежей и насилия. Тем временем в связи с клановым характером восстания, поднятого против режима генерала Мухаммада Зияда Барра (он правил страной двадцать один год) летом и осенью 1991 года, члены тех семейных кланов, которые обеспечивали общественную безопасность Могадаши, в том числе полицию, бежали.

Айдид обвинил ООН и Запад в том, что они поддерживают Мухаммада, настаивая на том, что вся гуманитарная помощь доставляется в Сомали для того, чтобы усилить влияние Мухаммада, и

что его упорная борьба за продовольствие является борьбой за свободу. Мухаммад заявил, что только он имеет право распределять продовольствие и гуманитарную помощь, определять, кто в ней действительно нуждается и куда ее следует направлять в первую очередь. Когда ООН отвергла претензии Мухаммада на единоличное участие в распределении гуманитарной помощи, его войска обстреляли порт Могадишо и напали на объекты, где она хранилась. Мухаммад заявил, что эти нападения были совершены недовольными «неподконтрольными ему силами», однако он был решительно настроен не дать возможность кому-нибудь получить ее вообще, если он не будет допущен к ее распределению.

Бомбардируемое репортажами об умирающих с голода детей американское правительство в ноябре 1992 года принимает решение о размещении в Сомали значительного воинского контингента для выполнения гуманитарной миссии — обеспечения (если потребуется, с применением силы) доставки продовольствия голодающим людям. Однако это размещение, преследовавшее, что бы там ни говорили, благородные цели, усилило борьбу за власть и богатство в Сомали. Местные вожди вооруженных группировок недолго терпели присутствие американских войск.

Мухаммад заявил, что предполагаемое размещение вооруженных сил США означает признание его права на власть. В ответ на это 2 ноября 1991 года Айдид пригрозил, что размещение каких-либо иностранных вооруженных сил приведет к массовому кровопролитию. Эту угрозу он воплотил в жизнь осенью 1993 года, обеспечив военное прикрытие вооруженных столкновений исламистов с американскими войсками. 27 ноября 1992 года ОКС распространил коммюнике, тон которого был более умеренным; в нем говорилось, что Айдид «рассматривает размещение вооруженных сил в Сомали как угрозу суверенитету и территориальной целостности нашей страны». Однако 1 декабря, когда размещение войск стало неотвратимым, они оба одобрили его при условии, что Соединенные Штаты и ООН признают возглавляемые ими движения законной политической силой этой страны. И Айдид, и Мухаммад считали, что роль американских войск состоит в том, чтобы «помочь правительству переходного периода (каждый из них, разумеется, имел в виду свое собственное правительство) обеспечить доставку продовольствия». Они оба настаивали на том, что американцы должны дать вооруженный отпор «вооруженным бандитам, препятствующим тому, чтобы продовольствие попало к голодающим людям». Однако на самом деле каждый из них полагал, что американские войска будут сражаться с их противником.

Мухаммад Фаррах Айдид предпринял более серьезные меры, чтобы осуществить распределение помощи и извлечь из этого выгоду. В начале ноября он организовал и возглавил собрание старейшин и воспользовался другими средствами, чтобы возглавляемая им организация получила поддержку населения. Достигнув этой цели, вооруженные отряды Айдид немедленно перешли в наступление и к ноябрю установили контроль над пятнадцатью пересечениями основных дорог и организовали дорожные заставы против различных вооруженных банд.

30 ноября и 1 декабря Айдид посетил Кисмаю, ключевой морской и воздушный порт, а также пересечение дорог на юге страны и заключил альянс с Армией освобождения Сомали, которая располагала базами в Кении. Кроме этого он назначил Ахмеда Омара Джайза, руководителя СПМ (чьи войска занимали тогда аэропорт Кисмаю и прилегающие к нему районы), заместителем председателя НАСа, прикрывая фланги ОКС со стороны пустыни Огаден. На севере страны Айдид достиг договоренности с Мухаммадом Нуром Алиоу, руководителем ДДС, чьи войска могли заблокировать любое наступление из Сомалиленда. На этой встрече Айдид рассказал командирам об их обязанностях в районах, находящихся под их контролем, и предупредил их, чтобы они с осторожностью относились к элементам, способным нанести вред единству народов Сомали. В то же самое время Али Махди Мухаммад встретился с представителями Эфиопии и Эритреи, чтобы договориться о совместных усилиях, которые можно будет предпринять против войск Айдиды.

Гражданская война в Эфиопии разгоралась с новой силой, а исламисты тем временем усиливали свое присутствие в Сомали путем организации многочисленных благотворительных организаций, формально зарегистрированных в Саудовской Аравии или странах Персидского залива. По мере того как иностранное вмешательство становилось неизбежным, исламисты начали кампанию против получения иностранной помощи. Например, представители «Всемирной исламской ассоциации» и «Всемирной организации помощи мусульманам» заявили о том, что «только мусульманские организации осуществляют в Сомали гуманитарные акции». Один из руководителей некой исламской благотворительной организации обвинил Запад в том, что он

использует предоставление гуманитарной помощи для осуществления «вызывающего подозрения плана, нацеленного на расчленение Сомали западными странами и осуществление этого плана путем разжигания политической розни между различными политическими группировками Сомали, борющимися за власть». Позиция этих исламских организаций была важна в связи с поддерживавшими их финансовыми и политическими организациями. «Всемирная исламская ассоциация» и «Всемирная организация помощи мусульманам» были частью широкой сети организаций, подчинявшейся движению исламистов-фундаменталистов из Саудовской Аравии, включавшего в себя как поддерживаемые Эр-Риядом, так и нелегальные исламистские организации. Эта сеть организаций включала в себя несколько фронтов, организованных бин Ладеном, которые подчинялись Тураби и поддерживали вооруженных исламистов.

К началу девяностых годов в Сомали существовала хорошо отлаженная финансовая система. Правительство Саудовской Аравии и самые богатые сторонники движения исламистов-фундаменталистов финансировали Зияда Барра и его режим после того, как он в 1978 году разорвал отношения с Советским Союзом вплоть до его падения в середине 1991 года. Эти деньги передавались через сомалийского посредника, которого звали Мохаммад Шейх Осман. Однако летом 1991 года Осман неожиданно перевернулся на другую сторону и стал членом центрального комитета ВИД. Вместе с ним его прежние сторонники лишились финансовой и политической поддержки исламистов. Такой поворот в развитии событий значительно способствовал успеху операций бин Ладена и в конце концов обеспечил ему контроль над финансовой системой исламистов в Сомали. Вскоре бин Ладен воспользуется системой Османа в качестве сомалийского отделения его собственной финансовой системы для финансирования и поддержки антиамериканских операций в Сомали.

Обострение и ухудшение политической ситуации в Сомали произошло не случайно, оно было существенным элементом ирано-суданской борьбы за усиление и расширение исламистского влияния в Восточной Африке.

Сомалийцы продолжали умирать от голода, а в это время в Судане «Национальный исламский фронт» под руководством Али аль-Хая, одного из ближайших друзей и соратников Тураби, открывал новые тренировочные лагеря для борцов за веру из Эфиопии, Сомали, Эритреи, Кении и Уганды. И опять-таки воплотить планы постройки этих лагерей в жизнь помог Тураби Усама бин Ладен. Осенью 1992 года Тураби приказал усилить военные действия с тем, чтобы дестабилизировать ситуацию во всей Восточной Африке. Вскоре после этого из Судана в страны, расположенные на юге Африки, были направлены профессиональные террористы. После ноября 1992 года, когда было объявлено о планах размещения американских войск в Сомали, темпы отправки террористов были ускорены.

Сомалийским террористам были переданы воинское снаряжение и оружие для вооруженных ополченцев, которых они должны были обучить и возглавить. Некоторые из этих вооруженных ополченцев воевали в рядах основных политических группировок Сомали, некоторые действовали абсолютно независимо, подчиняясь непосредственно Суданским властям. Большинство террористов прибыло туда через Эритрею, однако некоторые наиболее важные лица были тайно высажены с кораблей в южном Сомали и Кении. Иран, контролировавший и финансировавший сомалийских террористов через Судан, планировал использовать их в борьбе с американскими войсками, так же как Сирия и Иран использовали членов «Хизбалла» в борьбе против миротворческих сил США в Бейруте в начале восьмидесятых годов.

Эскалация деятельности восточно-африканских террористов в Судане совпала с заметным усилением насилия и терроризма в Египте. В конце ноября Египет обвинил Иран в том, что тот оказывает поддержку действиям исламистов, что ставит под угрозу политическую стабильность в стране. Многие террористы прибыли в Египет из лагерей, находившихся в Судане. Власти Египта подчеркивали, что эскалация подрывной деятельности в Египте является частью стремления Ирана занять доминирующее положение в этом регионе и предупреждали о том, что Иран может внести раскол в арабо-мусульманский мир, а также об опасности, которой Иран подвергает безопасность всего арабского мира, в том числе и его стратегические и жизненные интересы. Усиление террористической деятельности в Египте было только частью стремления Ирана добиться господства в этом, регионе, ставшего возможным в связи с постоянно растущим влиянием на Судан.

К середине ноября 1992 года Иран ускорил в Порт-Судане строительство основных сооружений — радиостанций, коммуникационных, штабных и военных объектов — все это свидетельствовало

о долгосрочном характере их партнерства. Быстрое и весьма эффективное завершение строительства было результатом того, что надзор за осуществлением этих проектов осуществлял бин Ладен. К тому времени Иран и Судан подписали договор об аренде Порт-Судана сроком на двадцать пять лет. Кроме этого Иран построил объекты военного назначения на востоке Судана. Эти военные базы были основными военными базами для осуществления военных операций в этом районе, а иранские войска имели буквально неограниченный доступ во все аэропорты и морские порты Судана, главным образом в Джибьят и Тринкитат. В декабре 1991 года эти два порта стали военно-морской базой Ирана в Красном море.

К концу 1992 года Соединенные Штаты разместили свои вооруженные силы в районе, который был охвачен ожесточенной борьбой за власть между различными этническими и религиозными группировками. Главные действующие лица усиливали свое влияние ценой истребления людей. Голод был наиболее эффективным средством их влияния на племенной и этнический характер населения, находившегося на подконтрольных им территориях, оружием физического устранения враждебных им племен и кланов.

Политический хаос в Сомали усугублялся и продолжает усугубляться в связи с попытками вооруженных исламистов установить господство в стратегически важных районах Красного моря и Африканского Рога. Наиболее могущественные страны этого региона — Судан и Иран — на протяжении долгого времени вели ожесточенную борьбу с Соединенными Штатами и рассматривали само присутствие американских войск в этом регионе в качестве угрозы их основным стратегическим амбициям. Кроме этого все местные политические группировки делали все возможное, чтобы вынудить американские войска сражаться с их противниками, а они тем временем пытались захватить власть. Вопреки благим намерениям, выяснилось, что в Африканском Роге Соединенные Штаты увязли в жутком болоте политических распрей.

В начале декабря 1992 года американские морские пехотинцы высаживались на побережье Сомали под вспышки фотоаппаратов — там их встречала целая армия корреспондентов электронных средств массовой информации США. Первые дни их миссии в Сомали проходили спокойно и без каких-либо серьезных столкновений с членами местных вооруженных группировок. Правда, морским пехотинцам еще только предстояла встреча с местными исламистами.

Первоначальные впечатления относительного спокойствия оказались обманчивыми. Более года Иран и Судан вели ожесточенную борьбу за то, чтобы укрепить свой контроль над Красным морем и Африканским Рогом. Сомали, мусульманское государство, вытянувшееся вдоль Красного моря, продолжало привлекать внимание властей Ирана и Судана. Хаос в Сомали, раздираемом враждой племен, ведущих непримиримую войну за самоопределение и власть, склонил определенную часть населения Сомали и их рвущихся к власти лидеров пойти на тесное сотрудничество с Суданом и поддаться на его манипуляции и использование в своих целях. Исламистами становились члены различных сомалийских племенных группировок Сомали, и к осени 1992 года вооруженные исламистские организации стремительно пополняли свои ряды.

К этому времени Судан и Иран располагали в Сомали хорошо организованной системой руководства и высшего командного состава, которые были готовы приступить к активным боевым действиям. Тураби был лично знаком с некоторыми лидерами местных исламистских группировок и руководил многими операциями, осуществлявшимися в Сомали. Заместитель руководителя ИРГ, генерал Рахим Сафави, и заместитель Тураби, Али Утхман Таха, руководили операциями непосредственно в самой Сомали.

Так же, как в случае с другими террористическими и подрывными организациями исламистов, для того чтобы Ирану и Судану удалось реализовать свои грандиозные замыслы, им нужно было заручиться поддержкой влиятельных местных личностей. Основные союзники, которыми смогли обзавестись Судан и Иран в этом регионе, показательны в отношении степени влияния Тураби.

Тураби связывали очень близкие отношения с Абдулом Рахманом Ахмадом Али Туром, руководителем Сомалиленда, он объявил, что на этой земле действуют законы шариата, а впоследствии получал помощь из Ирана и Судана. В центральных районах Сомали наиболее активным и преданным сторонником Тураби был генерал Мухаммад Абшир, бывший «начальник полиции Могадишо, который определял просуданскую позицию Демократического фронта освобождения Сомали (ДФОС), теперь возглавляемого Абдулом-Лаххи Юсуфом. В 1992 году в отряды ДФОС влились «добровольцы» из Судана, Египта, Пакистана и Афганистана. Кроме того,

генерал Айдид уже получал материальную и техническую помощь из Судана в рамках зарождающегося военного сотрудничества между Суданом и Айдидом. В середине 1992 года группа боевиков из тренировочных лагерей полковника Сулеймана Му-, хаммада Сулеймана, располагавшихся в центральном Судане, была размещена в Могадишо и впоследствии принимала участие в вооруженных столкновениях с войсками Али Махди Мухаммада. Основной целью этой акции была проверка способности Судана разместить и контролировать вооруженные отряды в Сомали.

В Эфиопии совместные усилия иранских денег, давления и подрывной деятельности Судана трансформировали Фронт освобождения Ормо, националистическую организацию, членами которой были представители крупнейшей народности, населявшей южную Эфиопию и северную Кению, в «Исламский фронт освобождения Ормо»: Данная трансформация имела непосредственное влияние на ситуацию в Сомали: в 1993 году некоторые каналы поставок продовольствия, доставку которого будет обеспечивать бин Ладен, пройдут через территорию, контролируемую данной организацией. В Джибути самым преданным сторонником Тураби был дядя Исмаила Омара Гуелле, начальника службы безопасности этой страны. Поэтому оружие и денежные средства будут поступать через Джибути.

Для организации и руководства такими организациями влияния требовалось, чтобы значительное количество денег быстро переходило от одного владельца к другому. Несмотря на то что Тураби и несколько преданных ему людей в Судане сами устанавливали контакты и вербовали своих сторонников, именно Усама бин Ладен должен был обеспечить доставку денег к месту назначения. В середине 1992 года, когда объем и интенсивность операций Ирана и Судана в Восточной Африке начали заметно увеличиваться, организации по финансовой поддержке, которыми они там располагали, перестали справляться с возросшим объемом операций. Бин Ладену и его помощникам удалось быстро создать необходимые финансовые организации, используя компании и банковские счета, существовавшие в Европе и Восточной Африке. Поначалу бин Ладей использовал финансовые круги, в которых он вращался. Когда ему их стало не хватать для того, чтобы справиться с объемом и разнородностью тайно переправляемых средств, он начал использовать подобные активы своих единомышленников из стран Персидского залива и Саудовской Аравии, бизнесменов, с которыми он был знаком уже на протяжении достаточного долгого времени и которым доверял. В некоторых случаях для того, чтобы справиться с потоком тайно переправляемых денег, бин Ладен с друзьями даже учреждал в Восточной Африке компании на подставных лиц и открывал фиктивные банковские счета.

Между тем некоторые местные террористы и нерегулярные воинские подразделения тоже попали под влияние Судана и Ирана. С начала 1992 года Тураби держал под своим контролем организацию многочисленных исламистских организаций, в которые входили боевики из Эритреи и Сомали.

Тураби организовал партию «Сомалийский исламский союз» (СИС), политическую коалицию, объединявшую несколько исламистских организаций, организованных по принципу принадлежности к определенному клану или племени. Эта партия стала основным средством для осуществления ирано-суданских операций, в том числе внедрения профессиональных террористов. В Сомали СИС продолжала находиться под влиянием Тураби. Номинальный руководитель СИС, Мухаммад Ухтман, выступал с политическими заявлениями, находясь в Лондоне, фактически не оказывая никакого влияния на действия СИС в Сомали. Начало военных операций СИС было положено в июне 1992 года в районе Боссао, правда, выглядело это довольно неубедительно. Операции на местах были разработаны 15 августа 1992 года, когда крупная ирано-суданская делегация прибыла в Марку на совещание с командирами местного отделения СИС, чтобы согласовать оперативные планы предстоящих операций.

К осени 1992 года численность и уровень подготовки вооруженных отрядов исламистов в Сомали заметно увеличилось; они базировались в Могадишо, Марке и Боссао. Через Судан Иран снабжал эти организации оружием и деньгами. СИС располагала значительными силами на севере, в Боссао, и на юге, в Марке и Джаммаме. Более того, верные Судану люди удерживали Лаас Курей, город, находящийся на берегу Аденоского залива, который находится в месте, идеальном для строительства военно-морской базы. Дополнительные тренировочные лагеря для исламистов были организованы в Сомалиленде, в Огадене и в Эфиопии. Опять-таки бин Ладен был на вторых ролях, но его роль во всем этом была очень важна. Как только в Хартуме приняли решение построить тренировочные лагеря и складские объекты в Огадене, на территории Эфиопии, бин Ладен занялся учреждением международных компаний. Затем эти компании начали

осуществлять в этом районе планы разработки земли, и эти планы служили прикрытием для перевода денег в Эфиопию. Бин Ладен контролировал быстрый перевод «чистых» денег из этих компаний для покупки многочисленных ферм, строительства необходимых сооружений и оплаты текущих расходов. Вскоре, когда в Сомали начнется всплеск активности исламистов, эта инфраструктура окажется чрезвычайно важной.

Осенью 1992 года, когда в западных средствах массовой информации началась кампания в поддержку военного вмешательства и оказания гуманитарной помощи Сомали (она оказала влияние на политические круги), произошло значительное усиление активности Ирана и Судана. Протеже Ирана и Тураби в условиях голода лихорадочно пытались мобилизовать своих приверженцев и сторонников. Наиболее значимые подготовительные мероприятия были завершены буквально накануне прибытия первых американских морских пехотинцев. Например, в Могадишо возникла новая организация исламистов, члены которой приняли участие в уличных столкновениях вместе с вооруженными отрядами генерала Айдида. Поддержка Айдида была обеспечена дополнительной порцией материальной и технической помощи Тураби. Однако все эти исламистские отряды «исчезли» буквально за несколько дней, а то и часов до того, как морские пехотинцы высадились на берег.

Решение исламистов вступить в борьбу с американскими войсками было predeterminedено стратегией, разработанной Ираном и Суданом. Принципы этой стратегии были отчетливо сформулированы, когда исламисты проанализировали американское вторжение. Во всех странах Ближнего Востока исламисты разъясняли, какую оно несет в себе угрозу, и трактовали целесообразность необходимых действий так, как это понимали Иран и Судан.

Политические прогнозы египтян, на которых позже всячески делали упор «Братья-мусульмане», задали тон. Они доказывали, что отправка армии США в Сомали была частью американо-израильского заговора с целью предотвратить установление арабского и (или) мусульманского контроля над Красным морем и Африканским Рогом. Палестинские исламисты опасались, что стягивание американских воинских частей под предлогом помощи Сомали было «прелюдией военного удара США» по Судану. Соединенные Штаты «раздражают успехи Судана на Африканском Роге, особенно растущее влияние Судана в Эфиопии, Эритрее, а также влияние на кенийскую оппозицию, которая, как ожидается, победит на следующих выборах». Даже полуофициальный Каир допускал, что «вслед за Сомали может наступить очередь Судана».

Печатающийся в авторитетной исламистской газете «аль-Кудс аль-Араби» доктор Хатим аль-Хусейни, исламистский комментатор и аналитик, дал наиболее последовательный исламистский анализ ситуации. Он заключил, что только резкое общеисламское выступление против арабских и (или) мусульманских прозападных режимов и иностранных армий может предупредить катастрофу: «Это военное вторжение США под предлогом оказания гуманитарной помощи голодающим закрепит военное присутствие США в новом стратегическом регионе и усилит военное присутствие США на Аравийском полуострове и в Персидском заливе. Непосредственная причина этого военного вторжения — неспособность арабов и мусульман разрешить проблемы арабских и исламских народов. Это возвращение западного империализма на фоне разногласий и отсталости арабов и мусульман. Это новый непосредственный военный контроль Запада над важными регионами в самом сердце исламского мира. Это очередное доказательство неспособности арабских и исламских правительств разрешить проблемы исламской нации посредством совместных действий».

«Хизбалла», выражая точку зрения Тегерана, предупреждала, что настоящей целью интервенции США в Сомали является Судан. Соединенные Штаты не могли смириться с существованием суданской политики, основанной на шариате и противоречащей интересам США. «Возвращение США на Африканский Рог направлено на противостояние возрождению ислама, идущему с Африканского Рога. Это не первая интервенция и не последняя. Вашингтон должен обрушить всю свою военную мощь против всех исламских или национальных движений во всех регионах, которые стремятся добиться незаг висимости и положить конец раболопной политике. В конце этого века и в следующем такое станет повсеместным явлением». «Хизбалла» приходила к заключению, что только решительные действия могут обратить вспять эту тенденцию и обеспечить прогресс исламистской революции во всем регионе.

В первые дни американской интервенции военные и организаторские способности исламистов, особенно СИС, не были проверены на практике, поскольку их лидеры избегали огласки. Один арабский государственный деятель заметил в частной беседе, что это бездействие «следует

считать частью стратегии аль-Тураби, направленной на создание вокруг Судана исламского пояса. Аль-Тураби убежден, что только такой пояс сможет защитить эксперимент по созданию исламского государства и превращению его в базу исламского движения в арабских и африканских странах. У СИС есть сторонники, в Кении, Джибути и других африканских странах. Общее у них то, что они действуют почти полностью в согласии с инструкциями аль-Тураби». Наиболее интенсивно подъем исламизма проходил в Сомали, Уганде, Танзании, Чаде и Кении.

В то же самое время и Судан, и Иран не только «открыто выступали против американского вторжения в Сомали», но и опасались стратегических последствий присутствия американских войск на Африканском Роге. 28 ноября 1992 года, когда Соединенные Штаты объявили о намерении ввести войска в Сомали, крупная иранская делегация во главе с аятоллой хаммадом Язди, в которую входило около тридцати представителей разведки, армии, служб безопасности, экспертов-экономистов и дипломатов, поспешила в Хартум для срочных консультаций по поводу совместных действий. Вследствие визита Язди в Тегеране представителями разведок Ирана и Судана был подписан новый «протокол о сотрудничестве в области безопасности». Главным моментом нового соглашения было предоставление Тегераном помощи суданским службам безопасности в области финансирования терроризма и подрывной деятельности как против местной оппозиции, так и против «других арабских режимов» в регионе. Сотрудники суданской разведки уже проходили обучение в лагерях иранской разведки в Машхаде и Коме.

Тегеран и Хартум решили совместить приведение в действие уже существующих чрезвычайных планов с принятием новых решительных мер. Специальному комитету во главе с Али Утхманом Таха, в который входили суданские и иранские правительственные чиновники, была поручена разработка операций в Сомали. Миссией комитета было «превратить Сомали в ловушку и болото для американских войск с помощью партизанской войны». Комитет решил ничего не предпринимать до тех пор, пока ситуация в Сомали не будет внимательно изучена. «Комитет будет следить за развитием американского вторжения в Сомали и разрабатывать планы противостояния» посредством местных организаций и СИС.

На решения комитета Таха непосредственно повлияло нежелание СИС и других исламистских сил противостоять или сопротивляться американским войскам. «Не секрет, что, наблюдая за действиями американцев в Сомали, СИС будет действовать исходя не только из интересов Сомали, но и из того, что партия считает интересами исламского интернационализма, который аль-Тураби старается создать на основе нескольких структур, разработанных им для привлечения исламских движений во всем мире. Военные действия СИС против американского присутствия в Сомали будут определяться процессами, связанными с размахом деятельности международных сил в регионе», — объяснял хорошо осведомленный ливанский аналитик.

Тегеран и Хартум ожидали крупных выступлений против войск США и других западных стран. Для проведения таких крайне рискованных операций Тегеран санкционировал через Язди создание Сомалийской революционной гвардии (СРГ), которой должны были руководить эксперты иранской разведки и ливанского отделения «Хизбалла», уже прибывшие в Судан. Командовать СРГ было поручено Али Маншави, офицеру иранской разведки.

Исламисты также ускорили приготовления внутри Сомали к вооруженной борьбе с западными частями. Эти приготовления простирались от агитации населения до наращивания военных сил. «Враждебное отношение к присутствию ООН проявляется на пятничных церемониях в сомалийских мечетях», — отмечал местный обозреватель. Обученные бойцы собирались в лагерях СИС в северной Сомали и Огадене. Приток оружия из Пакистана, Ирана и Судана — идущий через Судан — заметно возрос в конце ноября 1992 года.

Разрабатывалась четкая стратегия исламистов в Сомали. Государства, поддерживающие исламистов, решили, что сомалийские исламисты (главным образом СИС, при активной поддержке СРГ и других террористических организаций) смогут использовать усиливающуюся политизацию американского присутствия, — например, «заключение сделок» с военачальниками, племенами и кланами, — чтобы «способствовать изгнанию американских воинских частей до того, как Соединенные Штаты добьются своих истинных целей». По мнению СИС, истинные цели США были такие: 1) установление контроля над новыми нефтяными месторождениями в Судане, Сомали, Эритрее и Йемене, что и являлось настоящей причиной «гуманитарной помощи»; 2) установление проамериканского правительства в Могадишо; 3) вторжение из Сомали в южный Судан, который должен стать «регионом, где будет покончено с исламским вопросом» — тем же образом, что в иракском Курдистане уже было покончено с Саддамом Хуссейном. Комитет Таха

должен был приступить к эскалации войны в Сомали и особенно к активизированию элитных отрядов террористов только тогда, когда станет понятно, что действия американцев угрожают стратегическим интересам Тегерана и Хартума.

Несмотря на решение не трогать американские отряды в Сомали, исламистское руководство не могло не обращать внимание на растущее присутствие США на Африканском Роге. Было крайне необходимо нанести косвенный удар по этому разворачиванию сил — пусть и символически, — с целью привлечения к нему внимания. Было решено ударить по недавно появившимся американским техническим объектам в Адене (Южный Йемен): во-первых, там велась подготовка к интервенции в Сомали, а во-вторых, они находились в Азии, в непосредственной близости от африканского побережья. Основные иранско-суданские террористические организации были заняты подготовкой к ожидаемой серьезной конфронтации в Могадишо, и нужно было, чтобы кто-нибудь еще занялся этим делом. Усама бин Ладен, с его полезными связями в Йемене, Афганистане и Пакистане, был идеальной кандидатурой.

Располагая крайне ограниченным временем, бин Ладен для ускорения нанесения удара решил вспомнить о своих давних и проверенных связях. Основной ударной силой должны были стать йеменские «афганцы». Первоначальный план предусматривал взрыв пары отелей в Адене, в которых останавливались американские военные, и сооружений в море и в аэропортах. Чтобы осуществить все несмотря на все трудности и препятствия, бин Ладен убедил шейха Тарика аль-Фадли покинуть его лондонское убежище и лично возглавить операцию. Фадли тайно приехал в Йемен в середине ноября. Для экономии времени необходимые крупные денежные суммы переводились через счета принадлежащих бин Ладену йеменских фирм.

В начале декабря под прикрытием йеменского отделения «Исламского джихада» был сформирован ударный отряд. Костяк террористов составляли около 500 хорошо подготовленных йеменских «афганцев» под непосредственным руководством шейха Тарика аль-Фадли. Их главная база находилась в районе города Саадах. Из-за жестких временных рамок бин Ладен и Фадли решили использовать боевые отряды «Исламского джихада» прямо в Адене — для убийств местных политиков. Для планируемой операции против американцев эти отряды были усилены опытными изготовителями бомб и дополнительным оснащением.

С этой же целью был поспешно организован специальный тренировочный комплекс неподалеку от города Саадах (южный Йемен) — примерно в 50 милях от границы с Саудовской Аравией. По меньшей мере, один ливийский эксперт по бомбам был переброшен из Пакистана. Опытные террористы, равно как необходимое для операции оборудование и оружие, переправлялись контрабандой из Судана по Красному морю на заброшенный берег возле города аль-Хауха — на северном побережье Йемена. Один из ливийских «афганцев» устроил свою «школу» в надежном доме в окрестностях Саадаха. Ему было поручено обучить нескольких йеменских «афганцев» изготавливать бомбы и устраивать взрывы, а также наблюдать за изготовлением бомб. Этот ливиец покинул Йемен и исчез за день до теракта в Адене.

29 декабря террористы взорвали бомбы в аденских отелях «Аден» и «Золотой вереск», в результате чего было убито три человека и ранено пять. Кроме того, у ограждения аденского аэропорта была задержана группа террористов, вооруженных ручными гранатометами РПГ-7: они уже собирались обстрелять стоявшие поблизости грузовые самолеты ВВС США.

Поспешность проведения этих операций вылилась в многочисленные оплошности по части безопасности. 31 декабря египетская разведка, которую призвало на помощь йеменское правительство, уже знала, «руководителем групп террористов, пытающихся нарушить безопасность и стабильность в Йемене, является человек по имени Усама бин Ладен». 8 января 1993 года шейх Тарик аль-Фадли и его последователи, завершив свою миссию, сдались йеменским властям.

Шейх Абдул Маджих Зандани, еще один друг бин Ладена и последователь Тураби, приехал передать политическое послание. Он заявил, что, мирясь с присутствием американских солдат, йеменское правительство «подрывает ислам». Так что нет ничего удивительного в стихийном росте терроризма, заключал он. Отмечая, что одно только присутствие американских войск в Адене вызывает акты терроризма и ставит под угрозу общественную безопасность, Зандани спросил: «Почему бы американцам не отправиться прямо в Могадишо?». В этом утверждении и скрывался истинный смысл этой террористической операции.

Вернувшись в Хартум, Тураби и исламистская элита, несмотря на провал нападения на аденский аэропорт, были довольны, видя откровенно растущее недовольство деятельностью США на Африканском Роге. Усаму бин Ладена хвалили за подготовку такой сложной операции в столь короткий срок. Его готовность рисковать собственными капиталами была по достоинству оценена. А в грядущей конфронтации в Сомали ему предстояло сыграть куда более важную роль.

Серьезная эскалация военных действий в Могадишо, имевшая место осенью 1993 года, стала воплощением в жизнь долгосрочного плана, разработанного Тегераном и Хартумом. Кроме того, она стала первым проявлением стратегического сотрудничества Ирана, Ирака и Судана. В начале 1993 года Ирак приступил к оживлению своей террористической кампании под знаменем исламизма — при активной поддержке Тураби и Судана. В лагерях иракской разведки и отрядов специального назначения под Багдадом «афганцы» проходили повторную подготовку. Теперь эти террористы действовали в тесном сотрудничестве с международной исламистской террористической системой, контролируемой Ираном.

В начале декабря 1992 года Язди, Тураби и Башир решили, что в феврале 1993 года они проведут серьезную и тщательную переоценку ситуации во всем регионе, даже если и не случится никакого серьезного кризиса. Эти консультации должны состояться во время конференции девятнадцати исламистских организаций, «связанных с исламской революцией в Иране», которую созывал в Хартуме Тураби. Хартумская конференция должна рассмотреть благоразумность начала серьезной эскалации на Африканском Роге и ее влияние на такие имеющие отдаленное отношение вопросы, как подрывная деятельность исламистов в Египте, стабильность в Персидском заливе и возрождение международного исламистского терроризма в Западной Европе и Соединенных Штатах. Конференция должна была также рассмотреть, какое влияние окажут ожидавшиеся политические процессы на Африканском Роге на общее положение возглавляемого Ираном исламского блока и на различные экстремальные планы, рассматриваемые тогда в Тегеране: от террористических акций против Израиля до возможности начала войны на Ближнем Востоке. Но по инструкциям, полученным в Тегеране и Хартуме, осуществление первой стадии плана началось сразу же, еще до проведения конференции, чтобы исламисты смогли сразу же справиться с любыми препятствиями.

Для операций в Сомали Тегеран решил задействовать не использовавшиеся ранее стратегические резервы террористов — «Отряды аль-Кудс». В середине 1980-х годов в Иране под наблюдением Исламской революционной гвардии были отобраны и обучены на террористов и диверсантов много афганских беженцев. Около 1200 пребывающих в Пакистане «афганцев» были вовлечены в переправку наркотиков в Европу и Соединенные Штаты по каналам иранской разведки. Эти «афганцы» составляли костяк «Отрядов аль-Кудс» — элитных кадров Тегерана, входивших в систему международного суннитского терроризма. Многие из этих «афганцев» были переправлены в Судан для подготовки к ожидаемым военным действиям на Африканском Роге. В конце осени 1992 года пакистанская и иранская разведки одновременно начали энергично скупать у моджахедов остатки ракет «Стингер». Ракеты также переправлялись в Судан — для возможного использования в Сомали.

ИРГ продолжала расширять подготовку в Иране исламистских террористов-суннитов. К концу 1992 года в лагерях ИРГ в Машхаде и Йоме проходили подготовку около 9000 арабских «афганцев» — в основном из Ирана, Египта, Алжира, Туниса, Иордании, Израиля, Саудовской Аравии и арабских стран Персидского залива. Главным учебным центром был Факультет имама Али — бывший дворец шаха в северном Тегеране, где проходили подготовку «Отряды аль-Кудс». Непосредственным руководителем «Отрядов аль-Кудс» был генерал Ахмад Вахиди, бывший глава информационного отдела верховного командования ИРГ, который отвечал за «экспорт революции» — то есть за финансирование терроризма. На Факультете имама Али из террористов готовили главным образом инструкторов и боевых командиров, которые могли бы руководить и расширять сети у себя на родине. Кроме того, они обучались сложным диверсиям. Арабы из Саудовской Аравии и стран Персидского залива приезжали в Иран по специально изготовленным сирийским паспортам. Другие суннитские террористы из Египта, Иордании и стран Персидского залива обучались в Коме, Табризе и Машхаде. Кандидаты из «светских» государств сначала проходили теологическую и идеологическую обработку в Коме и только затем посылались на военную подготовку в лагерь Саадабад под Тегераном. Курсы усовершенствования и переподготовки организовывались в Ливане и Судане, а инструкторами были офицеры ИРГ и «Отрядов аль-Кудс».

В конце 1992 — начале 1993 года «афганцы», связанные с «Отрядами аль-Кудс», разместились на Африканском Роге — от Судана до Йемена, включая Сомали и Огаден, — в ожидании эскалации. В их числе был и элитный отряд, в котором состояло около 500 членов йеменского «Исламского джихада», все — «афганцы», преданные шейху Тарику аль-Фадли; неудача террористической операции в Адене совсем не изменила их взглядов. А так как в Иране и Судане еще в 1992 году запланировали использование более многочисленных сил, Усама бин Ладен организовал переправку из Пакистана в Йемен еще одного отряда — 3000 йеменских «афганцев». Они привезли тяжелое вооружение и террористическое оснащение, включая сильную взрывчатку, сложные бомбы с дистанционным управлением, мины-ловушки в виде кукол и несколько «Стингеров». Этот элитный отряд устроил свои базы в горах аль-Маракишах, в районе Саадаха. В середине 1993 года, когда уже чувствовалось приближение конфликта в Могадишо, бин Ладен быстро перебросил по воздуху этих «афганцев» с их оружием и оборудованием из Йемена в Сомали. Позже он сообщит египетскому журналисту, что это обошлось ему лично в 3 миллиона долларов.

В то же время бойцы «Пасдарана» и сомалийские террористы, непосредственно контролируемые Ираном, стягивались в Судан для оказания помощи отрядам «Суданского исламского союза» (СИС), обученным искусству проведения неожиданных акций смертников. Кроме того, несколько сотен арабских «афганцев», предназначенных для интервенции в Сомали, были переброшены в лагеря в западном Судане, недалеко от ливийской границы, для продвинутой подготовки перед заброской в Сомали.

Эти начальные приготовления завершились вовремя, — в феврале 1993 года: как раз накануне намеченной конференции. В феврале 19 опытных террористов, только что прибывших из Тегерана, и члены Комитета по связям на высшем уровне «Вооруженного исламского движения» собрались в Хартуме, чтобы тщательно изучить ситуацию на Африканском Роге и в Египте, а также последние перемены в положении нью-йоркской террористической сети, действующей под духовным руководством шейха Омара Абдула Рахмана. Эксперты остались довольны ходом приготовлений и приказали начать осуществление нескольких выдающихся планов — включая эскалацию терроризма в Сомали и взрыв Всемирного торгового центра в Соединенных Штатах. Старшие командиры СИС тоже присутствовали на встрече в Хартуме и принимали самое тесное участие в вынесении решения об эскалации вооруженной борьбы против Соединенных Штатов.

Старшие командиры, служащие под началом Мухаммада Фарраха Айдида, также принимали участие в нескольких заседаниях в Хартуме и с большим воодушевлением согласились на осуществление иранско-суданского оперативного плана. После Хартумской конференции, на протяжении шести-восьми недель, Айдид и его главные помощники из армии и разведки постоянно приезжали в Иран, Йемен, Эфиопию и Огаден, чтобы ознакомиться с другими составляющими основного плана. Сам Айдид по меньшей мере дважды тайно приезжал в Судан и Иран, чтобы обсудить стратегию и методы «обращения с интернациональными силами» в Сомали, а также согласовать способы получения «усиленной помощи в случае, если ситуация перерастет в вооруженный конфликт».

В начале весны 1993 года в Хартуме у Айдида также прошли важные встречи с сотрудниками иракской разведки в иракском посольстве. Эти встречи и последовавшее соглашение с Багдадом были организованы Хасаном аль-Тураби и являлись важным элементом в его стремлении к дальнейшему укреплению стратегического союза между Ираном, Суданом и Ираком — с особым ударением на спасение Судана от американской интервенции. Багдад пообещал Айдиду широкую помощь в том, что иракские чиновники определяли как «общая схема всестороннего плана конфронтации, разработанного для того, чтобы противостоять Соединенным Штатам и интернациональным силам в Сомали и превратить страну в новый Вьетнам». Также Багдад согласился поддерживать Тураби в деле усиления других вооруженных исламистских групп по всему Африканскому Рогу.

Весной операция в Могадишо стала для Багдада настолько важной, что Саддам Хуссейн поручил своему сыну Кусаю лично следить за антиамериканскими операциями в Сомали и на Африканском Роге в целом. В Хартуме сотрудники иракской разведки говорили, что Саддам Хуссейн полон решимости «добиться грандиозной победы в Сомали». Вскоре в иракское посольство в Хартуме прибыли несколько экспертов разведки и сил специального назначения, в том числе и члены личного Бюро особой безопасности Саддама Хуссейна. Им было поручено «поддерживать сценарий войны против Соединенных Штатов и интернациональных сил в Сомали». Главным в этой совместной работе был признан Тураби.

Несколько отрядов опытных исламистских террористов — сюда входили члены «Пасдарана», арабы (главным образом египтяне), «афганцы» и местные исламисты (члены суданского «Национального исламского фронта», сомалийского СИС, кенийской «Исламской республиканской организации», «Исламского фронта освобождения Эфиопии», «Исламского джихада Эритреи») — были тайно доставлены на место к июню 1993 года. Этот провоз в Сомали отряда из примерно 3000 человек и большого количества оружия и оснащения тоже организовал бин Ладен. Часть этих террористов была переправлена в Сомали через исламистские организации в Момбасе (Кения). Однако большинство этих исламистов сосредоточивалось на купленных бин Ладеном «фермах», где они и устраивали свои базы. Из этих безопасных гаваней террористы отправлялись создавать учебные лагеря и склады в районе Могадишо. Первые прибывшие в Сомали «афганцы» были опытными террористами, «специализировавшимися на гангстерских войнах, уличных боях, взрывах автомобилей, десантных и снайперских операциях» с целью дестабилизировать жизнь в Могадишо. Все это время в Боссао и Лаас Курай поступали все новые бойцы и боеприпасы для СИС. В мае в Марку и Могадишо прибыли старшие командиры СИС — подготовиться к эскалации, изучить местные условия, а затем вернуться в Хартум для получения дальнейших инструкций.

В начале лета, когда первые приготовления, включая доставку на место опытных террористов, были завершены, исламистские отряды, действовавшие как в подконтрольных Айдида частях Могадишо, так и вне их, устроили серию засад (в том числе с забрасываниями гранатами) на бойцов сил ООН и США, чтобы выяснить, какова будет реакция. Эти «тесты» закончились кровавым побоищем 5 июня 1993 года. По западной (США и ООН) версии, ополченцы генерала Айдида убили 23–26 солдат пакистанских частей ООН (эти части были созданы Исламабадом, чтобы успокоить администрацию Клинтона и «уравновесить» все более активную поддержку терроризма). На самом деле это было боевое крещение бойцов-«афганцев».

В Сомали эта стычка оказала немедленное и резкое воздействие на силу и сплоченность исламистов, объединившихся под знаменем Айдида. Было создано объединенное высшее командование. Даже бывшие союзники Айдида, ставшие его врагами, признавали, что в ходе конфронтации с «угнетателями» — ООН и США — Айдид сплотил своих союзников и получил широкую народную поддержку. Бывший президент Сомалиленда Абдйрахман Тур назвал Айдида героем за его противостояние Западу, особенно американцам. Мохаммад Хасан Авали, советник Айдида по внешней политике, подчеркивал, что в результате операций против войск ООН и США многие племена, политические и военные организации присоединились к возглавляемой СНА коалиции и признали Айдида своим высшим руководством.

Но происходили уже и гораздо более важные события. В ответ на непрерывные засады и нападения патрули ООН стали открывать огонь. Увидев такую реакцию на эскалацию вооруженных действий в Могадишо, Айдид предупредил: «Если они [солдаты ООН и США] и нападут на кого-нибудь, то только на широкие массы». 11 июня, после ряда боев с пакистанскими и американскими отрядами, Айдид и несколько его главных военных помощников покинули Могадишо.

Айдид с помощниками отправился в Хартум на специальные консультации, проводимые Тураби под ширмой чрезвычайной сессии Народного арабско-исламского конгресса. Открытое заседание было посвящено осуждению «американского геноцида», направленного против мусульман, который проявился в Сомали и Палестине. А на закрытом заседании конгресс решил усилить борьбу и расширить помощь Сомали, включая задействование резервных средств. Хотя бин Ладен и был приглашен на эту конференцию, он предпочел действовать в роли одного из личных советников Тураби. Айман аль-Зава-хири, лидер базирующегося в Афганистане и Пакистане египетского отделения «Исламского джихада», стал теперь близким союзником как бин Ладена, так и Пакистана и принял участие в хартумской конференции. Важность этой конференции показывает присутствие на ней сотрудников иранской разведки чрезвычайно высокого уровня, а также других опытных террористов, которые обсуждали и одобрили на тайных встречах план взрывов 4 июля в Нью-Йорке (его осуществление ФБР едва удалось предотвратить).

Конференция в Хартуме стала вехой в стратегической политике Ирана в отношении этого региона. Поскольку Тегеран был целиком занят эскалацией терроризма в Европе — в связи с ситуацией в Боснии и Герцеговине — и особенно в Соединенных Штатах, иранские высшие официальные лица дали Багдаду большие полномочия в проведении операций в Сомали. Правда, эти операции находились под жестким контролем объединенного командования, контролируемого Тегераном и Хартумом.

На конференции также были сформулированы иракско-суданско-иранские планы «противостояния американцам в Сомали» с целью «втягивания их в партизанскую войну, уличные бои, нападения, отступления и засады, как это было во Вьетнаме». В случае, если американские части переберутся из слишком опасного Могадишо в кажущиеся безопасными районы в сельской местности, в дело должны были вступать новые отряды исламистов, нападая на американцев на каждом шагу. Все эти операции в Сомали были частью «плана по перенесению боев в другие области Африканского Рога и по широкой, вооруженной и массовой мобилизации против Америки и Запада во всем регионе на великую войну между исламистами и Соединенными Штатами, чей исход может стать даже более тяжелым, чем результаты вьетнамской войны».

Суданская пропагандистская машина начала распространять оправдания предстоящим боям в Сомали. Суданский министр по делам президента разъяснял логику вторжения Судана в Сомали. Если Соединенные Штаты достигнут успеха в Сомали, то может настать очередь и исламистского Судана. Но благодаря исламистской интервенции в Сомали Соединенные Штаты «не добились достаточных успехов, чтобы осмелиться на подобную операцию в Судане». В Хартуме средства массовой информации проклинали операции ООН, настаивая на том, что Соединенные Штаты намеренно послали пакистанцев на верную смерть, чтобы у Вашингтона появился повод развернуться во всю мощь. Хартум также доказывал, что охота Объединенных Наций на Айдида (имеются в виду пакистанцы, оказавшиеся возле радиостанции Айдида в момент, когда на них было устроено нападение из засады) является доказательством того, что ООН проводит антиисламистскую политику Вашингтона. Суданский министр иностранных дел предупредил Соединенные Штаты, что «если они решат вмешаться в дела Судана, то столкнутся с сопротивлением и объявлением джихада».

С 13 по 15 июня Соединенные Штаты нанесли несколько воздушных ударов. Несмотря на разрушение сооружений, сомалийское ополчение оказало жесткое сопротивление. Они не дали американским пехотинцам захватить под прикрытием вертолетов «Кобра» дом Айдида.

Между тем, сразу после завершения хартумской конференции несколько виднейших террористов тайно перебрались в Сомали и даже в Могадишо, чтобы лично оценить ситуацию и понять, нужны ли какие-нибудь изменения в ходе эскалации. В этих поездках участвовали и местные командиры, которым было поручено разжигание предстоящего конфликта. К примеру, Завахири посетил Сомалиленд в составе исламистской делегации экспертов, посланных создать новую систему снабжения, которая осуществляла бы поступление к Айдиду новых «афганцев» и большого количества оружия и боеприпасов. Армия, состоящая преимущественно из египетских «афганцев» — а также «афганцев» из Саудовской Аравии, Афганистана и Алжира, — должна была выступать под знаменем Авангарда исламской победы во главе с Завахири. Бин Ладен организовывал в Хартуме новые линии коммуникаций и системы материального снабжения. По сути, он проявлял недюжинные усилия, провозя тайно тысячи человек из Судана в Сомали через третьи страны. Многие из таких перевозок проходили в крайне суровых условиях пустыни. Для этого бин Ладен заранее подготавливал грузовики, топливо, пищу и воду, оружие, боеприпасы и медикаменты. Для забрасываемых в Сомали отрядов должны были быть подготовлены жилье, провиант, средства связи и пункты приема. Бин Ладен также переправил большие деньги в Эфиопию и Эритрею, чтобы все необходимое можно было купить на месте.

Теперь исламистская инфраструктура начала укрепляться. Главные базы исламистских террористов располагались на юге Могадишо, в Кисмаю, Бардхеере, Марке (главном центре СИС) и Галкайо (где находилась запасная штаб-квартира Айдида и хранилось тяжелое вооружение, танки, артиллерия и т. п.). Иранская разведка создала отдельный центр материально-технического обеспечения в Боссао, чтобы тайно провозить противотанковое и противовоздушное оружие, включая СА-7. Около 900 бойцов «Пасдарана» и «Хизбалла», организованные в Суданскую революционную гвардию, были стянуты в Сомали для проведения эффективных операций. Кроме того, в Сомали направлялись около 1200 бойцов элитных иракских десантных войск — «аль-Сайдах». Исламисты-эксперты уже обучили, организовали и экипировали в этих лагерях примерно 15 тысяч сомалийцев и были готовы вести их в бой против американцев.

Наступление американских частей в Могадишо 12 июля 1993 года было воспринято старшими командирами в Хартуме как начало давно ожидаемой эскалации. Айдид тут же созвал на встречу тридцать старших командиров, включая иностранцев и представителей племени Хабара Гидира, и было принято решение начать осуществление плана эскалации, принятого в Хартуме. Было приказано активизировать контингент в Боссао, состоящий из представителей Судана, Ирака,

Ирана, Ливана и Африканского Рога. Также между Суданом и Ираном прошли консультации на высшем уровне о ситуации в Сомали и о необходимых действиях.

Бои, включая нападения на рабочих гражданской службы, прокатились в начале июля не только в Могадишо, но и по всей центральной Сомали. Эта эскалация отражала расширение числа союзников Айдиды. 12 июля США опубликовал коммюнике, в котором клялся «продолжать сражаться до тех пор, пока не умрет последний солдат Объединенных Наций». Особая месть уготавливалась американским солдатам, поскольку они продолжали «геноцид и истребление сомалийского народа». По всему Могадишо были распространены листовки на английском и сомалийском, в которых граждан предупреждали о неизбежной атаке на отряды американской армии. Последователи Айдиды требовали нанести удар по американцам, чтобы «отомстить смертью за смерть». В другом манифесте Айдид призвал сомалийцев выступить против превосходящих сил ООН и США, несмотря на неравные шансы, и «пожертвовать собой ради свободы», сражаясь с «теми, кто унижает ваше достоинство». Отряды Айдиды обстреливали американское посольство и атаковали позиции ООН по всему Могадишо, в то время как его сторонники продолжали устраивать массовые митинги и демонстрации. Единичные нападения продолжались вплоть до конца июля 1993 года.

Уверенность в себе Айдиды ясно проявилась в его пропаганде во второй половине июля. Его главный помощник, Мохаммад Салад Махмуд Хабиб, доказывал, что ООН преследует «политику неокolonизма, скрывающуюся под личиной гуманитарной помощи и обеспечения мира. Они прямо вмешиваются во внутренние дела страны, следуя принципу «разделяй и властвуй», создавая конфликты, натравливая людей друг на друга. Надувая их и раскалывая их на племена, кланы, под-кланы — вплоть до уровня семьи». Радиостанция Айдиды непрерывно сообщала, что руководимые Соединенными Штатами силы ООН намеренно разрушают мечети и другие исламские святыни. Фарах Али Мохаммад Дуургубе, известный писатель, заявлял, что «сомалийские бойцы настроены защищать свою страну, достоинство своего народа и свою религию и устроить неокolonизмам ад на земле. Если Богу будет угодно, то они попадут в ад, гораздо более страшный, чем в Могадишо. Будем убивать их всех — вплоть до последнего деморализованного колонизатора».

Айдид делал все, чтобы его пропаганда привлекла внимание США и ООН; но на самом деле она служила прикрытием для прибытия новых участников уличных боев в Могадишо. Новый исламистский отряд, названный «Авангардом исламского спасения Сомали», состоял из иранских «афганцев», руководимых египтянами. 3 августа 1993 года в первом выступлении на собственной радиостанции (оно было выпущено и в виде брошюр) Авангард потребовал, чтобы сомалийцы усилили джихад против «сатанинских» сил США. Сомалийцы должны были «начать Священную Войну против сатанинских войск Соединенных Штатов... Каждый мусульманин обязан принять участие в этой войне». В тот же день радиостанция Айдиды поддержала точку зрения Ирана о том, что Соединенные Штаты являются организатором глобального терроризма, направленного прежде всего на страны мусульманского и третьего мира. Кроме того, Айдид подробно разъяснял, что важной частью американской колониальной политики было распространение среди грамотных людей высшего образования — дабы, промыв им мозги, заставить их принять проамериканскую и антиисламскую позицию.

В начале августа 1993 года отряды Айдиды и его союзников делали последние приготовления к крупной эскалации боев в южном Могадишо. Исламисты ожидали, что «решительная битва между генералом Айдидом и международными, особенно американскими, войсками неизбежна». Отряды хорошо подготовленных исламистов из клана Хабара Гидира впервые участвовали в боях с американцами. Под именем «Исламского движения спасения Сомали» (ИДСС) они взяли на себя ответственность за взрыв бомбы с дистанционным управлением 11 августа, от которого погибло четверо американских солдат. Коммюнике организации гласило, что «ИДСС провело несколько операций, направленных на изгнание янки и их марионеток, а также движению удалось убить четверых дьяволов-американцев». ИДСС поясняло, что оно ведет «исламскую войну против неверных и язычников», дабы «восстановить исламский закон в Сомали». Арабские обозреватели отмечали, что «то, что призывы генерала Айдиды к джихаду передаются по собственным средствам коммуникации этой относительно хорошо организованной группы, заставляет думать, что у нее есть источники финансирования за границей».

Этот приток денежных средств, значение которого подчеркивали арабские журналисты, был организован и управлялся Усамой бин Ладеном. Находясь в тени, он продолжал помогать деятельности исламистов, оказывая чрезвычайно важную для них материальную поддержку.

Кроме того, в начале августа один из доверенных людей Айдида посетил Ливию с целью получения дополнительной финансовой и военной помощи для эскалации боевых действий против сил США и ООН.

Вся важность эскалации конфликта лучше всего проявилась в Хартуме. После консультаций с официальным Тегераном генерал Башир ошибочно заключил, что в конце декабря — начале января следует ожидать американского военного вторжения в Судан. Тураби и Али Утман посовещались о том, как лучше всего подготовиться к этому вторжению и, по возможности, предупредить его. Отражая царившие в Хартуме настроения, бригадир Абдул-Рахим Мухаммад Хусейн заявил, что Судан «встал на путь джихада, чтобы защитить веру и родину». Тегеран был уверен, что, несмотря на все угрозы, Хартум продолжит «борьбу» с Соединенными Штатами. Мустафа Ухтман, один из помощников Тураби, настоял на выработке иранско-суданской «общей стратегии» против Соединенных Штатов, чтобы не допустить крушения ислама в регионе.

В Могадишо радиостанция Айдида утверждала, что кризис «усиливался день ото дня»; все ожидали неизбежного взрыва. Айдид также заявил, что все силы ООН обязательно должны стать законными целями в борьбе против Соединенных Штатов, поскольку ООН служила интересам США, а ее части принимали участие в «геноциде и разрушениях, осуществляемых Соединенными Штатами Америки». В Могадишо теперь повсеместно повторялось утверждение о том, что Соединенные Штаты планируют «устроить резню невинных сомалийцев... для достижения своих колониалистских целей». Бои в Могадишо были лишь частью крупного плана, имевшего целью вызвать гражданскую войну в Сомали. Айдид обвинил Соединенные Штаты в тайном руководстве погромами и террористическими актами и потребовал, чтобы мусульмане солидаризовались и помогли сомалийцам. На радиостанции Айдида предсказывали неизбежную эскалацию нападений на жилые кварталы Могадишо.

Как и прежде, ожидание эскалации имело свои причины. В начале сентября 1993 года, по приказам из Хартума, элитные отряды исламистов, выступавшие под знаменем партии «Сомалийский исламский союз» (СИС), вступили в бои с американскими войсками. Хотя они были готовы к боям еще до прибытия американских войск в начале декабря 1992 года, отряды СИС до этого момента не вмешивались в боевые действия, предоставляя проводить большинство боевых операций Айдиду. 3 сентября руководители «Сомалийского исламского союза» объявили в Тегеране о том, что они начали атаки на позиции ООН в районе Могадишо. 5 сентября к боевым действиям присоединились и отряды Айдида — они атаковали нигерийский контингент войск ООН, убив семь солдат. Потребовалось серьезное вмешательство американских частей и массивная артиллерийская поддержка, чтобы спасти нигерийцев.

Теперь Хартум был убежден, что наступило время следующей стадии эскалации. 10 сентября началось подлинное усиление противостояния исламистов американским войскам. Наступление началось с ряда отвлекающих нападений отрядов племенного вождя, — исламиста Хабара Гидира на сомалийцев, считавшихся лояльными к Объединенным Нациям. Как и ожидалось, войска США и ООН пришли на помощь и угодили в ловушку исламистов. То, что поначалу казалось междуусобными стычками, внезапно вылилось в организованное нападение на отряды ООН и США. Американские войска в ответ также стали разжигать конфликт. На следующий день американские части атаковали отряды США, хотя те и не играли серьезной роли во время предыдущих столкновений. Айдид воспринял эту атаку, и не без оснований, как осознанную попытку США нарушить равновесие сил в Могадишо. Он приказал своим последователям устроить массовые уличные демонстрации и минометный обстрел объектов ООН и США.

Неизбежным результатом стала яростная стычка 13 сентября 1993 года между войсками США и Айдида, в ходе которой американцы обстреляли с вертолетов «Кобра» ключевые позиции Айдида, включая госпиталь, который также использовался как штаб-квартира и склад. Люди Айдида объявили, что в ходе атак американцы убили множество гражданских лиц, и поклялись отомстить. Началась цепная реакция насилия. 15 сентября исламисты в открытую обстреляли минометным огнем штаб-квартиру ООН, а американцы в ответ обстреляли штаб-квартиру Айдида. Последователи Айдида — главным образом женщины и дети — закидывали камнями патрули ООН на улицах Могадишо. Солдаты ООН, чтобы проложить себе дорогу, открывали огонь по толпе, что еще больше усугубляло кризис. Неоднократные заявления сомалийских официальных лиц (все они поддерживали Али Махди Мухаммада) и арабов о том, что «генерал Айдид единственный отвечает за эту конфронтацию», лишь усиливали беспорядки.

Соединенные Штаты вступили в открытое противостояние с Айдидом. После того как американские десантники взяли в плен Османа Хассана Али (Ато) — старого друга и правую руку Айдиды, — Айдид приказал нанести ответный удар, дабы предотвратить последующие рейды против его людей. Опытные террористы-исламисты и отряды СНА стали устраивать засады на американские вертолеты. 26 сентября над Могадишо в результате нападения из засады был сбит американский «Черный ястреб». В США телерепортажи, показывающие торжествующую сомалийскую толпу, тащащую по улицам Могадишо оскверненные тела американских военных и обломки вертолетов, вызвали упадочнические настроения. А для исламистов это послужило поддержкой при дальнейшем усилении конфронтации с Соединенными Штатами.

В конце сентября ярко выраженное обострение конфликта в Могадишо было истолковано официальным Хартумом как переломный момент в борьбе сомалийских исламистов, которая, при правильном ее ведении, должна была привести к уходу США из Сомали. В Тегеране смеялись над выдвигаемыми США обвинениями в связях («тактическом альянсе») Ирана с Айдидом как над простой отговоркой, оправдывающей неспособность США противостоять исламистскому движению в Сомали. Иссе Мохаммед Сиад, советник Айдиды по международным вопросам, жаловался на изменение роли ООН в Могадишо. «Они [ООН и США] пришли помогать сомалийскому народу, но их методами стали разрушения, бомбардировки и аресты без всяких законных оснований — лишь с помощью силы и оружия».

Осенью 1993 года уже не оставалось никаких сомнений, что обострение борьбы в Сомали было результатом долгосрочного плана Тегерана и Хартума, предусматривающего использование «Исламского Интернационала», всех сил исламистов, чтобы сделать для американцев Могадишо «вторым Кабулом» или «вторым Бейрутом». В полном соответствии с исламистской стратегией, Айдид наставлял своих солдат «готовиться во взаимодействии с нашими друзьями и союзниками изгнать из нашей страны западных оккупантов» и «отправить американских и пакистанских солдат на родину в гробах».

Несмотря на сомалийскую демагогию и западную пропаганду, обострение конфликта в Могадишо стало первой крупной операцией, проведенной под общим руководством «Исламского Интернационала», учрежденного предыдущим летом в Хартуме. В роли руководителя выступал теперь Хасан аль-Тураби, а Айман аль-Завахири, Абдалла Джауид (афганский исламист) и Камар аль-Дин Дарбан (алжирский исламист) находились у него в подчинении и отвечали непосредственно за боевые действия. Усама бин Ладен отвечал за материальную поддержку. Осенью 1993 года Завахири уже находился в Сомали, где выполнял обязанности местного командира и координатора боевых действий. Он работал вместе со своими командирами-«афганцами» и с военными советниками Айдиды.

Весь оперативный план исламистов базировался на бесперебойном поступлении больших количеств боеприпасов и продовольствия, за которое отвечал бин Ладен. Для создания эффекта неожиданности и во избежание предупреждающих ударов войск ООН, эти припасы следовало переправлять из Сомалиленда в Могадишо в последний момент. Бин Ладен успешно справлялся с этой задачей, что предвещало будущие успехи исламистов.

Одним из главных полевых командиров, которых Завахири привез в Сомали, был Али аль-Рашиди, известный также как Абу-Убайдах аль-Баншири или Абу-Убайдах аль-Банджа-шири. Этот египтянин на протяжении многих лет был доверенным лицом аль-Завахири, а в 1970-х годах аль-Рашиди, служивший в египетской полиции, тайно состоял в «Исламском джихаде». В 1981 году, в ходе чисток, последовавших за убийством Садата, он был арестован и к 1986 году провел в тюрьме (с перерывами) полных три года. В 1986 году ему удалось бежать в Афганистан, где он сначала сражался в рядах бойцов Ахмада Шаха Масуда в Панджширской долине, а затем присоединился к армии бин Ладена. Они с бин Ладеном стали близкими друзьями. Согласно египетским источникам, «аль-Рашиди был правой рукой Усамы бин Ладена» и контролировал работу основных лагерей, устроенных бин Ладеном в Афганистане для обучения арабских моджахедов. Аль-Рашиди также способствовал укреплению связей между бин Ладеном и вождями египетских исламистов, включая Завахири. Когда бои в Афганистане утихли, аль-Рашиди стал ездить на другие театры боевых действий и организовывать там элитные отряды, состоящие главным образом из «афганцев». В этом качестве он участвовал в исламистских боевых операциях в Эритрее, Огадене, Бирме, Кашмире, Таджикистане, Чечне, Боснии и Ливии. Осенью 1993 года Завахири назначил его командующим одной из своих элитных частей в Могадишо.

В то время как отряды Айдида все громче заявляли о себе в разжигании войны в Могадишо, элитным отрядам СИС оказывалась высококвалифицированная военная помощь с целью проведения эффективных партизанских акций против войск ООН и США. Кроме того, к исламистским частям в Сомали — как к арабским «афганцам», так и к сомалийским исламистам — шел интенсивный приток пополнения и высококачественного оружия. Для заброски экспертов и сложного оборудования Абдалла Джауид и Усама бин Ладен завербовали нескольких военных пилотов из бывшей ДРА (все они имели большой опыт доставки боеприпасов осажденным гарнизонам ДРА) — они должны были на небольших грузовых самолетах садиться ночью на потайных аэродромах в Сомали. Более тяжелое оборудование переправлялось по ночам в Сомалиленд флотилией бин Ладена, состоявшей из небольших рыболовецких судов, базировавшихся в портах соседних государств, в основном Йемена и Кении. Из этих перевалочных пунктов люди и оружие провозились небольшими караванами кочевников в надежные места в окрестностях Могадишо. Серьезным результатом этой операции стало основание подпольной штаб-квартиры в Могадишо, из которой сомалийские, афганские и алжирские эксперты по городской партизанской войне руководили боями.

То, насколько возросли возможности поддерживаемых исламистами сомалийцев, ясно проявилось 3 октября 1993 года. В тот день командиры войск ООН и США узнали, что в Олимпийском отеле находятся два главных советника Айдида по внешней политике, Осман Салах и Мухаммад Хасан Авали. К отелю вертолетами были срочно переброшены менее сотни американских солдат, и оба советника — а также еще двадцать два сторонника Айдида — были захвачены на месте. Но то, что казалось успешным рейдом, внезапно обернулось тяжелым поражением. Когда американские солдаты готовились к возвращению, они попали в хорошо организованную засаду из более чем тысячи сомалийцев. Два вертолета были сбиты, а третий потерпел крушение в аэропорту Могадишо. Американцы установили линию обороны вокруг места крушения, но были окружены и подвергались интенсивному обстрелу на протяжении одиннадцати часов, пока им на помощь не подошел спасательный отряд ООН. При перестрелке восемнадцать американских солдат были убиты, семьдесят восемь — ранены, а один из пилотов попал в плен (десять дней спустя его освободят). В ходе боя получили ранения по меньшей мере 700 сомалийцев — как бойцов, так и гражданских лиц, — и около 300 погибли. На следующий день жители Могадишо праздновали великую победу, протаскивая тела американских военных по улицам.

Многочисленные ближневосточные источники утверждают, что бои в Могадишо в конце сентября и особенно в начале октября 1993 года стали важнейшей стадией в обострении конфликта. Они приписывали неожиданные успехи сомалийских войск тому факту, что в боях в Могадишо, в частности 3 октября, непосредственно участвовали подготовленные в Иране сомалийцы и арабские «афганцы», равно как и иракские командос. Это заключение подтверждают и многие другие отчеты.

Все источники сходятся в том, что операция 3 октября стала первым серьезным предприятием Завахири и его штаба в районе Могадишо. Кроме того, Айдиду и его командирам помогали иранские инструкторы, маскировавшиеся под журналистов. О помощи иранцев Айдид не раз ясно говорил в своих интервью на Радио Тегерана и в иранских журналах.

Полученная американцами информация о нахождении в Олимпийском отеле людей Айдида была лишь подстроеной ловушкой. Эти двое крупных чиновников США отвечали за контакты и переговоры с США и ООН, но бездействовали, и потому решено было ими пожертвовать, хотя они и были доверенными людьми Айдида. Кроме того, самим американцам предоставлялось решать — убивать ли пленников или спустя некоторое время отпустить их.

Засада же была устроена бескомпромиссными исламистами под командованием аль-Рашиди — главным образом арабскими «афганцами» и иракцами. Основной ударный отряд состоял из бойцов СИС, подготовленных в Иране и Ираке. Арабские «афганцы» (включая алжирцев и египтян) под командованием аль-Рашиди сыграли важную роль в устройстве засады и последующей осаде американских пехотинцев. Арабские моджахеды воевали на передовых позициях. Иракцы организовали доставку тяжелого вооружения — главным образом 23-миллиметровых пулеметов двойного назначения и ручных гранатометов, которые применялись главным образом против американских вертолетов. Иракцы также организовали внешнее окружение, сорвав тем самым неоднократные попытки отрядов США и ООН прорваться на помощь осажденным. Кроме того, арабские «афганцы» входили в руководство ряда сомалийских заградительных отрядов. Правда, в рапортах по-разному говорится о степени участия иракцев в боевых действиях. Несомненно, иракские командос инструктировали бойцов СИС. Но не ясно,

действительно ли иракцы сами спускали курки. Арабские «афганцы» приняли активное участие в боях, продемонстрировав при этом высочайшую личную храбрость. Люди Айдида, как ополченцы, так и штатские, активно и вовремя разжигали ярость толпы, а также брали на себя ответственность за несчастные случаи.

Становилось очевидным растущее влияние Ирана и исламизма на Айдида и на весь СНА. Накануне главного боя официальный Тегеран поддержал заявление Айдида, сказавшего в длинном интервью иранской газете «Ресалат», что столкновения с американской армией — это стихийная народная реакция на нападения американских солдат на мирных граждан. Айдид подчеркнул, что СНА не участвует в этих боях, потому что уже разоружен силами США и ООН.

Крупнейший массовый митинг, состоявшийся в Могадишо после столкновения с американскими войсками 3 октября, имел исламистский характер. Толпа во главе с шейхом Абдулом-Раззаком Юсуфом Аданом декламировала стихи из Корана. Главным оратором был шейх Хасан Махмуд Салад, который говорил о тлетворном влиянии «Соединенных Штатов и их пособников-неверных, пытающихся изменить культуру и святую религию, которыми Бог наделил сомалийский народ». И Адан, и Салад подчеркивали, что «сомалийцы — мусульмане и, следовательно, желают введения в стране шариата». Весь митинг транслировался по радиостанции Айдида.

После того как воздействие боев 3 октября стало очевидным, исламисты заняли четкую позицию. Абди Хаджи Гобдон, делегат СНА, заявил, что мир и стабильность вернутся в Могадишо и Сомали только тогда, когда войска США и ООН покинут страну. Он потребовал, чтобы США и ООН не злоупотребляли доброжелательностью сомалийцев, оценивших полученную ими гуманитарную помощь, пытаясь вмешиваться во внутренние дела Сомали. Он предупредил США и ООН, чтобы те не вмешивались в народную войну, в которой они не победят, даже если попытаются оккупировать всю Сомали. «С их стороны было бы благородным уйти, — заявил Гобдон. — Они не победят в войне. Они пришли помочь нам. Пусть они уйдут и дадут сомалийцам утрясти их политические разногласия. Тогда и наступит мир».

Тегеран одобрил эту позицию, потому что теперь, когда все новые отряды американской армии спешили на помощь своим осажденным товарищам, первоначальные цели исламистов уже были достигнуты: «После одиннадцати месяцев военного присутствия и столкновений с отрядами черных борцов за независимость мировая сверхдержава понесла тяжелые потери». Согласно точке зрения Тегерана, Вашингтону теперь следовало понять, что «существующая безнадежность ситуации» в Могадишо могла быть только усугублена «решимостью партизанских отрядов и мусульманских масс». В Тегеране заключили: «Принятие политических решений после одиннадцати месяцев военного присутствия может означать лишь вывод войск. В результате Америка оказалась в ловушке в пустыне, где она не может ни продолжать свои действия, ни пересмотреть прежние решения». Как и планировалось в Тегеране и Хартуме, американцы уже увязли в трясине этого нового Вьетнама.

С 10 октября Айдид и исламисты стали выступать с двусторонним подходом к решению сомалийского кризиса. Они подтверждали свою готовность поддерживать прекращение огня и принимать участие в мирном процессе и в то же время настаивали, что их главные требования — немедленный вывод войск США и ООН и сохранение исламского характера Сомали — должны быть приняты, чтобы бои не возобновились. Вместе с тем в Сомали продолжался приток новых отрядов исламистов и материального обеспечения, организованный бин Ладеном. Исламисты ясно давали понять, что прекращение огня и уличных боев в Могадишо были лишь средствами для того, чтобы интересы исламистов были поняты.

17 октября появились первые признаки надвигающегося кризиса в Могадишо, который мог бы привести к возобновлению боев. Исламисты резко отреагировали на известие о предстоящем визите в Могадишо генерального секретаря ООН Бутроса Бутроса-Гали. Исламисты считали Бутроса-Гали, египетского копта, своим непримиримым врагом и рассматривали его участие в дипломатическом процессе в Сомали как доказательство того, что Объединенные Нации намерены действовать в интересах Соединенных Штатов. (Копты — это коренные египтяне-христиане. Их уникальная церковь возникла за несколько веков до арабско-мусульманского вторжения в Египет. Исламисты ненавидели и презирали коптов из-за их нежелания принимать ислам.) Чтобы подкрепить свою позицию, Айдид устроил в Могадишо массовую демонстрацию своих последователей. Более тысячи человек выкрикивали: «Долой Бутроса-Гали! Долой УНОСОМ [аббревиатура — войска ООН в Сомали]!». А помощник Айдида постоянно выкрикивал в

громкоговоритель под одобрительные возгласы толпы: «Бутрост Гали бомбил и убивал нас — он нам здесь не нужен!».

В конце октября 1993 года стало очевидно, что Тегеран и его союзники, воодушевленные большим успехом их прежних столкновений с американскими войсками, готовятся к очередной эскалации войны в Могадишо. Тегеран и Могадишо надеялись, что эта эскалация приведет к быстрому и позорному выводу войск США и ООН из Сомали, примерно как в Бейруте десять лет назад. Сравнение с Бейрутом было не только символическим — Тегеран собирался направить в Могадишо специальные отряды движения «Хизбалла».

Общий план эскалации разрабатывался в Тегеране с помощью командиров нескольких исламистских террористических движений, главным образом ливанского отделения «Хизбалла» и избранных арабских «афганцев». Новый оперативный план предусматривал эскалацию народно-освободительной войны в Могадишо как прикрытие и содействие террористическим актам высококвалифицированных отрядов «Хизбалла». Бойцы из Сомали уже прошли подготовку в учебных лагерях в центральной и северной Сомали. Из них были составлены воинские части, состоящие из сомалийцев, но возглавляемые высокопрофессиональными террористами из Ирана, Ливана, движения «Хизбалла» и из числа арабских «афганцев». Эти новые командиры тайком переправлялись в Сомали небольшими группами через Кению, Эфиопию, Эритрею и Джибути при активной помощи кенийской «Организации исламских республик», «Исламского фронта Эфиопии» и «Исламского джихада Эритреи». Непростым делом переправки террористов тоже занимался бин Ладен.

В плане исламистов предусматривалось, что, когда в Могадишо воцарятся хаос и уличные бои, террористическая элита вступит в действие — она будет похищать американцев (гражданских лиц и солдат), а затем приступит к взрывам с помощью террористов-смертников объектов, принадлежащих США и НАТО. Отряды смертников «Хизбалла», уже прибывшие в Могадишо, должны будут заняться взрывами американских объектов. Главным командиром «Хизбалла» в регионе был хаджи Рияд Асакир из Бейрута. У него был большой опыт взрывов в Бейруте в начале 80-х, включая взрыв казарм морских пехотинцев. В Могадишо Асакир подчинялся непосредственно Мухсину Резаи — тогдашнему командиру Исламской революционной гвардии в Тегеране. Чтобы увеличить шансы на успех, «Хизбалла» также держала в Могадишо два крупных отряда полностью изолированными друг от друга. Один отряд «Хизбалла» прибыл через Эфиопию, другой — через Кению. Каждый отряд пользовался совершенно независимой системой поддержки — состоящей из сомалийцев, иранцев и арабских «афганцев», — и линиями снабжения, идущими из Эфиопии и Кении соответственно. Тегеран был уверен, что суицидальные операции «Хизбалла» окажут на Вашингтон то же самое воздействие, что и теракты в Бейруте в начале 1980-х.

Как выяснилось, не было никакой необходимости задействовать ячейки «Хизбалла» в Могадишо. Потрясенный тяжелыми потерями, понесенными в начале октября, Вашингтон решил вывести войска из Сомали и резко свернул активность американской армии в Могадишо. Власть перешла к исламистам, в том числе и к Айдиду. Тегеран и Хартум доказали свое преимущество и продемонстрировали свое умение проводить стратегические операции.

Осенью 1994 года интенсивные динамические процессы на Африканском Роге постепенно сменялись более-менее регулируемым хаосом. Из пепла Африканского Рога возникло несколько опасных прецедентов. Теперь было очевидно, что даже если какая-нибудь национальная группа в Африке решит отделиться, ей все равно придется равняться на границы колониальной эпохи. Наиболее ярким примером стала Эритрея, отделившаяся от Эфиопии после тридцати лет партизанской войны и референдума, на котором получила потрясающую народную поддержку. Когда Эритрея была признана отдельным государством, она не пересмотрела колониальные границы, но, напротив, восстановила их. Еще одна национальная группа, стремящаяся последовать примеру Эритреи, — это Сомалиленд, провозгласивший себя независимым в 1991 году.

В то время как центральная и южная Сомали уже снова погрузились в беззаконие и насилие — гораздо более свирепое, чем перед интервенцией США и ООН, — в Сомалиленде самопровозглашенное правительство установило действующие, пусть и хрупкие, администрацию и мир. Как и Эритрея, Сомалиленд был отдельной колонией и слился с Сомали лишь в 1960 году. Но Запад яростно отказывался признавать независимость Сомалиленда.

В нескольких интервью и выступлениях Усама бин Ладен заявлял, что считает опыт, полученный в Сомали, важнейшей вехой в своем развитии. Именно в Сомали он впервые принял участие в серьезной операции на руководящем посту, столкнувшись со всеми трудностями принятия решений и формулирования политики. Он установил активную связь с разведками Ирана и Ирака, которые впоследствии окажутся полезными при его продвижении вверх. Хотя он и не принимал участия в боевых действиях в Могадишо, его вклад в конечную победу исламистов имел решающее значение. Бин Ладен по-прежнему считает войну в Могадишо одним из крупнейших триумфов в борьбе с Соединенными Штатами.

Успех в Сомали убедил его, что в конечном счете возможно изгнать Соединенные Штаты также из Саудовской Аравии и Персидского залива. В мае 1997 года он подчеркнул это в интервью Роберту Фиску из «Independent»: «Мы верим, что Бог использовал нашу священную войну в Афганистане для уничтожения русской армии и Советского Союза... и теперь мы просим Бога еще раз использовать нас, чтобы от Америки осталась одна тень». Бин Ладен был убежден не только в том, что Сомали стала ответом на молитвы исламистов, но и в том, что результаты войны в Могадишо указывали на характер будущих столкновений с Соединенными Штатами. «Мы также верим, что бороться с Америкой будет гораздо проще, чем с Советским Союзом, потому что некоторые наши моджахеды, сражавшиеся здесь, в Афганистане, также участвовали в операциях против американцев в Сомали — и были изумлены, видя полное крушение американской морали. Это убедило нас в том, что Америка — это бумажный тигр», — заключил бин Ладен.

Практические уроки, полученные из конфликта, имели и более непосредственные результаты. Хартум и Тегеран теперь убедились в эффективности работы их разветвленной террористической сети в Восточной Африке. А еще они убедились в возможности наносить болезненные политические и стратегические удары по Соединенным Штатам даже в таких удаленных уголках планеты, как Африканский Рог. На Тураби и иранское и суданское руководство произвело глубокое впечатление поведение главных командиров арабских «афганцев», особенно Завахири и бин Ладена. Личные отношения, установленные в этот кризисный период, впоследствии окажутся крайне полезными при будущих столкновениях с Соединенными Штатами. Что же касается трех основных «афганцев» — аль-Завахири, бин Ладена и аль-Рашиди, — то они сформировали дружную команду, которой вскоре предстояло еще раз поработать.

ГЛАВА 4

ЭМИР БИН ЛАДЕН

В 1994 году бин Ладен вышел из тени, когда почувствовал, что несколько проводившихся за границей программ требовали его личного участия. Во время этих поездок он показал себя способным менеджером и организатором сложных программ, большинство которых действует до сих пор. Используя частные самолеты своих союзников из стран Персидского залива и (или) их зарегистрированные в Европе компании, бин Ладен мог путешествовать, почти ничего не опасаясь. После того как в апреле 1994 года был аннулирован его саудовский паспорт, он путешествовал с суданским дипломатическим паспортом под вымышленным именем. При встречах с исламистами за границей бин Ладен никогда не пытался скрывать свою личность, несмотря на растущую угрозу со стороны местных и западных служб безопасности. Истинная важность деятельности бин Ладена в 1994 году состоит в ее связи с подъемом международного террористического движения после триумфа исламистов в Сомали.

В конце 1993 года исламисты праздновали великую победу. Они изгнали Великого Сатану — Соединенные Штаты — с Африканского Рога и подняли знамя всемирной антиимпериалистической борьбы. Для Усамы бин Ладена и его товарищей по оружию следующий год станет решающим временем для реорганизации и укрепления сил. Исламистам, выступившим на мировой арене как главная антиамериканская и антизападная сила, нужно было перегруппироваться и подготовиться к очередному этапу конфронтации. Прежде всего они должны были заложить основы всемирной инфраструктуры. Работая главным образом в Судане, бин

Ладен способствовал получению исламистским движением поддержки различных государств — финансирования, материально-технического обеспечения и обучения, — в то время как эти государства постепенно втягивались в поддержку исламизма и становились главными актерами в этой драме.

После триумфа исламизма в Сомали несколько отдельных государств и организаций, которые прежде либо лишь частично поддерживали, либо даже совершенно не участвовали в движении исламизма, захотели стать его активными участниками. Все более активное вовлечение Пакистана в исламистскую террористическую систему было особенно важным в стратегическом контексте. Оно вылилось как в эскалацию войны «по доверенности» (руками местных сепаратистов) в Кашмире, так и в возникновение «Талибана» — двух движение, которые по-прежнему предоставляют бин Ладену убежище и тесно сотрудничают с ним.

Подъем исламизма совпал по времени с возвращением к власти Беназир Бхутто. Скрываясь за прозападными и продемократическими выступлениями, она развернула программу, имевшую целью сделать Пакистан центральным звеном как исламского блока во главе с Ираном, так и Трансазиатской оси — антиамериканской коалиции во главе с Китайской Народной Республикой, протянувшейся от Средиземного моря до Северо-Восточной Азии. С этой целью Пакистан усилил стратегическое сотрудничество с такими странами, как Иран и Северная Корея. В этих союзах у Исламабада были четкие роли. Пакистан должен был стать в исламском блоке центром военного и промышленного производства (включая производство ядерного оружия), а также финансовым центром, в который стекалась бы твердая валюта, полученная от торговли наркотиками. Пакистан также должен был добывать, как легально, так и нелегально, сложные западные технологии и промышленные системы, включая запчасти для американского оружия. Исламабад и его союзники были убеждены, что приход Бхутто к власти, особенно учитывая ее продемократическую демагогию, усыпит бдительность Запада, и у Пакистана, по крайней мере, будет время, чтобы получить все необходимое, пока на него не наложат жесткое эмбарго.

Бхутто уделяла первостепенное значение усилению роли Пакистана в этой антиамериканской программе. Сразу после возвращения к власти осенью 1993 года она предприняла ряд шагов, определяющих новую основную стратегию Пакистана в период после холодной войны и после кризиса в Персидском заливе. Важнейшими ее элементами стали более прочные стратегические соглашения с Ираном и Северной Кореей, заключенные во время визитов Бхутто в Тегеран и Пхеньян. Эти визиты, наряду с визитом в Пекин, бывший ближайшим союзником Исламабада, должны были укрепить новую стратегию Пакистана — активную интеграцию в исламский блок и Трансазиатскую ось. Несмотря на свои публичные выступления, Бхутто была искренне убеждена в том, что будущее Пакистана связано с возглавляемым Ираном исламским блоком и с его активной антиамериканской позицией. В конце 1993 года, после ряда визитов в Пекин, Пхеньян и Тегеран, Бхутто отчетливо продемонстрировала решимость как можно скорее провести эту политику в жизнь. Значительно усилить участие Пакистана в исламистской системе международного терроризма — это была неотъемлемая часть новой стратегии Бхутто.

В середине декабря 1993 года Тураби организовал очередную Конференцию арабских и исламских народов (НАИК) в Хартуме, чтобы обсудить следующую стадию борьбы исламистов против Запада. (Тураби переименовал ИАНК в КАИН, чтобы включить в нее всех мусульман, а не только арабов.) Участие Пакистана стало самым важным аспектом этой конференции. Официальный Исламабад не оставил никаких сомнений в том, что Пакистан видел себя активным и верным членом исламского блока, возглавляемого Ираном. Пакистанские официальные лица подчеркивали в Хартуме уверенность Исламабада в том, что у политики исламистов — большое будущее и что Исламабад намерен активно в ней участвовать. Исламабад присоединился к исламистам не из-за идеологических убеждений Бхутто — ведь она придерживается левых популистских взглядов, — но из прагматических соображений, учитывающих главные тенденции в Сердце ислама, меняющуюся стратегическую позицию Китая и собственные проблемы Пакистана.

Новое исламабадское правительство хотело быть уверенным, что исламисты понимают его политику. Для этого Бхутто отправила на конференцию своего советника, который провел частные встречи с Тураби и другими лидерами исламистов. Он заверил их в том, что Пакистанская народная партия (ПНР) — политическая партия Бхутто — не собирается преследовать исламизм или упразднить исламский закон, а также в преданности Исламабада их общему делу, включая антииндийский джихад в Кашмире как неотъемлемый принцип политики Пакистана. Он также заявил, что Пакистан ищет «исламские решения» для проблемы Афганистана и других конфликтов

в Центральной Азии и что Бхутто поддержит любое решение, предложенное Тураби, которого теперь именовали почетным титулом «шейх».

Главным вопросом конференции была роль Пакистана в рамках ВИД («Вооруженного исламского движения»), в частности — будущая активная поддержка Пакистаном вооруженной борьбы исламистов и национально-освободительных движений, то есть международного терроризма. Официальную пакистанскую делегацию возглавляли двое других верных людей Бхутто — генерал Мирза Аслам Бег, бывший начальник штаба пакистанской армии и верный союзник Ирана, и генерал Хамид Гул, бывший шеф МВР (пакистанской разведки), организовавший переправку иностранных моджахедов в Пакистан и Афганистан в конце 1980-х годов. Оба были убежденными исламистами и не раз заявляли о своей уверенности в том, что будущее Пакистана связано с Ираном и исламским блоком. Их участие в хартумской конференции и важная роль, которую они сыграли в оформлении отношений Пакистана с КАИН и исламистским миром, стали доказательством того, что правительство Бхутто продолжит следовать исламистской политике.

Тураби приветствовал решимость Пакистана «охранять права мусульманского населения» в Кашмире и поддержку Пакистаном его борьбы за национальное освобождение. Он одобрил решение Пакистана сохранить свой ядерный потенциал, несмотря на международное давление, особенно со стороны Соединенных Штатов, и пообещал поддержку всего мусульманского мира, благодаря которой Пакистан сможет расширить свою ядерную программу.

Пакистанская делегация заверила руководство КАИН в том, что Исламабад не подчинится давлению Запада и не сократит помощь арабским «афганцам» и международному терроризму. Пакистанские делегаты подчеркнули, что Пакистан может сделать вид, будто он борется с арабскими исламистами или сворачивает инфраструктуру, предназначенную для поддержки международного терроризма, — чтобы получить доступ к сложным технологиям, несмотря на растущее давление Запада. Но это будет только шоу, а на самом деле поддержка воинствующего исламизма будет расширяться.

В конце 1993 года МВР начала энергично выполнять обещания, данные в Хартуме. В 1994 году МВР вместе с ВЕ-ВАК (иранской разведкой) значительно перестроили и расширили террористическую структуру в Афганистане, в частности лагеря для подготовки арабов и других иностранцев — нового поколения «афганцев». Инструкторы МВР были наиболее активны в четырех лагерях, где иностранные «афганцы» обучались продвинутым техникам ведения боя и тактике, изготовлению сложных бомб и мин-ловушек, а также способам осуществления «мученических» (суицидальных) операций.

Одним из шагов стала перестройка тренировочной инфраструктуры моджахедов в районе между Жаваром и Ховстом (восточный Афганистан). В 1980-е годы этот тренировочный комплекс держался МВР якобы для Джаладдина Хаккани — опытного командира афганских моджахедов. Но в 1994 году Хаккани командовал лишь отрядом примерно в 200 человек, который охранял местные полевые склады боеприпасов, — в то время как около 100 пакистанских и более 30 арабских инструкторов обучали 400–500 моджахедов со всего мусульманского мира. Соотношение инструкторов и учеников обеспечивало эффективное обучение. Работа комплекса была поставлена профессионально; перед приемом опытные эксперты МВР проводили тщательное медицинское обследование, проверку военных навыков, психологическое тестирование и проверку благонадежности всех кандидатов. Обучение длилось от четырех месяцев до двух лет, в зависимости от предмета.

Состав студентов отражал приоритеты исламистского руководства. В 1994–1995 годах в число стажеров входило 350 таджиков (100 — из Таджикистана, остальные — из северо-восточного Афганистана), около 100 чеченских отрядов, 3 группы из Боснии и Герцеговины, 2 группы палестинцев, группа с Филиппин, молдавская группа и две украинские (в основном — крымские татары). Стажеры были поделены на учебные команды из двенадцати-четырнадцати человек, в зависимости от их опыта и страны происхождения. Из соображений безопасности общение между членами разных групп или команд было строго запрещено. А когда личность и род деятельности стажеров нужно было держать в секрете, проводились специальные ночные курсы. Эта система обучения впоследствии сохранится и будет развиваться. В августе 1998 по некоторым из этих лагерей США нанесли удары крылатыми ракетами.

Другие главные учебные центры для «афганцев» появились в 1994 году. В Чахар-Сиябе, цитадели «Хизб-и-Ислами», МВР создала крупный тренировочный центр, где обучалось более 200 арабских «афганцев», которых готовили для проведения эффективных операций на Западе и в прозападных странах Ближнего Востока. В других частях Афганистана МВР также создавала такие лагеря.

В 1994 и 1995 годах большая часть материально-технической и прочей (разведданные, финансы) помощи исламистским организациям переправлялась через финансируемые МВР пакистанские организации — такие как «Харакат уль-Ансар» и «Марказ аль-Дауат аль-Аршад». В начале 1995 года представители «Харакат уль-Ансар» тайно торжествовали: их моджахеды сражались в Кашмире, на Филиппинах, в Боснии и Герцеговине, Таджикистане и по всему Ближнему Востоку. В документе 1995 года о наборе добровольцев подчеркивалось, что «моджахеды из арабских пустынь проникли в Боснию по коридорам афганского джихада. Западный мир потрясен». Главные силы «Марказ аль-Дауат аль-Аршад» сражались в Кашмире, а также организовывали обучение и поддержку моджахедов из «арабского мира, Кашмира, Боснии, Филиппин, Эритреи, Сомали, Африки [sic], Америки [Соединенных Штатов] и Европы», находящихся на главных базах в Афганистане и Пакистане. Командиры «Марказ аль-Дауат аль-Аршад» подчеркивали, что некоторые из этих моджахедов уже участвовали в операциях в Соединенных Штатах, Западной Европе, Боснии и Герцеговине и Чечне.

Тем временем Пакистан приступил к осуществлению своих смелых стратегических планов. С начала 1990-х годов, после распада Советского Союза и войны в Персидском заливе, КНР занималась созданием Трансазиатской оси — антиамериканского блока, протянувшегося от восточных берегов Средиземного моря через Южную и Центральную Азию к тихоокеанскому побережью. В этом ряду Исламабад, благодаря исламистскому характеру своей политики и уникальным стратегическим отношениям с Китаем, выступил в роли связующего звена между мусульманским блоком и Пекином. Чтобы укрепить положение Исламабада в регионе, МВР устроила серию дерзких операций с целью получить доступ к ключевым транспортным узлам региона. Резкая перемена в отношении Исламабада к Афганистану и, следовательно, к развернутой там исламистской террористической системе стала последствием этого полного пересмотра главных стратегических целей Пакистана.

В начале 1990-х годов установление контроля над дорожной системой Афганистана стало одной из важнейших тайных операций МВР — возможно, второй по значимости после финансирования подрывной деятельности и терроризма в Кашмире. МВР начала грандиозную программу установления контроля над трассой Кушка — Герат — Кандагар — Куэтта. Эта дорога тянется из бывшей советской Средней Азии через западный и южный Афганистан, проходит по южному Пакистану и ведет к главному пакистанскому порту — Карачи. Это единственная стратегическая артерия, находящаяся в относительно хорошем состоянии, которую можно перестроить, чтобы большие колонные автотранспорты могли проходить по ней относительно легко. А тянущиеся вдоль этой дороги трубопроводы, по которым идет газ и нефть из Средней Азии и северного Афганистана, должны были стать основой будущего экономического процветания Пакистана.

Исламабад был настроен установить контроль над этой стратегически важной артерией любой ценой. Пакистан начал восстанавливать наиболее поврежденные участки дороги в Афганистане, работая с поставщиками из тех племен, у которых давно были установлены контакты с МВР.

Чтобы обеспечить Пакистану действительный контроль над этой жизненно важной дорогой, МВР выдавала вождям местных племен оружие и деньги, а также находила рынки сбыта для наркотиков, которые они выращивали в Гелмандской долине (юго-западный Афганистан). Из-за денег, оружия и влияния в южном Афганистане начались бесконечные братоубийственные войны, и к 1994 году МВР обнаружила, что большинство хороших командиров убиты, и сотрудничать теперь приходится со всяким отребьем. Соглашения заключались с самонадеянными военачальниками и наркоторговцами, притворявшимися боевыми командирами. Эти новоявленные лидеры одурманивали население наркотиками и злоупотребляли своими отношениями с Пакистаном, по-прежнему остававшимся единственным для Афганистана путем доступа к западным товарам. В середине 1994 года эта программа начала проваливаться, потому что алчные военачальники в южном Афганистане начали нападать на те самые автоколонны, которые они должны были защищать.

Спустя несколько месяцев вся эта ситуация завершилась взрывом, и на сцене появилась новая сила — фанатики-исламисты из движения «Талибан», которое до сих пор контролирует большую часть Афганистана и предоставляет убежище бин Ладену, несмотря на усиленное давление со стороны Штатов. Мулави Мохаммед Омар из Кандагара, признанный лидер «Талибана», — пуштун, опытный боевой командир, ставший учеником богословской школы. История его прихода к власти очень поучительна для объяснения общественно-политической мотивации движения «Талибан» в целом.

Согласно легенде, осенью 1994 года пророк Мухаммед явился Мулави Мохаммеду Омару во сне и приказал ему избавить его племя от порочного, деспотичного военачальника — водворенного МВР «местного командира», «прославившегося» изнасилованиями и мародерством. Получив дозволение от своего муллы, Мулави Мохаммед Омар организовал отряд из пятидесяти товарищей (все — бывшие моджахеды, служившие под его командованием в 80-х) и убил военачальника, свершив «народное правосудие».

Мулави Мохаммед Омар создал местную религиозную власть, поручив ей раздачу конфискованного имущества военачальника бедным и нуждающимся в районе Кандагара. А оружие военачальника и его раскаявшиеся бойцы стали основой нового религиозного движения. Впоследствии оно получит название «Талибан» («ученики богословских школ») — в честь происхождения его лидеров.

На самом деле «Талибан» появился на свет в результате продуманной активизации сил пуштунских исламистов, финансируемых Тегераном и Исламабадом. Народный миф верен в том, что ядро «Талибана» составили пуштунские студенты-богословы и молодое исламистское духовенство. Многие из них были ветеранами войны в Афганистане, и все прошли подготовку в учебных лагерях и школах в Иране и Пакистане. Националисты и исламисты, они были полны страстного желания поднять восстание против коррумпированных, управляемых МВР военачальников и главарей преступности. Но пока они не начали получать помощь от МВР, они ничего не могли сделать. Бывший министр внутренних дел Пакистана Насирулла Бабал признавался осенью 1998 года, что «Талибан» был организован под его руководством в 1994 году. «Кроме того, когда я был министром внутренних дел, для «Талибана» было организовано военное обучение», — сказал он. Получив поддержку, «Талибан» сначала закрепился в районе Кандагара, где после крушения старого роялистского племенного правления появилась ниша, которую можно было заполнить. Первый успех «Талибана» — захват Кандагара в ноябре 1994 года — считается началом его деятельности.

И Тегеран, и Исламабад теперь были вынуждены признать факт крушения афганского государства. В конце осени 1994 года оба правительства пришли к заключению, что их разведкам необходимо в некоторой степени контролировать региональные этнополитические процессы, чтобы сохранить господствующее положение своих правительств. Первым шагом должен был стать южный Афганистан. После того как «Талибан» устойчиво закрепился в Кандагаре, и учитывая несомненную народную поддержку, которой пользовалось движение, Исламабад был готов сделать ставку на «Талибан», чтобы усилить влияние Пакистана в районах с пуштунским населением. Продвижение в Афганистан, включая создание и укрепление «Талибана», — это была священная миссия, которую поддерживали все исламабадские правительства, включая правительство Бхутто, и которую воплощала в жизнь МВР.

В середине декабря 1994 года «Талибан» показал МВР, что полностью осознает стратегические интересы и региональные приоритеты Исламабада. В то время бойцы «Талибана» продвигались на запад, в Гелмандскую долину, убивая наркобаронов, связанных и с Хекматияром, и с МВР. Тогда-то и вспыхнула «искра», которая должна была побудить МВР определиться в отношении к «Талибану»: один из командиров Хекматияра остановил и ограбил пакистанскую колонну из тридцати грузовиков, шедшую в Среднюю Азию. Но МВР намекнула кандагарским старейшинам, что этот военачальник — их законная добыча, и тут же в Кандагаре материализовался отряд из 2500 бойцов «Талибана». На самом деле это были афганские отряды, которые МВР держала в Пакистане и восточном Афганистане для проведения сомнительных операций в Афганистане и Кашмире. Хорошо вооруженный и организованный, этот отряд талибов атаковал военачальника Хекматияра и освободил автоколонну. Талибы не взяли себе ничего — более того, они отобрали у местных крестьян награбленное и вернули водителям колонны.

В конце 1994 — начале 1995 года МВР начала оказывать «Талибану» широкую помощь, включая новые автоматы Калашникова, большое количество амуниции, военное обучение,

материально-техническое обеспечение и другие формы боевой поддержки. На встрече в Исламабаде в декабре 1994 года Хекматияр пожаловался шефу МВР на растущую поддержку МВР «Талибана». В то же время МВР тщательно проверяла растущий поток пакистанско-пуштунских добровольцев, присоединявшихся к «Талибану». Новое политическое и религиозное руководство «Талибана» состояло из протезе пакистанского — и все в большей степени местных — отделения исламистской политической организации «Джамия-и-Улема-Ис-лам» под руководством Мауланы Фазлура Рахмана. К середине 1995 года «Джамия-и-Улема-Ислам» стала ширмой для десятка более мелких исламистских организаций — включая и самые воинственные пакистанские.

К середине декабря 3–4 тысячи учеников медресе (богословских школ) в западном Пакистане перешли границу, чтобы присоединиться к «Талибану». К началу января 1995 года такие переходы превратились в настоящий поток. Большинство учеников прибывало из суннитских медресе в пакистанской провинции Белуджистан, особенно из лагерей для афганских беженцев, созданных МВР в середине 1980-х, чтобы изменить демографический характер Белуджистана. Эта провинция населена племенами белуджи, которые неоднократно поднимали восстания против центральной власти. К февралю 1995 года силы «Талибана» насчитывали 25 тысяч человек — главным образом пуштунов и более тысячи таджиков и узбеков. Последние вербовались Пакистаном, чтобы добавить военных навыков и опыта «армии» талибов.

В начале 1995 года войска талибов подошли к воротам Кабула. В конце февраля они выгнали Хекматияра из его цитадели Майдан Шахр, в девятнадцати милях южнее Кабула, и окружили Чахар-Сияб — главный пункт «Хизб-и-Ислами», откуда можно было обстреливать Кабул. Гулбаддин Хекматияр и несколько его близких помощников бежали из Чахар-Сия-ба, бросив весь свой арсенал и запасы. Последовавшие затем неудачи в сражении под Кабулом с войсками афганского правительства и начало драматического разрыва с Тегераном (включая убийство любимого в Иране командира афганских моджахедов-суннитов) не изменили общего стратегического положения «Талибана». К середине 1995 года «Талибан» практически обеспечил Пакистану контроль над единственным не проходящим через Иран маршрутом от Индийского океана к Средней Азии.

Афганистан уже был готов к серьезному расширению и улучшению системы поддержки террористов — был учрежден эмират во главе с Усамой бин Ладеном. В этой роли он показал себя выдающимся лидером в мире консервативного традиционного ислама.

С головой окунувшись в проведение исламистских операций на Африканском Роге, в Афганистане, Пакистане и других местах, бин Ладен не мог не обратить внимания на растущие общественно-политические сдвиги в Саудовской Аравии.

Здоровье короля Фахда резко ухудшалось, но конкретный наследник выбран так и не был, в результате чего в Саудовской Аравии началась ожесточенная борьба между основными группировками саудовского двора. Явная продажность и ненасытная алчность принцев вылились в появление народной оппозиции во главе с харизматичными молодыми исламистскими проповедниками и активистами, которые требовали, чтобы Саудовская Аравия вернулась к тому, что они называли «путь истинного ислама». Эр-Рияд отреагировал на это по существу исламистское оппозиционное движение жестко — массовыми арестами без суда, экономическими санкциями и другими репрессивными мерами, — хотя движение не представляло для режима реальной угрозы.

Такое положение дел в Саудовской Аравии и вокруг нее стало поворотным моментом для Усамы бин Ладена. В 1993–1994 годах он начал сомневаться в законности власти династии аль-Сауда. Убедившись в бесчестности власти, бин Ладен — исламист, оказывавший уникальные услуги саудовской разведке и поддерживавший королевский двор во время кризиса в Персидском заливе, — стал ее яростным и бескомпромиссным врагом. У эволюции политических взглядов бин Ладена были и практические последствия. Он начал раздумывать, как укрепить движение исламистов в Саудовской Аравии — как в плане противостояния усиливающимся гонениям со стороны сил безопасности, так и в плане подготовки вооруженных отрядов — исламистских террористов, — которые послужили бы авангардом исламистского восстания в Саудовской Аравии. Последняя задача окажется очень важной, а решение ее займет долгое время.

В 1994 году был заложен фундамент еще не развернувшейся террористической кампании исламистов против Соединенных Штатов и их союзников. Хасан аль-Тураби и международное исламистское движение признали ценность и эффективность «афганцев» старшего поколения — особенно За-вахири и бин Ладена — и наделили их большой властью. Была создана новая руководящая структура во главе с бин Ладеном и Завахири. Международный исламистский терроризм — в отличие от народных восстаний, как в Египте и Алжире, и войн «по доверенности», как в Кашмире и Израиле, — сконцентрировался в Европе. Там новое поколение командиров «афганцев» показало свою энергичность.

И бин Ладен, и Завахири сыграли важную роль в войне исламистов на Балканах, в Боснии и Герцеговине и в Косово, доведя до совершенства свои знания и опыт. Из Хартума и Лондона Усама бин Ладен руководил сетью «гуманитарных» организаций на Балканах, включая базы в Западной Европе и на Ближнем Востоке, и превратил ее в густую паутину, опутывающую многие якобы независимые организации. Вместе эти организации представляют гибкую и развитую инфраструктуру, через которую проходят тысячи исламистов на Балканах. Закрывая отдельные организации, арест и (или) высылка какого-нибудь исламиста не оказывают ощутимого влияния на жизнедеятельность этой террористической системы в целом. Система, созданная и управляемая бин Ладеном, очень гибкая: постоянно исчезают одни организации и появляются новые, а многие исламистские террористы постоянно переходят из одной организации в другую, что мешает западным службам безопасности выследить их. Бин Ладен также организовал подпольную финансовую систему, поддерживающую военные действия и операции исламистов на Балканах. Во время этого периода формирования бин Ладен, несмотря на весь риск, совершил по крайней мере одну тайную поездку на Балканы, включая Боснию и Албанию, чтобы лично проследить за укреплением системы поддержки исламистов.

Айман аль-Завахири организовал комплексную систему управления и контроля для предоставления боснийским мусульманам военной помощи моджахедов и для устройства зрелищных террористических актов против сил Объединенных Наций, а позже — сил НАТО, когда те встали на пути боснийских мусульман. В конечном счете, участие исламистов в еще не развернувшихся военных действиях боснийских мусульман и косовских албанцев было плодом совместных усилий государств и ведущих организаций. Никто конкретно не может приписать себе заслугу укрепления воинствующего ислама на Балканах, но Завахири сыграл особо важную роль в организации многочисленных командных пунктов — передвижных в таких местах, как Италия и Болгария, и стационарных в Хорватии, Боснии и Герцеговине и Албании. Завахири также организовал несколько ячеек высококвалифицированных террористов на Балканах, а бин Ладен обеспечивал их материальную поддержку.

Бин Ладен и Завахири участвовали и в других крупных проектах в Западной Европе. В ноябре 1993 года Завахири начал работу над организацией штаб-квартиры для проведения эффективных террористических акций в Соединенных Штатах. Ведущую роль в этом мероприятии играла главная штаб-квартира террористов в Женеве, Швейцария, основанная в конце 1993 года и начавшая действовать в начале 1994-го. Ее единственной целью было наблюдать за проведением эффективных террористических операций в Соединенных Штатах. Исламистское руководство решило, что эта новая штаб-квартира необходима, когда ФБР начало расследование деятельности сети Омара Абдула Рахмана с центром в Нью-Йорке — исламисты опасались, что расследование приведет к уничтожению других террористических организаций в Соединенных Штатах, в то время — еще бездействующих. В Тегеране решили создать запасную штаб-квартиру за пределами Соединенных Штатов, которая должна была брать на себя проведение операций, если террористов арестовывали или они были вынуждены покинуть страну.

Чтобы действовать в Западной Европе, Завахири радикально изменил свой образ — сбрил бороду и стал носить европейскую одежду. Главной задачей европейской сети Завахири было внедрять в Соединенные Штаты высококвалифицированных экспертов, чтобы они контролировали и проводили операции террористов-смертников в случае чрезвычайных обстоятельств. В конце 1990-х, после смерти заместителя Завахири и его духовного наставника, женевская штаб-квартира была реорганизована, но по-прежнему действует.

Усама бин Ладен приступил к созданию сети по распространению пропагандистских и образовательных материалов на Западе, особенно среди различных мусульманских общин, которые исламисты сильнее всего хотели подчинить своему влиянию. Он занимался получением материалов, их переводом, а также созданием глобальной системы их распространения — как в

электронном, так и в «бумажном» виде. В 1994 году бин Ладен поставил на службу возрождению исламизма факс, компьютер, Интернет и электронную почту.

Бин Ладен занимался этой работой, сильно рискуя. Хотя его и разыскивало правительство Саудовской Аравии, он ездил в Объединенное Королевство по своему собственному саудовскому паспорту. Из-за тесных связей между Лондоном и Эр-Риядом бин Ладену грозил арест и экстрадиция в Саудовскую Аравию, где его подвергли бы пыткам и, возможно, обезглавили. В Англии он поселился в лондонском пригороде Уэмбли. Здесь он купил недвижимость и основал группу под названием «Консультативно-реформационный комитет», которая занималась руководством и поддержкой выдающихся деятелей исламизма, находящихся в изгнании по всей Европе, а также поддерживала их крошечные организации. Поначалу главным объектом внимания бин Ладена была «Партия освобождения», которую возглавлял шейх Омар Бакри. В последующие несколько лет все больше находящихся в изгнании воинственных исламистов оседало в Лондоне и создавало свои собственные крошечные организации; вместе они представляли достоверный источник информации о деятельности исламистов и давали «объяснения» интеллектуальной элите во всем мусульманском мире. Признанные террористические организации могли отрицать свою причастность к актам насилия, в то время как террористы, проживающие в Лондоне, которые явно ничего не делали, могли предоставлять «объяснения». Многие из наиболее важных коммюнике и указов о главных операциях террористов в Саудовской Аравии и Восточной Африке, изданных в 1996 и 1998 годах, распространялись через эту лондонскую систему, а шейх Бакри впоследствии стал одним из главных авторитетов, объясняющих поступки бин Ладена.

7 апреля 1994 года правительство Саудовской Аравии лишило Усаму бин Ладена гражданства, потому что он «совершал действия, неблагоприятно повлиявшие на братские отношения между Королевством Саудовская Аравия и рядом других стран». Несколько месяцев спустя бин Ладен был вынужден вернуться в свое убежище в Хартум, поскольку власти Саудовской Аравии требовали его экстрадиции из Англии. К тому времени, когда бин Ладен покинул Лондон, он уже укрепил развитую систему организаций с надежным — хотя и скрытым — источником финансирования. Эта система распространения информации, базирующаяся в Лондоне, по-прежнему эффективно работает.

На фоне этих приготовлений к следующей стадии развития терроризма иранско-суданское исламистское руководство решило внимательно изучить свое положение и пересмотреть планы на будущее. Этот долгий процесс должен был точно отобразить размах и сложность трудностей, стоящих перед радикальным исламом. Между октябрем 1994 года и апрелем 1995 высшие официальные лица Ирана и Судана и руководители основных террористических организаций провели необычно много конференций и встреч, главным образом — на Ближнем Востоке. На этих конференциях и встречах были приняты наиболее важные решения о будущих террористических кампаниях и конкретных операциях, а также они стали главным местом безопасного получения инструкций и санкционирования отдельных операций. Одно только число и разнообразие этих встреч отражает интенсивность приготовлений, совершавшихся во всей международной террористической системе исламизма.

Первая крупная встреча состоялась в октябре 1994 года во дворце Фирози в Тегеране. Главными ее участниками были представитель аятоллы Али Хаменеи (духовного лидера Ирана и преемника Хомейни), Али Фаллахиян (тогдашний министр разведки Ирана), Мухсин Резаи (шеф «Исламского революционного гвардейского корпуса»), Мухсин Рафик-Дуст (руководитель «Фонда притесняемых» — главного инструмента Ирана для нелегального финансирования), Имад Муганиях (шеф контролируемого Ираном Отряда особого назначения «Хизбалла»), шейх Бикахи (занимающийся в «Хизбалла» транснациональными операциями), а также высшие чины «Палестинского исламского джихада» и египетского отделения «аль-Джа-мия аль-Исламия». Египетский делегат прибыл из Соединенных Штатов.

Представитель Хаменеи рассмотрел ситуацию в мире, подчеркнув усиление антитеррористической деятельности Штатов. Он сообщил конференции, что Тегеран решил «отомстить» способом, подобным операции с Всемирным торговым центром». Это была не пустая угроза. Были изучены возможные террористические операции в Соединенных Штатах, а некоторые из них — подробно обсуждены.

Месяц спустя иранская разведка организовала в штаб-квартире Эмирата в Хартуме встречу на высшем уровне, в которой участвовали руководители всех исламистских организаций, ведущих подрывную деятельность в Саудовской Аравии и в странах Персидского залива. На встрече

председательствовали шейх Хасан аль-Тураби и аятолла Ахмад Джаннати. В число участников входили руководящие сотрудники иранской разведки, представитель Али Акбара Мохташеми, члены «Хизбалла», исламисты из Саудовской Аравии, включая Усаму бин Ладена, и руководители отделений «Братьев-мусульман» в странах Персидского залива.

Участники внимательно рассмотрели ситуацию на Аравийском полуострове и положение своих сил — главным образом спонсируемых Ираном отрядов «афганцев», как шиитов, так и суннитов. Они пришли к выводу, что вскоре будут готовы вступить в конфронтацию с режимами стран Персидского залива, в первую очередь — с династией аль-Саудов. Участники решили активизировать работу подпольных сетей на Аравийском полуострове и начать подготовку к резкому подъему волны терроризма, намеченному на весну-лето 1995 года. Особый акцент был сделан на использовании местных социальных факторов и напряженной политической обстановки для оправдания деятельности экстремистов и исламистов. Ее мишенями должны были стать иностранцы — чтобы разрушить отношения между странами Персидского залива и Западом, особенно с Соединенными Штатами.

Делегаты встречи решили, что окончательный приказ к развертыванию этой кампании будет дан лишь после того, когда предварительные приготовления будут признаны успешными, — а рассмотрение этих приготовлений было намечено на весну 1995 года. С этой целью саммит постановил провести два аналитических совещания: одно — в Хартуме, во главе с Тураби, для изучения процесса подготовки к кампании, другое — в Мекке, во главе с Джаннати, для изучения ситуации в Саудовской Аравии.

Вслед за этими конференциями, состоявшимися осенью 1994 года, суданцы направили высокопоставленных эмиссаров в Великобританию и Соединенные Штаты — чтобы ознакомить руководителей местных исламистов с решениями конференций и проинструктировать их насчет планов на будущее и их участия в них.

Вновь террористическая элита собралась в ноябре 1994 года — на этот раз в уединенной вилле в Ларнаке (Кипр). Тут обсуждалась следующая стадия операций в Соединенных Штатах — на основе материалов, привезенных эмиссарами. Среди участников встречи были высокопоставленные сотрудники разведок Ирана, Судана и Сирии, а также, командиры различных исламистских организаций — «Исламского фронта действия» (Иордания), «Народного фронта освобождения Палестины» (главное командование), «ХАМАС» (террористическая организация палестинских исламистов, действующая в Израиле и соседних странах), «Хизбалла», иорданских «афганцев» в Пакистане и «Исламской партии освобождения» (Иордания). Лидеры террористов рассмотрели возможные операции и санкционировали начало финальной стадии кампании.

Конференция в Ларнаке сформулировала двусторонний подход к будущему наступлению террористов в Соединенных Штатах — создание «атмосферы ужаса» и проведение ряда «эффективных операций». Иранские представители также описали продуманную и детализированную стратегию, в которой сочетались высококвалифицированные зрелищные операции, направленные против правительственных объектов в Соединенных Штатах, и многочисленные операции низкого уровня («беспокоящие действия») — как в Соединенных Штатах, так и направленные против американцев во всем мире. Последние должны были в первую очередь запугать население Соединенных Штатов посредством непрерывной серии «малых» операций — по сути, своего рода яростной психологической войны. Ключ к успеху этой кампании лежал в ответной реакции американского населения, которое должно было оказать сильное давление на правительство, чтобы то изменило свою политику и остановило таким образом террор. На ларнакской конференции также широко обсуждались возможные террористические акции, направленные против Израиля, Иордании и других арабских государств, участвующих в мирном процессе на Ближнем Востоке.

Вслед за этим последовало много высокопрофессиональных рабочих сессий по всему миру — от Женевы до Триполи и Ливана, — во время которых старшие офицеры разведок основных государств, финансирующих террористов, встречались и консультировались с местными боевыми командирами и духовными лидерами. Они подробно изучали положение конкретных сетей и способность местных мусульманских общин справиться с последствиями воздушных налетов. Также эти офицеры рассмотрели возможные политические и экономические последствия эффективных авианалетов в государствах, спонсирующих терроризм.

В начале января 1995 года в Тегеране прошли консультации на высшем уровне — для обсуждения результатов всех конференций, встреч и локальных сессий, состоявшихся с осени 1994 года; они должны были послужить основой для тщательного пересмотра стратегии международного терроризма, сформулированной тогда в Иране. На этих консультациях особое внимание уделялось проведению операций в Соединенных Штатах, Латинской Америке и Азии. Также было решено провести непрерывную серию акций террористов-смертников против американских объектов по всему Ближнему Востоку — от взрывов посольств США и других зданий автомобильными бомбами до убийств американских дипломатов. Тегеран сформулировал конкретные инструкции по поводу предстоящих акций, которые должны были определять действия исламистских террористов. Последние должны были активизироваться самое позднее весной 1995 года. Из-за огромной важности и секретности этих директив и инструкций, они передавались разным ячейкам и сетям во всем мире через проверенных курьеров.

Эти решения стали определяющими для формулирования долгосрочной стратегии террористов. Как правило, проходит больше года, прежде чем важные решения вроде тех, что были приняты на этой встрече 1995 года, начинают претворяться в жизнь — то есть определяются операции, отвечающие поставленным задачам. Еще около года уходит на планирование и подготовку конкретных операций, обучение и подготовку террористов, создание для них материально-технической базы и т. д. Решения, принятые в январе 1995 года на консультациях в Тегеране, определили программу деятельности по выбору, изучению и планированию ударов по разнообразным американским объектам (включая посольства), которая только сейчас начинает претворяться в жизнь.

В начале 1995 года Айман аль-Завахири смело совершил чрезвычайно важную тайную поездку в Соединенные Штаты, чтобы лично убедиться в силе и надежности местных сетей и исламистских общин, а также подтвердить, подходят ли различные объекты, уже выбранные и рекомендованные проживающими в США террористами, для нанесения по ним эффективных ударов. Используя один из своих поддельных европейских паспортов, Завахири создал штаб для руководства операциями в Санта-Кларе возле Сан-Франциско, штат Калифорния. Али А. Мохаммед (настоящее имя — Али Абу-аль-Сауд Мустафа) и Халид аль-Саид Али Абу-аль-Дахаб — живущие в Штатах египтяне, приверженцы бин Ладена и руководители американских моджахедов — помогли Завахири в его поездке. Мохаммед-Мустафа следил за ходом тайной поездки Завахири, помог ему въехать и выехать из Штатов, обеспечил фальшивый паспорт и другие документы, которые понадобились Завахири для получения визы на въезд в Штаты. А Дахаб предоставил Завахири укрытие в Соединенных Штатах. Когда зашла речь о возможной длительной террористической кампании, Дахаб даже организовал для Завахири резиденцию в Калифорнии. Мохаммед-Мустафа и Дахаб по очереди ездили вместе с Завахири по всей стране — они осматривали потенциальные объекты ударов и встречались с местными исламистами, которые поддерживали локальные террористические сети, а также собирали и отмывали деньги на проведение терактов в Соединенных Штатах. Завахири вернулся в Европу убежденным в том, что Соединенные Штаты могут стать плодородной почвой для проведения эффективных террористических операций — как в открытую, так и втайне, — при условии их тщательного планирования и профессионального исполнения.

Два египтянина-американца, помогавшие Завахири, были типичными представителями высококвалифицированных ресурсов, на которые исламисты могли полагаться в Соединенных Штатах. Али А. Мохаммед, родившийся в 1952 году, закончил Каирскую военную академию, но в 1984 году был вынужден уйти из египетской армии в чине майора из-за своих исламистских взглядов. Затем он предложил свои услуги ЦРУ, но после недолгой службы в Западной Германии выяснилось, что он, скорее всего, двойной агент, искренне преданный исламу. Тем не менее, Мохаммед-Мустафа в 1985 году приехал в Соединенные Штаты, женился на американке и вступил в американскую армию, где служил сержантом интендантской службы в частях особого назначения (десантно-диверсионных войсках). В 1988 году он взял длительный отпуск и отправился воевать в Афганистан, где познакомился с Завахири и руководством арабских «афганцев».

В ноябре 1989 года Мохаммед-Мустафа уволился из армии, чтобы целиком посвятить себя делу исламистов. Он занимался военным обучением молодых исламистов в Калифорнии и Нью-Йорке (Нью-Джерси), готовя их к джихаду в Афганистане. Некоторые из этих молодых людей стали членами нью-йоркской террористической сети Омара Абдуллы Рахмана. В 1990 году Мохаммед-Мустафа совершил ряд поездок на Ближний Восток. В Афганистане, используя свой опыт службы в армии Штатов, он обучал будущих террористов обращению с оружием и взрывчаткой, тактике партизанской войны и использованию бомб с дистанционным управлением и мин-ловушек. Затем

Мохаммед-Мустафа помогал отбирать наиболее успешных учеников для отправки в Египет и Соединенные Штаты. В 1991 году он отправился в Судан, где тесно работал с бин Ладеном, разрабатывая для него систему защиты от специальных и тайных операций США — от создания электронных и сенсорных устройств до обучения телохранителя бин Ладена. В 1993 году он работал в штабе аль-Рашиди, используя свой опыт для сражений с отрядами американской армии. Получив инструкции от бин Ладена, он также много ездил по Африке — между Кенией, Танзанией, Нигерией, Угандой и Гвинеей, — изучая американские военные объекты. В конце 1993 — начале 1994 года он приходил в посольство США в Найроби, чтобы изучить его строение и оборонительные сооружения. Все это время он также укреплял базу исламистов в северной Калифорнии. Осенью 1998 года Мохаммед-Мустафа был арестован и обвинен в причастности к взрывам посольств в Восточной Африке.

Халид аль-Саид Али Абу-аль-Дахаб приехал в Соединенные Штаты в 1986 году с заданием создать себе надежное прикрытие. С этой целью он поселился в Санта-Кларе, женился на американке и получил гражданство. В конце 80-х Мохаммед-Мустафа привлек его к работе, и он отправился на два месяца на обучение в Афганистан, где исламистские лидеры убедили его в важности, поддержки операций в Соединенных Штатах. В течение следующих нескольких лет Дахаб поддерживал работу разветвленной коммуникационной системы, связывающей исламистских командиров, действующих подпольно в арабском мире, и высшее руководство террористов с исламистами в Пакистане, Йемене, Судане, Австрии, Британии, Катаре, Объединенных Арабских Эмиратах, Бахрейне, Албании и Канаде. Он также контролировал тайное прохождение денег и сведений через Калифорнию, закупал и тайно переправлял спутниковые телефоны, которыми теперь пользовались бин Ладен, Завахири и другие лидеры террористов. От Мохаммеда-Мустафы Дахаб получал поддельные и настоящие паспорта различных государств и переправлял их Завахири, чтобы руководители террористов могли без опаски разъезжать по Западу. В конце 1980-х Дахаб стал совершать поездки в Египет, где передавал деньги и инструкции руководителям местных террористов. Он был арестован 29 октября 1998 года, когда пытался бежать из Египта в Соединенные Штаты.

К началу 1995 года остальному миру уже было невозможно игнорировать эту активную деятельность, и правительства стран, которым угрожала потенциальная опасность, начали принимать меры. Правительства арабских стран остро осознали растущую исламистскую угрозу в Пакистане и Афганистане. В феврале принц Тюрки бин Файсал, руководитель разведки Саудовской Аравии, предпринял ряд резких и отчаянных мер, направленных на подавление «афганской» угрозы.

По совету короля Фахда принц Тюрки отправился в начале марта в Исламабад, где провел консультации на высшем уровне с Бхутто. Главной темой был характер сотрудничества между Пакистаном и Ираном в сферах разведки и терроризма. Принц Тюрки заявил Бхутто, что Эр-Рияд чрезвычайно беспокоит деятельность «афганцев» из Саудовской Аравии в Пакистане, Афганистане и за их пределами. Тюрки подчеркнул, что Исламабад является ключом ко всей инфраструктуре исламистов, поскольку военные лагеря в Афганистане все еще находились под контролем МВР. Больше всего беспокойства вызывала организация оперативных отрядов для возрождения джихада за границей под знаменем «Харакат уль-Ансар», у которой были — и есть до сих пор — штаб-квартиры и школы по всему Пакистану, а также множество военных лагерей в Афганистане. Эта организация тесно сотрудничала — и по-прежнему сотрудничает — с МВР, по крайней мере в области операций в Кашмире и борьбы с правительством Афганистана.

Принц Тюрки предложил Бхутто сделку. Кроме щедрой финансовой помощи, Эр-Рияд задействует свою мощь и влияние в Вашингтоне для лоббирования интересов Пакистана, если МВР будет сдерживать «афганцев» из Саудовской Аравии. Кроме того, Эр-Рияд начнет работу по отмене поправки Пресслера (согласно которой на Пакистан были наложены жесткие санкции, включая прекращение любой военной помощи и поставок из-за пакистанской ядерной программы), будет оказывать Пакистану экономическую и техническую помощь и широко распространять информацию о жестоком преследовании Исламабадом воинствующих исламистов. Осознавая всю важность пакистанско-иранских отношений для Исламабада и важность движения «афганцев» как для Исламабада, так и для Тегерана» принц Тюрки попросил у Бхутто только гарантий того, что МВР ограничит возможность «афганцев» из Саудовской Аравии путешествовать по Ближнему Востоку. Бхутто пообещала сотрудничество, и Эр-Рияд оказал мощную поддержку во время визита Бхутто в Вашингтон в начале апреля 1995 года и в последовавших переговорах на Капитолийской холме. Личный эмиссар принца Тюрки несколько раз приезжал в Исламабад для консультаций с руководителями МВР по поводу подъема имиджа Пакистана в глазах Соединенных Штатов —

среди прочих методов, и путем рекламирования борьбы Пакистана с исламистским терроризмом и наркоторговлей.

Однако Исламабад с самого начала не собирался выполнять просьбы Эр-Рияда. Что же касается МБР, то все ее усилия были направлены на изменение имиджа Пакистана, а не на пресечение исламистского терроризма, финансируемого пакистанским правительством. Показной характер этих соглашений ясно открылся в начале апреля 1995 года, накануне поездки Бхутто в США. Под прикрытием очередной конференции КАИН в Хартуме были проведены консультации между высшими чинами разведок главных спонсирующих терроризм государств и лидерами террористов.

В конце марта и начале апреля 1995 года Усама бин Ладен присутствовал на этих встречах в Хартуме. Наиболее важные встречи, прошедшие в штаб-квартире Тураби, организовал Мустафа Исмаил Утман, руководящий суданскими учебными лагерями для террористов. Основными участниками были Усама бин Ладен, Имад Муганиях, Фатхи Шкаки (руководитель палестинского отделения «Исламского джихада»), Муса Абу Марзук и Мухаммад Низзал (оба — старшие командиры «ХАМАС»), Адриан Саадеддин («Международное мусульманское братство»), шейх Абдул-Маджих аль-Зандани (лидер йеменских исламистов), Мустафа Хамза (командир египетских «афганцев»), а также два представителя египетского отделения «Исламского джихада», два члена консультативного совета Эн-надхи (из Туниса), представители пакистанского движения «Исламский джихад» (которое возглавляет Кази Хусейн) и военные представители главных исламистских террористических организаций Алжира — АИС и ГИА.

Главной темой дискуссии стало создание новых офисов и штаб-квартир по всему миру, с тем чтобы международное исламистское движение было подготовлено к грядущим переменам. Завахири доказал необходимость расширять сеть этих офисов на Балканах. Участники встречи сошлись на следующих главных офисах и районах ответственности: Сана — для поддержки операций на Аравийском полуострове; Хартум — для поддержки операций в Египте, Ливии, Чаде, Уганде, Кении и Камеруне; Могадишо — для поддержки отрядов исламистов в Сомали, Эфиопии, Джибути и Эритрее; Рим — для координации и поддержки операций исламистов в Северной Африке; Карачи — для поддержки операций в Пакистане, Кашмире, Афганистане и Косово; Тегеран — для поддержки операций в Центральной Азии, Индии и Боснии.

Кроме того, должны были заработать два крупных центра на Западе, существование которых стало возможным благодаря деятельности бин Ладена. Лондонский офис должен был отвечать за пропагандистскую и исследовательскую работу, включая научные и стратегические исследования. А офис в Нью-Йорке (в Бруклине) должен был отвечать за финансовую работу, маскируя ее под благотворительную деятельность и гуманитарные фонды. Деятельность американской сети достигла такого размаха, что в 1996 году Конгресс издал Антитеррористический акт, предоставляющий правоохранительным органам гораздо больше свободы в борьбе с этой угрозой. Бин Ладен основал сеть международных финансовых организаций и открыл множество банковских счетов, через которые могли бы проходить, смешиваться и отмываться деньги, собранные под видом благотворительных взносов или тайно переправляемые государствами, финансирующими терроризм. Бин Ладен, с его хорошим знанием и прямым участием в международном бизнесе компьютерной эры, решал проблемы исламистов с передвижением и отмыванием огромных денежных сумм, необходимых для поддержания терроризма и подрывной деятельности во всем мире. Ему было поручено наблюдать за деятельностью этих центров из его офисов в Хартуме, а на работу с ними ему выделили дополнительные средства. Иранский делегат Мухаммад Сайд Наамани пообещал 120 миллионов долларов на покрытие расходов этих новых центров.

Ситуация в Пакистане заслуживала особого внимания исламистов. Представитель МБР рассказал о политических трудностях Исламабада в отношениях с Соединенными Штатами и о выгодном предложении Саудовской Аравии, утверждая, что для Исламабада чрезвычайно необходимо создать зону отчуждения между правительством Бхутто и его поддержкой исламистского терроризма. Представитель МБР потребовал, чтобы для помощи Исламабаду было произведено дальнейшее изменение системы спонсирования терроризма.

В обмен на сотрудничество исламистов с Бхутто Исламабад согласился расширить использование Карачи как центра подпольного финансирования международного исламистского движения. Чтобы Усама бин Ладен мог управляться с новой финансовой системой, она должна была быть основана на широкой сети не-арабских международных компаний — для маскировки

денежного потока, поступающего к различным террористическим сетям на Западе. С этой целью и при поддержке официального Исламабада центр в Карачи установил связи с многочисленными пакистанскими землевладельцами, финансовыми компаниями и деловыми людьми, близкими к наркотическим кругам, — чтобы использовать их международные финансовые отношения и контакты. Финансовый центр в Карачи также расширил свою деятельность — первоначально в Объединенном Королевстве, Южной Африке и Маврикии, — используя местную пакистанскую диаспору. Не зная о важной роли бин Ладена в центре в Карачи, принц Тюрки заверил Исламабад, что, раз уж центр создан и действует, Эр-Рияд смирится с использованием саудовских финансовых институтов и международных компаний для проведения «гуманитарных» операций, даже в Соединенных Штатах. А когда позже Эр-Рияд проинформировали о роли бин Ладена в центре в Карачи, принц Тюрки проигнорировал сообщение и по-прежнему позволял использовать финансовые институты Саудовской Аравии. Официальный Эр-Рияд настолько беспокоил подъем исламистского терроризма и подрывной деятельности в Саудовской Аравии, что он готов был пойти почти на все, только чтобы эти исламисты действовали за пределами Саудовской Аравии. Молчаливая поддержка исламистского терроризма в третьих странах путем переправки и отмыwania денег казалась в то время Эр-Рияду незначительной платой за спокойствие в доме.

В начале мая 1995 года, в разгар хаджа — ежегодного паломничества в Мекку, — главный иранский хаджи Мохаммад Мохаммади Рейшахри, бывший ранее министром разведки, и аятолла Ахмад Джаннати, важная фигура в системе поддержки терроризма, провели в Мекке ряд встреч с руководителями «Хизбалла», «Исламского джихада» и воинственных исламистских движений со всего мира для обсуждения методов «противостояния заговорам США против ислама».

С точки зрения конечной цели и на стратегическом уровне теологические указы — фатвы, — изданные высшим исламистским руководством в Хартуме после конференции КАИН, имели огромную важность. Созданные Тураби и высшими руководителями ВИД летом 1995 года эти тексты должны были создать прецедент юридическо-религиозных документов, определяющих отношения между мусульманами и не-мусульманами в районах, где неверные не желали просто подчиниться мусульманам, и в районах, на которые претендовали моджахеды. Палестина, Босния и Кашмир приводились как лучшие примеры, к которым наиболее подходили принципы, указанные в этих фатвах.

Одним из главных законодательных текстов, распространенных Хартумом, была фатва, изданная Исламской религиозной конференцией, которая прошла 27 апреля 1993 года в Аль-Обайяде (Судан). Эта фатва определяла отношения между мусульманами и не-мусульманами в регионах, оспариваемых мусульманами.

Эта фатва не делала отличия между мусульманами, стремящимися к сосуществованию с не-мусульманами и властями светского государства, и не-мусульманами, противящимися установлению мусульманского государства. В параграфе 1 четко определялась их участь: «Следовательно, мятежники-мусульмане, борющиеся против мусульманского государства, настоящим объявляются отступниками от ислама, а не-мусульмане настоящим объявляются кафирами [неверными], которые восстают против проповедования, обращения в ислам и распространения ислама в Африке. Но ислам оправдывает борьбу с обеими этими категориями и убийство их без всяких колебания, что доказывают следующие свидетельства из Корана» (последние рассмотрены в фатве очень подробно).

Что касается мусульман, не желавших убивать во имя джихада, то в параграфе 6 оговаривалось, что «те мусульмане, которые... пытаются оспорить или поставить под сомнение исламскую оправданность джихада, настоящим объявляются «лицемерами», которые больше не мусульмане, а также «отступниками» от религии ислама; они обречены навечно на адское пламя».

Эта фатва — очень длинный юридический документ, очень подробно доказывающий, с цитатами и ссылками из Корана, что у кровавого джихада нет никакой жизнеспособной и законной альтернативы. Это хорошо организованный универсальный исламистский юридический документ, определяющий суть отношений между мусульманами и их соседями в смешанных сообществах и в не-мусульманских государствах. Авторы этой фатвы указывают на южный Судан как на случай, предоставляющий яркий пример применимости принципов фатвы ко всем подобным случаям. В то время восстание чернокожего христианского и языческого населения против насильственной исламизации, проводимой арабско-мусульманским правительством, набирало силу, и повстанцы установили контроль над значительной частью южного Судана. Являясь частью Судана, Хартум считал эту зону мусульманскими землями, оккупированными не-мусульманами. И хартумское

правительство не ошиблось, выбрав эту фатву как руководство по стратегии исламистского джихада в таких местах, как Кашмир, Палестина и Босния.

Другой фундаментальный документ, изданный высшими законодательными и идеологическими властями исламистов, имел целью прояснить позицию Хартума по поводу эскалации, вооруженной борьбы в районах, на которые предъявляли права исламисты, — от не-арабской мусульманской Азии до Ближнего Востока и даже Европы. Этот текст определял критическую важность вооруженной борьбы в контексте отношений между мусульманами и современным западным государством.

Важным документом, выпущенным исламистским руководством в конце августа 1995 года, был декрет, написанный Саидом Махаммадом Кутбом — выдающимся египетским мыслителем-исламистом, казненным в 1965 году. Кутб был особенно известен своими основополагающими декретами об отношениях между верующим и современным светским государством — как в мусульманском мире, так и на Западе. Ключевым моментом в сочинениях Кутба являлось определение современного государства как «Джахилия» — варварства, — с которым были обязаны сражаться мусульмане. Понятие Джахилия в том смысле, в котором оно использовано в этом документе, было применимо ко всем основным театрам военных действий, где исламисты финансировали терроризм и подрывную деятельность.

В конце августа 1995 года исламистское руководство в Хартуме повторило призыв Кутба к войне с Джахилия, особенно в тех современных государствах, где многочисленные мусульманские общины подчинялись не-мусульманским режимам. Декрет Кутба, который руководство ВИД теперь объявило и ценным, и своевременным, практически не оставлял сомнений в том, что следует делать: «Задача ислама не в том, чтобы искать компромисс с идеями Джахилия, столь распространенными в мире, и не в том, чтобы сосуществовать в одной стране с системой джахили. Такого в мире никогда не было, нет и не будет. Джахилия в какое бы то ни было время — это Джахилия, то есть отход от поклонения Аллаху Единому и от образа жизни, предписанного Аллахом». Кутб постановлял — и ВИД с ним соглашалось, — что сосуществование мусульман с джахилийской властью или джахилийской системой невозможно: «Ислам не может принять никакого смешения с Джахилия. Либо ислам, либо Джахилия — половинчатое решение невозможно». Кутб не видел альтернативы всеобщей вооруженной борьбе — джихаду — для освобождения верующих из рабства Джахилия. Как организация на теологической основе, ВИД имело право и было обязано участвовать во всемирной борьбе с Джахилия. «Главный долг ислама — свергнуть власть Джахилия», — утверждал Кутб, и Тураби с ним соглашался.

Одна из стран, где исламисты поддерживают борьбу местного мусульманского меньшинства с властью христианского большинства и с выбранным правительством, — это Филиппины. С начала 1990-х годов исламисты старались превратить имевшее общественно-экономические причины восстание преимущественно мусульманских южных островов против преимущественно христианских северных островов в восстание мусульман против христианского правления. Бин Ладен помогал эскалации на Филиппинах исламистского терроризма — как части этой борьбы. В 1994 году бин Ладей начал накапливать опыт руководства террористическими операциями, и первая крупная сеть, которой он помогал материально, произвела ряд эффективных акций на Филиппинах, а впоследствии — в Соединенных Штатах.

Чтобы создать необходимую систему материальной поддержки, бин Ладен зимой 1993 года отправился на Филиппины. Он представлялся богатым инвестором из Саудовской Аравии, жаждавшим помочь братьям-мусульманам в южных островах страны. Несколько правительственных чиновников помогали ему покупать недвижимость и открывать банковские счета. Позже, когда бин Ладен уже не мог свободно путешествовать, материальной поддержкой сети стал заниматься его зять, Мохаммед Дж. А. Халифах. Деньги теперь переправлялись курьером. В декабре 1994 года Халифах был арестован в Сан-Франциско иммиграционными властями и депортирован. Его присутствие в Соединенных Штатах было чрезвычайно важно для конечных планов сети. Летом 1998 года Халифах усердно отрицал то, что он финансировал группу Абу Саяфа — наиболее воинственную исламистскую террористическую организацию на Филиппинах.

В начале 1994 года на Филиппины прибыло несколько ячеек опытных террористов — в основном арабских «афганцев», — которые основали оперативные группы по всей стране, главным образом в крупных городах. Одним из руководителей этого мероприятия был Рамзи Ахмад Юсуф, который в начале 1993 года руководил взрывом Всемирного торгового центра в Нью-

Йорке. Целью этих ячеек была подготовка эффективных операций в Восточной Азии; кроме того, они должны были служить базой для проведения операций в Соединенных Штатах.

Сначала сеть запланировала убийство президента Клинтона во время его визита в Манилу в 1994 году. Но террористам не удалось добыть необходимые сведения о том, как прорвать кольцо охранников президента, и операция была отменена.

Главными запланированными операциями в Восточной Азии были убийство Папы Римского во время его визита в регион и одновременный взрыв двух американских авиалайнеров. Сеть также планировала помочь лидеру местных исламистов Абу Саяфу в проведении сложных операций — чтобы, с одной стороны, поддержать его борьбу с правительством, а с другой, усилить его положение среди других исламистских организаций на южных островах.

11 декабря 1994 года сеть взорвала бомбу на принадлежащем Филиппинским авиалиниям «Боинге-747», который летел из Кебу в аэропорт Нарита (Токио). Используя фальшивые итальянские документы, Юсуф лично установил бомбу на борту, а потом благополучно сошел с самолета на промежуточной остановке в Маниле. Бомба разорвалась, но самолет уцелел, потому что летел очень низко, а бомба была очень маленькой. Этот взрыв был пробой перед крупной операцией; которую готовил товарищ Юсуфа, Сайд Ахман: он собирался одновременно взорвать в воздухе два американских «Боинга-747», когда они будут подлетать к Гонконгу с разных направлений. Но этот план не был выполнен, потому что сеть прекратила существование.

Организация Абу Саяфа в Маниле взяла на себя ответственность за взрыв в декабре 1994 года. Причем организация настаивала на этом, несмотря на всеобщее сомнение, вызванное тем, что у организации не было опыта сложных операций и к концу 1994 года она так и не провела ни одного террористического акта в Маниле. Когда в начале января 1995 года были раскрыты планы покушения на Папу, организация Абу Саяфа снова взяла на себя ответственность и заявила, что операцию готовил ее «манильский отряд» во имя «исламской освободительной борьбы против манильского правительства и католической церкви».

Покушение на жизнь Папы Римского было предотвращено в начале января 1995 года, когда у членов манильской ячейки опытных террористов, включая Юсуфа, произошел несчастный случай. Террористы неправильно смешали взрывчатые вещества: смесь начала испускать ядовитые испарения, и террористы были вынуждены бежать из конспиративной квартиры. Там полиция обнаружила доказательства существования более широкого плана операций на Филиппинах и в Соединенных Штатах. В Маниле было арестовано несколько террористов, включая Сайда Ахмана, который позже был выдан Соединенным Штатам, в то время как остальные, включая Юсуфа, бежали в Таиланд. Из Таиланда Юсуф затем отправился в Пакистан. Правительство США предоставило Исламабаду точную информацию о местонахождении Юсуфа (это был гостиничный комплекс, который содержала связанная с бин Ладеном фирма) — это стало возможным благодаря сведениям, полученным от соседа. У Исламабада не было выбора: либо сотрудничать, либо войти в американский список террористов и подвергнуться жестким санкциям, предусмотренным законом. Однако всех товарищей Юсуфа и других исламистов-террористов, проживающих в комплексе, МБР благополучно эвакуировала до того, как отряд американских и пакистанских полицейских прибыл на место и арестовал Юсуфа, который впоследствии был выдан Соединенным Штатам. В конце марта 1995 года филиппинская полиция раскрыла еще одну ячейку исламистских террористов, состоящую преимущественно из арабских «афганцев», — на этот раз в пригороде Манилы Калукане. Среди этих «афганцев» были последователи шейха Омара Абдула Рахмана, которые обдумывали способы отомстить за его арест и унижение после взрыва Всемирного торгового центра.

На момент раскрытия ячейка Рамзи Юсуфа находилась на продвинутой стадии подготовки серии эффективных террористических актов в США. Наиболее амбициозным планом был взрыв штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли, штат Вирджиния, с помощью легкого самолета, нагруженного мощной взрывчаткой. В этой операции Сайд Ахман был одним из кандидатов на роль пилота-камикадзе. Другой план, над которым работала сеть, предусматривал одновременный взрыв одиннадцати американских авиалайнеров в момент, когда они будут подлетать к аэропортам.

Хотя филиппинские ячейки были уничтожены прежде, чем они смогли провести какую-либо крупную операцию, их крушение было случайным, а не произошло благодаря утечке информации, удачному внедрению или работе разведок. В свою очередь, Усама бин Ладен еще раз доказал

свой опыт, создав разветвленную и гибкую систему материально-финансовой поддержки, которая уцелела в ходе последующих расследований филиппинских и американских спецслужб. Власти США, арестовав Халифаха, даже не смогли предъявить ему обвинение.

В начале 1995 года бин Ладен, оставив филиппинские операции в прошлом, стал готовиться к эскалации прямой конфронтации с главными врагами исламистов на Ближнем Востоке — с Саудовской Аравией и Египтом. В этих операциях ему доведется сыграть очень важную роль, разжигая беспощадный джихад, направленный против присутствия США в Сердце ислама. А террористам, набравшим сил и гораздо лучше организованным, удастся одержать верх над главными союзниками и протееже Соединенных Штатов в мусульманском мире. В ходе этих дерзких террористических операций и была сформулирована ясная доктрина судьбоносной борьбы исламистов против Соединенных Штатов. Бин Ладен, верный и преданный товарищ, продолжал взбираться на вершину исламистского Интернационала, снова и снова показывая себя истинным моджахедом.

ГЛАВА 5

РАЗЖИГАЯ РЕВОЛЮЦИЮ

В 1995 году исламисты раскрыли свои карты как перед друзьями, так и перед врагами, проведя ряд дерзких операций, которые и стали драматическим началом продолжительной и беспощадной борьбы против правительств Египта и Саудовской Аравии. Кроме того, исламисты напомнили Пакистану о выгоде постоянной и искренней поддержки исламистского терроризма. Эффективные операции 1995 года оказали прямое влияние на политику трех важнейших правительств Сердца ислама: Каира, Эр-Рияда и Исламабада. Гамбит исламистов был откровенно террористическим — короткие вспышки яростного насилия, оказывавшие влияние на политику на высочайших уровнях. Во время проведения этой серии операций Усама бин Ладен закрепил свое положение выдающегося радикального исламистского лидера.

В начале 1995 года Усама бин Ладен находился в Хартуме — он входил в высшее командование Тураби, контролировавшее Вооруженное исламистское движение. Он вошел в число доверенных лиц Тураби, и при принятии решений к его советам и мнению всегда прислушивались. Бин Ладен сыграл важную роль в разработке стратегической кампании против главных союзников США в арабском мире — Египта и Саудовской Аравии. Именно в это время, хотя и находясь в тени Тураби, бин Ладен полностью закрепился на самой вершине власти в международном исламистском террористическом движении.

Другие ключевые игроки тоже поднимались к вершине. Наиболее значительными среди них стали Айман аль-Завахири и подчинявшиеся ему командиры египетских террористов. Эффективные террористические акты, возглавляемые ими, сплотили эту египетскую команду и сделали ее самой эффективной ячейкой исламистского движения. Завахири работал в самом тесном сотрудничестве с управляемой бин Ладеном системой поддержки — от учебных лагерей в Судане до материально-технической и финансовой поддержки за рубежом, — и благодаря этому Завахири и бин Ладен стали еще ближе. В конце 1998 года Завахири и его египетская команда стали главными командирами бин Ладена.

Решение развернуть стратегическую кампанию против Египта и Саудовской Аравии — которому немало содействовал бин Ладен, — было принято потому, что события в Саудовской Аравии 1994 года убедили руководство исламистов в том, что страна сейчас очень уязвима. Исламисты также знали, что, в отсутствие собственных серьезных проблем, Египет обязательно вмешается, чтобы обеспечить стабильность в Саудовской Аравии или помочь любому другому консервативному арабскому режиму, которому угрожает исламистский терроризм.

Эскалация терроризма в Саудовской Аравии стала прямым результатом развивавшегося в стране относительно ненасильственного кризиса. Этот внутренний кризис, связанный с вопросом

престолонаследия, достиг кульминации, когда исламисты объявили о начале вооруженной борьбы. Как движение со своей идеологией и на теологической основе, исламисты чувствовали себя обязанными заранее объяснить причины своих решительных действий. Кризис начался с арестом в середине сентября 1994 года шейха Салмана бин Фахда аль-Удаха, харизматичного исламистского проповедника. Шейх Удах был одним из тех молодых и популярных лидеров, что вышли из низов бедуинского общества.

Это молодое поколение исламистов воспитывалось на примере поколения бин Ладена — молодых героев, участвовавших в афганском джихаде. Их движение плохо организовано, но зато сильное и сплоченное. Их лидеры — красноречивые харизматичные проповедники из народа, которые ищут себе приверженцев в местных мечетях, становятся популярными далеко за их пределами. К 1994 году эти саудовские «афганцы» и близкие им по духу воинствующие исламисты, включая ветеранов других арабских и палестинских террористических организаций, создали слабо организованную сеть террористических и военных ячеек, чтобы обезопасить себя от постоянного преследования тайной полиции Саудовской Аравии и готовиться к джихаду против династии аль-Саудов и поддерживающей ее американской армии, который, как они надеялись, вскоре начнется. Эта довольно-таки аморфная структура была для руководства террористов источником вдохновения и чувства поддержки.

Усама бин Ладен был как раз таким лидером народного исламистского движения в Саудовской Аравии. Его подвиги и беспрецедентный боевой опыт в Афганистане были известны всем. Он был харизматичным и красноречивым оратором, а его выступления, как отпечатанные, так и записанные на пленку, имели широкое хождение в исламистском подполье Саудовской Аравии. А большая цена, которую он заплатил за осуществление того, что считал истинно исламистской политикой, — потеря богатств и эмиграция, — еще сильнее повышала его статус. Находясь в изгнании в Судане, бин Ладен не забывал об исламистах Саудовской Аравии. Он организовал и поддерживал работу системы обеспечения для исламистов Судана, стран Персидского залива, а впоследствии — и Лондона. Хотя бин Ладен действовал из искренней доброжелательности, его авторитет среди саудовских исламистов рос. И чем чаще они обращали к нему взоры, тем более становились преданными ему.

Арест народного вождя шейха Удаха повлек за собой первый решительный шаг саудовских исламистов. Спустя несколько дней после ареста Удаха последовала первая угроза королевскому двору — впервые в Саудовской Аравии было опубликовано открытое обращение исламистской террористической организации. Эта организация, называющая себя «Батальоны веры», поставила властям страны ультиматум: шейх Удах должен быть освобожден в течение пяти дней или организация развернет террористическую кампанию против жителей Саудовской Аравии и американцев. В заключение обращения говорилось, что «весь Аравийский полуостров — открытая арена для джихада». Батальоны веры так и не осуществили свою угрозу. Их ультиматум был составлен из тщательно подобранных фраз — чтобы не возникало предположений, что шейх Удах и руководство исламистов действительно призывают к вооруженной борьбе или даже просто одобряют ее, — и отмежевывал исламистское руководство от саудовских моджахедов.

Но сам шейх Удах одобрял и узаконивал вооруженный джихад. Еще находясь в тюрьме, он в 1995 году начал передавать тайком на волю записанные на пленку проповеди, призывающие к усилению исламистского протеста против правящей династии аль-Саудов. 9–10 апреля последователи шейха Удаха опубликовали текст лекции, пленка с записью которой только что была передана из тюрьмы. Лекция, озаглавленная «Искусство смерти», освещала всю логику отношению между исламской и западной цивилизациями и подводила к провозглашению джихада против династии аль-Саудов. Содержалось в ней и оправдание этого вечного противостояния.

Шейх Удах доказывал, что условия в мусульманском мире, и особенно в Саудовской Аравии, делают неизбежной всеобщую вооруженную борьбу: «Современный мир толкает мусульман к овладению искусством смерти и делает из них сильных бойцов». Шейх Удах предупреждал о том, что мусульманская нация страдает «от политической неразвитости, экономической зависимости и военной слабости» из-за чего она не может «состязаться с другими на сцене большой жизни». Хотя нынешнее состояние мусульманской нации и может показаться необратимым, «эта религия доказала свою вечность», свой исторический характер и свою жизненность. Многие народы обрушивались на нее, но эти народы исчезли с лица земли, а ислам остался». Тем не менее, для верующих было жизненно необходимо обратить тенденцию вспять и спасти мусульманскую нацию. Удах подчеркивал, что общепринятых духовных методов — таких, как широкое проповедование ислама и его законов, — недостаточно для разрешения нынешнего кризиса.

Обращение же к западным методам — «импорта технологий, системы производства и обучения специалистов» — тоже не поможет обратить тенденцию вспять. Шейх Удах признавал, что работа проповедников и учителей вроде него самого «может внести свой вклад, но не принесет нужных результатов. Все усилия наставников и проповедников, насколько бы велики они ни были, могут оказать воздействие лишь на небольшую часть мусульманской нации».

Шейх Удах подчеркивал, что только яростный джихад может очистить и омолодить мусульманскую нацию, сделав ее господствующей в современном мире: «Неизбежный удел этой нации — смерть, дающая жизнь, то есть джихад во имя Аллаха. Иначе она исчезнет с лица земли. Если мусульманская нация откажется от джихада, то Аллах накажет ее, сделав низшей среди народов. Как говорил Пророк, да пребудут с ним мир и благословение: «Если вы откажетесь от джихада и будете довольствоваться выращиванием растений, то Аллах сделает вас низшими среди всех, и вы останетесь такими, пока не вернетесь к своей религии и не провозгласите джихад во имя Аллаха»».

Шейх Удах предупреждал, что отказ от джихада в его первоначальном значении как бескомпромиссной борьбы в пользу современной его трактовки — то есть других форм ненасильственной деятельности — тоже опасен для самого выживания ислама: «Отказ от джихада во имя Аллаха и неверие в то, что он является частью исламского кредо, есть отступничество от ислама, ставящего человека вне мусульманства. Ведь сам Аллах Всемогущий без всякой двусмысленности повелел нам в Коране вести джихад. Это подтверждает благородный доподлинный Хадит,[6] и ислам никогда не укрепитя без джихада».

«Искусство смерти» стало фатвой — то есть религиозным декретом, — призывающей к джихаду против саудовской королевской семьи. Шейх Удах постановлял, что отказ от джихада в пользу любой другой формы сопротивления есть отступничество — очень серьезное преступление по мусульманскому закону. У верующего не оставалось другого выбора, кроме как сражаться: всякий, кто считал себя мусульманином, должен был посвятить себя ведению джихада. Тысячи аудиокассет и брошюр с текстом лекции шейха Удаха подпольно распространялись по всей Саудовской Аравии, а в эмигрантские оппозиционные организации на Западе хлынул поток запросов на копии лекции из Саудовской Аравии.

Хотя шейх Удах и не упоминал особо династию аль-Саудов или Соединенные Штаты как главные цели джихада, его последователи читали это между строк. В Соединенных Штатах «Искусство смерти» распространялось со следующим комментарием: «Шейх Салман аль-Удах по-прежнему находится в заточении, вместе с сотнями других ученых Аравийского полуострова. Он был брошен в тюрьму трусливым режимом аль-Саудов — как полагают некоторые, по требованию правительства США».

Вскоре после опубликования фатвы шейха Удаха исламистские круги приступили к ее реализации — главным образом, готовя своих сторонников к преобразованию исламистского сопротивления в Саудовской Аравии. Важнейшая перемена произошла в позиции расположенного в Лондоне Комитета по защите законных прав (КЗЗП). В начале 1990-х годов КЗЗП был «модернистским» исламистским движением, усиленно создававшим себе образ «умеренного» исламистского движения на Западе. КЗЗП подчеркивал свою принадлежность к ненасильственной народной оппозиции правительству Саудовской Аравии. Активисты Комитета устраивали многочисленные сидячие забастовки и другие формы общественного протеста в Саудовской Аравии и в западных столицах, чтобы привлечь внимание западных средств массовой информации и смутить саудовское правительство, показывая, что Эр-Рияд не способен не только справиться, но даже скрыть существование широкой оппозиции. В то время КЗЗП был основной организацией, выступающей на Западе от имени саудовских исламистов.

Сразу после опубликования лекции шейха Удаха КЗЗП изменил свою политическую линию и стал подчеркивать, что подобных форм народного протеста теперь уже недостаточно, чтобы сбросить режим Эр-Рияда. Теперь их следовало использовать в качестве поддержки борьбе, которую вела узкая группа активистов, готовых пожертвовать всем, включая собственные жизни, ради дела исламизма. В середине апреля 1995 года КЗЗП опубликовал обращение, в котором подчеркивалась необходимость того, чтобы самоотверженная элита — моджахеды — возглавила борьбу против саудовского режима:

«Никто не сомневается в том, что единство и согласие Нации помогает законным лидерам, а также в том, что процесс реформ вызывает сочувствие во всех слоях общества. Но не в этом истинное испытание. Испытание это относится к тем, «кто готов к жертве». Эти сотни тысяч или, возможно, миллионы сторонников и сочувствующих не в состоянии представлять собой какую-либо реальную оппозицию, пока их не поведут на передний край борьбы те люди, которые уже готовы пожертвовать всем ради дела. Нужно подготовиться к таким жертвам, как арест, пытки и даже смерть, и принять их. Если эта группа лидеров не будет стойкой и непоколебимой, вся прочая поддержка ни к чему не приведет. Группа лидеров не обязательно должна быть многочисленной — подобно тому, как не была многочисленной и та группа, которой Аллах даровал победу в истории Давида и Голиафа».

Чтобы аудитория поняла, что главным в этом обращении была поддержка призыва шейха Удаха к джихаду, КЗЗП приводил акции протеста в цитадели шейха Удаха — Бурайдахе (Саудовская Аравия) — после его ареста в сентябре 1994 года в качестве примера умелого руководства и готовности к самопожертвованию. КЗЗП пояснял, что верные и преданные последователи шейха Удаха, готовые осуществить его призыв к джихаду, уже составляли часть той группы избранных, что была необходима для успеха: «Методы, которые перенимает сейчас правительство, не имеют никакого смысла, поскольку главное препятствие преодолено и группа лидеров уже сформировалась. Если бы тирания и угнетение были бы хоть как-то эффективны или служили бы какой-либо цели, то это стало бы очевидно после первого восстания в Бурайдахе».

10 апреля 1995 года исламистская организация, называющая себя «Исламское движение перемен/Крыло джихада на Аравийском полуострове», предупредила о готовящихся вооруженных выступлениях против американских и британских сил по всему Аравийскому полуострову и против династии аль-Саудов. В коммюнике заявлялось, что западные военные части должны покинуть Аравийский полуостров до 28 июня 1995 года. В противном случае американские и британские отряды становились законным объектом джихада. Королевская семья обвинялась в том, что она обратила ислам на службу «силам крестоносцев» — что проявлялось в политических чистках и преследовании видных мусульманских проповедников и учителей. Коммюнике «Исламского движения перемен» было выпущено в поддержку находящихся в тюрьме исламистских лидеров.

«Искусство смерти» шейха Удаха, поддержка КЗЗП и коммюнике «Исламского движения перемен» отражали решение руководства исламистов Саудовской Аравии обратиться к джихаду как к единственному способу свергнуть королевский режим. И это не была пустая угроза. На протяжении нескольких лет от 15 до 25 тысяч саудовских исламистов (плюс около 5 тысяч саудовских «афганцев») проходили обучение и экипировались в лагерях в Иране, Судане, Йемене, Пакистане и Афганистане. А разветвленное исламистское подполье в Саудовской Аравии объявило о своей готовности поддержать этих моджахедов.

Но саудовским исламистам пришлось отложить свои планы. В конце июня 1995 года вся исламистская элита была целиком занята гораздо более важной операцией, направленной против другого смертельного врага Тураби — Египта, — хотя из соображений безопасности саудовские исламисты ничего не знали об этой операции. Подполье, находящееся под постоянной угрозой раскрытия, арестов, пыток и предательства, нельзя было информировать о важной операции, которую готовила другая террористическая группировка. Из Хартума и Тегерана лишь последовали указания ждать сигнала к выступлению, и саудовские исламисты, благодаря жесткой дисциплине, царившей в системе поддерживаемого на государственном уровне терроризма, подчинились приказу.

Покушение на президента Хосни Мубарака в Аддис-Абебе (Эфиопия) 26 июня 1995 года стало вехой в развитии борьбы исламистов за установление контроля над арабским миром и Сердцем ислама. Операции такого уровня, даже если ответственность за них берут на себя загадочные террористические организации, на самом деле являются орудиями государственной политики и осуществляются в интересах высочайших эшелонов власти государств, поддерживающих терроризм. Попытка покушения — стратегический гамбит, поддерживаемый Суданом и Ираном, — имела локальные и долгосрочные последствия. Хотя президент Мубарак уцелел и народное исламистское восстание, предусмотренное заговорщиками, в Египте поднять не удалось, попытка покушения дала сильный импульс подъему исламизма в регионе.

Эта дерзкая операция была предпринята по двум причинам: 1) чтобы воскресить вооруженную борьбу исламистов на Ближнем Востоке, в особенности на Аравийском полуострове — крах или нейтрализация Египта рассматривались как необходимое условие любого значительного успеха;

2) чтобы пресечь назревающий среди руководства египетских исламистов раскол — то есть борьбу за власть и почести среди находящихся в эмиграции лидеров, — пока он не перекинулся и в Египет.

Как египетские исламисты, так и финансирующие их государства были полны решимости убить Мубарака — его режим постоянно напоминал исламистам о неудачных попытках свергнуть поддерживаемое США правительство. После того, как в 1981 году его предшественник, Анвар Садат, был убит террористами, Мубарак не только укрепил свою власть, но и начал яростное преследование исламистов в Египте. При его правлении Египет стал главной силой в консолидации арабов, выступавших против Ирака во время войны в Персидском заливе. Мубарак неоднократно подчеркивал свою решимость поддерживать любое арабское консервативное правительство в борьбе против исламистов, даже если для этого придется задействовать египетские экспедиционные войска. Мубарак воплощает в себе арабского лидера, пользующегося поддержкой Запада, и исламисты были уверены, что его убийство сможет расшатать само понятие о подобной политике. С учетом настроений, царивших на исламистском Ближнем Востоке, резкая реакция Каира даже в случае провала операции все равно могла послужить целям исламистов — египетские исламисты должны были либо сплотиться в ответ на успех, либо объединиться общим чувством мученичества в случае возмездия со стороны органов государственной безопасности. Между тем, как полагало руководство исламистов, Каир будет слишком занят борьбой с террористическими операциями — как успешными, так и нет, — чтобы защищать консервативные режимы Аравийского полуострова.

Операция в Аддис-Абебе стала итогом длительных дискуссий на высочайших уровнях поддерживающих терроризм государств и исламистского террористического движения. Участвовал в этих обсуждениях и Усама бин Ладен. Хотя ответственность за операцию взяла на себя «аль-Джамаа аль-Исламия» — организация шейха Омара Абдула Рахмана, — заявив, что сделала это для решения внутренних проблем Египта, на самом деле операция была международным предприятием.

В это время Судан гораздо активнее, чем Иран, выступал против прозападных режимов, особенно Египта. Судан непосредственно участвовал в экспансии вооруженных выступлений исламистов по всему Египту. Суданские официальные лица, включая Хасана аль-Тураби, осуществляли жесткий контроль над тайными операциями исламистов, как на стратегическом, так и на оперативном уровне.

Начиная с осени 1994 года, Тегеран, Хартум и руководство ВИД неоднократно санкционировали разработку планов убийства Мубарака. К примеру, исламистским организациям в Италии и Боснии накануне запланированного на ноябрь 1994 года визита Мубарака в Италию было поручено подготовить покушение на него. Однако исламистские организации в Италии уже находились под пристальным вниманием органов безопасности, и заговор был раскрыт и сорван. Затем была активизирована одна из лучших исламистских ячеек в самом Египте — по сути, ее принесли в жертву приказам Хартума: убить Мубарака и поднять народное восстание. Эта ячейка оправдала возложенные на нее ожидания, поскольку за первые три недели января 1995 года ее члены произвели три решительные попытки убить Мубарака. Но к тому времени костяк ячейки был ослаблен, а лучшие террористы находились в бегах. Опасаясь, что раскрытие планов убийства президента может поколебать стабильность режима, официальный Каир решил умолчать о них. Тем временем руководители этой террористической организации благополучно бежали в Судан — через другие арабские страны. А в ходе безжалостных облав, проведенных египетскими органами безопасности, пострадали другие исламистские организации, совершенно не причастные к этим покушениям.

Когда эти египетские террористы прибыли в Хартум, старшие сотрудники разведок, работающие с ВИД, особенно эксперты иранской контрразведки, потребовали провести тщательный анализ как целесообразности дальнейших попыток убийства, так и особенностей январских операций. В результате тщательного исследования было решено, что в принципе, учитывая общую динамику политических процессов на Ближнем Востоке и особенно ход исламистской борьбы в начале 1995 года, убийство президента Мубарака является неотложной задачей.

Но аналитики оставили нерешенными два важных вопроса, перенеся их на последующие исследования. Первый вопрос заключался в способности исламистской сети Египта противостоять массовым репрессиям, которые неизбежно последуют после любого покушения на жизнь

Мубарака — даже неудачного. Второй вопрос касался уверенности экспертов иранской разведки в том, что в ряд исламистских ячеек Египта проникли агенты госбезопасности и последующие их планы будут сорваны из-за предательства. Иранские эксперты порекомендовали для всех последующих операций стратегической важности использовать только ячейки высочайшего уровня. Это ставило крест на проведении операций в Египте, потому что местным террористическим организациям нельзя было больше полностью доверять.

Рассмотрев эти заключения, Тураби решил обсудить спорные вопросы с известными лидерами египетских исламистов прежде, чем будет определена какая-либо стратегия. В марте 1995 года Тураби созвал чрезвычайную конференцию в Хартуме, в которой участвовали три ведущих египетских командира: доктор Айман аль-Завахири — руководитель расположенной в Женеве организации «аль-Джихад», выступавшей тогда в роли центра подготовки важнейших операций в Соединенных Штатах и на Американском континенте в целом; Мустафа Хамза — старший командир хартумской «аль-Джамаа аль-Исламия», отвечавший за подготовку кадров для проведения операций в Египте; и Рифай Ахмад Таха — старший командир пешаварской «аль-Джамаа аль-Исламия», отвечавший за подготовку исламистов в лагерях Пакистана и Афганистана.

Несмотря на натянутые отношения между этими командирами, все трое объявились на чрезвычайной конференции Тураби. Открывая встречу, Тураби заявил, что единственный вопрос, подлежащий обсуждению, — это исламистская революция в Египте. Все будущие операции — такие, как подрывная деятельность в Саудовской Аравии, — следовало рассматривать на основе критерия воздействия, которое они могли оказать на революцию в Египте. А все разногласия между египетскими командирами должны были быть разрешены, чтобы этот раскол не перекинулся на террористические организации Египта. Тураби был уверен, что образ действия исламистских организаций следует резко изменить, чтобы нейтрализовать эффект недавних столкновений с органами безопасности, в результате которых движение в отдельных частях Египта было полностью парализовано.

Тураби и три египетских командира решили, что последние трое должны сформулировать долгосрочную стратегию исламистской революции. Египтянам также было поручено составить обстоятельную заявку, определявшую их потребность в оружии и деньгах на следующей стадии вооруженной борьбы исламистов, и предоставить ее на следующей ассамблее КАИН, открытие которой было намечено на конец марта 1995 года в Хартуме.

На встрече Тураби с тремя командирами впервые был поднят вопрос о крупной операции по убийству президента Мубарака с использованием высококвалифицированных кадров со всего мира. Египетские командиры согласились с тем, что если убийство выльется в крупномасштабное народное исламистское восстание в Египте и будет способствовать успешному проведению других операций исламистов на Ближнем Востоке, то оно стоит серьезных усилий и неизбежного риска. Хотя Тураби и одобрил эти выводы, сами египетские командиры не могли решиться на проведение операции — конечное решение предоставлялось принять государству, поддерживающим терроризм.

Понимая, сколько потребуется людей и средств, Тураби решил поднять этот вопрос на конференции КАИН в Хартуме в конце марта 1995 года. Заседания в Зале дружбы привели к формулировке стратегии подъема революционной и террористической деятельности исламистов в мире. Тураби пригласил на конференцию Усаму бин Ладена и Мустафу Исмаи-ла Утхмана из суданской разведки. Мохаммад Сайд Наамани из иранской разведки — эксперт по Алжиру и Северной Африке — представлял Тегеран. В числе других руководителей и командиров были Имад Мугних и Наим Кассим («Хизбалла»), Фатхи Шкаки (палестинский «Исламский джихад»), Мусса Абу Марзук и Мухаммад Неззал («ХАМАС»), Адриан Саад-ад-Дин («Международное мусульманское братство»), Абдул-Маджих аль-Зандани (Йемен) и несколько североафриканских исламистов.

Участники заседаний в Зале дружбы обсудили все аспекты возможности убийства Мубарака за пределами Египта. После длительных дискуссий они дали свое благословение на решительную попытку убить Мубарака и поднять широкое народное исламистское восстание в Египте, в котором приняло бы участие все международное исламистское движение. Они подчеркивали, что каирский режим может быть свергнут в результате долгой борьбы хорошо подготовленными моджахедами, а не народной яростью. А когда Каир начнет бороться за свою жизнь, ему уже будет не до свержения режимов в Саудовской Аравии и других странах Персидского залива. Следовательно,

для падения правящего режима Саудовской Аравии было необходимо падение или, по крайней мере, нейтрализация Египта.

Первоначальные планы операции были созданы в апреле, на консультациях между египетскими командирами и многочисленными экспертами. Мустафа Хамза был назначен главным командиром на время восстания в Египте. Он должен был лично наблюдать за подготовкой кадров, поступлением материально-технического обеспечения в Судан и переправкой их контрабандой в Египет. Но решение о том, кто будет руководить операцией покушения, так и не было принято.

С самого начала Тураби предпочитал видеть в это роли Завахири, хотя египетский врач был полностью занят подготовкой новой волны террористических актов в Соединенных Штатах. Тураби и Завахири прониклись сильным личным взаимным доверием в Сомали осенью 1993 года, когда Завахири, старший полевой командир, руководил смертельными схватками с американскими войсками. У исламистов было немного руководителей с такими способностями, как у Завахири. Кроме того, его превосходная штаб-квартира с дополнительными сооружениями по всей Западной Европе и в Боснии и Герцеговине считалась безопасной от проникновения врагов. У Завахири были хорошие связи с другими исламистскими формированиями, в частности, с многочисленными арабскими «афганцами». Поскольку отвлечение внимания Завахири на Мубарака могло бы негативно сказаться на чрезвычайно важных операциях в Соединенных Штатах, Тураби решил рассмотреть этот вопрос в личном разговоре с египтянином.

В конце мая Тураби отправился в Париж, якобы на лечение. Оттуда он совершил короткую тайную поездку в Женеву, чтобы встретиться с Завахири. После долгих дискуссий они оба согласились, что руководить операцией по убийству Мубарака должен Завахири. Они решили, что покушение должно совершиться в Аддис-Абебе в конце июня, во время Африканского саммита. Чтобы подчеркнуть важность операции, Тураби встретился с ближайшими помощниками Завахири и пообещал им всю необходимую помощь. Завахири быстро начал приготовления. Он должен был проводить операцию под знаменем организации «Авангард победы», под прикрытием которой он действовал в Сомали, — это должно было открыть его имя египетскому правительству.

В последние дни мая Завахири созвал встречу террористов-экспертов в Фернье-Вольтер — небольшой деревушке на франко-швейцарской границе. Место было выбрано для того, чтобы заговорщики могли в мгновение ока скрыться бегством во Францию, если бы вдруг что-то пошло не так. Список участников отражал важность мероприятия. Возглавляли встречу Завахири и Мустафа Хамза. Хамза прибыл в Женеву с суданским паспортом и под ложным именем. Заместитель Завахири — Фуад Талат Квассим, живший тогда в Копенгагене, — послал на встречу своего командира по террористическим операциям. Ахмад Шауки аль-Исламбули тоже прислал из Пешавара своего представителя. Сын Сайда Рамадана, духовного лидера террористического движения Завахири, который жил тогда в Германии, но служил имамом в небольшой мечети в Швейцарии, прибыл лично. Мечеть Рамадана использовалась египетскими и североафриканскими исламистами как центр для тайных встреч. На последующих заседаниях также присутствовали старшие руководители арабских «афганцев», командиры из Западной Европы (по преимуществу алжирцы) и многие другие старшие командиры из Афганистана, Пакистана и Европы.

На первой встрече командиры египетских террористов приняли решение об основной тактике поведения в Аддис-Абебе и о том, какие резервы следует использовать в этой важнейшей операции. Они решили, что команда высококвалифицированных «афганцев», включая старших офицеров (как продолжавших служить, так и ушедших в отставку), составит особый планировочный отдел под руководством Исламбули и его представителей, пребывавших тогда в Швейцарии.

Во время второго тура встреч, на которых участвовали и члены других организаций, участники определили роль всех остальных ячеек и их региональных резервов. Завахири беспокоило то, что его занятость подготовкой покушения может сорвать начало террористической кампании на Западе, особенно в Соединенных Штатах. Он попросил командиров алжирских «афганцев» ускорить осуществление их собственных планов в Европе, чтобы обеспечить непрерывность нанесения террористических ударов. Алжирцы согласились, о чем свидетельствовали взрывы в парижском метро 26 июля 1995 года. Хамза тут же вернулся в Судан, чтобы отобрать специалистов и усовершенствовать системы подготовки. Две недели спустя он доложил, что система в основном уже готова. Тем временем команды Исламбули в Пешаваре и Хартуме разрабатывали подробный, сложный оперативный план.

Когда первоначальные приготовления были завершены, Завахири 12–19 июня совершил инспекционную поездку в Судан и Эфиопию. Завахири и Хамза очень подробно изучали ход подготовки как к операции в Аддис-Абебе, так и к исламистскому восстанию в Египте. Было очевидно, что подготовка к покушению на жизнь Мубарака наполняла исламистов Египта чувством единения. Полковник Мухаммад Маккави, который вышел из Авангарда победы в августе 1993 года из-за разногласий с Завахири по поводу стратегии исламистской революции в Египте, теперь встретился с Завахири и Хамзой, поклялся в верности и предоставил формирования своего движения «аль-Джихад» в распоряжения Хамзы.

Используя фальшивые документы и при помощи сторонников Тураби в рядах эфиопского «Исламского джихада», Завахири совершил короткую тайную поездку в Аддис-Абебу, чтобы увидеть места будущих ударов собственными глазами. Затем он вернулся в Хартум, чтобы рассмотреть тонкие детали оперативного плана. Удовлетворенный, Завахири встретился с террористами, которых готовили к операции. Он произнес страстную речь, подчеркивая важность операции и мученической смерти. Особо он остановился на высоком уровне профессионализма, необходимом для успеха операции.

Завахири вернулся в Швейцарию убежденным в том, что операцию ждет успех. Для окончательного утверждения он пригласил своих ближайших египетских друзей — Мустафу Хамзу и Фуада Талата Кассима — на встречу в Женеву 23 июня. Они несколько раз прошлись по всем деталям операции, внимательно изучили все возможные удачные и неудачные исходы, а затем решили дать сигнал к началу действий своим сетям как в Аддис-Абебе, так и в южном Египте. Поворота вспять уже не было. Успех операции теперь зависел преимущественно от профессионализма исполнителей.

Чтобы повысить шансы на успех, Хамза и другие организаторы ударных отрядов набирали исполнителей из рядов хорошо подготовленных бойцов, уже проверенных иранской разведкой. Летом 1995 года всех кандидатов уже обучали эксперты Иранской революционной гвардии в лагерях «аль-Кудс» к северу от Хартума. Организаторы решили использовать кадры международного батальона ИРГ, потому что иранская разведка неоднократно проверяла их надежность. Чтобы еще больше повысить шансы на успех операции, отряды были набраны из бойцов специальных отрядов, в которые входили египетские, суданские, алжирские и эфиопские «афганцы». Таким образом западным разведкам было бы гораздо труднее проникнуть в их ряды или догадаться об истинной цели операции, когда они начнут разворачиваться за границей.

Оперативный план предусматривал возможность использования бомбометателя-самоубийцы. На эту роль был выбран араб, который только что закончил школу в Афганистане, где под знаменем Авангарда победы готовили террористов-самоубийц. Изначально этот человек вызвался добровольцем на операцию в Палестине. В Судане его тренировали специалисты палестинского «Исламского джихада» под тщательным надзором иранских экспертов. И лишь примерно за неделю до операции кандидату сообщили, что он примет участие в попытке убийства Мубарака.

Тем временем в середине июня Хамза следил за отбором бойцов для ударных отрядов. К этому времени оперативный план Исламбули был в принципе принят, и, соответственно, проводился отбор исполнителей и организовывалась программа их особой подготовки. Террористов, отобранных для операции, перевели в другой лагерь — возле деревни Канго, примерно в сорока милях к югу от Хартума. Именно здесь проводилась окончательная, конкретная подготовка террористов и объяснение им деталей их заданий.

Оперативный план основывался на скоординированной работе трех отдельных команд. Первой командой был диверсионный отряд. Он должен был обстрелять из стрелкового оружия сопровождение Мубарака — с крыш зданий, стоящих вдоль дороги, ведущей из аэропорта в переговорный центр. Предполагалось, что, попав под обстрел, все сопровождение замедлит движение или даже остановится. Воспользовавшись этим замешательством, второй отряд приблизится к центру сопровождения и обстреляет автомобиль президента из ручных противотанковых гранатометов, полностью уничтожив его. На случай, если в машину президента попасть не удастся, второй команде было приказано обстрелять автомобиль любого египетского официального лица. Превосходные источники в египетских органах безопасности (включая телохранителей Мубарака) предоставили информацию для третьей команды. Планировщикам сообщили, что водитель Мубарака получил инструкцию в непредвиденном случае «прорваться через контрольно-пропускные пункты и мчаться на полной скорости во что бы то ни стало». Третья команда должна была вступить в действие в случае, если первые две команды потерпят неудачу,

а водитель Мубарака сможет прорваться вперед. Помощники Исламбули полагали, что, благополучно выбравшись из переплета, шофер Мубарака неизбежно расслабится и, возможно, даже сбросит скорость. В этот момент напичканная взрывчаткой машина с террористом-самоубийцей за рулем приблизится к автомобилю президента и либо протаранит его, либо взорвется поблизости. Во всяком случае, эксперты по взрывным устройствам заверили Исламбули, что ни один автомобиль в мире, как бы хорошо он ни был бронирован, не уцелеет после взрыва на таком близком расстоянии.

Насколько сильно Тураби и руководство египетских исламистов желали убить Мубарака, можно было увидеть по предварительным действиям. В конце апреля — уже после составления первоначального плана в Судане, но за месяц до соглашения, достигнутого в Женеве в конце мая, — исламисты уже начали подготавливать систему материально-технического обеспечения и разведки в Аддис-Абебе.

Сначала небольшая команда, состоящая из офицеров суданской разведки и членов эфиопского «Исламского джихада», включая крайне опытных «афганцев», подыскала место для главной полевой базы. В конце апреля они арендовали виллу, которая должна была стать штаб-квартирой и тайным складом оружия.

В мае, когда подготовка уже приобрела конкретный характер, приготовления в Аддис-Абебе ускорились. Отряд из десяти заговорщиков отправился из Хартума в Аддис-Абебу. Их первой задачей (выполненной во второй половине мая) было выбрать возможное место для нападения и для развертывания бойцов. Они составили подробные карты всего района. При помощи эфиопских исламистов суданцам удалось найти источники в эфиопских органах безопасности. Эти офицеры снабдили команду подробной предварительной информацией о схеме проведения саммита, равно как о перемещениях и системе охраны всех участвующих в нем лиц.

В начале июня, когда было получено добро на проведение операции, команда из десяти человек переключила внимание на переправку на свою виллу оружия и взрывчатки. Кроме того, суданские террористы при помощи офицеров эфиопской госбезопасности подыскивали безопасные позиции для разворачивания трех вооруженных отрядов, а также обдумывали схему их безопасного бегства после завершения операции. Связи, установленные с эфиопскими офицерами госбезопасности, оказались очень полезными, так как заговорщики могли получать точные и своевременные сведения о прибытии и маршруте Мубарака.

В середине июня, во время поездок Завахири в Судан и Эфиопию, начались последние фазы приготовлений. Суданцы задействовали разветвленную сеть эфиопских исламистов для подготовительной работы — это были контрабандная переправка оружия и взрывчатки в Эфиопию; аренда транспортных средств, включая автомобиль, начиненный взрывчаткой; аренда многочисленных меблированных комнат и домов, в которых должны были жить заговорщики, и наполнение их едой и всем необходимым. После визита Завахири, когда эти приготовления уже были завершены, суданская разведка эвакуировала около тридцати эфиопских исламистов из Аддис-Абебы в Хартум. Эти люди слишком много знали о готовящейся операции, и суданцы не хотели рискованных последствий в случае ареста и допроса любого из них.

Оружие, доставлявшееся в то время, не оставляло никаких сомнений о непосредственном участии в операции суданского правительства. Практически все оружие, конфискованное у террористов в Аддис-Абебе, принадлежало суданской армии. Серийные номера конфискованных гранатометов РПГ-75 показывали, что они находились на вооружении суданской армии и были изготовлены в Китае. А изъятое стрелковое оружие российского производства было из той же серии, что и то, что было обнаружено египетскими военными на суданской границе, — это было оружие, которым снабжались египетские исламисты в суданских учебных лагерях.

В середине июня Тураби взял под свое личное наблюдение процесс подготовки операции в Аддис-Абебе. Высокопоставленный офицер суданской разведки по имени Сирадж Мухаммад Хусейн, известный также как Мухаммад Сирадж, прибыл в Аддис-Абебу и принял оперативное командование над реальным осуществлением операции. Полковник Абдул-Азиз Джафар, офицер суданской разведки, бежавший в Египет, опознал Сираджа как майора Мухаммада Сирадж-аль-Дина из суданской разведки. Согласно источнику из египетской службы госбезопасности, Мухаммад Сирадж — это тот самый офицер, который в качестве суданского консула, работающего

под псевдонимом в Нью-Йорке в 1993 году, активно участвовал во взрыве Всемирного торгового центра, а также в заговоре 4 июля, имевшем целью взрыв здания Объединенных Наций.

Сирадж очень быстро показал себя превосходным координатором действий исламистов в Аддис-Абебе. Он лично занимался получением и распространением разведывательной информации, чтобы обеспечить максимум секретности. Он следил за обустройством арендованной виллы, используемой как главный тайный склад оружия, и альтернативной резиденции, где преступники могли отсидеться в ожидании отправки их обратно в Хартум. И лишь примерно 20 июня, когда Сирадж высказал удовлетворенность уровнем безопасности предварительных приготовлений, началась настоящая заброска заговорщиков на территорию Эфиопии.

В целях сокращения риска преждевременного обнаружения, террористы получали свое оружие, включая грузовик для блокировки дороги и начиненный взрывчаткой автомобиль, от отдельного формирования суданской разведки на самом кануне покушения. Это формирование возглавлял шейх Дарвиш — суданский подданный, преданный Тураби и выполнявший для него множество особых заданий. Тот факт, что шейх Дарвиш лично участвовал в распределении оружия, показывал, насколько важной была операция для самого Тураби. В конце июня Дарвиш доставил два больших чемодана со стрелковым оружием, гранатометами РПГ, снарядами, патронами и взрывчаткой. Первый отряд должен был нести оружие на себе, а второй — в дорожных сумках, чтобы не обнаруживать свои РПГ до последней минуты. Как вскоре выяснилось, это решение стало фатальной ошибкой.

День покушения, 26 июня 1995 года, начинался отлично. Сирадж, к которому от офицеров эфиопской госбезопасности поступали самые последние сведения о планируемых действиях Мубарака, начал расставлять своих людей. На всем протяжении попытки убийства сведения о маршруте Мубарака были точными и своевременными; Сирадж поддерживал очень безопасную и эффективную связь как со своими эфиопскими источниками, так и с отрядами боевиков.

Что в конечном счете погубило операцию — так это проволоочки и смятение в рядах сопровождения Мубарака. Президент Мубарак, как предполагалось, должен был прибыть в аэропорт чуть раньше 8:30 утра и тут же отправиться в переговорный центр, находящийся примерно в полумилях от аэропорта. Как и было запланировано, силы эфиопской и египетской служб безопасности рассредоточились вдоль пути следования вскоре после 8:15. Самолет Мубарака прибыл вовремя, но его свита не смогла вовремя организовать колонну сопровождения. Видя, что отъезд Мубарака задерживается, усталые эфиопские полицейские начали бродить по окрестностям. В это время второй отряд боевиков, чтобы не казаться подозрительными, должен был засунуть свои гранатометы обратно в дорожные сумки и слегка отойти со своих боевых позиций.

Тем временем Мубарак начал проявлять нетерпение. Примерно в 8:55 он неожиданно приказал тем машинам сопровождения, которые были под рукой, немедленно двинуться к переговорному центру. И хотя эфиопские офицеры госбезопасности смогли вовремя предупредить Сираджа и его людей, часть боевиков уже не находилась в нужном месте.

Когда сопровождение Мубарака двинулось вперед, первый отряд, как и планировалось, открыл огонь из стрелкового оружия, но синий грузовик «Тойота», который должен был перекрыть дорогу перед автоколонной, двигался недостаточно быстро. Этот грузовик, который должен был остановить сопровождение Мубарака или хотя бы замедлить его движение, был пунктом, внесенным в план террористов в последний момент. А поскольку членам второго отряда боевиков было приказано по соображениям безопасности держать свои гранатометы в дорожных сумках, они не смогли теперь подготовить оружие к бою за столь короткое время.

Третья команда, включая и водителя-самоубийцу, находилась на месте. Но тут короткая задержка синей «Тойоты» оказалась решающей. Первый отряд сосредоточил свой огонь на главном лимузине — эфиопском правительственном автомобиле, — где, как предполагалось, находился Мубарак. Но на самом деле Мубарак ехал в специальном «Мерседесе», привезенном из Каира: он был не только пуленепробиваемым, но и мог выдержать выстрелы из гранатомета.

И посреди всего этого смятения вдруг появилась синяя «Тойота». Немного опоздав, водитель уже не мог остановиться перед сопровождением Мубарака и заблокировать дорогу.

Машины сопровождения неслись теперь прямо на него, и «Тойота» едва не врезалась в эфиопский лимузин.

Машины рванули в разные стороны, чтобы избежать аварии, — все еще находясь под обстрелом. Водитель Мубарака решил, что ему не удастся прорваться через этот завал, и пошел на резкое нарушение планов безопасности. Он развернул «Мерседес» на 180 градусов и рванул назад в аэропорт. Это принятое за доли секунды решение спасло Мубараку жизнь, поскольку примерно в 300 футах дальше места засады на дороге ждал автомобиль с взрывчаткой.

Увидев, что план сорвался, участники операции тут же приступили к плану эвакуации. Сирадж и те его помощники, кто был посвящен в организационные и разведывательные аспекты операции, за несколько часов благополучно добрались до Хартума. Остальных же террористов бросили в качестве приманки для сил безопасности, чтобы не перегружать систему эвакуации. Некоторые из них погибли в перестрелке с эфиопской полицией и египетскими командос, тайно действовавшими в Аддис-Абебе.

Но продуманность плана и приготовлений к операции оценили все. В качестве составной части плана Мустафа Хамза организовал ряд взрывов и других вооруженных выступлений по всему Египту, чтобы создать впечатление широкого народного восстания и вызвать всеобщее состояние паники после шокирующих известий об убийстве Мубарака. С этой целью Тураби предоставил Хамзе лучшие базы в Судане вместе с учебными лагерями и военными инструкторами, а также необходимое для этих операций оружие и взрывчатку. Оперативный план предусматривал развертывание многочисленных отрядов хорошо подготовленных египетских террористов. Получив зеленый свет, они должны были в предрассветные часы 26 июня проникнуть в Египет, двигаясь по тайным маршрутам, и присоединиться к задействованным сетям сочувствующих практически во всех городах Египта. Вместе они бы подняли беспрецедентную волну терроризма и насилия.

Днем 26 июня, когда известия о сорвавшемся покушении пришли в Хартум, Тураби и Хазма решили отменить операцию. Хотя в Египте были предприняты меры повышенной безопасности, исламистскому командному центру в Хартуме удалось отозвать подавляющее большинство боевиков, уже проникших в Египет, — прежде чем их обнаружили египетские органы безопасности. Удалось также предупредить многочисленные сети поддержки по всему Египту, и те вернулись в подполье еще до того, как начались облавы. В результате множество египетских исламистов, как в Судане; так и в Египте, уцелели, чтобы нанести удар когда-нибудь в другой раз.

Несколько дней руководство египетских исламистов решало, что теперь делать. Наконец 4 июля ответственность за покушение на жизнь Мубарака взяла на себя «аль-Джамаа аль-Исламия» — организация шейха Омара Абдула Рахмана. В заявлении говорилось, что операцию проводил отряд, названный «Талат Ясин» — в честь исламистского командира, убитого египетской полицией в 1994 году.

В своем заявлении «аль-Джамаа аль-Исламия» объясняла, что покушение было частью ее беспощадной борьбы, направленной на разрушение светского режима и установление в Египте исламского правления. Убийство должно было «спасти египетский народ, живущий ныне в условиях отсталости и бедности... Наш джихад не прекратится до тех пор, пока в Египте не воцарится шариат Аллаха». «Аль-Джамаа аль-Исламия» напоминала миру о том, что она участвовала в убийстве Анвара Садата в 1981 году, и подчеркивала, что она готова убить любого египетского лидера, отклоняющегося от правильного пути, в особенности Мубарака. ««Аль-Джамаа», которая удостоилась чести осуществить Божью волю в отношении аль-Садата за его еретичество и измену исламу, должна была помочь Богу покарать Ун-Мубарака за то, что он избрал тот же путь». («Ун-Мубарак» — это каламбур, обыгрывание имени президента; в переводе — «не благословенный».) «Аль-Джамаа аль-Исламия» также требовала, чтобы военные, сотрудники органов безопасности и все остальные, кто содействует «диктатору и его агрессивным методам борьбы с исламом и мусульманами в целом, раскаялись в своих грехах перед Аллахом и отказались участвовать во всех проклятых делах диктатора». А единственным способом истинного покаяния было присоединиться к исламистскому восстанию, которое, как подчеркивалось в заявлении, будет продолжаться. Операция «доказала, что аль-Джамаа может наносить болезненные удары по врагам Аллаха, сколько бы времени на это ни потребовалось».

Как и покушение на жизнь Мубарака, крупнейшие террористические операции осуществляются организациями из стран, поддерживающих терроризм, которые преследуют свои долгосрочные стратегические интересы. Эти организации, выпускающие коммюнике и заявления, являются неотъемлемой частью механизма государственной поддержки терроризма. На них возложена специфическая задача — они доказывают необходимость операции, объясняют ее причины и цели, не упоминая при этом о формальной ответственности государств.

Учитывая ярко выраженную эскалацию международного терроризма и чрезвычайно высокие ставки, существование таких организаций-ширм, прикрывающих государства, поддерживающие терроризм, — в частности, Иран с его стремлением к всемирной исламской революции, — чрезвычайно важно для системы международного терроризма. Однако, несмотря на возросшую роль террористических организаций, реальный контроль над операциями по-прежнему осуществляют государства, поддерживающие терроризм.

На первый взгляд, покушение на президента Мубарака было откровенным провалом: президент уцелел, а полученных улик вполне достаточно, чтобы обвинить в подготовке покушения государства-покровители терроризма. Но при более пристальном взгляде на операцию и ее последствия становится ясно, что и поддерживающие терроризм страны, и сами исламистские организации получили от покушения ряд выгод.

Стратегический план Тегерана и Хартума учитывает многие последствия этой операции. Исламистское руководство было убеждено в том, что Ближний Восток крайне незащищен перед подрывной деятельностью исламистов. Они чувствовали, что эскалация процесса исламизации — от стихийного протеста населения до откровенного политического и военного противостояния режимам — теперь была возможна во многих странах.

Исламисты совершенно правильно понимали, что преобладающие политические тенденции в регионе идут по трем основным направлениям: 1) Исламизм — единственная развивающаяся и действительно популярная народная идеология на Ближнем Востоке. Он уже вытеснил национализм и другие западные идеологии. Большинство людей искренне верили в том что «решение — в исламе», хотя и не было единства мнений по поводу того, что же такое «ислам». 2) Прозападные консервативные режимы близки к краху, главным образом благодаря процессу саморазрушения, — особенно в Саудовской Аравии. 3) Европеизация Ближнего Востока, — подкрепленная так называемым арабо-израильским мирным процессом, — является историческим моментом. Сам мирный процесс уже сорвался, потому что главные требования арабов и Израиля оказались несовместимыми, а доминирующей исторической тенденцией в регионе является непреклонное сопротивление самому существованию Израиля, уж не говоря о заключении с ним мира.

И Тегеран, и Хартум были убеждены, что они смогут довольно быстро добиться крушения консервативных режимов стран Аравийского полуострова и завладеть всеми святыми местами. Единственной помехой был Египет президента Мубарака — являясь прозападным государством, он мог с готовностью защитить саудовский режим. Исламисты могли завладеть Аравийским полуостровом лишь в том случае, если Каир будет настолько занят кризисом в собственной стране, что не сможет прийти на помощь консервативным режимам на Аравийском полуострове.

Но и сам Египет был на грани народного исламистского восстания. Население все ярче проявляло желание установить в стране исламский режим. А исламисты усиливали свое влияние на общество посредством того, что родившийся в Египте британский журналист, эксперт по Ближнему Востоку, Адель Дарвиш называет «исламизацией втихомолку» — постепенным усилением влияния на общество при одновременной подготовке населения к установлению исламистского режима. Население Египта, утратившее веру в то, что правительство Мубарака сумеет разрешить экономические проблемы и положить конец крайнему ухудшению общественно-политической ситуации, уже было готово к введению шариата в качестве панацеи.

И это были не просто теоретические построения. Египетские государственные институты, в особенности судебная система, все чаще использовали шариат вместо гражданских законов, даже в случаях, когда речь шла о чисто светских делах. К примеру, в середине июля 1995 года каирский суд приказал одной египетской супружеской паре развестись помимо их желания, поскольку сочинения мужа — Насра Абу Зейда, профессора арабской литературы, — были отступническими,

и потому он больше не мог быть женат на мусульманской женщине. Высшие судебные инстанции и другие государственные учреждения откровенно отказывались оспаривать это решение суда.

В то же время как лидеры египетских исламистов, так и их спонсоры понимали, что режим Мубарака будет бороться за свое сохранение. До достижения всеобщей исламизации было еще далеко: чтобы справиться с режимом, нужно было накопить необходимые военные резервы. Исламистским лидерам нужно было спровоцировать серьезный конфликт, чтобы если не нейтрализовать, то хотя бы парализовать Каир, дабы он не мог помешать выступлениям исламистов на Аравийском полуострове. Покушение на президента Мубарака как раз и служило этой цели.

Бин Ладен, принадлежа к кругу близких людей Тураби и преданный идее создания исламистского государства в Саудовской Аравии, не мог не принять участия в заговоре против Мубарака. Бин Ладен по-прежнему стремится развернуть исламистскую революцию в Сердце ислама, включая Египет, и знает, что нейтрализация Каира позволит быстро осуществить планы исламистов — установить исламистское правление в Эр-Рияде.

С точки зрения исламистов было бы лучше, если бы Мубарак погиб — это ускорило бы начало народного восстания в Египте и во всем регионе. Но то, что он выжил, и последовавшее затем обвинение Судана в заговоре все равно послужило стратегическим целям исламистов на Ближнем Востоке. К осени 1995 года президент Мубарак уже подвел Египет к конфронтации с Суданом, и в то же время он был целиком занят политическими чистками в стране. В результате Египет был не готов оказать серьезную военную помощь Эр-Рияду, чей статус-кво резко ухудшался.

Саудовские исламисты быстро извлекли пользу из хаоса, порожденного операцией в Аддис-Абебе. И пока исламистское руководство полностью сосредоточилось на операции в Аддис-Абебе, Усама бин Ладен терпеливо готовился к своему первому, пусть и запоздалому, столкновению с династией аль-Саудов.

13 ноября 1995 года несколько американцев сидели за лэнчем в буфете здания «Программы военного сотрудничества» в Эр-Рияде — военного учебного центра, созданного Соединенными Штатами для Национальной гвардии Саудовской Аравии. В 11:40 на парковке перед этим трехэтажным зданием взорвался начиненный взрывчаткой автомобиль. От взрыва обрушилась часть здания, было уничтожено более сорока пяти автомобилей, а стекла в домах повыветали в радиусе более мили. Через несколько минут на парковке взорвалась вспомогательная противопехотная бомба, от которой пострадали люди, спешащие на помощь пострадавшим от первого взрыва.

Эти взрывы в центре Эр-Рияда были не просто зрелищным терактом. Они продемонстрировали, что в Саудовской Аравии активизировалась развитая террористическая инфраструктура. Костяк вооруженного движения саудовских исламистов составляли опытные кадры, тщательно подобранные и находящиеся под прочным контролем Тегерана и Хартума. Сеть, устроившая теракт в Эр-Рияде, представляла собой суннитское исламистское подполье — оно состояло из представителей оппозиционных народных движений, «афганцев» и сочувствующих из элиты органов госбезопасности. Исламистское подполье в Саудовской Аравии развернулось в полную силу, когда молодые улемы отвернулись от коррумпированной династии аль-Саудов, и взрывы в Эр-Рияде показывали, что руководство саудовских исламистов, равно как и чрезвычайно хорошо информированные лидеры исламистов в Тегеране и Хартуме, уже пришли к выводу, что исламистский джихад может ускорить крушение обреченной династии аль-Саудов.

Ожидаемая эскалация исламистского терроризма началась осенью 1995 года. Уже в конце октября террористы активизировались в Египте — в частности, возобновились нападения на полицейские участки, поезда и туристические автобусы. Как и ожидалось, официальный Каир полностью сосредоточился на преследовании исламистов. И к началу ноября Египет снова находился на грани народного исламистского восстания.

Тегеран и Хартум по-прежнему были уверены, что они сумеют довольно быстро сокрушить консервативные режимы в странах Аравийского полуострова и захватить мусульманские святыни. Они по-прежнему были уверены, что исламисты смогут захватить Аравийский полуостров лишь при том условии, если Каир будет полностью занят разрешением кризиса в стране, что не позволит ему прийти на помощь консервативным режимам. В начале ноября в Тегеране и Хартуме

решили, что ту часть стратегического плана, которая касалась Саудовской Аравии, уже можно осуществлять.

Исламистским организациям Саудовской Аравии был дан зеленый свет в начале ноября. Исламистская сеть, действующая в районе Эр-Рияда, состояла из местных сочувствующих и небольшой группы опытных террористов, большинство которых составляли саудовские «афганцы». Накануне операции сеть пополнили опытные террористы, прибывавшие из Европы и Азии. Арабские исламисты в своей прессе подчеркивали, что костяк и сочувствующих, и самих террористов составляли «подданные Саудовской Аравии».

Исламистские и оппозиционные источники единодушны в том, что опытные террористы, руководившие операцией в Эр-Рияде, были «рассерженными молодыми жителями Саудовской Аравии, прошедшими обучение в Афганистане». А источники исламистской оппозиции Саудовской Аравии уточняли, что изготовившие бомбы саудовские эксперты, «обученные ЦРУ и пакистанской военной разведкой», теперь делились своим опытом с «афганцами» на Ближнем Востоке и в Боснии. Больше всего саудовских «афганцев», активно содействующих международному терроризму, находилось в Афганистане, Пакистане и Судане.

Пакистанские и афганские источники в Пешаваре, кроме того, делили террористическую сеть на находящуюся в Саудовской Аравии инфраструктуру и на качественный костяк, состоящий из «афганцев». В Саудовской Аравии сочувствующие исламизму руководствовались своими собственными соображениями. Однако эти пакистанские и афганские источники подчеркивали, что главной причиной противостояния была внешняя политика Саудовской Аравии, а не гнет королевской династии. «Саудовская монархия продолжает играть в сомнительную игру межарабской политики под эффективным прикрытием американской военной поддержки. Но оппозиция показала себя довольно устойчивой, несмотря на беспощадные репрессивные меры», — объяснял хорошо осведомленный пакистанец. Интернациональный исламистский характер операции в Эр-Рияде подчеркивался всеми пакистанскими и афганскими источниками. «Есть поводы верить, что у этой оппозиции, в большинстве своем стремящейся к исламскому возрождению, есть связи с подобными движениями во всем исламском мире», — пояснял пакистанец. Он заявлял, что главными террористами были «исламские радикалы» из Саудовской Аравии, разочарованные тем, что король Фахд «снова и снова стремится придать исламский глянец своей непредставительной власти».

В результате взрыва двух бомб 13 ноября погибло шесть человек (пятеро из них — американцы) и было ранено более шестидесяти (более половины из них составляли американцы), некоторые — смертельно. Основная бомба, установленная в белом «Минивэне», содержала 200–225 фунтов сильнодействующего взрывчатого вещества — скорее всего, это была очень эффективная чешская пластиковая взрывчатка «Сектекс». «Мицубиси-81» был профессионально «очищен» — были стерты все серийные и идентификационные номера, даже на шасси. Бомба была активизирована сложным часовым механизмом с системой дистанционного управления. Дополнительная противопехотная бомба тоже была профессионально изготовлена и установлена, а время взрыва было рассчитано так, чтобы обеспечить максимум жертв, несмотря на ее небольшой размер. Чтобы изготовить и установить эту бомбу, требовался большой опыт.

Выбор времени взрыва доказывал, что операция была определено антиамериканской. В этот час американцы обычно отправлялись на ленч в буфет, находящийся в фасадной части здания, в то время как саудовцы и другие мусульмане шли на полуденную молитву в ближайшую мечеть. Было понятно, что место взрыва долго и внимательно изучалось. А то, что взрыв был двойным, тоже выдавало работу экспертов.

Саудовские источники спокойно признавали, что «где бы ни планировался взрыв, мишень выбиралась очень тщательно, а сам взрыв произведен с величайшим профессионализмом. Опасность заключается не только во взрыве и его жертвах, — а это американские военные эксперты, — но и в том, что террористы получили доступ к передовым технологиям и использовали все способы тщательной маскировки и внедрения в органы безопасности, чтобы достичь своей цели». Другой хорошо информированный саудовский источник в Лондоне пояснял, что «те, кто устроил взрыв, обладают хорошей системой безопасности и хорошо чувствуют политическую обстановку. В самом центре Эр-Рияда они избрали своей мишенью американцев, чтобы привлечь внимание большинства средств массовой информации и произвести грандиозный политический фурор». Он также указывал, что теракт откровенно имел своей целью «сообщить американцам, что режим не находится под их контролем и крайне непрочен».

Даже династия аль-Саудов не могла игнорировать или замолчать взрыв с такими серьезными последствиями в самом центре Эр-Рияда. Было невозможно отрицать террористический аспект взрыва и предпринятых мер безопасности. Правительственная газета «Аль-Яум» признавала, что взрыв был «дерзкой попыткой дестабилизировать обстановку в стране». А в Объединенных Арабских Эмиратах газета «Аль-Фаджр» предупреждала, что взрыв в Эр-Рияде стал проявлением «недобрых замыслов в отношении региона».

И все же официальный Эр-Рияд настаивал, что террористический акт был направлен на третью сторону, а не на королевскую власть. Эту точку зрения отстаивала ежедневная газета «Аль-Рияд». «Террористические акты происходят в самых невероятных местах», потому что «террористы иногда действуют в одной стране, срывая таким образом раздражение против другой страны или сводя с нею счеты». Но принц Найф бин Абдул-Азиз, министр внутренних дел, признавался в газете «Аль-Джазира», что эти взрывы были частью «опасной эпидемии».

Эр-Рияд отказывался смотреть в лицо первопричинам возникновения исламистского терроризма на территории Саудовской Аравии. Крайне авторитетная газета «Аль-Хайях», рупор принца Султана и саудовского истеблишмента, утверждала: «Никто не верит, что взрыв был порожден внутренними причинами, но правда то, что преступники воспользовались в своих целях атмосферой спокойствия... Этот террористический акт — «иностранный»: это значит, что он задуман за границей и служит иностранным интересам — региональным, если быть точным». Рассмотрев возможные мотивы, по которым Ирак, Иран и Израиль могли произвести теракт в Эр-Рияде, «Аль-Хайях» заключает, что правительство Саудовской Аравии не сделало ничего, что могло бы послужить его причиной. «Вот почему трудно выявить истинную цель взрыва в Эр-Рияде — за исключением того, что его произвели враждебные и обиженные люди, чьи интересы заключаются в диверсии ради диверсии».

Однако более внимательное изучение операции в Эр-Рияде почти не оставляет сомнений, что это было начало давно пропагандируемого исламистами джихада против династии аль-Саудов. Выбранная мишень — американское военное учреждение, использовавшееся для поддержки ненавистной Королевской гвардии (известной на Западе как Национальная гвардия), — как нельзя лучше соответствовала начавшейся недавно ультимативной кампании. Мишень настолько полно соответствовала объявленным ультиматумам, что и без всяких заявлений мировая общественность, несомненно, могла связать взрыв с исламистской оппозицией. 10 апреля появилось заявление «Исламского движения за перемены», в котором говорилось, что целью террористических операций должны стать Королевская (Национальная) гвардия, военная полиция и другие формирования, защищавшие режим. В июле появилось еще одно заявление. В нем пояснялось, что, хотя активные приготовления начались в апреле и завершились к 28 июня, это вовсе не значило, что операции должны были начаться немедленно. Дата начала операций зависела от решения «Исламского движения за перемены», а для иностранных армий был установлен крайний срок их вывода из страны, после чего они становились законным объектом преследования. Ряд положений этого заявления, в частности обозначение американских и европейских армий как «крестоносцев» — то есть христиан, которые оккупировали мусульманские государства и которые в конечном счете будут разгромлены, — впоследствии будут повторяться в различных указах и фатвах, выпущенных бин Ладеном. Кроме того, сам стиль взрыва — крупная автомобильная бомба в сочетании с более мелкой противопехотной, типы использованных взрывчатых веществ и запалов, — был идентичен тем, которым обучали в элитных исламистских тренировочных лагерях в Пакистане и Судане. В этих лагерях небольшой отряд саудовских «афганцев» бин Ладена обучался искусству изготовления сложных бомб и приемам их установки — это было нужно, чтобы положить начало волне зрелищных терактов летом 1995 года.

Эти приготовления, достигшие пика в начале весны 1995 года, проводились параллельно со стратегической и политической деятельностью на высших уровнях международного исламистского движения — деятельностью, в которой бин Ладен сыграл важную роль. Будучи близким к Тураби человеком, бин Ладен принял участие в принятии важнейших решений и формулировке политических целей. Он также отвечал за «общественную политику» — помогал придумывать идейные оправдания терактов и формулировать заявления. Некоторые из ключевых фраз, характерных для «объявлений войны» бин Ладена 1996–1998 годов, впервые появились в коммюнике 1995 года.

Весной 1995 года бин Ладен и руководство саудовских исламистов согласились с рекомендациями Тураби, основанными на тщательном исследовании, которое было проведено иранской разведкой и действующими в Хартуме арабскими экспертами, и решили обострить

борьбу против династии аль-Саудов до уровня вооруженного джихада. С этой целью иранская разведка начала дерзкую программу слежки за рядом потенциальных мишеней, имеющих отношение к США, по всей Саудовской Аравии; она должна была продолжаться по меньшей мере от восемнадцати до двадцати четырех месяцев. В программу были включены и здание в Эр-Рияде, и Хобарские башни, на которые было совершено нападение летом 1996 года. Вскоре шейх Удах тайком передал из тюрьмы рукопись «Искусства смерти», в которой он благословлял призывы к вооруженному джихаду против династии аль-Саудов и которая была одобрена Комитетом защиты законных прав (КЗЗП). В вышедшем заявлении «Исламского движения за перемены» сообщалось о решении руководства саудовских исламистов начать вооруженный джихад, который является единственным действенным средством свержения саудовского режима. И это не была пустая угроза.

Последние приготовления к операции 13 ноября были настолько интенсивными, что дело дошло до утечки информации. Позже высокопоставленные саудовские чиновники признавались, что власти были предупреждены о предстоящей акции террористов примерно за неделю до взрыва. За неделю до взрыва «Исламское движение за перемены» отправило по факсу предупреждения в посольства США и Великобритании в Эр-Рияде, а также в другие учреждения. Однако руководители служб безопасности Саудовской Аравии и западных стран не восприняли эти предупреждения всерьез. Официальный Эр-Рияд отреагировал формально, приведя отряды безопасности в состояние готовности низшего уровня — просто для проформы.

Хорошо осведомленные граждане Саудовской Аравии — как на Ближнем Востоке, так и в Западной Европе — считали, что принц Салман бин Абдул-Азиз позволит террористам провести операцию, чтобы получить от нее личную выгоду. Губернатор Эр-Рияда и потенциальный наследник короля Фахда принц Салман планировал использовать растущую исламистскую угрозу, страх перед ней всей династии аль-Саудов и свою репутацию беспощадного борца с исламизмом в качестве дороги к трону. Согласно сведениям, имеющимся у руководителей саудовских исламистов и других осведомленных лиц, осенью 1994 года принц Салман уже получил от короля Фахда «личный мандат» на «управление делами страны» — то есть внутренней безопасностью и стабильностью.

Было известно, что принц Салман установил контакты с исламистами еще осенью 1995 года. Лидер КЗЗП Мухаммад аль-Массари утверждал, что принц Салман «более умный и более открытый, чем остальные [представители династии аль-Саудов]. Но он и самый лицемерный из них. Его попытки завязывания дружеских связей [с исламистами] — только видимость, и на самом деле он старается только удержаться в седле». В Саудовской Аравии распространялись слухи о том, что принц Салман позволил совершить взрыв, чтобы в высших эшелонах власти возрос страх перед исламизмом, а его собственная власть как человека, способного справиться с терроризмом, усилилась.

Представители королевской династии отчаянно пытались прекратить следствие по взрыву, потому что оно могло открыть всем колоссальное фиаско саудовской разведки. Главным моментом тут было тайное саудовско-пакистанское соглашение, заключенное принцем Тюрки еще в марте 1995 года. К осени 1995 года в Эр-Рияде начали понимать, что пока МВР получала правительственные деньги, а Исламабад укреплял влияние Саудовской Аравии в Вашингтоне, одновременно в Пакистане, Афганистане, Судане и Иране саудовских «афганцев» готовили к операциям в Саудовской Аравии. Взрыв 13 ноября потряс всю саудовскую элиту — коридоры власти пострадали от него гораздо сильнее, чем здания в Эр-Рияде.

Ответственность за взрыв брали на себя самые разные организации — они делали это для того, чтобы пояснить и обосновать свою позицию накануне начала исламистского джихада в Саудовской Аравии.

Первое такое заявление сделала неизвестная прежде организация под названием «Тигры Залива». Организации такой не существовало, а заявление от ее имени было сделано для того, чтобы отмежевать от взрыва все легальные исламистские организации. Важно, что заявление было сделано по местному телефону, — это доказывало существование в стране активных исламистских ячеек. Звонили дважды, и звонивший сказал, что нападения будут продолжаться, пока из Саудовской Аравии не уйдет последний американский солдат. «Тигры» пользовались стандартной фразеологией исламистов, и это выдавало их принадлежность к крупной исламистской сети.

И лишь после того, как все убедились в жизнеспособности террористической сети в Саудовской Аравии, основная организация-«крыша», ответственная за операцию, — «Исламское движение за перемены» — по привычным исламистским каналам передала свое собственное заявление. Главной его целью было подтвердить, что «Исламское движение за перемены» является составной частью ВИД и, с другой стороны, способно осуществить свои угрозы и ультиматумы.

В заявлении повторялась позиция «Тигров»: «Исламское движение за перемены» заявляло о том, что оно противостоит «полной капитуляции Саудовской Аравии перед США и их западными союзниками» и «применит все возможные средства, чтобы изгнать из страны их войска». В заявлении повторялись все давно известные цели исламистского движения — намерение свергнуть правление аль-Саудов, заставить «захватчиков» покинуть страну и восстановить былую гордость и достоинство нации. Чтобы показать, что взрыв был произведен не зря, авторы заявления яростно обрушивались на власти Саудовской Аравии, потому что они стали «агентами неверных» и «открыли землю Двух Святынь и полуостров арабов для колониалистов-крестоносцев». В заявлении подчеркивалось, что «Исламское движение за перемены» продолжит преследование иностранных солдат, членов королевской семьи и сотрудников госбезопасности.

То, что КЗЗП одобрил деятельность «Исламского движения за перемены» и взрыв в Эр-Рияде, имело решающий характер. Расположенный в Лондоне КЗЗП — крупнейшая и наиболее организованная группа саудовской исламской оппозиции, пользующаяся популярностью среди саудовской элиты как на родине, так и на Западе. «Мы признаем деятельность «Исламского движения за перемены» законной и считаем, что она может отвечать за взрыв», — заявил Сайд аль-Фадих, директор лондонского отделения КЗЗП.

Международную и государственную поддержку операции в Эр-Рияде нельзя было отрицать. «Вооруженное исламское движение» (особенно расположенные в Пакистане формирования «афганцев») взяло на себя ответственность за взрыв лишь после того, как его саудовские формирования смогли доказать свою непричастность.

«Вооруженное исламское движение» заявило о своей ответственности на следующий день после взрыва, распространив через дочерние организации ВИД заявление от имени прежде неизвестной группы, называющей себя «Воинственные приверженцы Бога». В заявлении также подчеркивалось, что операция в Эр-Рияде была «первой операцией нашего джихада». Кроме того, ВИД подчеркивало всемирный и антиамериканский характер своего джихада. Главным требованием было, чтобы «оккупационные части США покинули территорию Аравийского полуострова и Персидского залива, а его преосвященство д-р Омар Абдул Рахман, д-р Муса Абу-Марзук, Рамзи Юсуф и его товарищи были немедленно выпущены из американских тюрем». (Абдул Рахман и Юсуф были арестованы за участие во взрыве Всемирного торгового центра, а Марзук как боевой командир ХАМАС содержался в заключении в ожидании требования о выдаче в Израиль. Позже требование о выдаче было отозвано — благодаря «мирному процессу».) В своем заявлении ВИД соглашалось с требованиями предыдущих групп, а именно, чтобы «власти Саудовской Аравии отменили все ограничения, наложенные на мусульманские улемы и проповедников, немедленно освободили всех заключенных из тюрем и руководствовались всеми правилами исламского шариата».

В заявлении содержался ультиматум: «если эти требования не будут выполнены, организация «Воинственные приверженцы Бога» объявит о своем обете умереть за дело Аллаха, борясь с интересами США на территории Аравийского полуострова и стран Персидского залива». Позже это предупреждение выльется во взрыв Хобарских башен в 1996 году. Заявление пошло дальше предыдущих и предупреждало о начале антиамериканской войны за пределами региона. Воинственные приверженцы Бога предупреждали: «Американцы! Наши освященные операции не прекратятся, пока все наши требования не будут выполнены. В противном случае вы навлечете на себя беспощадную войну... настоящую войну, которая покажет вам, чего вы стоите на самом деле... и лишит вас вашей фальшивой самонадеянности».

КЗЗП подчеркивал, что взрыв в Эр-Рияде был началом вооруженной борьбы, предназначенной свергнуть режим. Мухаммад аль-Массари предрекал, что «за этим терактом последуют и другие, потому что режим аль-Саудов известен своей враждебностью к своим гражданам». Он отмечал, что взрыв устроили «недовольные молодые люди, противостоящие властям», в том числе и «те, кто обучался военному делу в Афганистане и других странах». Аль-Массари заявлял, что исламисты решились действовать, «потому что все лучшие и красноречивые реформаторы, активисты и проповедники были арестованы и с сентября 1994 года исчезли без следа». В то же

время он отмечал, что, хотя жертвами взрыва стали американцы, конечной целью являлась династия аль-Саудов. Аль-Массари подчеркивал, что «главный вопрос — кому объявлена война? ответ — саудовскому режиму».

Хорошо информированный саудовский источник в Лондоне пояснял, что дерзкий характер операции в Эр-Рияде должен был также «привлечь внимание к тому факту, что появление в Саудовской Аравии технологий автомобильных взрывов — серьезный момент, у которого еще будут последствия». Он подчеркивал, что это вовсе не означает, что последующими терактами станут именно взрывы автомобилей: «В будущем потенциальными мишенями могут стать нефтяные вышки — чтобы получить как можно больше известности в мире».

Наиболее важным последствием взрыва в Эр-Рияде стало то, что Усама бин Ладен и саудовские исламисты, вместе с Ираном, Суданом и другими поддерживающими их государствами, наконец-то сделали решающий шаг и начали вооруженный джихад в Саудовской Аравии. Пути назад уже не было. Растущая популярность исламистов практически во всех слоях общества — от народной популярности шейха Удаха и до внимания, уделяемого КЗЗП в высших слоях общества, — побуждала исламистов продолжать вооруженную борьбу и теракты до тех пор, пока не будет свергнута династия аль-Саудов.

Вскоре после взрыва появились сообщения об эскалации террористической кампании в Саудовской Аравии. Согласно крайне достоверным египетским источникам, 20–25 ноября с трудом удалось предотвратить по крайней мере две серьезные диверсии. Одна автомобильная бомба была обезврежена возле здания Министерства обороны, а другая — на парковке возле компании «Петромин ойл». Эти бомбы были схожи — если не идентичны — с бомбой, взорвавшейся 13 ноября. Это наводило на мысль, что в Эр-Рияде действует отнюдь не один очень опытный изготовитель бомб и что эти эксперты по бомбам обучались по одной и той же программе. В первую неделю декабря западные дипломатические и коммерческие представительства снова были предупреждены о готовящихся ударах. На этот раз посольства Соединенных Штатов и других стран выпустили официальные предупреждения. Поскольку расследование саудовскими спецслужбами обстоятельств взрыва 13 ноября зашло в тупик, можно было ожидать новых ударов со стороны исламистских террористов.

Пользуясь активной поддержкой и финансированием Тегерана и Хартума, отряды исламистов, впечатляющих размеров и возможностей, уже были готовы к такой эскалации. И конечно, основная угроза состояла в том, что эти силы могли нанести смертельный удар в быстро набирающем обороты саморазрушении династии аль-Саудов.

Пока кризис престолонаследия в Эр-Рияде был в полном разгаре, а первый шок от взрыва 13 ноября еще не прошел, египетские «афганцы» сводили старые счеты. В 9:50 утра 19 ноября небольшой автомобиль, на вид — такси, протаранил ворота египетского посольства в Исламабаде. Вскоре последовал небольшой взрыв перед приемной, где в это время собралась целая толпа — в основном, желающие получить визу. Согласно некоторым отчетам, взрыв был произведен ручной гранатой, которую бросили из автомобиля. Согласно сообщениям «Исламского джихада», террорист-смертник, сидевший на пассажирском месте, имел при себе портфель с взрывчаткой, который он швырнул в ворота посольства и в место получения виз, где и погиб. Пакистанский министр внутренних дел Насирулла Бабар добавил, что бомбу в посольство действительно пронесли «люди, которых знали в посольстве и которым было дозволено войти внутрь, потому что взрыв произошел во внутреннем дворе». Целью этого несильного взрыва было отвлечь внимание и заставить толпу двинуться в сторону главного входа в посольство, где их поджидал бы второй взрыв.

Воспользовавшись смятением, вызванным взрывом, через разбитые ворота проехал синий пикап «Мазда». Он был нагружен бризантным взрывчатым веществом стоимостью примерно 900 фунтов. Пикап, набирая скорость, влетел во двор, врезался в фасад главного здания и взорвался. Взрыв создал воронку двадцать футов в диаметре и десять футов глубиной, от него погибло еще девятнадцать человек, включая водителя пикапа, а ранено было более шестидесяти.

Вскоре после этого главные исламистские организации Египта — «аль-Джамаа аль-Исламия», «аль-Джихад аль-Ислами» и «Группа международного правосудия» — взяли на себя ответственность за этот теракт.

В первом коммюнике, выпущенном «аль-Джамаа аль-Исламия», содержалось общее заявление об оппозиции правительству Мубарака. Оно должно было подчеркнуть общую ответственность за взрыв всех исламистских организаций, связанных с ВИД. Несколько дней спустя, когда главная причина операции была разъяснена, «аль-Джамаа аль-Исламия» сняла с себя ответственность за взрыв. Официально это было сделано потому, что организация «не верит в операции смертников».

Во втором коммюнике, выпущенном «Исламским джихадом», на передний план выдвигалась ответственность за операцию. ««Джихад» берет на себя ответственность за это событие. За него, отвечают отряд мученика Иссама аль-Камари и мученик Ибрагим Саламах». Позже «Исламский джихад» пояснил, что эти два имени принадлежат бомбометателям-смертникам, которые действительно совершили взрывы в Исламабаде. Это короткое коммюнике имело целью главным образом закрепить за «Исламским джихадом» роль главного источника авторитетной информации о мотивах теракта.

Еще одно заявление, выпущенное «Группой международного правосудия», указывало на связь взрыва с убийством президента Садата. «Сегодняшнюю операцию провел отряд мученика Халида Исламбули», — говорилось в нем. «Группа международного правосудия» — это было вымышленное название, используемое подготовленными в Иране сотрудниками госбезопасности и разведки под руководством Аймана аль-Завахири. 15 ноября в Женеве они убили Ала аль-Дина Назми — египетского дипломата номер два в Швейцарии. На самом деле он был офицером разведки и вел расследование неподалеку от логова Завахири. В заявлении неоднократно повторялось, что «Группа международного правосудия» продолжит преследовать «всех тех, кто действует против сынов исламского движения».

Как и покушение на президента Мубарака, операция в Исламабаде была проведена под жестким контролем и при финансовой поддержке высокопоставленных исламистов в Западной Европе — Аймана аль-Завахири в Женеве и его нового помощника Ясира Тауфика Сирри в Лондоне. Нет никаких сомнений в том, что взрывы в египетском посольстве, произведенные египетскими исламистами, были частью их быстро разворачивающейся борьбы против правительства Мубарака. Но Исламабад был выбран не случайно. У египетских исламистов в Пакистане была широкая сеть штаб-квартир и учебных баз — особенно в районе Пешавара, совсем близко к афганской границе. Кроме того, многие руководящие египетские террористы находились в лагерях кашмирских моджахедов, а также на базах международных исламистских организаций, — таких как «Харакат уль-Ансар», — и на их штаб-квартирах, преимущественно в районе Карачи. В принципе, провести операцию в Исламабаде из любого из этих мест не составило бы для египтян особого труда.

Но исламисты были в Пакистане гостями — их устраивала и финансировала местная разведка. Поначалу казалось, что нет никакого смысла проводить террористический акт в столице государства, которое было к ним так дружелюбно. Базы и лагеря египтян, как и других исламистских групп, жестко контролировались пакистанской разведкой, МБР. От ее внимания не могло ускользнуть почти ничто. Старшие командиры египетских исламистов, многие из которых жили в Пешаваре, Исламабаде и Карачи уже более десяти лет, всегда поддерживали тесные связи с высшими эшелонами МБР. Казалось неразумным, чтобы египтяне рисковали этими отношениями ради одного-единственного взрыва. Но на самом деле они ничем не рисковали. Именно связи египтян с МБР и определили выбор Исламабада как места проведения эффективного террористического акта.

Поскольку МБР поддерживала тесные связи с исламистами и жестко их контролировала, для исламистов было практически невозможно запланировать проведение подобной операции, чтобы об этом не узнала МБР. Поскольку международная общественность требовала от Пакистана решительных мер против инфраструктуры исламистского терроризма, египетские исламисты не хотели осложнять жизнь своим друзьям и благодетелям из МБР. Взрыв в Исламабаде должен был подтвердить по меньшей мере негласную поддержку со стороны МБР. Хотя у египетских исламистов были все основания провести теракт в Египте, именно интересы МБР, — основанные на внутренней политической борьбе в Пакистане, — определили выбор в качестве места взрывов Пакистана, а не какой-нибудь третьей страны.

Истоки взрыва в Исламабаде можно найти в «легенде о заговоре» против Беназир Бхутто. Согласно официальной версии, исламистский военный переворот был едва предотвращен в конце сентября 1995 года. 26 сентября во время обычной таможенной проверки был остановлен

служебный автомобиль, загруженный автоматическими винтовками АК и гранатометами РПГ. В автомобиле сидели одетые в штатское бригадный генерал Мустансир Биллах и полковник — они пытались ввезти оружие в Пакистан. Когда их остановили, Биллах попытался позвонить другому полковнику в Лахор, чтобы доказать, что переправка оружия была разрешена официально. Тем не менее, офицеры были арестованы. Расследование вывело на генерал-майора Захира уль-Ислама Аббаси — бывшего старшего офицера МВР, назначенного недавно командиром Пехотного учебного центра в Равалпинди. Согласно официальной версии, оба этих генерала, а также полковники Киялу, Захид и Амджад наметили переворот на 30 сентября. С помощью оружия, которое пытался провести Биллах, офицеры должны были устранить верховное командование и объявить о создании исламистского государства. По подозрению в причастности к этому заговору было арестовано более тридцати офицеров.

На самом деле «переворот» был чисткой, имевшей целью избавиться от действующих и бывших сотрудников МВР, активно поддерживающих борьбу террористов против Соединенных Штатов. И Биллах, и Аббаси сотрудничали с «Харакат уль-Ансар», «Хизб-уль-Муджахиддин» и другими исламистскими террористическими организациями. Они непосредственно и активно участвовали в операциях в Кашмире. Если бы они захотели, то получили бы все необходимое оружие из запасов кашмирских террористов в Пакистане, а не стали бы пытаться перевозить его из Афганистана. Биллах был арестован в тот момент, когда перевозил оружие от «Талибана», которое должно было использоваться в международных операциях. Можно было легко выяснить, что все принадлежащее Биллаху оружие и взрывчатые вещества остались от войны в Афганистане и имеют американское и советское происхождение, а не закуплены пакистанским правительством. Если бы какой-нибудь из этих боеприпасов был захвачен в ходе террористической операции, то обвинили бы афганцев, а не Пакистан.

В начале сентября в Исламабаде пришли к заключению, что в результате допросов Рамзи Ахмада Юсуфа в США и Фуада Талада Касима в Каире в Вашингтоне теперь понимают, насколько широко эти люди, в особенности старшие офицеры МВР, вовлечены в исламистский терроризм. Осенью 1995 года Соединенные Штаты проводили в Пакистане расследования подрывной деятельности исламистов. В конце сентября — начале октября пакистанские политики делали неоднократные запросы в правительство по поводу того, что они называли «навязчивым присутствием» агентов ФБР в Пакистане и особенно их «вмешательства в местные дела» в Исламабаде.

Чтобы Бхутто смогла отрицать свою причастность, вовлеченными в «заговор» сотрудниками МВР надо было пожертвовать. Так как Бхутто неоднократно заявляла — даже во время визита в Белый Дом в апреле 1995 года — о том, что Пакистан не поддерживает терроризм, то чистку нельзя было списать на «выявление негодяев», причастных к международному терроризму, в рядах МВР. Поэтому офицеры были арестованы по обвинению в подготовке переворота.

Вскоре выяснились истинные мотивы чистки. Уже в начале ноября авторитетные источники в Пакистане сообщили, что «заговор» был устроен Разведывательным бюро (РБ) по приказу Бхутто, «чтобы создать «благоприятную» обстановку в США накануне второго визита премьер-министра Бхутто в эту страну». Сообщалось, что «БР успешно разыграло эту пьесу» за счет армии и МВР — двух институтов, которые Бхутто ненавидела и которым не доверяла. Были представлены и доказательства. К примеру, один водитель-пуштун был наказан племенным джиргахом (местный совет, выполняющий роль суда) после того, как он признался, что в начале сентября участвовал в переправке оружия как «Талибану», так и от «Талибана» в Пакистан, действуя от имени Биллаха и МВР. Он признался, что на все эти перевозки, — включая ту, что была пресечена 26 сентября, — он получал официальное разрешение местных властей.

Высшие эшелоны МВР были в ярости. Все вспоминали предыдущую чистку, которую Бхутто проводила в мае 1993 года. Тогда она свелась к бесцеремонному «выходу в отставку» шефа МВР генерала-лейтенанта Джаведа Нассира и к переводу или отставке нескольких старших офицеров под давлением США. Тогда Вашингтон потребовал их смещения из-за активного участия Нассира в поддержке международного исламистского терроризма как в Пакистане, так и за его пределами, — включая подготовку в Пешаваре взрыва Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в феврале 1993 года. Пакистанские источники, связанные с МВР, подчеркивали, что чистка в сентябре 1995 года была, по сути, продолжением чистки в мае 1993-го и точно также проводилась в интересах США.

Волнения и ярость в рядах МВР и высшего военного командования росли и потому, что лицемерный характер чистки был совершенно очевиден. То, что Пакистан продолжит поддерживать исламистский терроризм, было официально подтверждено в соглашении с Ираном, заключенном 8 ноября во время визита Бхутто в Тегеран. После этого визита Исламабад подчеркивал важность «тесных отношений, установившихся между двумя братскими странами». В соглашении содержались два пункта, имевшие для МВР огромную важность. Во-первых, Иран обязался не вмешиваться в операции, проводимые МВР и «Талибаном» в западном Афганистане. Эта договоренность немедленно вылилась в массированное наступление «Талибана» на Кабул, что потребовало перевода войск из западного Афганистана — там они сдерживали афганские отряды, приходящие с иранской территории. Во-вторых, в соглашении оговаривалось в качестве особого условия расширение участия ВЕВАК (иранской разведки) в джихаде в Кашмире, что было очень на руку МВР. Уже готовилась самая разнообразная помощь, поток которой хлынет из Ирана весной 1996 года. Соглашение также предусматривало тесное сотрудничество между МВР и ВЕВАК в Средней Азии, на Кавказе, Ближнем Востоке и Боснии и Герцеговине.

Ссылаясь на это соглашение, официальный Исламабад занял более резкую и откровенно антиамериканскую позицию. Например, по указанию Бхутто пакистанское министерство объявило, что оно не собирается ставить в известность американское посольство о визите в Тегеран. В заявлении подчеркивалось, что Пакистан «не предоставит им Американцам] никакой информации».

Напряжение в отношениях с Соединенными Штатами росло, и МВР и высшее армейское руководство почувствовали, что больше нет никаких причин умиротворять Вашингтон. Они снова стали требовать забыть о «перевороте» и выпустить на свободу арестованных военных. В результате некоторые из арестованных офицеров, участвовавших в кашмирских операциях, были освобождены и восстановлены на своих должностях. По указаниям властей МВР начала активные приготовления к эскалации джихада в Кашмире, а также к расширению поддержки и финансирования террористических операций исламистов во всем мире; ожидалось, что Иран также окажет помощь.

Но эти обязательства перед исламистским джихадом не решали проблему «переворота». Мало того, что Бхутто отказывалась обсуждать тему «заговора» с верховным командованием, так еще ее приверженцы — в частности министр обороны Афтаб Шаб Мирани, — в середине ноября начали вторую волну «разоблачений заговора». На сей раз было заявлено, что заговорщики — теперь их было лишь тринадцать, — действительно собирались убить Бхутто, президента Легари, других видных деятелей, а также все верховное командование. Приверженцы Бхутто начали требовать для «заговорщиков» гражданского суда и тяжкого наказания.

В то же время исламисты из МВР и армии предоставляли исламистскому руководству в Пакистане «убедительные доказательства» того, что эти аресты были спровоцированы США. «Четыре месяца назад ЦРУ предоставило правительству Беназир список офицеров-исламистов. Аресты офицеров пакистанской армии есть часть американского заговора», — объяснял высокопоставленный чиновник-исламист. Согласно некоторым пакистанским источникам, связанным с МВР и армией, в середине ноября многие сочувствующие исламу старшие офицеры были искренне убеждены в том, что «обвинительные» доказательства против их арестованных коллег были сфабрикованы ЦРУ и что Бхутто приказала арестовать их, дабы угодить Вашингтону. В конце ноября высокопоставленные политики будут уже открыто повторять эти утверждения. К примеру, Шахибзада Фазал Карим из «Джамиат-уль-Улема-э-Пакистан» (группа Ниязи) заявлял: «Я могу с полной уверенностью сказать, что аресты офицеров — часть того же американского заговора, когда ЦРУ составило список офицеров-исламистов».

Согласно пакистанским источникам, связанным с МВР, именно на этой стадии — в середине ноября 1995 года — руководители МВР решили, что необходимо показать Беназир Бхутто, кто в доме хозяин. Они решили потрясти ее и показать свои «возможности» — но так, чтобы не участвовать ни в каком заговоре и чтобы их даже нельзя было обвинить в политическом противостоянии. Лучшим решением было предоставить дружественным арабам выбрать мишень по своему усмотрению — но обязательно в самом центре Исламабада. Они были уверены, что их знак будет понят.

Косвенные улики указывают на активное содействие МВР. Накануне взрыва многие арабские «афганцы», проживавшие в лагерях МВР в районе Пешавара, были предупреждены — они ушли через границу в Афганистан. Там они были в безопасности в случае возможных облав в

Пакистане — хотя после взрыва пакистанские власти произвели лишь символический арест тринадцати египетских ученых, уезжающих из Пакистана после участия в религиозном съезде. Министр внутренних дел Бабар признал, что эти египтяне «были допрошены в аэропортах, и после «проверки» им будет дозволено покинуть страну». Был задержан лишь один из них — по подозрению в доставке денег террористам. В конце ноября египетская разведка подтвердила, что главные участники взрыва в египетском посольстве благополучно бежали в Афганистан, где пребывали под защитой «Хизб-и-Ислами», штаб-квартира которой находилась в Самар-Хейле, возле Джелалабада.

Тем временем МВР воспользовалась помощью своих арабских союзников, чтобы обнародовать протест исламистов против политики Бхутто. 21 ноября «Исламский джихад» при посредстве Каира опубликовал большое заявление, в котором пояснялось, что объектом гнева организации в равной степени являлись и правительство Бхутто, и правительство Мубарака. В заявлении подчеркивалось, что операция была «ясным посланием светскому пакистанскому правительству: если оно будет и дальше сотрудничать с египетским правительством, которое борется с исламом в Египте... и поддерживать Индию в войне с Кашмиром, то его ждет только крах. Пакистанскому правительству не следует думать, что оно имеет дело со слабыми, беспомощными людьми. Эти невинные люди, несмотря на их слабость, обладают тем, чего нет у Америки и у всех прислуживающих ей правительств, — верой во Всемогущего Аллаха и готовностью умереть ради Него». В заявлении Исламабад резко критиковался за то, что он предал исламистов — арабов, афганцев и пакистанцев — после того, как они спасли Пакистан от советского вторжения и сохранили ислам: «В награду они получили от светского пакистанского правительства черную неблагодарность и были выданы своим правительствам, и теперь они изнывают от пыток, притеснений и дурного обращения». Завершалось заявление клятвой продолжать усиливать вооруженную борьбу против всех врагов исламистского движения во всем мире.

В конце ноября 1995 года пакистанские исламисты почувствовали растущую слабость правительства Бхутто и начали повышать уровень своих операций. Наваз Шариф заявил, что Бхутто «пытается превратить Пакистан в социалистическую страну», и предупредил, что «люди, любящие ислам, не позволят ей осуществить ее гнусные замыслы». Эти угрозы не были пустыми словами. Сотрудники пакистанской госбезопасности докладывали Бхутто, что «в широких массах распространяется убеждение, что страна превращается в американскую колонию». Кроме того, они предупреждали Бхутто, что среди офицеров и правительственных чиновников среднего и высшего уровня растет опасение, что «безопасность и коммерческие интересы страны продаются Соединенным Штатам». Эти настроения распространились уже так широко, что их органы безопасности начали беспокоиться. Становились все более очевидными признаки усиления сотрудничества между пакистанскими исламистами и их арабскими коллегами-«афганцами» в подготовке свержения правительства Бхутто в ходе «исламской революции». Некоторые из этих подготовлений прикрывались и поддерживались военными и чиновниками высшего и среднего ранга — особенно сотрудниками органов безопасности и обороны: они были убеждены в том, что исламизм «движется в Пакистан».

Взрыв в египетском посольстве в Исламабаде был больше, чем очередная стадия эскалации беспощадного исламистского джихада против правительства Мубарака — широкой кампании, поддерживаемой и направляемой Тегераном и Хартумом. Эхо взрыва прокатилось по коридорам власти, донеся до правительства Бхутто щекотливое «послание» от МВР и военного руководства. В результате продолжения подъема исламистского терроризма и преследования исламистов в рядах пакистанской элиты и в стране вообще ослаблялись и уже непрочная власть Бхутто, и старания официального Исламабада не дать себе утонуть в волнах исламистского радикализма. Что же касается МВР, то она не забыла о своих союзниках — египетских «афганцах» и об оказанных ими серьезных услугах. К началу 1996 года всесторонняя поддержка МВР исламистского терроризма достигнет новых высот.

Покушение на жизнь президента Мубарака в Аддис-Абебе летом 1995 года стало первой серьезной операцией, которую суннитские исламистские террористы провели самостоятельно. В результате этой операции и последовавших за нею ударов в Эр-Рияде и Исламабаде «афганцы» и их лидеры окончательно сформировались как стратегическая сила. И бин Ладен, и Завахири теперь играли центральные роли, будучи старшими командирами в ряде стратегических операций, имевших чрезвычайную важность для Тураби и всего исламистского движения. Как вскоре покажут события 1996 года, теракты в ноябре 1995 года — и в Эр-Рияде, и в Исламабаде — были лишь началом эскалации исламистского джихада. Героическое поведение и преданность бин Ладена были должным образом оценены в Тегеране, и в начале 1996 года официальный Тегеран признает

значение бин Ладена как ведущего лидера и теологического наставника «афганцев» и других исламистских радикалов-суннитов. Это признание и подготовит почву для новой серии чрезвычайно эффективных и зрелищных террористических актов, проведенных чуть позже в том же году.

ГЛАВА 6

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ

Пока весь мир был полностью сосредоточен на серии эффективных террористических операций, незаметно завершилось наиболее значительное для террористов событие 1996 года — укрепление эмирата Усамы бин Ладена в Афганистане. Летом 1996 года бин Ладен обосновался в Афганистане и создал систему лагерей и тренировочных центров. В системе территориального управления эмирата бин Ладену предназначалась роль лидера — эмира, хотя у него и не было формального религиозного образования. Религиозные вплоть до крайностей исламисты обычно сплываются вокруг харизматичных религиозных лидеров. Такими лидерами были шейх Омар Абдул Рахман, прославившийся благодаря взрыву Всемирного торгового центра; шейх Абдалла Юсуф Аззам, наставник бин Ладена в Афганистане; и аятолла Рухолла Хомейни, вдохновитель иранской исламской революции и мирового исламистского движения. Исторически только немногие люди без исламского образования были признаны такими лидерами, главным образом благодаря их набожности, знаниям и непревзойденному вкладу в развитие военной стороны исламизма — джихада. Одним из таких людей был и Саладин, разгромивший крестоносцев и освободивший Иерусалим. Когда бин Ладен стал эмиром, это означало признание его со стороны исламистского руководства как выдающегося лидера и моджахеда. Теперь его стали называть шейх бин Ладен, а титул шейха крайне почетен среди мусульман.

В августе 1996 года бин Ладен опубликовал свой первый пространный и детализированный баян (религиозный манифест, или политическое заявление), где содержалось его первое формальное «объявление войны». Из-за уникального положения бин Ладена, — напомним, он стал эмиром благодаря своим качествам моджахеда и боевого командира, — значение этого заявления нельзя недооценивать. По сути, этот баян утверждает и разъясняет новую роль бин Ладена в иерархии исламизма. А тот факт, что ранее ни один террористический руководитель не осмеливался бросить Соединенным Штатам такой непосредственный вызов, подтверждает решительность и самоотверженность бин Ладена.

В 1996 году инфраструктура террористов в Афганистане была укреплена с помощью пакистанской разведки, МВР. Весной 1995 года Вооруженное исламское движение начало переводить свои основные тренировочные лагеря в Афганистан. Наиболее важными из них были учебные лагеря, в которых готовились террористы-самоубийцы.

В Афганистане бин Ладен устроил свою штаб-квартиру в лагере в провинции Нангархар — вместе с шейхом Юнисом Халисом, ветераном движения «Хизб-и-Ислами» (не того, что возглавлял Хекматияр), принявшим участие в афганской войне. К этому времени арабы уже установили три полуавтономных эмирата в провинциях Кунар, Вахан и Пактия. У арабов, участвовавших в боевых действиях в Афганистане и на Балканах, были свои учебные лагеря, места для укрытия, отделы материального снабжения, а также командные центры, координирующие действия боевых соединений в Египте, Саудовской Аравии, Алжире, Индии, Таджикистане, Азербайджане и некоторых других странах. Чрезвычайно важными для террористов были укрепленные деревни, используемые арабами. Здесь находились электростанции, аппаратура спутниковой телефонной связи и телевидения, типографии и огромные запасы современного оружия — и того, что использовалось в 1980-х афганскими моджахедами, и недавно приобретенного и переправленного через Пакистан.

Победа движения «Талибан» подняла статус иностранных «афганцев» (и не только арабов) на новый уровень. У «Талибана» были тесные теологические и исторические связи с «афганцами»

благодаря их вкладу в антисоветский джихад. Кроме того, представление талибов о всемирном, свободном от границ исламе во многом схоже с положениями исламистов. Степень искренней признательности талибов перед «афганцами» отчетливо проявилась на одной из их первых встреч в Джелалабаде. Согласно сообщению писателя-исламиста Абу Абдула Азиза аль-Афгани, делегаты талибов, проходя мимо бин Ладена, отдавали ему честь. А один из старших командиров «Талибана» сказал: «О, шейх! Наши земли — не земли афганцев, но земли Аллаха; а наш джихад был не джихадом Афганистана, но джихадом всех мусульман. И это подтверждают могилы твоих мучеников, которые есть в каждом районе Афганистана. Здесь ты — среди родных, и мы благословляем землю, по которой ты ступаешь». Именно эта искренняя привязанность мусульман до сих пор обеспечивает безопасность убежища бин Ладена в Афганистане, несмотря на все действия Соединенных Штатов и других государств.

Чувствуя себя в Афганистане в безопасности, бин Ладен начал публично высказывать свое мнение о будущем борьбы исламистов в Саудовской Аравии. В начале июля 1996 года корреспондент британской газеты «Independent» Роберт Фиск стал одним из первых, кому удалось взять интервью у Усамы бин Ладена в провинции Нангархар.

Бин Ладен считал недавние взрывы в Саудовской Аравии «началом войны между мусульманами и Соединенными Штатами. Целью бин Ладена являлось установление «истинного» исламского государства на основе шариата. Реализация этой цели требовала конфронтации с Соединенными Штатами, поскольку Саудовская Аравия превратилась в «американскую колонию». На вопрос, объявляет ли он войну Западу, бин Ладен ответил: «Это не объявление войны — это правдивое описание ситуации. Речь идет об объявлении войны не против Запада и его народа, но против американского режима, врага всех мусульман». Соединенные Штаты не могли получить такое влияние в Саудовской Аравии без тайного согласия династии аль-Саудов, пояснил бин Ладен. Королевский двор позволил Соединенным Штатам «европеизировать Саудовскую Аравию и подорвать ее экономику».

Арест шейха Удаха и его последователей бин Ладен считал поворотным моментом в отношениях исламистов с королевской династией. «Оскорбив и бросив в тюрьмы улемов, саудовский режим утратил всякую законность, — заявил он. — В то же время, от финансового кризиса в королевстве страдает весь народ. Правительство задолжало саудовским коммерсантам 340 миллиардов риалов — это очень крупная сумма, эквивалентная 90 % национального дохода. Цены ползут вверх, и людям приходится больше платить за электричество, воду и топливо. Система образования вырождается, и людям приходится забирать детей из государственных школ и отдавать в частные, которые очень дороги».

Согласно бин Ладену, население Саудовской Аравии обвиняло в этих кризисах Америку. «Теперь народ Саудовской Аравии вспомнил, что говорили улемы, и понял, что Америка — главная причина их проблем». Бин Ладен также добавил: «Рядовой человек знает, что его страна — крупнейший производитель нефти в мире, и в то же время он страдает от налогов и плохого качества услуг. Теперь люди понимают слова, что говорили улемы в мечетях, — о том, что наша страна стала американской колонией. Они действуют решительно, чтобы вышвырнуть американцев из Саудовской Аравии».

Что же до самого бин Ладена, то он полагал, что конфронтация между саудовскими исламистами и Соединенными Штатами неизбежна. «Вожди, которым мы доверяем, — улемы, — дали нам фатву изгнать американцев. Решение нынешнего кризиса — в выводе американских войск... Их военное присутствие — оскорбление для народа Саудовской Аравии». Бин Ладен добавил, что эта борьба станет началом более широкого противостояния, которое, в свою очередь, расширится по всему мусульманскому миру. «Я уверен, что рано или поздно американцы уйдут из Саудовской Аравии и что война, объявленная Америкой против саудовского народа, означает войну против всех мусульман. Движение сопротивления против Америки разовьется во многих, очень многих мусульманских странах».

Баян бин Ладена — документ на двенадцати страницах, озаглавленный «Объявление войны», — содержит ясные и понятные аргументы его противостояния Соединенным Штатам. Как и во всех важных документах исламистов, в нем для подкрепления ключевых моментов и заключений цитируется Коран. Этот баян — откровенно работа эрудированного ученого. После объяснений, почему присутствие американских частей на Аравийском полуострове угрожает развитию ислама, следует предупреждение: все американские соединения должны быть

выведены из Саудовской Аравии, пока местные исламисты не сделают это силой. В баяне также напоминает, что Исламистская молодежь уже разгромила Советский Союз в Афганистане.

Рассматривая этот документ, исламистские источники подчеркивали, что исламисты уже готовы и в силах осуществить призыв бин Ладена к оружию. Они отмечали, что «для военных действий в форме партизанской войны не требуется огромного количества людей, сопоставимого по численности с армией и органами госбезопасности. Для достижения цели такой войны достаточно небольшого количества людей, особенно если целью выбраны американцы...». Далее подчеркивается, что «налицо все признаки того, что шейх Усама и его последователи скоро нанесут удар». И дается совет Соединенным Штатам: «Если моджахеды начнут действовать против американцев, то, чтобы избежать унижения, американцам будет лучше уйти самим, чтобы не пришлось уходить побежденными, — как это было в Сомали и Ливане».

Сам бин Ладен рассмотрел различия между политикой Саудовской Аравии и Запада. «Внешняя политика саудовского режима в отношении ислама — это политика, связанная с политикой Великобритании и США, — пояснил он. — Хорошо известно, что политика этих двух стран отличается величайшей враждебностью к исламскому миру». Таким образом, нападения саудовских моджахедов на американские объекты есть сигнал как для Эр-Рияда, так и для Вашингтона: «У взрывов в Эр-Рияде были важные последствия — как внутренние, так и внешние. И наиболее значительное из них — осознание народом Саудовской Аравии значения американской оккупации страны двух святых мечетей, осознание того, что все указы режима есть отражение пожеланий американских оккупантов. Таким образом, люди поняли, что их главные проблемы созданы американскими оккупантами и марионеточным саудовским режимом — как в религиозном аспекте, так и в других сторонах повседневной жизни».

Бин Ладен подчеркивал, что джихад, разгорающийся в Саудовской Аравии, есть лишь малая составляющая крайне необходимого всемирного джихада, направленного против «возглавляемой США международной кампании против ислама». Бин Ладен подчеркнул масштаб угрозы: «Что касается этой яростной иудейско-христианской кампании против мусульманского мира, подобных которой мир еще не видел, то не вызывает сомнений, что мусульмане должны собраться со всеми силами, чтобы отразить наступление врага в военной, экономической, миссионерской и всех других сферах. Для нас крайне важно быть терпеливыми и сотрудничать в духе праведности и набожности, а также осознавать тот факт, что высший приоритет — после веры — это отпор захватчикам, подрывающим религию и мир. И поэтому очень важно пересмотреть многие тактические вопросы, дабы мы могли сплотить ряды и дать отпор великому куфру [отступнику]».

В конце 1996 года «Талибан» не только позволил Усаме бин Ладену содержать свои лагеря в районе Джелалабада, но и взял под свою защиту как эти базы, так и транспортное сообщение между ними и Пакистаном. Сам бин Ладен установил прочные отношения с руководством Талибана как в Джелалабаде, так и в Кабуле. Талибы сообщили Исламабаду, что они одобрили присутствие и операции более чем 400 арабских «афганцев» на территории контролируемого талибами Афганистана. Более того, талибы попросили у МВР разрешение на использование ряда террористических учебных баз (в частности, возле Ховста, восточный Афганистан) для подготовки их элитных отрядов. Несмотря на протесты со стороны Саудовской Аравии, талибы заверили МВР, что полностью исключают возможность экстрадиции арабов в их страны. В начале октября «Талибан» уже активно вербовал арабских «афганцев» в Афганистане и Пакистане на работу военными экспертами в своих специальных отрядах.

Благодаря тому что «Талибан» контролировал восточный Афганистан, МВР смогла сделать еще один шаг в улучшении системы обучения террористов. В середине ноября 1996 года МВР попросила талибов для вида закрыть учебные лагеря группы «Хизб-уль-Муджахиддин». Эта организация помогала Исламабаду и в пропагандистской кампании на Западе, и в борьбе с растущим влиянием исламистов в Пакистане. Это было сделано для маскировки, поскольку вскоре МВР приказала «Талибану» передать эти лагеря «Харакат уль-Ансар», якобы для помощи джихаду в Кашмире. В конце ноября МВР передала контроль над инфраструктурой в районе Ховста «Харакат уль-Ансар», которую МВР жестко контролировала. У «Харакат уль-Ансар» был хороший послужной список: организация проводила при поддержке МВР террористические операции не только в Кашмире, но и по всему миру, включая Бирму, Таджикистан, Боснию, Чечню, Соединенные Штаты и Канаду. Смена руководства учебной инфраструктуры была сделана для того, чтобы обеспечить МВР больший контроль над подготовкой террористов. Персонал был пополнен несколькими моджахедами, которые, по словам пакистанских официальных лиц,

«прошли закалку в боях в Афганистане, Кашмире, Таджикистане и Чечне». Персонал насчитывал примерно 300 моджахедов, главным образом пакистанцев, кашмирцев, афганцев и арабов. Они проводили как базовую 40-дневную программу обучения (обращение со стрелковым оружием и тяжелыми орудиями, общая тактика партизанской войны), так и продвинутую программу обучения, занимавшую от нескольких месяцев до пары лет. В августе 1998 года Соединенным Штатам удастся обстрелять эти лагеря крылатыми ракетами.

Учебные базы МБР в восточном Афганистане и сообщение с Пакистаном продолжали действовать без перебоев. Деятельность Усамы бин Ладена в это время имела огромное значение для укрепления обширной системы материальной поддержки. В начале октября 1996 года, возвращаясь со встречи террористов в Хартуме, бин Ладен остановился в Тегеране. Здесь он встретился с несколькими террористическими лидерами, включая Сабри аль-Бана (он же Абу-Нидал), чтобы обсудить эскалацию терроризма на Ближнем Востоке. Бин Ладен и Абу-Нидал рассмотрели, возможность использования баз аль-Бана в Персидском заливе для проведения зрелищных терактов, включая убийства, диверсии и взрывы. Также они обсудили вопросы использования ряда коммерческих и финансовых организаций, учрежденных в 1980-х годах при помощи МБР, для поддержки новой волны исламистского терроризма. Хотя Тегеран обеспечивал Абу-Нидалу финансовую поддержку и защиту, тому все же требовалось много денег для расширения джихада.

Другой важной темой, рассмотренной бин Ладеном и его окружением, было укрепление единства между различными египетскими террористическими организациями. Иранский министр разведки Али Фаллахиан провел встречу на высоком уровне с представителями иранского министерства внутренних дел, министерства исламского воспитания и министерства иностранных дел, а также с представителями двух ведущих террористических организаций Египта и представителем бин Ладена. Иранцы обсудили конкретные долгосрочные оперативные планы и объяснили египтянам, что степень поддержки Тегерана — от финансирования до специализированной подготовки — зависит от степени их единства. Египетские «афганцы» согласились сформировать единое командование, а наблюдать за осуществлением решений встречи было поручено бин Ладену.

Бин Ладен, при его высоком положении в «Интернационале Хизбалла», был полон решимости обеспечить дальнейшую иранскую поддержку своей террористической инфраструктуре и отрядам в Афганистане. Это была щекотливая тема, учитывая растущий разлад между Тегераном и Кабулом. Тем не менее, ясно выражая истинные приоритеты Тегерана, иранцы не потребовали от бин Ладена покинуть убежище в Афганистане и заверили его в продолжении поддержки, хотя теперь уже через Пакистан.

В результате бин Ладен стал своего рода посредником между Тегераном и Исламабадом по вопросам деятельности в регионах и поддержки множества исламистских движений. Бин Ладен стал посещать Тегеран гораздо чаще. В конце января 1997 года бин Ладен участвовал во встрече в Тегеране со старшими чинами ВЕВАК и афганской делегацией, возглавляемой заместителями Ахмада Шаха Массуда. Это было занятное собрание, поскольку бин Ладен по-прежнему пользовался гостеприимством и защитой «Талибана», а Ахмад Шах Массуд был одним из наиболее активных врагов талибов. Его влияние в северо-восточном Афганистане не давало талибам установить власть над всей страной до самой его гибели.

Первоочередной задачей этой встречи была разработка механизма организации и подготовки нового поколения «чистых» исламистов, особенно арабов из стран Персидского залива, а также новой системы снабжения и разведки и другие связанные с этим вопросы. Ввиду растущего внимания западных разведслужб к исламистской системе международного терроризма, высшее командование иранской разведки и «Интернационала Хизбалла» постановило создать систему нового поколения, чьи члены были бы совершенно не известны Западу и потому могли бы успешно проникать и действовать во вражеских странах.

Усама бин Ладен выступил в роли руководителя этих подготовительных действий. Новая система стала многоуровневой. Первоначальная и базовая подготовка большого количества потенциальных террористов осуществляется в учебных лагерях в восточном Афганистане. Затем наиболее обещающие моджахеды направляются на продвинутую подготовку в Иран, преимущественно в Машхад. Центр в Машхаде также контролирует процесс обучения в ряде новых лагерей арабских «афганцев» в юго-западном Афганистане, на границе с Ираном. После тегеранской встречи бин Ладен организовал новую штаб-квартиру в Машхаде — туда он может

переехать, если условия в Афганистане станут невыносимыми. Также он приобрел дом в провинции Ком — средоточии иранского исламизма, где недавно была построена новая школа высшего религиозного образования для исламистов-суннитов.

В начале февраля 1997 года новая система подготовки уже практически заработала. В восточном Афганистане бин Ла-ч ден и талибы управляли лагерями Бадр-1 и Бадр-2 — в Хастехе, рядом с Ховстом. Хастех находится возле пакистанской границы, и МВР принимает активное участие в учебном процессе. В лагерях Бадр-1 и Бадр-2 насчитывается примерно 600 иностранных добровольцев, многие из них — арабы, а остальные — главным образом из Пакистана, Кашмира, Филиппин; все больше появляется добровольцев из Средней Азии и с Кавказа. На юго-западе Афганистана бин Ладену и «Талибану» принадлежат три группы учебных лагерей в районах Шинданд, Вахран и Фарах. В этих новых лагерях находятся, — примерно 1 000 арабских «афганцев».

В начале 1997 года в отчете египетской разведки о растущей исламистской угрозе отмечалось, что «Усама бин Ладен подготавливает под прикрытием афганского движения «Талибан» новую группу арабских «афганцев», целью которой является создание фундаменталистских организаций в ряде арабских и мусульманских стран». В отчете подчеркивался международный характер подрывной деятельности исламистов в Египте. «Подрывная деятельность [против Египта] осуществляется через Афганистан, Иран и Судан, но центры ее — горный район Хорассан в Афганистане, где находятся тренировочные лагеря для нового поколения арабских «афганцев». Аналогичные программы подготовки проводились и для потенциальных моджахедов и из других мусульманских стран. Конечной целью этой деятельности, предупреждал Каир, являлась «подготовка второго поколения арабских «афганцев», которым поручено установить фундаменталистские режимы в нескольких арабских и мусульманских странах».

В середине февраля 1997 года чувствующий себя очень уверенно бин Ладен высказался по вопросу ожидаемой эскалации джихада — в частности, против американского присутствия на Аравийском полуострове и в Персидском заливе. «Пророк сказал, что жители полуострова обязаны изгонять неверных из своих земель, если те приходят из-за границы, а их численность и оружие превосходят по количеству и мощи население полуострова и их вооружение», — пояснил бин Ладен. Для него самого джихад на Аравийском полуострове был лишь частью глобальной битвы между Западом и мусульманским миром. Изгнание войск ООН и США из Сомали было для бин Ладена предсказанием того, что в конечном счете ждет их в Саудовской Аравии. Он заявил, что его отряды сыграли серьезную роль в боях в Могадишо и пообещал повторить этот подвиг в Аравии.

Несмотря на то что ведущие арабские страны, такие как Саудовская Аравия и Египет, требовали его экстрадиции, Усама бин Ладен находился под надежной защитой талибов и их пакистанских хозяев. В начале марта Кабул официально заявил о своей поддержке и защите (в религиозном смысле) Усамы бин Ладена. «Он — мой гость», — сказал министр информации талибов Амир Хан Муттаки. Муттаки признал, что бин Ладен живет возле Джелалабада, на военной базе Тора Боора (в провинции Нангархар). Вместе с бин Ладеном находилось пятьдесят его помощников, сорок из них — с семьями, а также многочисленные телохранители и члены семьи самого бин Ладена. В Тора Боора бин Ладен создал свою главную базу — в каменном здании, защищенном сторожевыми постами и даже несколькими танками, а также наземными и воздушными защитными сооружениями. Эта база использовалась для контактов с пакистанскими властями и для приема арабов и других мусульман, прибывавших и уезжавших через Пакистан.

Не следует думать, что восхождение бин Ладена происходило в полном вакууме. Благодаря созданию «Интернационала Хизбалла» и проведению первой серии операций Хасан аль-Тураби смог вернуться к своему любимому делу — разработке важных доктрин для ислама. Конец 1996 — начало 1997 года Тураби посвятил формулировке следующей фазы подъема и расширения исламистского движения. Он искал новые формы отношений между исламом и остальным — резко европеизирующимся — миром и тот путь, который приведет ислам к неизбежному триумфу. Свои взгляды он прояснил в ряде дискуссий с французским автором Аленом Шевалери. Расшифровки этих выступлений были собраны в книге с соответствующим названием — «Ислам — будущее мира».

Главная трудность для арабского мира, отмечал Тураби, заключалась в быстром закате панарабизма как политической доктрины. Это было неизбежным явлением, сопутствующим упадку арабской государственности в мусульманскую эру. Многие из ревностных приверженцев

панарабизма теперь искали новые идеи, которые могли бы объединить арабов и возродить их самоуважение. Многие из них уже обращались с пространными проповедями к исламистским партиям в попытке найти общий язык и общие цели. Соответственно, доказывал Тураби, многие из таких формально панарабистских организаций уже стали по сути панисламистскими.

Касаясь прав и обязанностей исламистских движений в их стремлении к установлению исламистского правления в мусульманских государствах, Тураби резко меняет позицию. Он поясняет, что нет никаких оправданий вооруженным восстаниям, повлекшим жертвы среди гражданского населения, — даже если правительство было совсем не исламским или даже не законным. Необходимость воздерживаться от нанесения вреда невиновным должна пересиливать стремление к проведению в жизнь шариата. Исламистские партии должны беспощадно бороться за установление власти ислама мирными средствами. Тем не менее, им также нужно защищаться и иметь возможность действовать свободно и пропагандировать свои доктрины и учения. К примеру, если правительство в якобы мусульманской стране активно подавляет исламизм, исламисты имеют право поднять восстание и даже использовать силу. Не упоминая никакого конкретного правительства, Тураби рассматривает в качестве примера действия египетских воинствующих исламистов против правительства Мубарака.

Коротко останавливаясь на терактах против американцев в Саудовской Аравии — и поддерживая их, — Тураби утверждает, что он понимает и сочувствует террористам, особенно принимая во внимание чрезвычайную важность Саудовской Аравии для всех мусульман. Тем не менее, Тураби замечает, что он знаком с саудовскими правителями и считает их искренними мусульманами. Он убежден, что при должных условиях они смогли бы бороться за воплощение в жизнь норм ислама, а некоторые представители династии аль-Саудов даже смогли бы стать примерными мусульманскими правителями и хранителями святынь ислама. Следовательно, не было никакой причины для вооруженного восстания против королевского двора. Главная проблема заключается в сильном американском присутствии в Саудовской Аравии — присутствии, не дающем королевской династии установить истинно мусульманское правление, к которому она действительно стремится. Американцы пойдут на что угодно, лишь бы сохранить контроль над нефтяными сокровищами Аравии. И, добавляет Тураби, принимая во внимание послужной список актов геноцида, — таких как военные действия во Вьетнаме и Сомали, — неудивительно, что Эр-Рияд опасается бросить США вызов.

В заключение Тураби призывает к поддержке террористической кампании исламистов против американцев, чтобы изгнать их из Аравии и дать возможность династии аль-Саудов доказать, сможет ли она установить исламское правление самостоятельно. Он полагал, что это будет истинно мусульманским способом разрешения наболевшей проблемы тлетворного американского присутствия в Аравии. Но у этой формулировки был зловещий контекст, поскольку Тураби по сути расширял театр войны против Соединенных Штатов, включая все точки земного шара, где присутствовали американцы, и особенно те места, где стремление американцев к дополнительному влиянию, гегемонии и контролю угрожало интересам мусульман, скажем, Босния и Герцеговина или Кения. Тураби не сомневался, что эти кампании обречены на успех, поскольку ислам — будущее мира.

В ходе этих дискуссий Тураби формулировал абстрактные теории и давал ответы на гипотетические вопросы. Или же притворялся, что делает это, поскольку потребовалось всего несколько месяцев, чтобы всплыла сущность рассуждений Тураби. Летом 1997 года исламисты поймут, какие практические меры осуществления своих благородных идей имел в виду Тураби. До этого времени основные государства-спонсоры — Иран, Судан и Пакистан — занимались как тщательными приготовлениями к очередной волне международного терроризма, так и формулировкой теологических и логических ее оправданий. Роль бин Ладена и его последователей в этот период будет расти — вплоть до момента, когда в начале 1998 года он опубликует важнейшие религиозные и теологические эдикты, определяющие дальнейший ход исламистского джихада.

НОВЫЕ БОЕВЫЕ СОЮЗНИКИ

В конце июня 1997 года духовный лидер Судана Хассан аль-Тураби провел тайную встречу с вождями суннитских террористов у себя дома в аль-Маншия (Хартум). В число участников входили: руководители террористов и суданской разведки; Айман аль-Завахири — доверенное лицо Усамы бин Ладена; два старших командира алжирских «афганцев» (один — из Франции, второй — из Боснии/Италии); командиры моджахедов из нескольких стран Африканского Рога и Восточной Африки.

Участники встречи решили изменить печальное положение исламистского движения, начав усиленный штурм Запада и дружественных ему режимов в мусульманском мире. Во вступительной речи Тураби предупредил, что исламистский джихад опустился так низко из-за «постыдного положения моджахедов, вызванного их расколами, разногласиями и неспособностью рассматривать возможный риск». Если не обратить этот процесс вспять, то исламистское движение ждет неудачи, с которыми оно не сможет справиться. Больше всего Тураби беспокоила утрата Суданом его руководящего положения в суннитском терроризме — эта роль постепенно переходила к активно действующему альянсу Ирана и «афганцев» бин Ладена. Тураби считал, что такое положение дел угрожает самому существованию исламистского Судана.

В принятых на встрече резолюциях отразились опасения и приоритеты Тураби — но в контексте основной исламистской стратегии, сформулированной в Тегеране. Участники пришли к решению вывести КАИН из ее нынешнего состояния «летаргии». Они решили сосредоточиться на практических и оперативных вопросах, проводя для этого раз в три месяца тайную конференцию, участники которой будут отбираться из рядов тех, кто целиком предан «джихаду и экспорту исламской революции». Признавая растущее влияние бин Ладена, участники встречи решили укрепить отношения Хартума с арабскими «афганцами» и «усилить контакты с ними, дабы они могли присоединиться к своим братьям по джихаду в Хартуме — при условии, что суданское правительство предоставит необходимые проездные документы для их отъезда в полной тайне». Все присутствовавшие согласились с выводом Тураби о растущей угрозе для исламистского Судана и о настоятельной необходимости решить проблему посредством джихада — то есть международного терроризма.

Претворение резолюций в жизнь началось практически сразу. Когда в августе Усама бин Ладен проводил инспекторский выезд исламистских лагерей в Судане, там уже были заметны серьезные приготовления. Ознакомившись с оперативными планами, он решил поставить свои отряды и финансовые активы, находящиеся в Афганистане и Пакистане, на службу предстоящему наступлению террористов. На принадлежащей бин Ладену плантации в аль-Дамазине (Судан) был построен специальный лагерь для опытных террористов из числа арабских «афганцев». Абдул-Маджид аль-Зандани, руководивший тогда операциями в Хиязе (западная Саудовская Аравия), тоже прибыл из Йемена, чтобы посоветоваться с бин Ладеном и Тураби. Эти трое лидеров решили начать «истинный джихад» против Израиля, Египта и Саудовской Аравии, а также войну, имеющую целью защитить Судан от того, что они считали спровоцированными США заговорами и атаками, средоточием которых была Восточная Африка. Чтобы лучше подготовиться к одновременным террористическим атакам в самом сердце Запада, несколько представителей арабских «боснийцев» и террористов были отозваны с их постов в Западной Европе и прибыли в Хартум для получения консультаций, обучения и подготовки.

Но у исламистов были другие приоритеты, которые затмевали тревоги Тураби насчет Судана. Летом 1997 года исламисты полностью посвятили себя подготовке к проведению эффективных операций на Кубке мира по футболу, который должен был пройти в 1998 году во Франции. С этой целью в начале сентября Завахири примерно на месяц «исчез» в Западной Европе. Он объехал весь континент, используя по меньшей мере шесть паспортов. Его поездка привела к активизации бездействующих террористических сетей и к восстановлению контактов между исламистскими сетями и ячейками в Испании, Италии, Франции и Бельгии и находящимся в Лондоне командным центром. В Лондоне Завахири встретился по крайней мере с тремя старшими командирами террористов: это Адил Абдул-Маджид (известный также как Абдул-Бари), Ясир Тауфик аль-Сари (Абу-Аммар) и Мустафа Камил (Абу-Хамза). Кроме того, Завахири съездил в Италию, где встречался с шефом местного отделения иранской разведки Махмудом Нурани, ветераном-террористом, который служил в Бейруте в начале и середине 1980-х под началом Али Акбара Монташе-ми — бывшего наблюдателя «Хизбалла». Нурани непосредственно участвовал в создании и руководстве «Хизбалла». В Италии Нурани является главным наблюдателем за

деятельностью разведки и террористов в Италии и на Балканах, главным образом в Боснии и Герцеговине и Косово.

В середине сентября 1997 года высшие эшелоны иранского руководства собрались, чтобы обсудить новый курс антиамериканской борьбы. Среди участников были как опытные государственные деятели, так и новички — такие как духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи. Присутствовали также недавно избранный президент Мохаммад Хатами, имевший на Западе репутацию человека с довольно умеренными взглядами, — несмотря на его участие в государственной поддержке терроризма и в закупке оружия массового поражения, — и предыдущий президент Али Акбар Хашеми-Рафсанджани, активно участвовавший в помощи террористам. Это была первая крупная конференция, которую посетил новый министр разведки Ирана, уверенный в себе и квалифицированный сотрудник, Корбан Али Дари Наджафаби. Другими важными участниками этой конференции были: генерал Рахим Сафави, главнокомандующий ИРГК; генерал Мохсен Резаи, бывший главнокомандующий ИРГК, отвечающий теперь за реорганизацию иранских органов безопасности и их сетей; министр разведки Корбан Али Наджаф-Абади; бывший министр разведки Али Фалахиан (не подтверждено); бывший министр разведки Мохаммад Мохаммади Райшахри, являющийся в настоящее время личным советником Хаменеи по делам разведки; Хоссейн Шейх-ол-Ислам, бывший заместитель иранского министра иностранных дел и директор министерства освободительных движений; Али Акбар Мохташеми; генерал Дия Сайфи, командующий силами ИРГК в Ливане; а также члены Верховного совета национальной безопасности и руководящие лица ИРГК и разведки.

На встрече иранские лидеры решили, что если они собираются изменить стратегическую карту Ближнего Востока, им потребуется извлечь выгоду из отчаяния и раздражения, которые вызывали в арабском мире Израиль и Соединенные Штаты. Конференция постановила рассылать «воинственные и угрожающие» послания, которые потрясли бы мир. Она одобрила — с легкими изменениями — «план конфронтации, подготовленный несколько месяцев назад» и поручила Верховному совету По национальной безопасности приступить к осуществлению «планов по насильственному экспорту [исламской] революции», используя подконтрольные Ирану силы террористов — особенно отделения «Хизбалла» и арабских «афганцев», уже находящихся на Западе. Согласно высокопоставленному иранскому источнику, «иранские лидеры были единодушны в том, что важнейшие завоевания исламской революции и силы Ирана заключались в способности Тегерана запугивать своих врагов и в обладании им средствами, угрожающими безопасности и стабильности в [Персидском] заливе, на Ближнем Востоке и во всем мире».

Эта формулировка основных направлений террористической кампании была не проявлением простого рвения, но обдуманной уверенностью в том, что терроризм является наиболее подходящим методом для достижения стратегических целей Ирана. Высокопоставленный иранский источник пояснял, что Тегеран решил «сообщить всем заинтересованным сторонам о том, что Иран в состоянии устроить революцию и распространить террор на территории любой страны, которая поставит под сомнение его положение главной силы в регионе». Учитывая плачевное состояние экономики и внутренние проблемы страны, Тегеран признавал, что «доблесть Ирана заключается главным образом в его способности сеять ужас и в обладании средствами, представляющими угрозу странам Персидского залива и стабильности и безопасности в мире». Это прагматическое определение национальных стратегических задач — и особенно обеспечение положения «главной силы в регионе» — делало объектом первоочередного внимания террористов Восточную Африку. Тегеран решил, что поддержка стратегических задач Судана отвечает его собственным интересам. Это совпадение интересов Судана и Ирана делает непосредственный вклад в успех эффективных терактов в августе 1998 года — взрывах американских посольств в Найроби (Кения) и Дар-эс-Саламе (Танзания).

20–23 сентября 1997 года иранская разведка организовала крупную встречу лидеров террористов со всего мира — якобы в ознаменование годовщины начала ирано-иракской войны. И опять список участников был впечатляющим: Имад Муханиях и Абдул-Хади Хаммади — руководители отдела особых операций «Хизбалла»; Айман аль-Завахири и еще один командир египетских «афганцев», прибывшие из Лондона; Ахмад Джибрил — руководитель верховного командования Народного фронта освобождения Палестины; Усама Абу-Хамдан и Имад аль-Алами от ХАМАС; Рамадан аль-Шалах — руководитель палестинского «Исламского джихада» и три командира, представляющих отделения «Хизбалла» в странах Персидского залива.

Участники встречи рассмотрели возможность исламистов резко усилить борьбу против Запада во главе с США. На встрече выступили с речью несколько высокопоставленных иранских

чиновников, которые наказали лидерам террористов «быть готовыми к началу беспрецедентной международной террористической кампании». К примеру, Мохсен Резаи предупредил, что антииранская кампания США «сделает моджахедов сиротами и разрушит их мечты об Исламской нации, если мы не объявим повсеместный джихад». Согласно иранским и арабским источникам, на встрече был принят чрезвычайный план, посвященный Соединенным Штатам, Израилю и Турции. Главной задачей террористов стало «начало нападений на дипломатические миссии и торговые представительства, а также убийства представителей этих трех стран». Турция стала мишенью исламистов в 1997 году, когда демократически избранное исламистское правительство было свергнуто военной силой. Главным вопросом этой конференции — одной из важнейших встреч террористов за последние годы — стала «безотлагательность» «начала всемирной и беспрецедентной кампании террора».

Чтобы преодолеть оперативные и организационные недостатки, отмеченные рядом присутствующих на встрече командиров, Тегеран подготовил лагеря для продвинутой тренировки в Иране и долине Бекаа. Особую важность имели специализированные учебные сессии, проводимые для арабских «афганцев» и «боснийцев», живущих на Западе (главным образом в Европе), под руководством Ахмада Абрари (сотрудника главного учебного отделения ИРГК) в школе «аль-Имам аль-Мун-тазар», также находящейся в долине Бекаа.

В конце сентября 1997 года иранское руководство снова собралось, чтобы обсудить ход предстоящей активизации террористов в свете решений только что закончившейся международной встречи в Тегеране. Кроме того, они получили последние сведения о положении исламистских террористических организаций в Западной Европе и в других странах.

В начале октября в Афганистане и Пакистане начались серьезные приготовления к эскалации исламистского терроризма во всем мире. При этом имели место несколько ключевых событий.

Во-первых, опытные и хорошо подготовленные арабские «афганцы» были отозваны из Кашмира и с других локальных фронтов в учебные лагеря в Пакистане (в основном в районе Лахора, где МВР готовит людей для операций на Западе) и Афганистане (в основном в районах Ховста и Кандагара) для продвинутой подготовки и приготовлений к «активизации их операций против врагов арабов и ислама на Ближнем Востоке». Тем временем новые кадры — кашмирцы (индийские и пакистанские), индийские мусульмане и арабы — готовились к началу «истинной интифады» в Индии. Причина изменения стратегии поддерживающих исламизм государств в отношении вооруженной борьбы в Кашмире и Индии в целом заключалась в том, что Исламабад осознал, что поддержка им терроризма в Кашмире вскоре станет очень заметной. А «интифада» должна была выглядеть как действительно народное движение.

Во-вторых, Усама бин Ладен провел в Кандагаре военный совет со старшими командирами исламистов со всего мира, чтобы обсудить предстоящие операции, имеющие целью подорвать влияние США на Ближнем Востоке. На этой встрече присутствовал и Айман аль-Завахири, тайно вернувшийся из Западной Европы. Участники конференции постановили сосредоточить усилия на поражении объектов, имеющих отношение к США, где бы они ни находились. При этом особое внимание уделялось поражению объектов, чье разрушение должно серьезно помешать Соединенным Штатам проводить свою политику и стратегию. Признавая центральное положение египетских «афганцев», Завахири назначили ответственным за операции, направленные на свержение правительства Мубарака.

Наконец, Нурани был назначен ответственным за группу террористов с Ближнего Востока, которая позже, зимой 1997–1998 года, должна была тайно приехать в Италию через небольшой албанский порт Сендейн, находящийся к северу от Дурреса, и (или) через Боснию и Герцеговину. Нурани должен был провезти их в Западную Европу, воспользовавшись помощью ячеек алжирских и тунисских «афганцев» в Милане, Болонье и других итальянских городах.

В конце октября 1997 года иранское руководство провело окончательное заседание, чтобы изучить ход приготовлений к эскалации международного терроризма. На эту тайную конференцию, проводимую под эгидой Министерства разведки, собрались представители двадцати-тридцати террористических организаций — преимущественно исламистских, но также и не мусульманских. Среди участников были «ХАМАС», палестинский «Джихад», «аль-Джамаа аль-Исламия» и связанные с ней египетские организации, иракский «Верховный совет исламской революции», «Рабочая партия Курдистана», «Алжирская вооруженная исламская группа» и марокканские

исламисты. Присутствовали также и неисламские экстремистские организации, такие как армянская «Тайная армия», греческое «Движение 17 ноября» и несколько организаций из Латинской Америки.

Вскоре после завершения конференции в Тегеране состоялась встреча избранных руководителей исламистов в Куме. На этой встрече иранские официальные лица пытались оценить, насколько хорошо отдельные мусульманские организации смогут противостоять акциям возмездия, которые последуют после подъема волны терроризма. На встрече в Тегеране также было решено использовать в качестве рупора предстоящей кампании не-иранские исламистские организации — чтобы придать ей панисламский характер.

Месяц спустя Авангард победы и группа «Джихад», возглавляемые Айманом аль-Завахири, опубликовали пространное заявление, в котором объявлялось о грядущем террористическом джихаде. «Исламский джихад против всемирного господства Америки, международного влияния евреев и оккупации США мусульманских стран будет продолжаться, — гласило заявление. — Соединенные Штаты понимают, что настоящий их враг, как то неоднократно заявлялось, — исламский экстремизм, под которым понимается исламский джихад — джихад всей мусульманской нации против мирового господства Америки, международного влияния евреев и оккупации США мусульманских стран. Исламский джихад ведется против расхищения богатств мусульманской нации — этого омерзительного воровства, подобного которому не знает история». Чтобы избежать обещанной волны насилия против США и их союзников на Ближнем Востоке, Соединенные Штаты должны были уйти из региона и признать учреждение исламских правительств. В противном случае исламисты обещали беспощадную террористическую кампанию против Соединенных Штатов. Завершалось заявление дерзким повторением утверждения об исламизме как главном враге Соединенных Штатов. «Да, враг Америки — это исламский экстремизм, то есть исламский джихад против превосходства Америки... Исламский джихад, противостоящий еврейской экспансии».

И это не были пустые угрозы. 17 ноября 1997 года люди Завахири устроили кровавую бойню в Луксоре (Египет) — погибло почти семьдесят западноевропейских туристов, а ранено было несколько сотен. А 6 декабря 1997 года по всей Индии прокатилась волна взрывов и других террористических актов — якобы в ознаменование годовщины разрушения воинствующими индусскими экстремистами в декабре 1992 года мечети Бабри в Айодхье (Индия). В Пакистане лидеры исламистов подчеркивали, что эти события были началом «интифады».

Тегеран продолжал активно готовиться к новой кампании эффективных террористических операций. Во второй половине ноября 1997 года Хаменеи провел встречу с Сафави и Ахмадом Вахиди — бывшим командиром «Отрядов аль-Кудс», главной силы иранских террористов, — чтобы обсудить создание нового элитного террористического отряда, который должен наносить зрелищные, но при этом «безымянные» террористические удары против Соединенных Штатов и Запада. Для отряда были созданы специальные тренировочные базы в Машхаде. Первая боевая команда из шестидесяти террористов была сформирована из «непорочных» мусульман и «афганцев» из Чечни, Голландии, Бельгии, Германии и Франции. Они были тайно переправлены в Иран через Пакистан и Афганистан; здесь они были разбиты на пять ударных отрядов по двенадцать человек и в таком составе и проходили подготовку. Первые задания эти террористы должны были выполнить в Аргентине и Франции. 2 декабря Хаменеи и его приближенные лица получили свежие сообщения о ходе подготовки к этим операциям. Они одобрили осуществление отдельных оперативных планов, включая две операции против Аргентины и Франции. Новый террористический отряд получил официальное название «Герои исламского джихада». Тегеран также приказал начать кампанию по идеологической обработке, чтобы мобилизовать мусульманскую нацию. Аргентинская операция вскоре была отменена — команда террористов оказалась неподготовленной к операции. А операция во Франции — террористические акты на чемпионате мира по футболу — была отменена в 1998 году, когда в Бельгии была раскрыта штаб-квартира террористов.

Исламистское руководство подчеркивало, что события осени 1997 года были лишь началом крупного столкновения с Западом. В начале декабря группа «Джихад» решила, что судьбоносное противостояние между Соединенными Штатами и воинствующим исламом, ради которого «Джихад» намеревался «пожертвовать мучениками», неизбежно и совсем близко. «Конфликт между мусульманской нацией и Соединенными Штатами неизбежен. По сути, у нас нет другого выбора, кроме как противостоять атеизму и его главарю, Соединенным Штатам, которые противостоят нам повсюду. С Божьей помощью мы хорошо изучили Соединенные Штаты, —

гласил бюллетень «Джихада», — мы знаем также и их слабые места». В бюллетене подчеркивалось, что «лучший способ уязвить Соединенные Штаты и Израиль — посылать им тела их сыновей». Следовательно, заявлял «Джихад», «мы будем бросать им в лицо мясо их сыновей, нарубленное и поджаренное. Соединенные Штаты заплатят за все и заплатят сполна». «Джихад» не оставлял никаких сомнений по поводу конечной задачи грядущей конфронтации: «Сами американцы уже признали половину правды, когда сказали, что первейший враг Соединенных Штатов — это исламский экстремизм. Но есть и вторая половина — а именно, что разрушение Соединенных Штатов осуществится руками мусульман».

В то время как террористы публиковали свои предупреждения, Завахири, бин Ладен и высшие эшелоны международного исламистского терроризма были заняты одним из важнейших, но так еще и не понятым, событием — тайной сделкой между исламистскими террористами и администрацией Клинтона, из-за которой Египет фактически вступил в союз с поддерживающими терроризм странами против Соединенных Штатов.

Это событие и определило отношение Египта к политике США на Ближнем Востоке — равно как и реакцию более и менее серьезных сил региона на роль США в иракском кризисе февраля 1998 года. Тогда администрация Клинтона попыталась создать себе поддержку, чтобы применить силу против Ирака в ответ на отказ Багдада сотрудничать с наблюдателями ООН. На отношение всех заинтересованных сторон к иракскому кризису и к администрации Клинтона, в частности, повлияли и более серьезные политические процессы на Ближнем Востоке. Правительство Мубарака эффективно помешало США получить поддержку арабов.

Позицию официального Каира во время кризиса в начале 1998 года сформировала скорее переоценка Мубараком роли и положения Соединенных Штатов в регионе и в мусульманском мире в целом, чем его реакция на разворачивающийся иракский кризис. Перемены в локальной расстановке сил, которые все еще продолжаются, были непосредственно вызваны так называемым «случаем Абу-Умара аль-Амрики», имевшим место в конце осени 1997 года.

Если верить очень высокопоставленным руководителям исламистских террористов, то администрация Клинтона была готова смириться со свержением в Египте правительства Мубарака и установлением вместо него исламистского государства. Она считала это приемлемой ценой за предотвращение террористической угрозы для войск США в Боснии и Герцеговине. Эта сделка обсуждалась на встрече лидера египетских террористов Аймана аль-Завахири и американца арабского происхождения, который, насколько известно, был представителем ЦРУ и американского правительства в целом. Президент Египта Хосни Мубарак был убежден в том, что информация об этой встрече достоверна, и предпринял серьезные контрмеры.

В первой половине ноября 1997 года Айман аль-Завахири встретился в лагере возле Пешавара, на пакистанско-афганской границе, с человеком по имени Абу-Умар аль-Амрики (аль-Амрики значит «американец»). Высокопоставленные исламистские лидеры утверждают, что на этой встрече Абу-Умар аль-Амрики сделал аль-Завахири предложение: Соединенные Штаты не будут вмешиваться и препятствовать приходу исламистов к власти в Египте, если моджахеды, находящиеся в Боснии и Герцеговине, воздержатся от нападений на американские отряды. Более того, Абу-Умар аль-Амрики пообещал пожертвование в размере 50 миллионов долларов (от анонимных источников) на благотворительную деятельность исламистов в Египте и других странах.

Это была не первая встреча Абу-Умара аль-Амрики с Завахири. Еще в 1980-х годах Абу-Умар аль-Амрики открыто сотрудничал как представитель ЦРУ с различными движениями арабских исламистов — включая группы Аззама, бин Ладена и Завахири, — которые тогда действовали под эгидой Афганского джихада. На некоторых из встреч в середине 1980-х Завахири и Абу-Умар аль-Амрики обсуждали будущее Египта и роль самого Завахири в исламистском Египте. В конце 1980-х, на одной из встреч с Завахири, Абу-Умар аль-Амрики намекнул, что Завахири потребуется «50 миллионов долларов, чтобы управлять Египтом». Тогда Завахири истолковал это заявление как намек, что Вашингтон смирится с его приходом к власти, если он сможет добыть эти деньги.

Осенью 1997 года у Соединенных Штатов появились причины беспокоиться из-за планов и намерений Завахири. Пока администрация Клинтона отчаянно пыталась убедить конгресс и американский народ в необходимости пребывания американских войск в Боснии и по истечении установленного срока (июнь 1998 года) — несмотря на данное конгрессу обещание, —

поддерживаемое США правительство в Сараево активно готовилось к военному конфликту с целью установления контроля над Республикой Сербской (контролируемой сербскими частями Боснии) с помощью оружия и подготовки, предоставленных Соединенными Штатами в рамках программы «Обучение и экипировка». Одним из сценариев, которые рассматривали в Сараево, было использование террористической войны исламистов против США в случае, если администрация Клинтона откажется от поддержки военных действий боснийских мусульман. Наиболее опытные и опасные исламистские террористы в Боснии находились под командованием Завахири.

В середине декабря 1997 года официальный Каир узнал об эпизоде с аль-Амрики. Египетские официальные лица подтвердили, что они знают о его деятельности в роли представителя ЦРУ еще с 1980-х годов. А спустя несколько дней после этого газета египетского правительства «аль-Джумхурия» опубликовала статью, начинавшуюся так: «Недавно органы безопасности получили информацию о том, как иностранцы используют в своих целях террористов. Информация указывает на общую заинтересованность террористов как в Египте, так и за его пределами в дестабилизации обстановки в стране и разрушении ее экономики. Источник сообщил, что представитель одной из западных разведок имел встречу с Айманом аль-Завахири, руководителем организации «аль-Джихад», в лагере в Пешаваре, на границе Пакистана с Афганистаном». Далее подробно рассказывалось о встречах Завахири с Абу-Умаром аль-Амрики, «который выступал как посредник со стороны ЦРУ», еще в 80-х годах, во время войны в Афганистане. Эта статья служила предупреждением тем, кто знал гораздо больше, о том, что официальный Каир теперь тоже более осведомлен о последних событиях.

Афганский мулла использует любые условия для проповедей и молитв В исламской стране неявка на молитву уже считается преступлением 55-метровая статуя Будды, самая большая в мире, была вырублена в скале в III веке нашей эры И вот что от нее осталось после обстрела фанатиками из движения «Талибан» Так были расстреляны бамианские колоссы

Мулла Мухаммад Омар, лидер движения «Талибан», не любит фотографироваться. Талибы считают, что это противоречит догмам ислама А воины ислама любят позировать перед фотокамерой

Воины «Талибана» в перерыве между боями Талибские солдаты празднуют очередную победу (17.09.2001 г.)

Многие афганские подростки брали в руки оружие, подражая взрослым Разрушенный Кабул после американских бомбардировок 14-летний мальчик, получивший увечья под Джелалабадом в результате американских бомбардировок Солдаты Северного альянса на башне замаскированной боевой машины Солдат Северного альянса показывает обломки радара талибских ПВО, уничтоженного американской авиацией Президент Египта Мухаммед Хосни Сеид Мубарак своим сотрудничеством с Западом внес раскол в ряды руководителей исламских стран. За это он был приговорен бин Ладеном к смерти и чудом спасся в результате нескольких покушений Бывшая премьер-министр Пакистана Беназир Бхутто Гульбеддин Хекматиар — руководитель террористической организации «Хизб-и-Ислами» Король Саудовской Аравии Фахд бин Абдул Азиз Принц Тюрки аль-Фейсал, руководитель разведки Саудовской Аравии

Военный диктатор и президент Пакистана генерал Мушарраф Бывший король Афганистана Мохаммед Захир-шах, живущий в изгнании в Риме Хасан Абдулла аль-Тураби, духовный лидер Судана и крупная фигура воинственного суннизма. Выступление аль-Тураби в Хартуме По некоторым сведениям до 70 % населения Герата и Кандагара нашли убежище в Пакистане и Иране Попытка примирения между талибами и Северным альянсом в Исламабаде. Справа — один из лидеров движения «Талибан», министр иностранных дел администрации талибов Вакиль Ахмад Мутавакиль Хан, слева — руководитель делегации Альянса Фейсал Хади Шинвари Церемония подписания мирного соглашения между афганскими лидерами в присутствии представителей Пакистана, Ирана и Саудовской Аравии

Абделькарим Хуссейн Мохамед аль-Нассер подозревается в осуществлении терактов 25 июня 1996 года Доктор Айман аль-Завахири (правая рука бин Ладена) обвиняется в участии во взрывах посольств США в Танзании и Кении 7 августа 1998 года Абдулла Ахмед Абдулла разыскивается за участие в терактах против посольств США в Танзании и Кении 7 августа 1998 года Мухсин Муса

Матвалли Атвах разыскивается за участие в терактах против посольств США в Танзании и Кении

Анас аль-Либи разыскивается в связи со взрывами американских посольств 7 августа 1998 года

Али Атва разыскивается за участие в угоне самолета 14 июня 1985 года, в результате которого погиб гражданин Хасан Из-аль-Дин разыскивается за участие в угоне самолета 14 июня 1985 года Ахмед Гаилани подозревается в участии во взрывах посольств США в Танзании и Кении 7 августа 1998 года

Ахмед Мохаммед Хамед Али разыскивается в связи со взрывами в посольствах США в Танзании и Кении 7 августа 1998 года Фазул Абдулла Мохамед подозревается в участии во взрывах в американских посольствах в Танзании и Кении 7 августа 1998 года Имад Файез Мугния обвиняется в подготовке и участии в угоне самолета 14 июня 1998 года Шейх Ахмед Салим Сведан разыскивается за участие в подготовке взрывов посольств США 7 августа 1998 года Абдул Рахман Язин обвиняется в подготовке взрыва Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 26 февраля 1993 года Фахид Мохаммед Мсалам обвиняется в подготовке взрывов американских посольств в Танзании и Кении 7 августа 1998 года Саиф аль-Адель разыскивается в связи со взрывами американских посольств в Танзании и Кении Халид Шейх Мохаммед обвиняется в подготовке терактов против авиарейсов из Филиппин в США

В начале 1996 года Мубарак решил, что Соединенным Штатам нельзя позволять влиять на ситуацию на Ближнем Востоке. В середине 1996 года египетские вооруженные силы начали активные приготовления к возможной войне с Израилем. Летом, во время короткого визита Мубарака в Дамаск, Египет присоединился к локальному военному альянсу, который возглавлял Иран и куда входили Сирия, Ирак и ООП.

Раньше планы Мубарака о заключении Египтом стратегических союзов не давали исламистам повода прекратить террористическую и подрывную деятельность — сильное средство оказания давления на Мубарака, — а также в них не было формального повода разорвать тесные отношения Каира с Вашингтоном. Теперь же, после случая Абу-Умара аль-Амрики, разрешились оба этих вопроса. У Каира теперь были «доказательства» американского заговора против президента Мубарака — то есть законный повод для разрыва отношений с США и для пересмотра отношений Египта и Судана: теперь можно было пресекать на корню любой план Тураби, имеющий целью поддержку его протезе в Каире — Завахири. Этот эпизод еще раз укрепил растущую уверенность Мубарака в том, что будущее Египта — в присоединении к стратегическому альянсу, возглавляемому Ираном, и в участии в любых последующих конфликтах с Израилем.

В начале 1998 года, когда кризис в Ираке начал обостряться, Каир отказался от сотрудничества с Соединенными Штатами и начал устанавливать контакты с исламистами. «Случай Абу-Умара аль-Амрики» стал последней каплей для Мубарака, который поспешно начал устанавливать добрые отношения с Тураби и, через него, с Тегераном. Для Тураби и официального Тегерана эти признаки улучшения отношений между Египтом и Суданом послужат серьезным фактором при принятии решения о нападении на посольства США в Кении и Танзании.

Египту не удалось избежать повсеместной народной оппозиции американскому вмешательству в Ираке. Каир сотрясали народные демонстрации в поддержку Ирака — демонстрации, организованные исламистами. К примеру, 13 февраля примерно 7000 человек, и не только студентов, собрались у Университета аль-Азхар — цитадели воинственного ислама, — чтобы потребовать начала мусульманского джихада против США из-за их угроз Ираку. А 17 февраля Адиль Хусейн, активист националистической Трудовой партии, к чьей поддержке прибег Мубарак для восстановления отношений с Хартумом, произнес перед многочисленной толпой яростную антиамериканскую речь. В своей речи Хусейн назвал американцев «трусами» за то, что они «воюют с помощью ракет и самолетов». Он поклялся, что возмездие джихада достигнет Америки. Толпа приветствовала его речь призывами к джихаду и возмездию.

Исламисты умело воспользовались этой волной возмущения. Группа «Исламский джихад» выпустила к пятничным молитвам (20 февраля) свой бюллетень «Слово истины». В нем «Исламский джихад» оценивал антиамериканские выступления в мечети университета аль-Азхар как «бастион народного исламского сопротивления в Египте». Бюллетень требовал, чтобы улема аль-Азхара «резко выступила против унижений, которым подвергаются ее люди в средствах

массовой информации, где они изображаются как шуты и фигляры». «Исламский джихад» также настоял, чтобы улема требовала «восстановления Верховного совета улемов, уважения к взглядам аль-Азхара на судебную систему, к ее праву запрещать вредные для ислама публикации, к ее финансовой и административной независимости от правительства и к отмене официального запрета на критику имамами правительственных законов и постановлений».

Этот бюллетень имел огромное значение. Расположенный в Каире университет аль-Азхар считается самым важным и престижным вузом в мусульманском мире. Несмотря на то что его преподавательский состав склонен трактовать теологические положения Ислама в духе исламистов и Братьев-мусульман, аль-Азхар не противостоит правительству Египта и его политике. Поэтому принятие университетским руководством антиамериканской позиции, поддерживаемой «Исламским джихадом», не могло произойти без предварительного благословения правительства Мубарака. По-прежнему сильно зависимое от щедрой помощи Соединенных Штатов, правительство Мубарака все активнее использует такие авторитетные учреждения, как университет аль-Азхар, для распространения своих политических взглядов в случае, если оно не может выразить их открыто.

В начале февраля 1998 года сформировался новый международный исламистский фронт. Общины арабских и мусульманских эмигрантов в Западной Европе отреагировали на пропаганду, изображавшую кризис в Ираке как нападение США на мусульманское государство, осмелившееся противостоять западному давлению, тем, что перешло от пассивного протеста в рамках закона к радикальной деятельности. Несколько местных исламистских лидеров начали подготовку к подрывной деятельности в поддержку Ирака и исламизма в целом. К примеру, в Германии Федеральная прокуратура начала следствие по делу Метина Каплана, руководителя кельнского отделения «Ассоциации исламских обществ и общин» (АИОО), по подозрению в «создании террористической организации».

По мере того, как радикализация и недовольство эмигрантских сообществ нарастали, руководители международного исламизма старались узаконить призыв к джихаду. Огромное значение имела призывающая к джихаду фатва, опубликованная от имени базирующейся в Лондоне группы «аль-Мухад-жирун» — одной из организаций, поддерживающих бин Ладена и управляемой из британской штаб-квартиры исламистов. Эта фатва была опубликована при подстрекательстве Хартума и Тегерана. Она имела целью проверить реакцию Запада, а также создать массовую поддержку террористам, не компрометируя государства-спонсоры в случае, если европейские органы безопасности быстро выйдут на террористические организации. Выбор Лондона был не случайным. Еще в середине 1990-х годов бин Ладен организовал в Лондоне множество исламистских ячеек, а Завахири координировал их деятельность, когда находился в Англии в сентябре 1997 года.

Еще одно важное событие произошло несколько дней спустя, после случайной авиакатастрофы, в которой погиб вице-президент Судана аль-Зубайр Мухаммад Салих и многие другие высокопоставленные лица. Усама бин Ладен воспользовался этим случаем, чтобы отправить письмо Тураби, в котором требовал от него санкционировать настоящую террористическую кампанию на принципах, установленных самим же Тураби летом 1997 года. «Эта трагедия [авиакатастрофа] случилась как раз в то время, когда крестовый поход международного христианства обрушился на Судан и на сердце исламского мира», — писал бин Ладен. Далее он подчеркивал, что флотилии христиан «бороздят моря ислама. Они осаждают и блокируют людей всего региона, совершенно забыв обо всех обещаниях и соглашениях; они оскверняют святые места и расхищают национальные богатства, а мечеть аль-Акса остается заложником этого христианско-еврейского альянса». (Под «христианско-еврейским альянсом» бин Ладен подразумевает Запад во всех его политических, религиозных, этических и культурных аспектах.) Это послание послужило поводом для начала консультаций с Тураби о практических мерах по возрождению терроризма.

В начале 1998 года бин Ладен и его ближайшие помощники провели несколько встреч с командирами террористов, действующих за границей. Одним из них был Ахмад Ибрагим аль-Наджар, руководитель «Исламского джихада» в Албании. (Вскоре по возвращении в Албанию из Пакистана Наджар был схвачен при помощи ЦРУ и теперь находится в тюрьме в Египте.) Как рассказывал Наджар, на встрече бин Ладен требовал ведения партизанской войны против интересов Израиля и Америки не только в арабских и мусульманских странах, но и во всем мире. «Бин Ладен верил, что еврейское лобби дергало за веревочки политиков в Соединенных Штатах,

стояло за ослаблением мусульманских стран и что этой гегемонии следовало положить конец», — пояснял Наджар.

15 февраля 1998 года делегация высших официальных лиц Ирана во главе с генералом Сафави встретилась с бин Ладеном, Завахири и несколькими ведущими лидерами исламистских террористов. Иранцы представили свой долгосрочный план террористических актов и обрисовали роли исламистских террористов в осуществлении этого плана. Чтобы обеспечить Ирану достоверную «легенду», на встрече было решено создать новую суннитскую организацию-ширму — позже она получит название «Всемирный исламский фронт джихада против евреев и крестоносцев». Участники встречи пришли к соглашению объединить усилия в поддержке вооруженного восстания в Косово и усилении основной базы исламистов в Зенице (Босния и Герцеговина).

20 февраля ознаменовало начало нового теологического процесса: придания законной силы и одобрения повсеместного террористического джихада против Запада — причем не только как протест против иракского кризиса. В Лондоне организация Аззам — поддерживающая «афганцев» и «боснийцев», а также исламистских террористов из числа эмигрантов на Западе, — опубликовала дуа (молитва-проповедь, наставляющая верующего, как следует выполнять требования ислама), чтобы ее читали в мечетях по всему миру во время пятничной молитвы. В дуа подчеркивалась тяжесть текущей ситуации. «В то время, когда мусульманскую нацию поглотила очередная волна притеснений, многие мусульмане плачут, кричат и публикуют бессодержательные декларации». Согласно шариату, мусульмане могли сделать три вещи: принять участие в джихаде, делать пожертвования на благо джихада или солидаризироваться и молиться за успех джихада. Все эти три дела были важны, потому что спланировали людей в преследовании общей священной цели. «Аллах знает лучше, к какой из этих категорий относится дуа, но каждый мусульманин может и должен это делать. Другими словами, мы просим мусульман всего мира, всех моджахедов, всех праведных ученых, находящихся в заточении, всех угнетенных мусульман, всех слабых и бедных мусульман присоединиться к нам и прочесть дуа Аллаху против захватчиков».

Вслед за этим последовала серия фатв от руководителей основных групп и организаций, которые действительно могли воплотить в жизнь призыв к оружию и бескомпромиссному джихаду. Они обрисовывали в общих чертах совместные цели исламистского руководства в Хартуме, Тегеране, Исламабаде и Лондоне. Важнейшую из этих фатв составили главным образом Усама бин Ладен, Айман аль-Завахири и Рифаи Ахмад Таха (Абу-Ясир). Она стала крупным прорывом в достижении военного единства исламистов, несмотря на идеологические и религиозные разногласия между Завахири и Таха. Призыв к насилию перекликался с утверждением дуа о том, что мир неверных угрожает всему мусульманскому миру и исламистскому возрождению. Теперь исламисты имели полное право выбирать мишени для джихада по всему миру.

ГЛАВА 8

ВЗРЫВЫ ПОСОЛЬСТВ США

7 августа 1998 года одновременно взорвались две бомбы перед посольствами США в Найроби (Кения) и в Дар-эс-Саламе (Танзания). В Найроби в результате взрыва вылетели окна в радиусе мили, со здания посольства слетели двери, а люди были выброшены из зданий взрывной волной. Стоявшее рядом с посольством семиэтажное здание было разрушено. В Дар-эс-Саламе взрыв уничтожил одно крыло здания посольства. В общей сложности погибло более 250 человек и более 5500 были ранены — по преимуществу африканцы.

Эти два взрыва были операциями на государственном уровне, а осуществил их недавно возрожденный Интернационал «Хизбалла», которым руководил Тегеран и в котором активную роль играли также Судан и Пакистан. В этих терактах важную роль сыграли элитные отряды «Вооруженного исламского движения», политическим руководителем которых был Усама бин

Ладен, а военным командиром — Айман аль-Завахири. Взрывы в Восточной Африке отражают уровень современного исламистского терроризма, включая высокопрофессиональное исполнение и намеренно запутанную цепочку ответственности, что мешает Западу нанести ответный удар — в частности, против поддерживающих терроризм государств.

Проведение этих операций почти не было сопряжено с риском: на случай чрезвычайных ситуаций был разработан план, предусматривающий участие уже находящихся на месте отрядов. Взрывы в Восточной Африке стали следствием ряда причин: политической линии руководства исламистов на эффективные удары по Западу; провала первоначального плана — террористического акта во время Кубка мира по футболу во Франции; и настойчивых требований Тураби провести антиамериканские операции в Восточной Африке, чтобы поспособствовать распространению исламизма и нанести удар по странам, поддерживавшим повстанцев в южном Судане.

Хасан аль-Тураби, духовный лидер Судана и выдающаяся фигура воинственного суннизма, всегда стремился к распространению исламизма в Африке. Несмотря на драматический исход исламистского джихада в Сомали — вызвавший вывод войск США, — Хартум и Тегеран полностью осознавали, что они не достигли никаких значимых целей. После победы исламистов в Могадишо так и не было установлено исламистское правительство, а началась братоубийственная война между различными вооруженными группировками. Об этом постоянно напоминала разгорающаяся на юге Судана гражданская война. Кроме того, иностранная помощь, поступающая в южный Судан через страны Восточной Африки, была дополнительным стимулом нанести удар как по этим странам, так и по их стратегическому защитнику — Соединенным Штатам.

Усиление исламистского подполья в Восточной Африке началось сразу же после вывода американских войск из Сомали, в начале 1994 года. Айман аль-Завахири, бывший в то время старшим командиром в Сомали, считал наращивание сил в Кении настолько важным, что занялся этим лично, совершая многочисленные тайные поездки в Найроби и Момбасу. Костяк нового вооруженного отряда в Кении составляли иорданские «афганцы». Первоочередной их задачей было закрепиться в Кении и подготовиться к приему других исламистов, которые должны были прибывать из Пакистана.

Одновременно исламистские сети в Восточной Африке занялись вопросами снабжения — переправкой наркотиков, выращиваемых и производимых в Афганистане и Пакистане, и отмытием денег для финансирования быстро расширявшихся исламистских сетей в Западной Европе и Соединенных Штатах. Основными портами, которыми пользовались — и до сих пор пользуются — исламисты, были Занзибар (Танзания) и Момбаса (Кения): отсюда наркотики переправлялись в Западную и Восточную Африку и далее на Запад. Растущее значение Восточной Африки для системы материального обеспечения террористов во всем мире делало этот регион еще более привлекательным местом для проведения зрелищных террористических актов.

Хартум попытался задействовать двух видных исламистов, которые находились в Найроби с 1994 года как резервные командиры, но они оказались не готовы к решительным действиям. Первым из них был Мустафа Махмуд Сайд Ахмад, египетский «афганец», родившийся в Заире и закончивший университет аль-Азхар. Действуя из своей базы в Кувейте, он выполнял шпионские задания для исламистов Кувейта и Египта. Но к середине 1990-х годов он уже отвернулся от воинственного исламизма. Другой командир был Вадих эль Хейдж, американец арабского происхождения, который служил секретарем бин Ладена в Хартуме с середины 1980-х годов. Хотя он и был искренне предан делу исламизма, он оказался неподходящим человеком, потому что привлек к себе внимание. В августе 1997 года отряды кенийской службы безопасности и ФБР устроили облаву в доме эль Хейджа, в результате чего он как оперативный сотрудник «погорел». Оба командира в 1997 году были высланы из Найроби, а их место заняли новые, более уверенные в себе.

Наиболее важное изучение ситуации в Восточной Африке было проведено в сентябре 1996 года под прикрытием визита иранского президента Али Акбара Хашеми-Рафсанджани в шесть стран Восточной Африки — ЮАР, Зимбабве, Танзанию, Судан, Уганду и Кению. Группа старших офицеров разведки, сопровождавших Хашеми-Рафсанджани, воспользовалась этим случаем, чтобы лично изучить ситуацию в регионе. В середине октября Хашеми-Рафсанджани пояснил, что его визит «предоставил исламскому Ирану историческую возможность помочь в развитии и восстановлении африканского континента». Он отметил «тщетные попытки США оказывать

давление на африканские страны, чтобы помешать им укрепить отношения с Ираном» и заключил, что «страны и народы Африки оценили выгоды торговых и экономических связей с исламским Ираном и уже освободились от уз эгоистичной политики Запада».

В середине ноября 1996 года Джавид Горбан Огли, генеральный директор африканского отдела в иранском Министерстве иностранных дел, подтвердил первостепенную важность Восточной Африки для Тегерана: «Сегодня Африка стала важным, узловым пунктом в мире. Даже американцы признают, что африканские народы полностью осознают суть исламской революции и симпатизируют нашей стране и нашей революции. Это привело к укреплению наших связей с африканскими государствами, что, конечно, не соответствует объявленной Вашингтоном политике изоляции Ирана». То, что на эту должность был назначен именно Огли, очень важно, поскольку он является бывшим послом Ирана в Алжире, где поддерживал деятельность исламистов, включая террористическую и подрывную.

Зимой 1996–1997 года значение Восточной Африки для стратегических планов Ирана коренным образом изменилось. Иранцы всерьез занялись модернизацией своих военно-морских сил. Получение авианосцев от Китайской Народной Республики и поступление из России третьей подводной лодки КИЛО (одна из наиболее современных, бесшумных и смертоносных неядерных подводных лодок в арсенале российской армии) укрепило уверенность Тегерана в способности проводить боевые операции в более широкой области. Эти поставки оружия были только первой стадией крупной и серьезной программы расширения морского флота, основанной преимущественно на приобретении у Китая многочисленных боевых кораблей и рассчитанной на несколько лет. Когда эта программа завершится, у Ирана будет самый мощный флот в зоне Персидского залива.

В начале 1997 года Иран получил доступ к военно-морским базам в Мозамбике. В обмен на многостороннюю военную помощь, иранскому флоту было дозволено использовать портовые сооружения в Мапуту и Накале — они были построены советскими и кубинскими специалистами в годы холодной войны. В соглашении между Ираном и Мозамбиком особо оговаривалось право иранцев использовать эти портовые сооружения для своих подводных лодок.

Истинное значение этих событий становится очевидным в контексте дерзкой военной доктрины Тегерана: предупредить — или даже самим нанести — превентивные удары по войскам США в случае серьезной эскалации конфликта в Персидском заливе. Военные планы Тегерана в Персидском заливе зависят от предотвращения быстрой военной интервенции США, и потому для Тегерана чрезвычайно важно не допустить своевременного прибытия американских военно-морских сил. Тегеран полон решимости нарастить военный потенциал, чтобы осуществить эту миссию. Учитывая неравенство сил американского и иранского флота, единственный путь для иранцев предотвратить американскую интервенцию — это навязать бой флоту США вдали от Персидского залива.

Тегеран продолжил поднимать ставки в противостоянии Соединенным Штатам и арабским странам Персидского залива, особенно Саудовской Аравии. В ожидании нового раунда балансирования на грани войны и возможной вспышки военных действий на Ближнем Востоке, Тегеран предупредил арабские государства, чтобы они не позволили США начать действия против Ирана. В начале февраля 1997 года аятолла Хаменеи открыто высказал свои угрозы во время своей проповеди в День аль-Кудс. (День аль-Кудс — иранский праздник, приходящийся на последнюю пятницу месяца рамадана, когда мусульмане клянутся освободить святыне места, оккупированные неверными.) «Если кто-нибудь из этих иностранцев в Персидском заливе сделает опрометчивый шаг, то в первую очередь пострадает та страна, которая пригласила сюда этих иностранцев», — заявил он.

Тем временем официальный Тегеран начал широкую кампанию по укреплению исламистского присутствия в Африке, уделяя первостепенное внимание тем шести государствам, которые посетил Хахеми-Рафсанджани. В начале весны 1997 года эта кампания была в полном разгаре. План кампании был разработан сотрудниками разведки, сопровождавшими Хахеми-Рафсанджани в его поездках. Он был представлен духовному вождю Ирана аятолле Хаменеи, который призвал к гораздо более решительным и далеко идущим действиям. Пересмотренный план был оформлен Али Хиязи, руководителем личного офиса Хаменеи. В начале 1997 года, после тщательного изучения и незначительных изменений, внесенных специалистами разведки, план был представлен Верховному совету национальной безопасности, возглавляемому Хахеми-Рафсанджани, для одобрения и санкционирования его осуществления.

Совет единодушно одобрил план. Он также выделил 9 миллионов долларов специально на разведывательные операции в Восточной Африке. ИРГК получил дополнительные средства для подготовки специальных вспомогательных отрядов. Кроме того, под ширмой «Управления исламской культуры и воспитания» в Тегеране была создана штаб-квартира для наблюдения и координации деятельности террористов.

В начале 1997 года на дипломатические и псевдодипломатические должности в иранских представительствах в Восточной Африке были назначены опытные сотрудники разведки. Эти назначения точно отражали приоритеты Тегерана.

Посол Ирана в Танзании — Али Сагаян. Прежде он занимал пост иранского посла в Аргентине, где был замешан во взрыве в 1994 году здания Еврейского центра в Буэнос-Айресе, который унес жизни 104 человек (ранено было около тысячи). Атташе по культуре — Мохаммад-Джавад Ташкири, опытный офицер разведки, который был отозван со своего предыдущего поста в Иордании за поддержку местных исламистских организаций. Его брат, мулла Мухаммад Али Ташкири, возглавляет «Организацию исламской культуры и связей». А представитель организации «Конструктивный джихад» в Танзании Реза Мухаммад-Роур — полковник ИРГК; до того, как стать гражданским инженером, он служил в «Отрядах аль-Кудс».

Дипломатическое представительство Ирана в Кении создано по тому же принципу. Посол в Найроби — Казем Табатаи, офицер разведки, служивший в Багдаде. Атташе по культуре — Ахмад Даргахи, бывший генеральный директор отдела Европы и Америки в «Организации исламской культуры и связей», являющейся одним из важнейших орудий Тегерана по поддержке исламистов в разных регионах.

Весной 1997 года официальный Тегеран знал, что он движется к кризису в Африке, ускоряя стратегическую конфронтацию с Западом. Поэтому стало крайне необходимым еще раз изучить как гибкость местных исламистских организаций, так и общую дипломатическую ситуацию. В конце мая — начале июня 1997 года Хосейн Шейх-ол-Ислам, опытный террористический руководитель и заместитель министра иностранных дел Ирана, возглавил делегацию руководителей разведки, посетившую африканские страны. Здесь он встречался с местными мусульманскими лидерами и изучал состояние местных систем материального обеспечения. Другой его целью было составить впечатление о степени готовности африканских лидеров поддержать Соединенные Штаты и встать на пути Ирана и исламизма. Эту цель он осуществил в Хараре, где присутствовал в качестве гостя на 33-м саммите Организации африканского единства. Здесь он беседовал с рядом африканских руководителей об африкано-иранских отношениях. Среди этих руководителей были президент Конго Лорент Кабила, южноафриканский президент Нельсон Мандела и президент Зимбабве Роберт Мугабе. Все они пришли к власти в результате долгой и упорной национально-освободительной борьбы, которую характеризуют как антиимпериалистическую (то есть основанную на антиамериканской и антизападной идеологии). С начала 1980-х годов правительство Хомейни оказывало этим движениям широкую финансовую, военную и гуманитарную помощь. Африканские лидеры и боевые командиры установили с Тегераном тесные отношения — отношения, от которых теперь Тегеран получал крупную выгоду. Теплый прием, оказанный Шейху-ол-Исламу, интерес, проявленный к улучшению отношений с Ираном, и неприкрытая враждебность к Соединенным Штатам убедили Тегеран в том, что в случае серьезного противостояния Соединенным Штатам в Африке дипломатические и экономические проблемы ему не грозят.

Но не все шло так, как хотелось Тегерану. Хотя стратегические задачи успешно решались, возникли неожиданные препятствия на тактическом уровне. В июне-июле 1997 года иранская контрразведка и служба безопасности бин Ладена начали подозревать, что Хуссейн Айдид стал «опорой американской разведки на Африканском Роге». Сначала бин Ладен сменил круг своих союзников в Сомали. Он возобновил контакты с Отманом Гату, сомалийским миллионером, с которым у семьи бин Ладенов давно установились коммерческие отношения в ряде стран Персидского залива, — отношения, приносящие Гату уйму денег. К несчастью для бин Ладена, Гату был сторонником Махди Мухаммада — соперника Айдиды еще с начала 1990-х, когда они боролись за контроль над Могадишо, — и даже поставлял отрядам Мухаммада оружие. Кроме того, вскоре было раскрыто убежище бин Ладена в доме Гату, и теперь бин Ладену было небезопасно оставаться в Могадишо. Летом 1997 года он вернулся в Судан.

Согласно близким к бин Ладену арабским источникам, он сказал, что «обладает информацией о том, что Соединенные Штаты во всех своих действиях на Африканском Роге опирались на сына

Айдида» и что «американские разведслужбы могли помочь Айдиду утрясти ситуацию в Могадишо и Сомали». Но летом 1997 года бин Ладен уже был уверен в том, что «время разрешения проблем еще не пришло, потому что если проблемы будут разрешены, то будет учреждено государство, у которого будут свои обязательства и ответственность». Бин Ладен доказывал, что если оставить вещи так, как они есть, это «создаст хаос и поможет в проведении ряда операций и лик-видаций прямо под носом у сыновей Айдида без всяких последствий». Отряды исламистов покинули область, контролируемую войсками Айдида, и вернулись в лагеря в соседних странах — Судане, Кении и Эфиопии.

Весной 1997 года поддерживающие терроризм государства и исламистские лидеры начали длительный процесс разработки тщательно продуманной стратегии и оперативного планирования, сопровождаемых теологической пропагандой. Этот процесс был направлен на развитие всемирной террористической кампании и вылился во взрывы в Восточной Африке в 1998 году.

Иран всерьез взялся за подготовку стратегических операций в Африке в июне 1997 года. Огромный успех поездки Шейх-ол-Ислама в Африку убедил Тегеран в том, что эффективные операции почти без риска можно начинать прямо сейчас, и прежде всего в Восточной Африке. После того как об этом сообщили Тураби, он собрал тайную встречу руководителей суннитских террористов у себя дома в аль-Маншияхе (пригород Хартума), участники которой постановили резко изменить плачевное состояние исламистского движения, начав наступление на Запад и дружественные ему режимы в мусульманском мире.

Конференция также решила сделать несколько конкретных шагов для начала этой кампании. Первостепенное значение было отдано расширению и обновлению учебных лагерей для арабских «афганцев». Здесь мусульманская молодежь должна была проникаться духом приверженности «афганцев». Бин Ладен и Завахири согласились контролировать управление и финансирование этих лагерей. Большая часть денег должна была переправляться через Европу. На руководящие роли в новом мероприятии были назначены доверенные лица Тураби. Ибрахиму аль-Сануси было поручено наблюдать за лагерями от лица Тураби, а Гази Салах-аль-Дин был назначен ответственным за местные фонды и другие учреждения. Тем временем Нафи Али Нафи получил указания разработать детальный оперативный план для эритрейского джихада, направленный на свержение правительства президента Афверки.

Но система исламистского терроризма серьезно пострадала в результате утечки информации. В середине мая 1997 года органы госбезопасности Саудовской Аравии арестовали Сиди Таиба — бизнесмена, женатого на родственнице бин Ладена. Таиб предоставил следователям сведения о банковских счетах бин Ладена, о его бизнесе в Пакистане и Афганистане и о переправке денег оттуда исламистским организациям в Лондоне, Бруклине, Джерси-сити (штат Нью-Джерси) и Детройте. Таиб также сообщил имена нескольких человек, принимавших участие в отмывании и переправке денег для бин Ладена. Хотя этот список был неточным и разнородным, он позволил ФБР и британской разведке приступить к расследованиям за границей. Одна из наиболее эффективных операций была проведена в Найроби, где информацию Таиба можно было проверить с помощью сведений, полученных от арестованных в Египте исламистов, и получить доступ к местным ячейкам террористов.

Также в середине мая Абдалла Мохаммад Фазиль, которому предстоит сыграть центральную роль во взрыве американского посольства в Найроби в августе 1998 года, отправил бин Ладену и руководству исламистов отчет о положении дел. (В августе 1997 года кенийские органы безопасности нашли этот отчет на жестком диске компьютера в доме Вадиha Эль Хейджа в Найроби и предоставила его ФБР.) Фазиль писал, что его беспокоит безопасность террористической сети ввиду активизировавшейся деятельности органов безопасности. Исламистским организациям в Восточной Африке следовало «знать, что американская, кенийская и египетская разведки ведут в Найроби деятельность, направленную на выяснение имен и адресов людей, связанных с Шейхом [бин Ладеном], поскольку американцы отлично знают, что именно молодежь, жившая в Сомали и являвшаяся членами ячейки Щейха, участвовала в убийстве американцев в Сомали». Деятельность контрразведки была сосредоточена в Найроби не случайно. «Они знают, что поскольку главными воротами для этих молодых людей была Кения, то и центр их деятельности должен находиться в Кении, — отмечал Фазиль. — Нам всем действительно угрожает опасность».

Фазиль подчеркивал, что активизация контрразведки была вызвана получением информации из первых рук. Анализируя операции в Найроби, он заключил, что, должно быть, «в руки врагов попал

важный человек, имеющий тесные связи [с бин Ладеном]». На основе этой информации «американцы используют киднэппинг против всех, кто угрожает их национальной безопасности и безопасности американских граждан». Фазиль предупреждал, что «членам ячеек в Восточной Африке угрожает огромная опасность» и что «положение ячейки в Найроби на сто процентов опасное». Эта опасность не оставляла террористам в Найроби «никакого выбора, кроме как думать и упорно работать, чтобы сорвать планы врагов, которые трудятся день и ночь, чтобы схватить любого из нас или получить информацию о любом из нас». Завершался отчет предупреждением всей исламистской сети в Восточной Африке. «Я посоветовал моим братьям в Восточной Африке не быть самодовольными в отношении вопросов безопасности и помнить, что теперь они стали главной мишенью Америки». Фазиль также заверил своих руководителей, что восточноафриканские террористы по-прежнему полны решимости усилить борьбу исламистов против их врагов.

Эта невеселая оценка Фазилия оказала влияние на исламистское руководство. В августе 1997 года Тураби, бин Ладен и лидер йеменских исламистов Абдул-Маджид аль-Зандани провели совещание в Хартуме, где решили начать «настоящий джихад» против Израиля, Египта и Саудовской Аравии, а также устроить официальный протест Судана против инспирируемых США заговоров. Тураби и суданская разведка считали, что эти заговоры тайно подготавливались в нескольких восточноафриканских государствах, в частности — в Уганде, Кении и Танзании. Бин Ладен, Завахири и Зандани полагали, что следует разработать новую стратегию борьбы, чтобы оживить движение исламистов, «вернуть их на передовую линию после периода упадка и сплотить их ряды». Участники встречи определили лишь два священных дела, которые могли придать исламистам новые силы: джихад за освобождение Палестины и джихад в поддержку суданского исламистского государства и за сохранение исламского образа жизни путем противостояния Соединенным Штатам. Исламисты были убеждены в том, что Соединенные Штаты стремятся любой ценой свергнуть правительство Тураби. Активизация деятельности органов безопасности и контрразведки в Восточной Африке, которую Фазиль выдвигал на первый план, подтверждала выводы исламистов.

Выбор потенциальных мишеней и планирование эффективных терактов начались практически сразу после встречи в Хартуме. К примеру, в конце октября 1997 года Хосни Абу Нимрех, палестинец с западного берега реки Иордан, и Мустафа Махмуд Сайд Ахмад изучили и сделали снимки посольств США и Израиля в Найроби. Нимрех даже составил общие планы разрушения американского посольства мощными бомбами при помощи трех автомобилей. А израильское посольство должно было быть разрушенным мощным профилированным зарядом, установленным в номере соседнего отеля. Но к этому времени Сайд Ахмад уже по-другому думал о своем будущем. Он пришел в посольство США с сообщением о планах Нимреха, но его проигнорировали. Ахмад отправился в Заир, а позже перебрался в Танзанию, где был арестован после августовских взрывов. Нет никаких признаков того, что исламисты даже подозревали об этой утечке информации.

Однако Восточная Африка в 1997 году еще не рассматривалась террористами как главная цель. Приоритет по-прежнему отдавался зрелищным терактам на матчах Кубка мира по футболу, который должен был пройти во Франции летом 1998 года. Во время заседаний, посвященных организации элитных террористических отрядов, рассматривались многие потенциальные цели — от Аргентины до Филиппин, — но не Африка. На этой стадии Восточная Африка интересовала только Тураби и суннитских исламистов. Иран признавал важность Африки, но не ощущал острой необходимости нанести удар.

Африка вновь возглавила список важнейших целей террористов в результате конфликта между Соединенными Штатами и Ираком. В начале февраля 1998 года Иран и Ирак достигли соглашения о сотрудничестве по вопросам разведки и терроризма. Чтобы ускорить его реализацию, Тегеран и Багдад решили изучить операции, проведенные на тех территориях, где они уже успешно сотрудничали. И Иран, и Ирак держат на территории Судана крупные отряды разведки и сил специального назначения — эти резервы уже использовались во время боевых действий в южном Судане и Сомали, и их можно было использовать для проведения терактов в Восточной Африке.

Первые оперативные планы были готовы в марте. В них включалась общая оценка прочности зданий и составление карт окрестностей основных объектов терактов. На карты наносились все прилегающие дороги, чтобы обеспечить легкий доступ к цели, эффективное расположение у цели и маршруты бегства. Список потенциальных мишеней возглавляло посольство США. Кроме того, в марте на встречу с бин Ладеном прибыл египетский исламист, имевший подлинный американский

паспорт. Он получил от МВР конкретные задания, связанные с наблюдением за предстоящими террористическими операциями. Успешное завершение этих первых шагов подтолкнуло официальный Тегеран к пересмотру планов.

В апреле 1998 года Хаменеи приказал министру разведки Курбану Али Дари Наджафабади и Мухину Рафик-Дусту, бывшему командиру ИРГК, ныне возглавляющему Фонд угнетенных — серьезный финансовый инструмент, используемый как в экономических, так и в разведывательных целях, — развернуть кампанию международного терроризма. Наджафабади созвал тайную встречу в здании управления безопасности и разведки в Дарадже (Иран). Он распорядился, чтобы все иранские учреждения — исламские центры, посольства Ирана, учебные и информационные центры, торговые и туристические фирмы, культурные центры — были готовы к использованию в качестве прикрытия для проведения тайных операций. Для этой цели были назначены ответственные за подготовку терактов в разных частях света, включая Африку.

Центры исламистов в Найроби и Дар-эс-Салами начали координировать свою деятельность. С этой целью в апреле в Найроби состоялась встреча лидеров кенийских и танзанийских исламистов. Они обсудили пути осуществления недавно опубликованных фатов, равно как и конкретные оперативные и организационные вопросы, имеющие отношение к предстоящим операциям. Также в мае в Афганистане прошел ряд встреч бин Ладена и Завахири с руководством «Всемирного исламского фронта джихада против евреев и крестоносцев». Кроме бин Ладена и Завахири, в них участвовали шейх Абдалла Абу-аль-Фарук, Ибрагим Фахми Таха (египетское отделение «аль-Джамаа аль-Исламия»), старшие командиры египетского «аль-Джихада», иорданской «Армии Мухаммеда», кашмирской «Харакат уль-Ансар», британской «аль-Мухаджирун» и «Партизанов шариата». Кроме рассмотрения планов будущих операций, на этой встрече была сформулирована политика принятия ответственности за теракты «новыми» организациями. Когда общие оперативные планы были готовы, бин Ладен и Завахири отправились в Хартум, чтобы проконсультироваться с Тураби о стратегии и частных вопросах их осуществления.

В конце мая 1998 года во всех планах Тегерана о новой волне эффективных терактов на Западе произошел сбой. Службы безопасности стран Западной Европы прознали о подготовках к терактам во время Кубка мира по футболу. В Бельгии был арестован Хассан Хаттаб (известный также как Абу-Хамза) — член алжирской «Вооруженной исламской группы», руководивший одной из сетей поддержки. За считанные дни сеть поддержки в Западной Европе была раскрыта, а большинство ее членов арестованы. Возникла острая необходимость пересмотреть все остальные чрезвычайные планы с точки зрения безопасности и осуществимости. В конце мая представители поддерживающих терроризм стран и руководители исламистов собрались на встречу недалеко от Пешавара (Пакистан). Они обсудили ход приготовлений к многочисленным операциям и решили, какие из них следует проводить и где.

В середине июня Соединенные Штаты вместе со службами безопасности ряда государств Балканского полуострова, — включая Албанию, Македонию и Болгарию, — начали крупную операцию по выявлению египетских исламистских организаций в разных странах, маскирующихся под различные благотворительные учреждения. Подозреваемые арестовывались местной полицией и службами безопасности и передавались американским властям, которые в свою очередь отправляли их Египет — где их ждали пытки, долгое тюремное заключение и, возможно, смерть. Некоторые из этих «экстрадиций» были проведены с нарушением законности.

Эта кампания нанесла сильное оскорбление Завахири и его коллегам. Сначала в Софии (Болгария) был арестован Исам Абдул-Тавваб Абдул-Алим, ветеран египетского терроризма. Затем в конце июня албанская Служба национальной безопасности (ШИК) арестовала в Тиране четырех сотрудников египетской благотворительной организации по подозрению в причастности к исламистскому терроризму. 16 июля еще один египетский исламист — Мухаммад Хассан Махмуд, директор Фонда возрождения ислама — был арестован в Тиране и передан в Египет. Официальная Тирана представляла эти аресты как начало новых отношений и сотрудничества с Соединенными Штатами.

Для Завахири и исламистского руководства это было вопиющим нарушением сделки, которую, по их убеждению, они заключили с Вашингтоном благодаря услугам Абу-Умара аль-Амрики. Соединенные Штаты заявили, что они не ведут переговоров и не заключают сделок с террористами и что никакого «случая Абу-Умара аль-Амрики» не было. Но когда на высших уровнях правительств нескольких стран — включая Египет и Великобританию — зазвучали

требования разъяснить устойчивые слухи о «сделке», администрация Клинтона не стала ничего прямо отрицать.

Лидеры исламистских террористов, пребывающие в шоке и ярости из-за столь бесстыдного поведения американского правительства, выступили с официальным предупреждением. 3 августа видный египетский исламист Ясир Тауфик Али аль-Сирри заявил, что арестованных в Болгарии и Албании египтян в полиции «силой заставили признаться за себя и за других в том, чего они не совершали». Сирри подчеркнул, что в арестах и допросах этих исламистов участвовали сотрудники американских разведслужб, «чтобы облегчить албанским властям процесс экстрадиции в Египет».

Завахири должен был отреагировать на то, что он считал односторонним расторжением заключенной сделки. 5 августа «Исламский джихад» торжественно поклялся отомстить Соединенным Штатам за аресты, пытки и возможные казни их товарищей в Египте. Сразу же после взрывов в Найроби и Дар-эс-Саламе суннитская исламистская организация «Партизаны шариата» связала взрывы с экстрадицией их египетских товарищей. Партизаны безоговорочно заявляли, что именно они стояли за взрывами в Восточной Африке. «Мы благословляем эту операцию, — гласило их коммюнике. — Мы открыто заявляем, что радуемся несчастью американцев, врагов Бога». В коммюнике также говорилось, что Каир постигнет такая же судьба, если он не прекратит преследовать исламистов.

Высокий уровень профессионализма взрывов 7 августа проявился не только в том, что террористам удалось провести две такие операции одновременно в двух странах, но и в том факте, что в обоих взрывах была задействована почти тонна бризантного взрывчатого вещества армейского типа. Эта взрывчатка была переправлена в Дар-эс-Салам и Момбасу из Пакистана, а потом спрятана на конспиративных квартирах. Бомбы были изготовлены в этих конспиративных квартирах, после чего их перевезли в центральные районы двух столиц.

Последние приготовления к операции начались в июле. Главным разработчиком операции в Кении (а также, возможно, и в Танзании) был Али Салех — египетский «афганец», старый член «Исламского джихада» и доверенное лицо Усамы бин Ладена. После завершения разработки планов операции — в середине июля — они подверглись независимой оценке на месте высокопоставленным наблюдателем. Этим наблюдателем был тот самый египетский исламист с американским паспортом, который посещал бин Ладена в марте. Теперь же, примерно за две недели до взрыва, он посетил и Найроби, и Дар-эс-Салам. В обоих городах он осмотрел многие потенциальные цели, включая посольства США, Израиля и Египта. Он также встретился с местными боевыми командирами, чтобы оценить их возможности и степень готовности. Очевидно, наблюдатель оказался доволен ходом дел, потому что вскоре после этого начались финальные приготовления.

Примерно в это же время в Лондоне произошло еще одно важное событие. В конце июля, примерно за неделю до взрывов, шейх Рифаи Ахмад Таха (Абу-Яссир) сделал «важное заявление» в рамках короткого интервью журналу «аль-Мура-битун» — органу «аль-Джамаа аль-Исламия». В трех лаконичных фразах Таха отрицал, что он или Исламская группа являются членами «Всемирного исламского фронта джихада против евреев и крестоносцев», организованного бин Ладеном в конце февраля. Это заявление было помещено на интернетовском сайте «аль-Мурабитун». На самом деле никаких разногласий между Таха и его близкими друзьями бин Ладеном и Завахири не было. А заявление было сделано потому, что было остро необходимо «очистить» Таха, чтобы он и «аль-Мурабитун» могли во время предстоящих операций выступить как не замешанные в них «представители» и «органы».

Операцию в Найроби организовали и проводили две отдельные группы общей численностью около двенадцати человек. Одна группа состояла из экспертов и наблюдателей, в другую входили собственно террористы, включая и потенциальных смертников. Для обеспечения безопасности прямые контакты между двумя группами не поддерживались. Первая группа разместилась в отеле «Гранд Ридженси», вторая — в отеле «Хилл Топ» (Найроби). Ответственными за операцию были назначены опытные кенийские исламистские террористы Фазиль, Одех, Овхали и Нача.

За несколько дней до операции были проведены последние наблюдения за посольством США. Причем только одно из них было замечено охраной посольства. Согласно выходящей в Найроби газете «Nation», один из охранников-кенийцев «видел трех человек, похожих на арабов, которые

снимали камерой посольство США примерно двадцать минут, за четыре дня до взрыва. Он предупредил американских морских пехотинцев, охранявших посольство, но те отмахнулись от него».

Утром 7 августа 1998 года, примерно в 10:30 по местному времени, террористы подъехали к американскому посольству на двух машинах. Главный автомобиль — белый «Мицубиси Паджеро», за рулем которого сидел Фазиль — сопровождал желтый пикап «Мазда» или «Мицубиси Кантер», нагруженный взрывчаткой, в котором рядом с водителем сидел Овхали. В кабине был еще и третий террорист — потом он расскажет на допросе, что был готов умереть во время взрыва: операция была задумана как «мученическая». Сначала террористы попытались установить автомобиль со взрывчаткой у фасада посольства. Они подъехали к воротам посольства, заявив, что привезли бутерброды для кафетерия. Американские морские пехотинцы отказались их пропустить и направили к черному входу. Террористы без всяких препирательств ретировались и объехали здание. Черный вход в посольство представляет собой огороженную территорию в форме буквы U, где также находится здания Объединенного банка и фирмы «Уфунди». Террористы попытались проехать в ворота и заехать на подземную парковку. Третий террорист вылез из пикапа и стал спорить с охраной, но ему запретили въезд. Время выходило — поскольку бомба должна была взорваться одновременно с бомбой в Дар-эс-Саламе, — и тогда террористы попытались прибегнуть к тактике, похожей на ту, что использовалась при взрыве египетского посольства в Исламабаде в конце 1996 года. Белый автомобиль рванул вперед, а несколько террористов выпрыгнули из машины, швырнув гранату и открыв огонь из стрелкового оружия по безоружной охране посольства. Эта акция должна была отвлечь внимание охранников. Водитель пикапа тем временем спокойно сидел в кабине, размышляя и молясь. Наконец, минут пять спустя, он открыл огонь из пистолета, а Овхали швырнул ручную гранату. Пикап попытался было въехать на территорию посольства, но, видимо, водитель на долю секунды утратил контроль. Как бы то ни было, точно вовремя в пикапе взорвалась бомба. От этого взрыва погибла пара террористов, перестреливавшихся с кенийскими охранниками. Поскольку Овхали, уцелевший во время взрыва, не помнит, чтобы он или водитель активировали запалы взрывчатки, должно быть, бомба была приведена в действие дистанционным управлением — скорее всего, это сделал Фазиль, сидевший в белой машине.

Бомба, взрыв которой полностью разрушил здание фирмы «Уфунди» и основательно повредил здание посольства, состояла примерно из 1800 фунтов бризантного взрывчатого вещества армейского типа. Капитан Рил Джонс, британский армейский инженер с большим опытом по части бомб, используемых Ирландской республиканской армией (ИРА), прибыл на место взрыва в Найроби одним из первых. Он подчеркнул профессионализм изготовителей бомбы, отметив, что большая часть взрывной волны была отброшена высокой стеной здания Объединенного банка, которое и приняло на себя силу взрыва. «Если бы здания банка не было, то для распространения взрывной волны осталось бы гораздо больше пространства, — сказал он. — А если бы террористам удалось проникнуть на подземную автостоянку, взрыв уничтожил бы здание посольства и большинство находящихся в нем людей».

После взрыва Фазиль и другие террористы остались в Найроби, чтобы замести все следы. Они провели хорошую работу — правда, они не знали, что Овхали уцелел во время взрыва и был арестован в больнице кенийскими органами безопасности. Фазиль и его товарищи оставались в Найроби примерно четыре недели, после чего благополучно покинули страну. Фазиль улетел в Морони (Коморские острова), где пробыл вместе со своей семьей до 22 августа. Потом он сел на рейс в Дубай — и исчез. В его доме на Коморских островах полиция нашла множество паспортов и удостоверений личности — в том числе кенийский и пакистанский паспорта.

Что касается операции в Дар-эс-Саламе, то тут долгосрочная помощь Ирана многочисленным оппозиционным движениям — от сепаратистов до исламистов — окупилась сполна. Террористы действовали очень четко, а показания двух подозреваемых, все еще находящихся в руках танзанийских властей, лишь запутывают воссоздание хода операции. Главный подозреваемый — Мустафа Махмуд Сайд Ахмад, египтянин с паспортами гражданина Йемена, Конго и Ирака. Он был арестован в Аруше, на границе с Кенией. Ахмад предупредил Соединенные Штаты о предстоящем взрыве американского посольства в Кении — чрезвычайно необычный поступок для потенциального террориста. «Мустафа Ахмад является либо идейным вдохновителем взрывов в Танзании, либо главным человеком в террористическом заговоре», — заявил Али Аме-ир Мохаммед, министр внутренних дел Танзании. Другой подозреваемый — Рашид Салех Хемед, известный также как Сайд Ахмед и Салех Абен Алахалес, — уроженец Занзибара, которого видели в местах, прилегающих к посольству. В его доме и автомобиле полиция обнаружила следы

веществ, которые могли быть использованы при изготовлении бомбы. Средства на операцию переводились с Ближнего Востока на счет Салеха в Гринленд-банке. Однако основная оперативная группа состояла примерно из шести террористов, все из которых сейчас либо на свободе, либо мертвы. Локальным командиром был Мустафа Мохаммад Фадхил, практически неизвестный ни западным, ни местным органам безопасности.

План операции был дерзким — установить крупную бомбу в грузовике-рефрижераторе, который должен был проникнуть на территорию посольства вместе с грузовиком-водовозом, обслуживающим посольство. Бомба была установлена в специальном образом переделанном холодильнике двухтонного грузовика «Ниссан Атлас». Из соображений безопасности грузовик был куплен у местной фирмы, специализирующейся на подержанных автомобилях.

7 августа, примерно в 10:35, к посольству подъехал грузовик с цистерной с водой. Когда грузовик стал тормозить, к нему сбоку подъехал рефрижератор «Ниссан Атлас» — с белой или бежевой кабиной и серебристым кузовом. Четыре-пять минут спустя «Атлас» взорвался; сидевший в кабине водитель погиб. В результате взрыва было убито одиннадцать человек — все африканцы, — и ранено семьдесят два. По-прежнему остается загадкой, почему бомба взорвалась прежде, чем грузовик-водовоз подъехал поближе к зданию посольства — к обычному месту выгрузки воды. Свидетели рассказывают, что несколько охранников подошли к грузовику для обычной проверки. Бено Мсимде — руководитель охранного агентства, обслуживающего посольство, — сказал, что охранник с детектором обнаружил «подозрительное вещество» под капотом водовоза и решил открыть его. «Так все и произошло, — сказал Мсимде. — Бомба сработала, убив охранника и водителя». Верхняя половина тела водителя, с зажатым в руках рулем, отлетела к стене здания посольства. Следы взрывчатых веществ, обнаруженные в грузовике посольства, должно быть, были уловкой, призванной отвлечь внимание охраны. Водитель грузовика — по имени Нданге — уже давно работал при посольстве и не подозревается в терроризме. Еще одно возможное объяснение — террористы, видя, что время утекает, но полные решимости взорвать бомбу вовремя, решили не дожидаться, пока грузовик въедет на территорию посольства, и задействовали бомбу.

Все это указывает на то, что автомобиль, из которого была активизирована бомба, должен был находиться где-то поблизости. Согласно показаниям свидетелей, белый внедорожник «Судзуки Самурай» на большой скорости подъехал к посольству и пристроился рядом с грузовиком-водовозом, словно бы собираясь въехать на территорию посольства. Из «Судзуки» выскочил водитель и сфотографировал последствия взрыва, после чего внедорожник исчез. Другие свидетели показывают, что в «Судзуки» находилось четверо арабов, которые как раз перед взрывом пересели в другой автомобиль, стоявший возле посольства, а внедорожник бросили на месте.

Эти арабы могли быть оперативной группой, взорвавшей бомбу. А загадочный «Судзуки Самурай», который позже был обнаружен полицией, может пролить свет на местонахождение второго водителя — «крутильщика», в обязанности которого входило откручивать и закручивать кран водовоза. Во время взрыва он должен был находиться в водовозе, однако его останки не были обнаружены, а его семья упорно отказывается помогать расследованию — в частности, осмотреть найденные на месте взрыва одежду и обувь. Возможно, второй водитель, после того как поместил в водовоз немного взрывчатки в качестве ложного следа, в последнюю минуту скрылся на загадочном «Самурае».

Остальные участники обеих операций — во главе с Одехом и Фадхилом — накануне взрыва покинули свои посты: в аэропорту Найроби Фадхил, Одех и другие оперативники сели на рейс до Карачи. (Одех позже скажет, что он отправился в аэропорт вскоре после взрыва, пока весь Найроби пребывал в шоке.) В аэропорту, как вспоминал Одех, он, к своему удивлению, обнаружил, что в операции участвовали незнакомые ему террористы. У всех у них были поддельные паспорта и проездные документы. Никто не ожидал по прибытии в Пакистан никаких проблем. Однако по прибытии в Карачи Одех, летевший под своим конспиративным именем Мухаммад Садик Ховайда, был задержан сотрудниками аэропорта. Другие же шесть террористов, с такими же поддельными паспортами, благополучно прошли досмотр. Разъяренный Одех заявил служащим, что он — террорист, возвращающийся в свое убежище в Афганистане. Затем он попытался подкупить их. Но Одех был слишком уж заметной личностью — он был известен ЦРУ, которое специально попросило МВР о его аресте. У Исламабада не было выбора: отказать в просьбе Вашингтону значило бы признать поддержку терроризма, что повлекло бы за собой суровые санкции.

Согласно утверждениям пакистанских официальных лиц, последующие три дня Оух «встречался с экспертами МВР, давно занимавшимися афганскими и арабскими моджахедами». Показательно, что употреблено слово «встречался», а не «допрашивался». Исламабад официально признал, что Оух «спокойно и гордо заявил, что он обеспечивал техническую, инженерную и материальную поддержку взрыва грузовика 7 августа в Найроби». Нет никаких доказательств, что Оух рассказывал что-либо пакистанцам. «Признания», которые позже пакистанская госбезопасность предоставила Соединенным Штатам и которые просочились в американские средства массовой информации, — это лишь отчеты МВР о показаниях Оуха. Материал представляет собой смесь правды и своекорыстной дезинформации — например, обвинения бин Ладена в убийстве его наставника Аззана в 1989 году.

После выдачи его в Найроби Оух отказался подтверждать сведения пакистанцев и не признался американским следователям в причастности к взрыву. Американским официальным лицам так и не удалось самостоятельно подтвердить факты, приписываемые Оуху в пакистанском отчете о допросе. В Нью-Йорке Оух сказал своему первому адвокату, что пакистанцы добились от него показаний, лишив его пищи, воды и сна на три дня. Это может быть отговоркой, хотя методы допросов МВР известны своей «эффективностью». Но, похоже, в словах Оуха есть доля истины — а именно, он заявил своему адвокату, что один из следователей «сжалился над ним». «Этот парень сказал ему: мы собираемся использовать тебя — то есть твои признания, — чтобы избежать ядерных санкций со стороны американцев», — процитировал адвокат слова Оуха. Отправляясь в Найроби, Оух — жертва запутанной политики Исламабада — знал, что он уже не вернется.

ГЛАВА 9

ОСМЕЯТЬ ВРАГА

Для международного исламистского движения, в особенности для его высших руководителей, 1998 год стал поворотным моментом. Связанные растущим присутствием Запада и всепроникающей европеизацией, которая стала возможной благодаря спутниковому телевидению и Интернету, исламисты все же крепили, проведя несколько эффектных ударов и активно планируя провести еще несколько. Весной и летом 1998 года исламисты готовили ряд операций — от Кубка мира до Восточной Африки. Пакистанцы разворачивали военные действия, получив полномочия в Кашмире. Более того, исламисты обдумывали новые подходы к конфронтации консервативного режима на Аравийском полуострове. Эти активные действия были подтверждены массой выпущенных в течение года деклараций религиозного и идеологического характера. Подобные документы позволяли осмыслить эту разностороннюю деятельность в свете доминирующего направления, подчинившего себе мусульманский мир.

К середине марта 1998 года иракский кризис закончился. Тогда же бин Ладен и его соратники послали письмо с угрозами в посольство США в Исламабаде. Хотя письмо это и не имело особого религиозного значения, оно должно было знаменовать собой конец Февральского кризиса и возвращение исламистов к конфронтации с Соединенными Штатами и Западом в основном пункте конфликта — присутствия Запада в мусульманском мире.

Тегеран также представил новую сущность Среднего Востока и мусульманского мира в целом. В апреле 1998 года аятолла Хомейни поручил Наджафабади, министру разведки, и Мухсину Рафику Дусту, председателю Фонда угнетенных — главного инструмента секретного финансирования Ирана, — подготовку кампании международного терроризма, которая, в соответствии с новыми требованиями исламистского возрождения, могла бы с большим успехом противостоять США и Израилю, нежели другой исламский режим. Когда работа близилась к концу, Наджафабади созвал секретную встречу в здании разведки и безопасности в Дарадж. Среди присутствующих официальных лиц было несколько иранских офицеров разведки высшего ранга. Они обсудили дальнейшее развитие и новые методы в установлении новой, более обширной, террористическо-разведывательной инфраструктуры. Для лучшего изучения вопроса всем

организациям Ирана — исламистским центрам, посольствам Ирана, учебно-информационным центрам, торговым и туристическим корпорациям, а также культурным центрам при офисах иранских атташе — Наджафабади поручил вести наблюдения за ситуацией, выжидая наиболее подходящей для возобновления террористических действий. От них также требовалось быть готовыми к возможному использованию их в качестве прикрытия для какой-либо секретной операции.

Нота бин Ладена и совещание иранских разведчиков совпали со временем глубоких перемен в расстановке сил на Среднем Востоке, а именно возобновлением саудовско-иранских отношений. Эр-Рияд в конце концов, присоединился к политике конфронтации. Совокупность всеохватных действий в регионе, в частности, растущая военная мощь Ирана, исламистский радикализм и воинственность во всех арабских странах, политика администрации Клинтона в отношении Ирана и исламистского движения, — все это убедило династию аль-Саудов пересмотреть свои региональные позиции. После кризиса 1998 года Эр-Рияд не мог более пренебрегать движением в исламских кругах, и Дом аль-Сауда, учитывая еще и кризис престолонаследия, решил снизить угрозу, встретившись с истинным хозяином — Тегераном.

Поворотным моментом в этом процессе стал десятидневный визит в Эр-Рияд, в марте 1998 года, бывшего президента Ирана аятоллы Али Хашеми Рафсанджани, в настоящее время — председателя Экспедиционного Совета Ирана. Было официально объявлено об открытии новой эры в саудовско-иранских отношениях, основанной на общих позициях в региональной экономической политике, то есть цен на нефть. Движущей силой саудовской стороны являлся наследный принц Абдулла бин Абдул Азиз, целью которого было совместить необходимое Эр-Рияду присутствие войск США для защиты от стратегических устремлений Ирана и угрозы резкого распространения местной исламистской оппозиции. Сила последней и поддержка ее населением основывались на распространенной среди обывателей неприязни к американскому присутствию. Чтобы разрешить эти противоречивые тенденции Эр-Рияд должен был снизить зависимость от присутствия войск США и пойти на улучшение отношений с Ираном, что способствовало бы стабилизации внутренней обстановки.

Появление кронпринца Абдуллы на встрече глав ОИС в Тегеране в декабре 1997 года означало, что Саудовская Аравия стремится к восстановлению отношений с Ираном. Результатом визита кронпринца стало заключение ряда двусторонних отношений, таких как возобновление регулярного авиасообщения между двумя странами; подписание контракта о промышленном сотрудничестве на сумму в 15 миллионов долларов; формирование объединенного экономического комитета для выработки стратегии в повышении цен на нефть. В начале марта 1998 года, во время короткого визита в Саудовскую Аравию министра иностранных дел Ирана Камала Харази, возобновленные отношения получили формальное подтверждение. Харази получил аудиенцию у короля Фахда бин Абдул Азиза — подобной чести Эр-Рияд удостоивал только немногих своих союзников и представителей сверхдержав. Король передал свое официальное приглашение президенту Мухаммаду Хатами.

Но истинно поворотным моментом стал десятидневный визит в Саудовскую Аравию Хашеми Рафсанджани. Официально его визит совершался как хадж — паломничество к святыням Ислама, включая посещение главной мечети в Медине; там местный имам отчитал Хашеми Рафсанджани за его нападки на шиизм, но тот не придавал этому значения, чтобы не оскорбить хозяев. Позднее этот имам был лишен сана саудовскими властями.

Критическое значение имели встречи Хашеми Рафсанджани с королем Фахдом, кронпринцем Абдуллой, министром обороны принцем Султаном, министром внутренних дел принцем Найифом и принцем Турки — главой спецслужб, ответственных за антитерроризм и безопасность. Хашеми Рафсанджани провел беседы на самые разнообразные темы, включая обсуждение всех ключевых аспектов саудовско-иранских отношений, практического сотрудничества в прекращении длительного падения цен на нефть, некоторых региональных и глобальных разногласий.

Хашеми Рафсанджани удивил хозяев совершенно революционным предложением, сделанным от имени высших властей Тегерана. Исламская республика Иран давала официальное обещание прекратить террористическую и подрывную деятельность в отношении арабских стран, — в особенности, Саудовской Аравии, государств Персидского залива, Египта и Иордании — в обмен на то, что Эр-Рияд присоединится к кампании определения исламского будущего региона. Хашеми Рафсанджани поклялся, что Тегеран прекратит поддержку местных исламистских

террористических организаций, как только правительства двух стран выработают надлежащую исламскую политику.

Хашеми Рафсанджани подчеркнул, что финансирование Тегераном подрывной деятельности исламистов не подразумевало деятельность, направленную против Дома аль-Сауда либо какого-нибудь другого правительства — исключая пренебрежение ими священной обязанностью джихада. Как только данные государства вновь начнут строить свою жизнь в соответствии с обязательствами, налагаемыми исламом, в частности, примут участие в освобождении аль-Кудс (Иерусалима), — что означает уничтожение Израиля, — у Ирана не останется причин поощрять исламистский терроризм и подрывную деятельность в отношении этих государств. Примечательно, что подобное заявление сделал и лидер «ХАМАС» шейх Яссин, во время своего торжественного турне по странам арабского мира.

Для вящей убедительности Хашеми Рафсанджани не только дал Саудовской Аравии полное официальное заверение относительно «решения и обещания» Ирана остановить финансирование терроризма, направленного против Саудовской Аравии, но также представил письмо президента Хатами, подтверждающее решение Тегерана «прекратить распространение революции, поддержку терроризма, подрывную деятельность на Среднем Востоке и дестабилизацию соседних государств». Единственное исключение делалось для организаций, сражающихся против Израиля, — таких как «ХАМАС», «Исламский джихад», «Хизбалла». Все они финансировались, технически обеспечивались и поддерживались Ираном. Саудовская Аравия, оказывающая текущую материальную и финансовую помощь «ХАМАС» и другим террористическим организациям палестинских исламистов, под это исключение подпадала.

В ходе дискуссий Хашеми Рафсанджани и лидеры Саудовской Аравии коснулись вопроса о взрывах в Хобаре. Избегая однозначного признания ответственности и причастности к этому Тегерана, Хашеми Рафсанджани сообщил принцу Наджифу и принцу Тюрки, что террористами руководило чувство отчаяния, вызванное сотрудничеством Саудовской Аравии с США и ее формальным миром с Израилем. Вопрос же о нахождении у власти Дома аль-Сауда отнюдь не ставился. Рафсанджани предложил, чтобы Эр-Рияд и Тегеран совместно изучили имеющиеся доказательства, дабы иметь гарантию, что в их оценке не допущено никаких двусмысленностей, которые могут ухудшить и без того деликатную ситуацию. В подтверждение того, что недомолвок не имеется, а также как доказательство своей «доброй воли», Эр-Рияд передал Ирану копию сведений о взрывах в Хобаре, имевшихся в распоряжении Саудовской Аравии. (Саудовская Аравия решительно отказалась поделиться этой информацией с США, несмотря на несколько персональных запросов, сделанных высшими официальными лицами во время посещения Эр-Рияда.).

«Прояснение» хобарского вопроса дало толчок к немедленному улучшению в сотрудничестве разведывательных и контрразведывательных служб Аравии и Ирана. В целях дальнейшего кооперирования министр внутренних дел Ирана Абдулла Нури посетил Саудовскую Аравию в начале апреля по приглашению принца Наджифа. Разрешив вопрос о Хобаре, заявил в Эр-Рияде принц Нури, правительства обеих стран «верят, что, восстановив дружеские связи между двумя главными державами региона, мы сможем обеспечить безопасность и спокойствие проживающих в этом регионе людей». Министр возвестил начало новой эры сотрудничества Эр-Рияда и Тегерана, когда «два министра внутренних дел смогут обсудить способы борьбы с наркотиками, с терроризмом; вопросы внутренней безопасности, передвижения граждан обеих стран, а также способы обмена информацией для более четкого выяснения ситуации».

Обновление дружеских связей было одобрено высшими властями Тегерана. Даже аятолла Хомейни выразил свое удовлетворение отношениями Ирана и Саудовской Аравии и призвал к «дальнейшему их развитию и сотрудничеству» двух сил региона. Главнейшую общую цель Ирана и Саудовской Аравии Тегеран определил как ослабление напряженности в отношениях для более слаженных действий в ожидаемой кампании по изгнанию из региона «Великого Дьявола» (США) и уничтожению его «незаконного отпрыска» — Израиля.

Эр-Рияд сделал ответный ход 24 мая 1998 года. Саудовская Аравия объявила о результатах расследований взрывов в Хобаре в июне 1996 года, при которых погибло 19 американских военнослужащих. Как заявил саудовский министр внутренних дел принц Наджиф кувейтской газете «аль-Рам аль-Амм», расследование окончательно доказало, что взрывы в Хобаре «были делом рук самой Саудовской Аравии.... Никакое иностранное вмешательство не имело здесь места». Принц Наджиф сказал также, что Эр-Рияд в настоящий момент отрицает любые намеки на

причастность к акции Ирана и Сирии. Интервью принца Наджифа обошло вниманием многие вопросы, включая такие важные проблемы, как осведомленность Саудовской Аравии о том, кто был исполнителем операции, не говоря уже о том, был ли он арестован, подвергнут пыткам и, в соответствии с традиционным правосудием Саудовской Аравии, обезглавлен.

Заявление принца Наджифа имело исключительную важность. Недостоверность изложенных в нем сведений — более чем очевидно, что именно Иран и Сирия были организаторами и исполнителями террористической операции. Но как ключевое политико-стратегическое событие заверение принца Наджифа о непричастности иностранной силы ко взрывам в Хобаре явилось официальным освобождением Ирана от ответственности за террористические действия, направленные против Саудовской Аравии.

Официальные комментарии местных властей по поводу восстановления связей арабского и мусульманского государств содержали немало намеков, предвосхитивших будущие события. Например, Ясир Арафат сравнил свою позицию визави с Израилем с положением Исламских завоевателей, одержавших победу и над Аравийскими евреями, и над Крестоносцами. «Мы относимся к соглашению с тем же уважением, с каким пророк Магомет и Саладин относились к подписанному ими договору», — пояснил Арафат. Упомянутое им перемирие было заключено в момент ослабления войск, и, как только обстоятельства позволили разбить врага, перемирие было в одностороннем порядке нарушено. Арафат использует этот исторический пример, чтобы оправдать возможное нарушение подписанного перемирия с Израилем и возобновление войны, как только арабы будут в силах ее продолжать.

Лидеры исламистов пошли даже дальше в сопоставлении нынешней ситуации на Среднем Востоке со временем крестоносцев, когда весь мусульманский мир сплотился вокруг единого лидера (не арабского происхождения) — Саладина — чтобы разгромить крестоносцев и изгнать их из Иерусалима.

В середине мая в Иордании «Фронт Исламского Действия» (ФИД) выступил с заявлением, в котором подчеркивалось следующее: «Тайных заговорщиков сионистов и крестоносцев поддерживает то, что среди арабов нет единства и что арабы находятся под властью колониалистов». ФИД особенно подчеркнула всеисламский характер событий исторических и событий грядущих: «Положение Иерусалима и палестинского народа никогда не было проблемой только лишь палестинцев, оно имело значение для всей (мусульманской) нации. Ни Омар бин аль-Хаттаб, ни Салах аль-Дин аль-Аюби или Кутуз не были родом из Палестины. Но все они были мусульмане, и их исламская вера и обязательства перед Господом побудили их смести все препятствия, преграждающие путь к освобождению Палестины».

В соответствии с этим, в середине мая лидер «ХАМАС» шейх Яссин напомнил о значении всеисламского Фронта, созданного для уничтожения Израиля, и вновь сравнил перспективы этого союза с триумфом мусульман в войне с крестоносцами под предводительством Саладина. Как пояснил шейх Яссин, «на пути освобождения Палестины от Израильской оккупации мусульманская нация могла бы сыграть немалую роль. Кто изгнал крестоносцев из Палестины? Конечно, арабская нация, а в особенности Египет и Сирия. Объединившись, они образовались в значительную силу, которой и воспользовался Салах аль-Дин в битве с крестоносцами. Арабская исламская нация может сыграть эту роль и сегодня». Новая инициатива Ирана, направленная на подавление исламистского терроризма и подрывной деятельности в арабском мире, имела целью ускорить восстановление именно таких всеарабских связей, а возможно, и союза.

«Всемирному Исламскому Фронту» потребовалось совсем немного времени, чтобы выступить с авторитетным заявлением, подчеркивающим растущую важность израильской проблемы и, что даже более значимо, единый характер донесений всех исламистских группировок. 17 мая 1998 года это объединение выступило с обращением ко всем мусульманам, подстрекавшим их начать священную войну (джихад) против американцев и израильтян, «где бы они ни находились». В заявлении роль Фронта в мусульманском мире определялась как один из глубоких рвов, где соединятся усилия (мусульманской) Нации, чтобы исполнить долг, наложенный Господом, а именно, Джихад против атеистов среди израильских евреев и американских христиан. Особое значение придавалось поддержке действий исламистов против Израиля в пункте, именованном «Раны мечети аль-Акса». Фронт призывал к оказанию возможно большей помощи «сынам мусульманской Палестины и их благословенной интифаде, при посредстве которой они вновь сумели отказаться от реляционистских решений». Фронт был убежден, что, «несмотря на масштаб

катастрофы, свет надежды становится реальностью, а надежда возрождается на крови мучеников, в боли страдальцев и в пулях, которыми стреляют во имя дела Господа».

Это заявление представило борьбу с Израилем в более широком контексте всемирного джихада против Соединенных Штатов: «Американские евреи и христиане используют Израиль, чтобы поставить мусульман на колени... Действия альянса евреев и крестоносцев, где предводительствуют США, становятся вызывающими... Соединенные Штаты, их правительство и парламент всегда стремились развратить Израиль и использовать его экономическую и военную мощь».

В соответствии с проарабскими тенденциями своей политики, администрация Клинтона приветствовала «умеренность» Тегерана и предприняла попытку возобновить отношения с Ираном. В результате Соединенные Штаты не только повысили возможность санкций со стороны европейцев, имеющих дела с Ираном, но и облегчили использование европейских «фронтов» для американских кампаний. Неудивительно, что даже наиболее консервативные арабские лидеры перестали бояться гнева Вашингтона после того, как они заключили сделку с Тегераном для снижения угрозы исламистского террора и присоединились к арабско-мусульманскому походу на современных крестоносцев во имя освобождения аль-Кудс (Иерусалима).

Между этими событиями, казалось бы, нет никакой связи, но, рассмотренные в совокупности, они представляли глубочайшую перемену в движении исламистских террористов — как среди финансирующих его государств, так и среди непосредственных исполнителей. Результаты данных перемен имели для бин Ладена и исламистской террористической элиты большое идеологическое значение, однако на практике сводились к нулю: не местные правители, а Соединенные Штаты были объявлены всеобщим врагом и, соответственно, мишенью терроризма. Арабско-мусульманские правительства, включая и династию аль-Саудов, рассматривались теперь как жертвы вмешательства и давления США. На взгляд исламистов, как только Соединенные Штаты и европеизация будут изгнаны из Сердца ислама, даже несправедные главы государств примкнут к мусульманской нации. Разница между бывшей и нынешней концепцией угрозы была очень небольшой. Но даже и она не была упущена из виду в Эр-Рияде; принц Тюрки вновь был отправлен для «урегулирования», чтобы стабилизировать положение правящей династии.

В вопросе поддержки движения «Талибан» Саудовская Аравия уступала только Пакистану. Инвестиции и фонды Саудовской Аравии обеспечили талибам приход к власти и помогли удержать ее. Саудовская политика поддержки талибов проистекала из намерений Эр-Рияда направить в безопасное русло исламистское рвение радикально настроенной молодежи — и пусть это будет, по возможности, дальше от Саудовской Аравии. Поддерживая распространение исламизма, династия аль-Саудов тем самым поддерживала и свою репутацию сторонников консервативного варианта исламизма, несмотря на нарушение некоторых из своих жестких моральных норм. На эти нарушения аль-Саудам приходилось идти, дабы удержаться у власти. Исламская революция в ее талибском варианте, с ее консервативнейшим исламистским фундаментом и арабской окраской, устраивала Эр-Рияд полностью. Близость Саудовской Аравии движению «Талибан» была тем более сильной, что основное ядро талибов составляли выходцы из Афганистана — выпускники пакистанских исламистских школ. Их наставники проходили выучку и получали сан в исламских институтах Саудовской Аравии. Оттуда они вынесли и установили в качестве основы обучения в Афганистане наиболее консервативный вариант исламской теологии и законности.

Поддержка Саудовской Аравией талибов была заявлена официально. «Как упомянул один из высших чиновников министерства юстиции [Саудовской Аравии], шейх Мохаммад бин Джубьер (нынешний председатель Консультативного совета), прозванный «распространителем учения ваххабитов в мусульманском мире», был ярким сторонником поддержки талибов», — заявил участник саудовской оппозиции Наваф Обаид.

Связь саудовского исламизма и талибов выразилась и в заявлении последних о поддержке основных требований саудовской исламистской оппозиции. Так, один из представителей высшего командования талибов потребовал «выведения всех войск США из Саудовской Аравии». На что последовал зловещий комментарий Навафа Обаида: «такое же требование высказали в королевстве фундаменталисты-ваххабиты как раз перед тем, как произошли взрывы в Эр-Рияде и Дахране. И если за этими актами действительно стоял господин бин Ладен, тем больше оснований страшиться терроризма, вдохновляемого талибами». Идеологические обязательства перед талибами означали для Эр-Рияда выделение щедрых субсидий ради уверенности в том, что ни

талибы, ни другие визитеры арабского происхождения не повернут свое оружие против королевства.

В начале лета 1998 года Эр-Рияд совещается с Исламабадом по вопросу о том, каким образом удержать направленное против Саудовской Аравии революционное настроение Афганистана. Прагматичный Исламабад сделал вывод о непосредственной связи между тревогой Эр-Рияда по поводу исламистских волнений в Саудовской Аравии и подъемом движения «Талибан». В начале июня Эр-Рияд предпринимает первые решительные шаги. Принц Тюрки и Махмуд Сафар — саудовский хаджи и министр авкафа (религиозной собственности) — прибыли в Кандагар во главе делегации официальных религиозных деятелей и представителей разведслужб. Саудовская сторона предложила различные пути улучшения взаимоотношений, включая и возможную выдачу талибами бин Ладена вместе с группой саудовских «афганцев» в обмен на щедрую финансовую помощь Саудовской Аравии и признание суверенитета талибов Соединенными Штатами. Были разработаны и планы возможных совместных действий саудовских исламистов в Афганистане. Талибы не хотели и слышать о возможности выдачи кого бы то ни было; но, тем не менее, обе стороны решили продолжать переговоры, чтобы удостовериться, что арабские «афганцы» не представляют угрозы для Саудовской Аравии и других стран Персидского залива. На всякий случай немного позже два представителя знатных саудовских семейств прибыли в ставку бин Ладена со значительной денежной суммой — «подарком» за «обещание» не проводить операций в Саудовской Аравии. При этом посланцы пояснили, что привезенные ими «дары» включают также и долю династии аль-Саудов.

Меньше месяца спустя грянул кризис. Салман аль-Умари, находящийся в Пакистане саудовский поверенный в делах Кабула, прибыл в Кандагар для встречи с высшими представителями власти талибов. Аль-Умари начал с жалобы, что около Джелалабада он попал под обстрел талибских отрядов. На что представители талибов заметили, что если бы они его действительно обстреляли, аль-Умари был бы уже мертв. Затем аль-Умари потребовал выдачи бин Ладена Соединенным Штатам; при этом он подчеркнул, что сама Саудовская Аравия к бин Ладену интереса не имеет. Талибский представитель осведомился, на каких основаниях эмиссар мусульман предполагает, что мусульманин будет выдан немусульманскому государству. Это стало началом горячей ссоры. «Вы являетесь послом Саудовской Аравии или Соединенных Штатов? — спросил представитель талибов. — Если вы посол Соединенных Штатов, то я имею честь быть послом бин Ладена».

Талибы немедленно уведомили Исламабад об очевидных крутых переменах в политике Эр-Рияда. Встревоженный Эр-Рияд заверил Исламабад, что политика Саудовской Аравии не изменилась, и предложил убедить в этом талибов. Во второй половине июля 1998 года при посредничестве Исламабада была организована встреча в Кандагаре, результатом которой явилась договоренность о широком взаимодействии Саудовской Аравии и талибов. Главными участниками встречи были принц Тюрки — начальник саудовской разведки — и лидеры талибов, а также офицеры МВР высшего ранга и представители Усамы бин Ладена. В соглашении оговаривалось, что ничьи требования, включая и американские, по выдаче людей и (или) сведений о террористической деятельности и лагерях рассматриваться не будут. Принц Тюрки обещал также щедрую финансовую и нефтяную помощь как афганским, так и пакистанским талибам. Для Исламабада переговоры с Эр-Риядом на высшем уровне были равнозначны официальному признанию Саудовской Аравией власти талибов в Афганистане. Русские источники сообщают, что вскоре после заключения соглашения из Саудовской Аравии и ОАЭ были переведены крупные суммы денег на Украину — плата за приобретение и быструю доставку вооружения для Пакистана и талибов. Именно эта партия вооружения сыграла решающую роль в быстром и успешном наступлении в начале августа 1998 года, результатом которого было утверждение власти талибов во всем Афганистане.

Затем, 7 августа 1998 года, две машины, начиненные взрывчаткой, разрушили здания посольства США в Найроби и Дар-эс-Саламе. Не следует обвинять бин Ладена в причастности к этим взрывам. Исламистские источники подчеркивают, что именно Афганистан является центральной базой в антиамериканской войне, но отрицают любую причастность, равно как и ответственность за взрывы в Восточной Африке. Хотя обращение «Всемирного исламского фронта» с призывом к джихаду против евреев и крестоносцев и фатвы были документами большой важности, они противоречили друг другу; несмотря на содержащийся в них недвусмысленный призыв к джихаду, ответственность за взрывы в Восточной Африке взяла на себя доселе неизвестная «Исламская армия освобождения святых мест». Исламистские лидеры были полны решимости «не допустить, чтобы Вашингтон выступил с требованием к движению [

«Талибан»] о выдаче бин Ладена, Завахири или обоих, если те открыто заявят о своей ответственности за два теракта». Но Исламабад не был намерен помогать Вашингтону в любом случае.

20 августа запущенные Военно-морским флотом США 75–80 крылатых ракет атаковали комплекс учебно-боевых лагерей в афганском районе Ховст. В соответствии с наблюдениями, которые велись с суши пакистанцами, афганцами и англичанами, 13 ракет поразили лагерь Марказ Халид бин Вахед; 10 ракет поразили лагерь Марказ Амир Муавия, и еще пять — базу Джалаладдина Хакани. Остальные ракеты попали в близлежащие деревни. Как говорит-непосредственный свидетель события, «большое количество деревенских жителей было не столько убито шрапнелью, сколько погибло от осколков стекла и было погребено под обрушившимися домами». В этих лагерях находилось около 1200 боевиков контролируемого МВР движения «Харакат уль-Ансара» — пакистанцы, кашмирцы и афганцы; примерно 200 из них — афганские моджахеды, а основную массу составляли арабы. Потери среди них составили 26 убитых и 35 раненых. Погибло 14 афганцев, 8 пакистанцев, 3 египтянина и один гражданин Саудовской Аравии. (Если верить бин Ладену, жертв было 28–15 афганцев, 7 пакистанцев, 2 египтянина, 3 жителя Йемена и 1 — Саудовской Аравии.)

Неудивительно, что мулла Джалаладдин Хакани, под чьим непосредственным руководством находился район Ховст, высмеял заявление США о том, что воздушная атака нанесла лагерям тяжелый урон. «Лагеря в Заваре устояли перед двумя воздушными и одним наземным наступлением Красной Армии, и их невозможно захватить или уничтожить, несмотря на частые атаки с воздуха и обстрелы. Что могут сделать укрытому среди гор укрепленному лагерю 60–70 американских ракет дальнего действия с весьма неточным прицелом?».

Согласно заявлению Хакани, лагерь Салман Фарси «почти не получил повреждений»; лагерям аль-Бадра, известным также как Абу Джиндал (или «арабские лагеря»), «нанесен минимальный ущерб»; а лагерям Халиб Лин Валид и Амир Муавия «нанесен некоторый ущерб». Склады боеприпасов, расположенные в глубоких пещерах близ лагерей, «практически не пострадали».

Хакани сообщил, что в районе учебных лагерей было возведено пять мечетей и что службы посещали не только моджахеды, но и жители близлежащих селений. Во время налета четыре мечети, находившиеся в лагерях и окрестных деревнях, были уничтожены, и, по словам очевидцев, «горящие страницы двухсот Коранов» были разметаны ветром по всему месту атаки. Воинственные исламисты, в особенности те из них, кто был связан с организациями, финансируемыми МВР, немедленно организовали в Пакистане трансляцию кадров с изображением поврежденных зданий. Сравнив их со старыми кадрами боевых лагерей, в этих зданиях легко можно было угадать мечети. Были у исламистов и пленки, запечатлевшие разбросанные по земле страницы Корана. «Америка осквернила наши мечети и священные книги, — сказал боевик из «Харакат уль-Ансар». — Президент Билл Клинтон будет повешен за это». Подобные настроения разделялись многими. «Когда США бомбили мечети, они приблизили свою смерть, — сказал Ахмад Сарвар, оставшийся в живых после нападения на лагерь «Харакат уль-Ансар». — Они уничтожили наши святыни и обратили в груды камней религиозные школы в наших лагерях. США разожгли костер, и США сгорят в этом костре». Уже пару дней спустя исламистская пропаганда поставила в один ряд многочисленные разрушения, особенно те, которым подверглись местные мечети, и настроение американской прессы, выражавшей восхищение полностью управляемой военной техникой во время войны в Персидском заливе. Вывод напрашивался сам собой: разрушение американцами мечетей и осквернение Корана было намеренным.

Сразу же после нападения официальные лица Пакистана и талибов опровергли заявленные США данные о населении лагерей. Как сообщает представитель «Харакат уль-Ансар», подвергшиеся бомбежке лагеря «были укомплектованы членами пакистанской разведки, которая приняла участие в подготовке боевиков для военных действий против индийского господства в Кашмире». «Арабов тут не было, — сказал один из солдат лагеря «Харакат». — Вот почему почти никто из них не погиб и почему большинство жертв составили пакистанцы и местные афганцы. Эта операция причинила больше вреда пакистанскому правительству, чем бин Ладену». Лидер талибов мулла Омар заявил, что за два месяца до бомбардировки он отдал приказ перевезти из лагеря всех арабских «афганцев» — саудовцев, египтян, суданцев, йеменцев — на более защищенную базу к югу от Кабула. Неудивительно, что местные исламисты дали клятву мести. «Америка сама вызвала свою смерть, — заявил Маулви Фазлур-Рехман Халил, глава «Харакат

уль-Ансар». — Если мы не добьемся справедливости в международном суде, мы знаем, как восстановить нашу собственную справедливость».

В другой части земного шара президент Клинтон и другие официальные лица сделали попытку обосновать ракетную атаку учебных центров террористов в афганской провинции Ховст. Они сослались на информацию, представленную спецслужбами, благодаря которой и было рассчитано время обстрела. Разведка США получила сведения о том, что в регионе планируется провести крупное совещание террористов, и целью нападения должно было стать уничтожение его участников, включая Усаму бин Ладена и его ближайших соратников. Все они, тем не менее, уцелели, их, как и многих других террористов, проходящих подготовку в этих центрах, в момент удара там попросту не было. Есть немало оснований предполагать, что должностные лица Пакистана предупредили террористическую элиту о готовящемся американском нападении.

В соответствии с опубликованным в «New York Times» хронологическим изложением действий, предпринятых Белым домом и приведших к бомбардировке 20 августа, 12 августа президент был поставлен в известность об очевидной причастности Усамы бин Ладена к взрывам в американских посольствах в Кении и Танзании и о планируемом ответном ракетном ударе. Спецслужбами США была предложена и дата — 20 августа, — так как стало известно, что на этот день назначена встреча террористических лидеров. 21 августа председатель Совета национальной безопасности Сэнди Бергер заметила, что большинство сведений, определивших дату нападения, было получено путем подслушивания телефонных разговоров бин Ладена и некоторых других лиц.

Однако 12 августа, когда план удара был в окончательном виде представлен президенту, спецслужбы США совместно с другими ответственными за принятие решения лицами должны были бы перепроверить полученную информацию. Начиная с 8 августа американским спецслужбам стала поступать информация о необычных перемещениях террористических баз и лагерей на территории Афганистана. В период после взрывов происходил «вывод людей из мест обычных действий бин Ладена в Афганистане», — сообщило агентство Си-Эн-Эн 13 августа. Эти сведения укрепили Вашингтон во мнении об ответственности бин Ладена за взрывы в Восточной Африке. По данным источников пакистанской разведки, появившимся в газете «аль-Хаях», «среди арабских сподвижников бин Ладена были отмечены перемещения — между их главными ставками в Кандагаре и Джелалабаде и крепостью в горной провинции Пактия». Позднее, по мере приближения назначенного дня ракетного удара, достоверные источники саудовских спецслужб на Ближнем Востоке и в Западной Европе широко и открыто обсуждали последние перемещения людей бин Ладена, подчеркивая, что Эр-Рияд получил эту информацию от МБР.

Даже «аль-Хаях» писала, что «пакистанские источники не исключают возможности крупной встречи боевиков, на которой может присутствовать бин Ладен, и есть намеки на то, что об этой встрече уже известно американцам».

В связи с этим выяснилось, что талибы постарались удалить бин Ладена из потенциально опасного места. 13 августа Абдул Рахман, афганский гражданин, сообщил иранской разведке в Ташкенте, что «вечером 12 августа Усама бин Ладен в течение часа совершал объезд Мазар-и-Шарифа, что в северном Афганистане». Абдул Рахман заявил, что видел, как бин Ладен «прибыл в Шадиан — квартал Мазар-и-Шарифа — на пикапе «Дацун», сопровождаемый многочисленными ополченцами «Талибана»». После того как Соединенные Штаты нанесли свой удар, доктор Саадал Факих, глава лондонского филиала «Движения исламских реформ в Аравии», признал, что «по заявлению представителя талибов, бин Ладен находился за 500 километров от места нанесенного удара».

Все эти перемещения, равно как и слухи о том, что Соединенным Штатам известно о готовящейся встрече террористов, должны были породить сомнения в представленных разведкой сведениях о предстоящей встрече глав террористического движения. То, что высшее командование террористов прибудет на переговоры в лагерь, где уже к тому времени была закончена эвакуация рядовых боевиков из страха перед угрозой американского нападения, было совершенно бессмысленно. Так же, как и то, что встреча произойдет, когда ее руководитель — бин Ладен — находится далеко на севере Афганистана. Не имело смысла и то, что наиболее рьяно разыскиваемые террористы мирового масштаба проведут «секретное совещание» после того, как о нем было сообщено в прессе и известно также, что США знают о ней — причем это было сообщено в такой газете, как «аль-Хаях», владельцем которой является сын саудовского министра обороны и брат посла Саудовской Аравии в Вашингтоне.

Америке следовало бы заподозрить, что за преданными огласке фактами о передвижениях бин Ладена скрывается что-то иное. Очевидных намеков на приготовления США не было. Более того, Вашингтон начал осторожные переговоры с Исламабадом, — в частности с кабинетом премьер-министра Наваза Шарифа и с МВР, — об аресте Мохаммада Садиha Одеха и о материале, который он может представить относительно взрывов в американских посольствах. Вопрос был сугубо деликатным, так как Пакистан финансировал и прямо принимал участие в исламистском терроризме, в основном — в отношении Индии, но также и во всей Азии и на Балканах. Более того, Пакистан готовил боевиков в тех же лагерях, которые сейчас собиралась атаковать Америка.

Вначале информация о том, в какой мере Исламабаду известно о предстоящей ракетной атаке США, была противоречивой. Ночью 10 августа Пакистан официально заявил, что Исламабад был шокирован при известиях об ударе. Министр иностранных дел Сартаи Азиз удостоверил, что Америка не делала предупреждения о нападении.

Вскоре, однако, появилась более исчерпывающая информация. Официальными лицами Пакистана были зафиксированы многочисленные контакты между Вашингтоном и Исламабадом накануне удара: 1) телефонный разговор между президентом Клинтонem и премьер-министром Навазом Шарифом; 2) разговор госсекретаря США Меделайн Олбрайт с Навазом Шарифом; 3) главный министр Пенджаба Шахбаз Шариф — брат и доверенное лицо Наваза Шарифа — имел разговор с высшими чиновниками госдепартамента США в Вашингтоне.

Надежные военные источники в Исламабаде подтвердили, что «чиновники госдепартамента информировали своих коллег в Пакистане о планах военной атаки» за несколько дней. Некоторые военные источники в Пакистане сообщили, что к 14 августа президент Клинтон уже предупредил премьер-министра Наваза Шарифа о планах США. Пакистанские источники подчеркивают, что Соединенные Штаты, проконсультировавшись с Исламабадом, решили перенести время удара на 18 августа. Американская атака, замечают они, была «проведена с полного ведома Пакистана. В хронологическом изложении действий Вашингтона «New York Times» определяет 14 августа как дату «встречи Клинтона с советниками по внешней политике для планирования военной акции».

Западные дипломатические источники в Исламабаде также подтверждают, что Шахбаз Шариф «совершил незапланированный визит в Вашингтон в конце последней недели для переговоров с американскими официальными лицами». Этому визиту преписывалось особенно большое значение вследствие тесных отношений между братьями Шарифами. Источники не сомневаются, что Вашингтон использовал этот и (или) другие каналы для предувeдомления Исламабада.

Фазаль ур-Рахман Халил, глава центра «Харакат уль-Муджахеддин», финансируемого МВР, 22 августа заявил, что, по его мнению, Пакистан заранее знал об американском нападении. С этим соглашаются и другие источники и замечают, что высшие руководители и инструкторы МВР организовали эвакуацию лагерей в восточный Афганистан за неделю до удара.

Но не только Исламабаду было заранее известно о грядущем ударе; по крайней мере, было предупреждено и руководство «Талибана» — детища Исламабада, получающего его финансовую поддержку, — дабы оно смогло обеспечить безопасность бин Ладена, Завахири и их приближенных на время нападения. В соответствии с арабскими источниками, МВР даже послала в Афганистан одного из своих высших руководителей, чтобы лично предупредить бин Ладена о готовящейся атаке США. После атаки же не предпринималось никаких попыток скрыть факт предупреждения Пакистаном самого бин Ладена и талибов. Информированные источники в Исламабаде с готовностью признали, что «бин Ладен покинул провинцию Ховст, обстрелянную ракетами США, двумя-тремя днями раньше бомбардировок после того, как получил «сигналы» из Пакистана».

Развернутая официальными и разведывательными службами Пакистана и Саудовской Аравии широкая кампания по утечке информации о секретной встрече террористов под председательством бин Ладена и Завахири породила сомнения в том, планировалась ли такая встреча вообще. Ни один террорист не может серьезно рассматривать идею о встрече, которая так хорошо рекламируется. Во время американской атаки совещание террористических лидеров не проводилось, никто из высшего руководства не пострадал, чувствительного ущерба технике нанесено не было.

Но наиболее показательным в этом отношении поведение бин Ладена и Завахири в ближайшие часы до и после удара США 20 августа. В 21:00 по местному времени — то есть приблизительно за час до ракетной атаки — по спутниковой связи бин Ладен Завахири имел разговор с Рахимуллой Юсуфзаем, сочувствующим пакистанским журналистом, находящимся в Пешаваре. Завахири говорил по-английски от имени бин Ладена — тот знает только арабский. В начале разговора Завахири зачитал короткое заявление: «Усама бин Ладен призывает к мусульманской нации продолжить джихад в отношении евреев и американцев, чтобы освободить наши святыни. В то же время он отрицает свою причастность ко взрывам в Найроби и Дар-эс-Саламе». Он продолжал оживленный разговор еще около четверти часа. Он подтвердил, что звонит из Афганистана и что бин Ладен «где-то здесь». У Юсуфзая создалось впечатление, что во время телефонного разговора «бин Ладен сидел бок о бок с Завахири». Несмотря на возможное прослушивание и прослеживание звонка, бин Ладен и Завахири не проявляли видимого беспокойства.

45 минут спустя, после того как Завахири закончил свой разговор с Юсуфзаем, в 22:00 по местному времени, ракеты ударили по террористским лагерям в Ховсте. Бин Ладена, Завахири и всей террористической элиты там не было. Первым сообщил о том, что они вне опасности, официальный Тегеран. 21 августа мулла Мохаммад Омар, руководитель «Талибана», дал объяснение тому, почему не пострадал бин Ладен. «Усама бин Ладен переместился в безопасное место до того, как Соединенные Штаты нанесли удар по его базам», — сообщил он официальному иранскому агентству новостей ИРНА. На следующий день, 22 августа, талибы официально отреагировали на атаку США. Американское нападение было ничем иным, как доказательством «враждебности США по отношению к исламу и мусульманскому миру. Перед ударом Усама был перевезен в безопасное укрытие, и никакая сила или хитрость не могут заставить Афганистан выдать его американскому правительству, — заявили талибы. — Усама — гость афганского народа, и он заверил, что не предпримет никаких действий в отношении какой-либо страны, находясь на территории Афганистана».

21 августа, около 23:00 по местному времени, Завахири вновь позвонил Рахимулле Юсуфзаю, используя ту же спутниковую связь. Завахири подтвердил, что и он, и бин Ладен находятся «где-то в Афганистане, в целостности и сохранности». Основной целью звонка Завахири было передать на английском языке предупреждение бин Ладена: «Война только начинается. Пусть американцы ждут ответа... Передайте американцам, что мы не боимся бомбардировок, угроз и актов агрессии. Десять лет мы терпели советские бомбардировки и выжили, и мы готовы к еще большим жертвам». Затем он повторил призыв бин Ладена ко всем мусульманам продолжить священную войну против американцев и евреев за освобождение святынь ислама. Как и 20 августа, Завахири говорил вполне спокойно, не обнаруживая тревоги по поводу возможного перехвата и прослеживания его звонка.

В тот же день, 21 августа, бин Ладен еще больше прояснил вопрос о совещании террористов, которое попыталось атаковать США. Разъяснение было получено посредством той же спутниковой связи между доверенным лицом бин Ладена, известным лишь как Абу-Хак, или доктор Хак, и Абдул-бари Атваном, издателем выходящей в Лондоне газеты «аль-Кудс аль-Араби», близким к бин Ладену человеком. Как подтвердил Абу-Хак, совещание действительно планировалось на пятницу, 21 августа. (Все важные дела исламистов начинаются в пятницу, с полуденными молитвами и проповедью, затем начинается собственно обсуждение вопроса. Не бывало случая, чтобы значительное событие планировалось, скажем, на вторник.)

Принять в нем участие должны были бин Ладен, Завахири и несколько человек из высшего командования. Сбор был назначен в учебном лагере Зхавар Кили аль-Бадр, около Ховста. Сама же встреча должна была пройти вне территории лагеря. (По причинам безопасности, большинство известных нам совещаний террористов в Пакистане и Афганистане было проведено либо в изолированных палатках, либо в отдаленных от остальных построек зданиях, чтобы ни проходящие обучение боевики, ни другие случайные свидетели не видели участников встречи.) Таким образом, было ли или нет назначено совещание террористов, США воспользовались этим как предлогом для удара, и бин Ладен извлек из этого факта немалую выгоду, осмеяв Вашингтон, и бросил ему вызов. Повторяя сказанное Абу-Хаком, Абдул-бари Атван сообщил: «Президент Клинтон не ошибался. В прошлую пятницу в Ховсте действительно должна была состояться встреча. Но ее отменили, потому что бин Ладен узнал, что американцы готовят налет». Абу-Хак попросил Атвана объявить решение бин Ладена: «Мы ответим Биллу Клинтону на деле, а не на словах. Война еще не началась, — так передал Атван послание бин Ладена. — Усама бин Ладен не пострадал, атака американцев с целью уничтожить его потерпела неудачу».

Нетрудно предположить, что бин Ладен, Завахири и другие представители исламистской террористической элиты не пострадали, потому что и они, и талибы были заранее оповещены Исламабадом. Действительно, к тому времени, как Вашингтон в лице генерала Джозефа Ральстона официально уведомил Исламабад о намерении нанести удар по бин Ладену и террористическим лагерям в Афганистане, Исламабад уже принял решение поддержать сторону террористов. Что касается Исламабада и Эр-Рияда, то бин Ладен и Завахири не нарушали, со своей стороны, соглашения, заключенного с принцем Тюрки. Так как поддержка Саудовской Аравии могла сыграть решающую роль в укреплении контроля Пакистана над Афганистаном, Исламабад не мог позволить администрации Клинтона разрушить июльский договор с принцем Тюрки, который, в конце концов, заявлял, что ведет переговоры с согласия Вашингтона. Ни у Исламабада, ни у Эр-Рияда не было сомнений в том, что если что-нибудь случится с бин Ладеном, Завахири или другими харизматическими фигурами исламистов из тех, кто соберется в Ховсте, на Аравийском полуострове и в большей части арабских стран разразится сильнейший мятеж. Саудовская Аравия стремилась любой ценой предотвратить такую возможность, тем более учитывая напряженную и нестабильную обстановку в самом Эр-Рияде, вызванную резким ухудшением здоровья короля Фахда. Исламабаду не оставалось выбора, кроме как сделать предупреждение и обеспечить помощь бин Ладену, Завахири и их сподвижникам.

Становление исламистской доктрины мести и справедливости началось еще до того, как первые ракеты достигли провинции Ховст. Пакистанские источники определяют промежуток от 14 до 18 августа как время совещаний между президентом Клинтон и премьером Пакистана Назавом Шарифом по поводу предстоящей американской акции возмездия. В то же самое время бин Ладен, Завахири и их приближенные составили свое первое коммюнике, в котором определялась новая фаза антиамериканской священной войны.

В своем первом обращении со времени взрывов в Найроби и Дар-эс-Саламе «Всемирный исламский фронт джихада против евреев и крестоносцев» одобрил и благословил операции, проведенные «Исламской армией освобождения святых мест». Более того, заявление фронта было представлено фактически одновременно с тремя донесениями из армии, что не оставляло сомнений в существовании между ними связи. Заявление это существенно тем, что оно способствовало дальнейшему усугублению намерений исламистов действовать против Соединенных Штатов.

В заявлении Фронта от 18 августа говорится, что взрывы в Восточной Африке были только началом долгой кампании. Антиамериканские операции, подобные уже предпринятым в отношении посольств, будут продолжаться до тех пор, пока «США не выведут войска из мусульманских земель». В заявлении одобрялись операции «Исламской армии освобождения святых мест» как проявление джихада, при этом не делалось никаких намеков на связь Фронта с исполнителями этих операций. «Когда Исламская армия заявила о себе посредством этих глубоко значимых операций, всем, включая американский народ, стало ясно, что, предостерегая их, мы не лгали», — говорилось в документе. Фронт заявлял об ответственности американцев за действия правительства США, таким образом делая каждого американца узаконенной мишенью терроризма. Заявление подчеркивало, что «когда американцы доверились своим несправедливым и бесчестным лидерам, которые привели их к разрушению, они столкнулись с реальностью взрывов. Американский народ поверил замыслам и интересам евреев, которые бросили их в горнило священной войны между воинственным исламом и США — оккупантом и узурпатором».

В своем заявлении «Всемирный исламский фронт джихада против евреев и крестоносцев» стремился также установить последовательность действий, начиная с ранних операций исламистов и заканчивая взрывами в Восточной Африке. «Эти два взорванных посольства ранее послали на смерть по меньшей мере 13 000 сомалийских граждан во время предательской акции агрессии, проводимой Соединенными Штатами по отношению к мусульманским странам», — объяснялось в заявлении. Однако операции, проведенные в августе 1998 года, не были продиктованы чувством мести, но были лишь карой за «несправедливость, допущенную правительством США в отношении людей ислама». Заявление заканчивалось предостережением и угрозой возможного продолжения: «Аллах знает — придет день, и для США наступит черное время, подобное тому, которое ожидало Советский Союз. Исламская армия последует за армией в борьбе против преступных сил США, и это завтра скоро наступит».

Заявление, сделанное «Исламским фронтом освобождения святых мест», было озаглавлено «Открытое письмо народу Кении» и имело целью выразить соболезнования гражданам Кении, понесшим потери во время операции в Найроби. Заявление подчеркивало, что «мишенью акции

являлась только Америка... Исламская армия не имела намерения наносить удар по гражданам Кении. Все усилия были направлены на то, чтобы унижить и уничтожить американских грабителей и тиранов». В заявлении подчеркивалось, что ответственность за потери среди гражданских лиц «лежит на Соединенных Штатах» и что США «обязаны выплатить компенсацию народу Кении за то, что они принесли на их землю последствия войны». Народ Кении должен обвинять в потерях, понесенных во время взрывов, свое собственное правительство. «Когда ваше правительство позволило американцам использовать вашу землю, чтобы убивать соседствующие с вами народы ислама и блокировать их экономику, ваше правительство навлекло на страну смерть и разруху... Ни для кого не является секретом роль Израиля в трагедиях, постигших мусульман и начавшихся в Кении, Танзании и государствах Северной Африки». В заявлении пояснялось, что именно эти посольства США были выбраны как мишени теракта потому, что «Кения и Танзания становятся крупнейшими базами США, используемыми против мусульман». В другом своем заявлении «Исламская армия освобождения святых мест» объявила, что ее схватка с американскими крестоносцами и евреями есть «смертельная схватка». «Наш способ ведения войны до сих пор заключался в том, чтобы устилать дорогу к американскому правительству трупами американцев до тех пор, пока мы не сокрушим их высокомерие, не слошим их гордость и не втопчем в грязь поражений их достоинство». Исламская армия предостерегала всех мусульман от «приближения к чему бы то ни было американскому, дабы избежать повторения того, что случилось в Найроби, и дабы вас невольно не опалило пламенем армии Аллаха».

Немедленно после американского удара бин Ладен повторил суть сказанного Фронтом в своем личном послании, переданном Абдул-бари Атвану в «аль-Кудс аль-Араби». В нем бин Ладен угрожал президенту Клинтону дальнейшими ударами по американским мишеням в ответ на нападение в Афганистане. Бин Ладен уведомил президента, что «битва еще не началась, и ответом будет то, что вы увидите, а не то, что вы слышите». В своем заявлении бин Ладен осмеял результаты удара и понесенный ущерб, потому что «потеря человеческих жизней — вещь совершенно естественная среди афганистанских арабов, и они к ней привычны. Все они ищут случая пожертвовать собой и желают отправиться к Аллаху как можно быстрее». Атван заключил, что, по создавшемуся у него впечатлению, «последовавшая за ударом надменная реакция США только увеличила популярность бин Ладена и сделала его исламским символом».

23 августа доверенный человек Завахири позвонил в «аль-Хаях» от имени Завахири и бин Ладена. Он сообщил, что хотя «Усама бин Ладен будет и дальше призывать к войне с евреями и крестоносцами, но к операциям в Найроби и Дар-эс-Саламе он не причастен». Завахири заметил, что «никто из египетских и арабских исламистов [присоединившихся к бин Ладену] в Афганистане не пострадал от ракет США». Доверенный человек Завахири повторил данное лидерами талибов обещание защищать бин Ладена и его людей. Он предположил, что военные удары США «вызовут активизацию ударов исламистов по американским целям». Вслед за бин Ладеном и Завахири он высказал мнение, что «администрация Клинтона совершила безумный поступок, опрометчиво начав акцию, которая только разожжет гнев исламистов по отношению к американцам. А это говорит о том, что конфронтация между двумя сторонами в будущем может принять угрожающий оборот».

Ночью 26 августа Айман аль-Завахири снова позвонил Рахимулле Юсуфзаю, чтобы убедиться, что Запад в полной мере осознал серьезность и важность предостерегающего послания. «Здравствуй, брат. Я в порядке. Брат Усама бин Ладен шлет тебе привет. У него есть для вас сообщение, — сказал Завахири. — Усама бин Ладен призвал всю мусульманскую нацию продолжать джихад против евреев и американцев во имя освобождения святых мест. При этом свою причастность к событиям в Найроби и Дар-эс-Саламе он отрицает».

Некоторые исламистские группы предложили свой анализ обстоятельств, при которых совершилось американское нападение. Бюллетень «Движения исламских реформ в Аравии» (ДИРА) от 24 августа примечателен тем, что отражает настроения исламистской оппозиции в Саудовской Аравии. Эта группа рассматривала нападение США как начало большей конфронтации с Соединенными Штатами. ДИРА подчеркивало, что удар оказался на руку исламистам. «Создается впечатление, что Америка, сама того не сознавая, приступила к выполнению некоторой части программы джихада. Может быть, так было предопределено Богом, что скандалы вокруг Клинтона в этот период разгорелись с новой силой, и это также стало фактором в определении времени удара. То есть удар обернулся гневом и враждебностью по отношению к Америке, а именно этого и хотели группы Исламского джихада».

Более того, политическая динамика складывалась с большой выгодой для бин Ладена благодаря частому упоминанию его имени в западной прессе. «Такая его презентация станет сильным импульсом для всех участников движения джихада, особенно для последователей бин Ладена. Это поднимет их дух и укрепит их мнение о себе как о главной силе, противостоящей Америке. Для них все неверные и поспешные атаки будут свидетельством того, что Америка потерялась и не знает, куда ударить. Что же касается мнения арабского и мусульманского населения, то все обстоит точно так же, коль скоро людей захлестнул шквал героизма и готовности пожертвовать собой. Они лишь ждут того, кто помог бы им удовлетворить жажду мести Америке и желание подчинить и поработить ее, как Америка поработила и угнетала мусульман Палестины, Ирака, Аравийского полуострова, Африки, Турции и других стран. Посему вид американских чиновников, признающих свое смущение и страх перед бин Ладеном, в какой-то мере дал выход этим чувствам и способствовал росту популярности бин Ладена».

В Пакистане происходил похожий процесс. Рахимулла Юсуфзай отметил, что нападение сделало из бин Ладена «культового героя во всем Пакистане и породило реакцию одобрения джихада, который он пропагандирует. В исламском мире, где истинных героев мало, Усама бин Ладен возник как фигура нового культа». Он символизировал собой вызов Америке и ненависть, которую мусульманский мир к ней испытывает. Так как усама означает по-арабски «лев», многие ораторы на митингах заявляли, что «лев Усама вышел из клетки, чтобы пожрать врагов ислама». Всеобщая поддержка и поклонение способствовали распространению среди исламистов мнения, что они должны действовать согласно общим настроениям: «Последний удар США поставил бин Ладена и его «Всемирный исламский фронт джихада против евреев и крестоносцев» перед жесткой необходимостью ответить в том же духе». И не приходится сомневаться, что исламисты скоро удовлетворят эти ожидания.

Сила людской ненависти к Америке требовала религиозного руководства в отношении того, что делать дальше. В мусульманском мире широко распространено убеждение, что на удары США по Афганистану и Судану следует ответить ударом — таким сильным, чтобы он был существенным даже для такой сверхдержавы, как США. Исламисты взяли под контроль эту жажду действия и напряженность эмоций, выпуская фатвы и другую литературу подстрекающего характера.

В начале сентября приободрившийся Хасан аль-Тураби подвел итоги последствиям последнего кризиса. «Американскому президенту нужна была мишень, и в его списке значился Судан, — сообщил он в интервью газете «Christian Science Monitor». — Он закончил свою войну с Ираном [имеется в виду восстановление отношений с Хатами], и сейчас наша очередь. В отношении Судана был проведен самый настоящий теракт». Но благодаря восстановлению позиций исламизма в мусульманском мире Тураби больше не приходится беспокоиться по поводу того, уцелеет ли исламистский Судан. «Ислам теперь укрепился, и никто не сможет уничтожить его силой, — сказал он. — Если вы примените силу, мы сможем постоять за себя. Если вы придете с миром, мы приветствуем вас; если вы придете с войной, мы ответим вам войной. Мы могущественны». Тураби объяснил свой положительный и оптимистический настрой возвеличиванием бин Ладена, чем он частично обязан последствиям нападения США. Бин Ладен «живет в глуши, но теперь — ха-ха! — вы [американцы] сделали из него героя, символ всех антизападных сил мира, — заметил Тураби. — Вся арабская и мусульманская молодежь, поверьте, видит в нем пример для подражания. Всеобщая ненависть к США породит десятки тысяч бин Ладенов».

В начале сентября 1998 года действия исламистов в Косово вновь активизировались. АОК (Армия освобождения Косово) пополнилась сотнями иранских бойцов, прибывших через Албанию. Среди лучших бойцов АОК было много опытных «афганцев» и «боснийцев» — иранцев, афганцев, алжирцев, саудовцев, египтян и даже чехов, сражавшихся в Афганистане и (или) в Боснии. Численность этих моджахедов составляет сейчас около 7 тысяч человек. Большинство из них преданы бин Ладену и Завахири; система снабжения войск и финансирование находятся в ведении бин Ладена. Под руководством официальных лиц США местные полицейские отряды продолжают совершать нападения на институты исламистов, равно как и на дома и квартиры тех, кто хоть какое-то время принимал участие в боевых действиях в Боснии.

В конце 1998 года, несмотря на растущее давление со стороны разведслужб США и их местных союзников, действующие в Албании и за ее пределами исламистские организации продолжают расширяться. Начиная с конца ноября соратниками бин Ладена организуется в Албании новая сеть под ширмами различных мусульманских благотворительных организаций. Как сообщает Фатос Клози, глава албанской разведки ШИК, Албания использовалась этой сетью «как плацдарм

для операций в Европе». Клози сказал, что сеть состояла из «египтян, саудовцев, алжирцев, тунисцев, суданцев и кувейтцев» и действовала под прикрытием различных гуманитарных организаций.

Руководил этими действиями инженер Мухаммад аль-Завахири, брат Аймана аль-Завахири. Мухаммад аль-Завахири обучался в террористических школах высшего уровня в Афганистане и Пакистане, где он, по сообщениям египетской разведки, «учился обращению с оружием, составлению планов политических убийств и проведению публичных операций». Недавно он перебрался в Албанию, по легенде — для работы в агентстве по помощи безработным в Тиране. На самом же деле он создал организацию, подобную той, которую создал бин Ладен в Пакистане в начале 1980-х годов. В его ведении находятся прием исламистов, прибывающих на Балканы, и обеспечение их всем необходимым до тех пор, пока они не будут распределены по оперативным отрядам.

Благодаря помощи исламистов Армия освобождения Косово сейчас гораздо лучше вооружена и организована. Но конечная цель арабских моджахедов была куда более зловещей, чем помощь в антисербской войне, которую ведут их собратья-мусульмане в Косово. Как сказал представитель хорватских органов госбезопасности, «есть указания на то, что они планируют возглавить нанесение ударов по американским объектам на Балканах, особенно если учитывать, что большинство вновь прибывших «афганцев» — приверженцы бин Ладена».

Время подъема исламистского движения тем более примечательно, если иметь в виду ухудшение здоровья короля Фахда. Круг проблем, возникших в начале августа, еще более усугубил кризис престолонаследия, а деятельность бин Ладена придала новые силы исламистам. Саудовская Аравия отчаянно искала пути сохранения власти династии аль-Саудов. Выдвижение принца Абдуллы бин Абдул-Азиза, самого младшего и любимого сына короля Фахда, на должность премьер-министра было воспринято в Эр-Рияде как указание на то, что король Фахд решил оставить престол еще до конца года.

Принц Абдулла начал искать пути укрепления собственной власти, в частности — искать союзников, могущих стать буфером в отношениях с американцами. Главного единомышленника он нашел в лице принца Халида аль-Фазала, сына первой жены прежнего короля Фазала бин Абдул-Азиза, в настоящее время — губернатора провинции Азир, находящейся на границе с Йеменом. Вскоре принц Халид сделался рупором принца Абдуллы. Для демонстрации своей власти в делах обороны в конце июля принц Халид пошел на сознательное разжигание конфликта с Йеменом по поводу границ.

В начале августа здоровье короля Фахда резко ухудшилось — он в это время находился в Джедде. Положение было настолько серьезным, что его переправили самолетом в Эр-Рияд в сопровождении двух его сыновей и братьев, министра обороны принца Султана и принца Салмана. Принц Абдулла тоже примчался в Эр-Рияд. 12 августа специальная группа врачей во главе с американским хирургом провела операцию по удалению желчного пузыря. 17 августа король был выписан из больницы, но уже ранним утром 24 августа вновь был туда отправлен. Сообщили, что король нуждается в послеоперационном наблюдении. Между тем, не сделав на этот счет никаких заявлений, наследный принц Абдулла принял на себя управление каждодневными делами государства.

Политика Саудовской Аравии стала ясна к концу сентября, когда наследный принц Абдулла совершил официальный визит в Вашингтон в рамках кругосветного турне, целью которого было представить себя и свою политику — в преддверии ожидаемой смерти короля Фахда. Как сообщили высшие должностные лица Саудовской Аравии, накануне визита Белый дом заверил принца Абдулла, что администрация Клинтона рассмотрит ситуацию с точки зрения интересов Абдуллы в таких ключевых вопросах, как арабско-израильский конфликт, резкое потепление отношений между Саудовской Аравией и Ираном и даже противостояние Абдуллы присутствию военных сил США в Персидском заливе, если Саудовская Аравия «выдаст» Усаму бин Ладена. Весьма заинтересованные в успешном результате визита, официальные лица Саудовской Аравии заверили своих американских коллег, что принц Абдулла уже получил обещание лидера талибов муллы Омара — бин Ладен будет передан Саудовской Аравии как лицо, ответственное за взрывы в Эр-Рияде и Хобаре. А вследствие того, что жертвами этих взрывов стали американские граждане, Эр-Рияд впоследствии передаст бин Ладена Соединенным Штатам.

Однако проблема Эр-Рияда заключалась в том, что подобной сделки с талибами никто никогда не заключал. Более того, узнав об этих маневрах, в Исламабаде испугались, что Вашингтон может обвинить их как «кураторов» «Талибана» в нарушении соглашения, которого никогда не существовало. В Эр-Рияде оценили ситуацию и отправили в Афганистан делегацию правительственных чиновников высшего уровня во главе с принцем Тюрки с предложением: если талибы выдадут бин Ладена Соединенным Штатам, их правительство будет официально признано США и рядом других государств; они получат щедрую материальную поддержку, а Афганистан — место в ООН и в Лиге арабских стран (ЛАС).

Ответ «Талибана» был грозным. Представитель талибов поинтересовался наличием у делегатов Эр-Рияда исламских верительных грамот, так как Саудовская Аравия допускала возможность выдачи мусульманина американцам. Раздраженный принц Тюрки заявил талибам, что они крадут у него время, на что саудовской делегации было предложено в течение нескольких дней покинуть страну. Спустя два дня официальный Эр-Рияд объявил об отзыве своей делегации из Кабула «по причинам безопасности». Достичь договоренности с «Талибаном» так и не удалось.

В конце сентября 1998 года лидер талибов мулла Мохаммад Омар взял под свой контроль вопрос о бин Ладене. Чтобы решить, что делать с бин Ладеном, мулла Омар созвал афганский Совет улемы. Совет постановил, что так как бин Ладену было дано афганское гражданство и пожалован афганский паспорт, то только исламский суд в Афганистане может определять его вину или же невиновность. В начале октября Кабул выслал в Эр-Рияд официальное уведомление, что афганская улема организует встречу с семьями погибших в результате хобарских взрывов саудовцев, чтобы те смогли потребовать судебного разбирательства, могущего вынести решение о кровной мести, — процедура, установленная в Афганистане талибами. Эр-Рияд отверг это предложение.

28 октября талибы возвестили созыв специального мусульманского суда под непосредственным руководством верховного судьи Мовлави Нура Мохаммада Такиба — представителя высшей исламской юридической власти Афганистана — для изучения оснований для предъявления обвинения бин Ладену. Мовлави Такиб обратился к немусульманским странам, имея в виду в первую очередь США, и поинтересовался, предоставят ли они афганскому суду имеющиеся у них доказательства вины бин Ладена.

5 ноября Саудовская Аравия официально заявила, что она устраняется от решения вопроса о бин Ладене. Министр внутренних дел принц Наджиф бин Абдул-Азиз снял с бин Ладена обвинения в причастности к взрывам в Эр-Рияде и Хобаре. Он заявил, что Саудовскую Аравию бин Ладен больше не интересует. «Он более не является подданным Саудовской Аравии. Он живет за ее пределами, и мы не имеем к нему никакого отношения, — подчеркнул Наджиф. — Он не представляет для нас никакой угрозы и не предпринимает никаких действий на территории королевства».

Таким образом, единственным обвинением, выдвинутым против бин Ладена, было обвинение американцев, касающееся взрывов в Найроби и Дар-эс-Саламе. Исламисты взвалили бремя поиска доказательств на Соединенные Штаты, вследствие чего Кабул решил дать США разрешение непосредственно участвовать в расследовании дела бин Ладена.

При посредничестве официального Эр-Рияда Мовлави Такиб обратился к правительству Соединенных Штатов. Он заверил американских представителей власти, что им будет дозволено участвовать в слушаниях формальной части судебного разбирательства, где они и представят на рассмотрение суда подробные обвинения, подкрепленные доказательствами. Он также подчеркнул, что любое судебное преследование бин Ладена, если таковое будет иметь место, должно быть публичным и открытым для международной прессы и представителей власти любого заинтересованного государства.

Именно здесь особенности американского законодательства вкупе с пренебрежением официального Вашингтона к «мусульманскому вопросу» сыграли на руку исламистам. 5 октября Усама бин Ладену и его военачальнику Абу-Хафсу были официально предъявлены обвинения в Нью-Йорке; американские власти представили также письменные доказательства их вины на 238 страницах. Талибы немедленно захотели ознакомиться с этим документом. Боясь обвинения в повторном иске в случае, если бин Ладен будет когда-либо привлечен к ответственности по американским законам, Вашингтон отклонил просьбу. Но вместо объяснения истинной причины,

ряд американских официальных лиц предпочли сделать несколько уничижительных замечаний относительно «инсценированного» исламского суда в Кабуле. 19 ноября — в последний день срока, назначенного кабульским шариатским судом, — представители «Талибана» вновь обратились к США с просьбой передать им «документ, доказывающий причастность бин Ладена к акциям против американских посольств в Найроби и Дар-эс-Саламе».

На следующий день, как и предполагалось, Мовлави Такиб заявил, что за отсутствием очевидных доказательств вины бин Ладен не будет подвергаться судебному преследованию ни в какой форме и посему получает свободу передвижения по территории, контролируемой талибами. «Талибан» немедленно воспользовался решением суда в своих политических целях. Мулла Амир Моттаки, министр культуры и информации талибов, изложил позицию Кабула:

«Как и следовало ожидать, Исламский эмират [Афганистан] выполнил свои обязательства по отношению к Усама бин Ладену. Во-первых, Исламский эмират потребовал, чтобы Усама бин Ладен не совершал действий в отношении других стран, находясь на территории Афганистана, и Усама бин Ладен принял это условие. Во-вторых, дело Усамы бин Ладена передано в высшие юридические инстанции для расследования и сбора доказательств. Прошел уже не один месяц, но Верховному суду не было представлено ни одного документа. Исламский эмират выполнил свои основные обязательства; с другой стороны, до победы талибов Усама уже проживал в Афганистане, и когда он вел войну с Россией, Америку это устраивало, но позднее возникли проблемы, и это стало для американцев предлогом, чтобы начать чинить препятствия афганцам... Если кто-либо пытается испортить отношения с Исламским эмиратом Афганистана и снова поднять вопрос о бин Ладене, это значит, что они действуют против Исламского эмирата посредством дела бин Ладена, а это — неразумно».

Оправдание бин Ладена было очевидным, так как это было в интересах и Пакистана, и Саудовской Аравии. Однако, проигнорировав запрос афганского суда о доказательствах, администрация Клинтона только усугубила проблему, так как это способствовало подмене предмета обсуждения. Теперь с легкостью можно было заявить, что у Соединенных Штатов никогда не было улик против бин Ладена и что последующая кампания, включая взрывы в Хартуме и Ховсте, была продиктована ненавистью к исламу. Оппозиционная саудовская организация «Исламская революция» так пояснила эту тему: «Талибы возвестили, что объявляют 20 ноября 1998 года крайним сроком предоставления доказательств причастности бин Ладена к какому-либо теракту. Поэтому они обратились к США и другим странам — чтобы получить доказательства для предоставления их в исламском суде, открытом для широкой публики... Талибы выиграли дело, а американцы были посрамлены, так как они положились лишь на собственную силу, гегемонию и угрозы использовать армию против талибов». Теперь у талибов были все законные основания вступить на путь возмездия, которое будет выражаться в показательных террористических актах.

ГЛАВА 10

НАРАЩИВАНИЕ АРСЕНАЛА

В конце 1998 года Усама бин Ладен окончательно обосновался в талибском Афганистане. Его защита подкреплена «Пуштунвали» — кодексом поведения пуштунских племен Пакистана и Афганистана, — а не политической или финансовой выгодностью для Афганистана и Пакистана. Бин Ладен отдал свою старшую дочь замуж за муллу Мухаммада Омара, руководителя «Талибана». Сам бин Ладен взял четвертой женой молодую пуштунскую женщину. Ее личность не ясна, но, несомненно, она происходит из знатной семьи — либо высших пакистанских официальных лиц, либо элиты «Талибана». По слухам, ходящим в Пешаваре и Кандагаре, она может быть дочерью муллы Омара или племянницей губернатора Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) Пакистана, являющегося другом и покровителем бин Ладена. Поскольку теперь бин Ладен связан с пуштунской элитой кровным родством, выдача его чужакам, особенно немусульманам, просто невысказана. Свирепые пуштуны будут сражаться за него, ибо это предусмотрено кодексом «Пуштунвали». А соблазн международного признания или американской

финансовой помощи для пуштунов безразличен. Под этим прикрытием бин Ладен и его команда готовятся к эскалации джихада.

В сентябре 1998 года исламистские лидеры как в Западной Европе, так и в Сердце ислама заметно сплотили усилия в эскалации противостояния террористов Западу, в особенности Соединенным Штатам. «Взрывы американских посольств в Найроби и Дар-эс-Саламе 7 августа — только начало и предвестник крупномасштабного плана, который воплотится в дела под лозунгом «джихад против Америки»», — писал известный в Европе арабский обозреватель в начале сентября. Другие — крайне надежные и хорошо информированные — арабские источники были уверены, что «Соединенные Штаты своими действиями в Афганистане и Судане разворошили осиное гнездо». События в террористических лагерях и убежищах подтверждали эти наблюдения.

Это ощущение лихорадочных приготовлений к эскалации военных действий среди исламистских террористов не ускользнуло от внимания руководства «Талибана». В середине сентября они предприняли символические шаги по сдерживанию неприкрытой воинственности бин Ладена и умиротворению мировой общественности — особенно учитывая нарастание кризиса в отношениях с Ираном, вызванное зверствами бойцов «Талибана» и пакистанской армии против шиитов в северном Афганистане. Ходили слухи, что бин Ладен содержится под домашним арестом на его базе в Кандагаре. Но Вакиль Ахмед Мутавакиль, высокопоставленный чиновник «Талибана», отрицал, что на перемещения бин Ладена внутри Афганистана наложены какие-либо ограничения и что «Талибан» обеспечивает тщательную защиту бин Ладена от внезапных налетов попыток убийства или похищения. «Талибан» запрещал ему вступать в контакты с иностранными средствами массовой информации, дабы избежать дальнейших конфликтов с Соединенными Штатами. «Я уверен, что движение «Талибан» крайне недоволено тем, что он вступал в контакты с газетами, — сказал Абдул-Бари Атван, редактор «аль-Кудс аль-Араби». — И потому они держат его под домашним арестом, а также защищают его от попыток похищения». Но это не помешало бин Ладену возобновить угрозы в адрес Соединенных Штатов и президента Клинтона. «Он сказал нам, что он в полной безопасности, а также — что он ответит мистеру Клинтону делами. Обычно этот человек сдерживает свои угрозы, и мы должны отнестись к этому как можно серьезнее».

Полностью осознавая, что США пытаются добраться до него, бин Ладен хочет быть уверен в том, что джихад продолжится и после его смерти. С этой целью он готовит своего близкого друга и доверенное лицо шейха Тасира Абдаллаха, то же исламиста из Саудовской Аравии, к роли политического и духовного лидера. Общественный подъем Тасира Абдаллаха начался 26 мая — на пресс-конференции, которую бин Ладен организовал в лагере аль-Бадр (Ховст, Афганистан). Принимавший участие в пресс-конференции пакистанский журналист Рахимулла Юсуфзай отметил, что «доктор аль-Завахири сидел справа от бин Ладена, а слева сидел шейх Тасир Абдаллах, которого нам — группе из 14 пакистанских журналистов — представили как правую руку бин Ладена». С этого времени Тасир Абдаллах стал принимать более активное участие в делах руководства. У него очень хорошие отношения с Завахири — бесспорным военным руководителем джихада, — и, несомненно, такими они и останутся.

Но бин Ладен подумывает и о своем наследии. Хотя он и создал систему управления, которая продолжит действовать, если его убьют, ему хотелось бы видеть имя «бин Ладен» в списке лидеров исламистского джихада. Он воспитывает своего старшего сына Мухаммада (ему четырнадцать лет) как помощника по особым поручениям и своего наследника. С августа Мухаммад почти не отлучается от отца — он сопровождает его в поездках по Афганистану и Пакистану во время посещений учебных лагерей и убежищ. Мухаммад бин Ладен проходит интенсивную военную и террористическую тренировку, у него есть свой собственный автомат Калашникова. Он также выполняет чрезвычайно ответственные поручения в интересах своего отца. К примеру, во время недавнего объезда учебных лагерей в Афганистане Мухаммад стоял на страже всю ночь, в то время как его отец спал в безопасном месте. Он отказывался отдохнуть или покинуть пост, даже когда отец заверил его, что они находятся среди друзей, которым можно полностью доверять. Если в ближайшем будущем Усама бин Ладен погибнет, власть перейдет к Тасиру Абдаллаху и Завахири. Но юный Мухаммад бин Ладен останется в списке руководителей исламистского джихада и, возможно, в один прекрасный день возглавит его.

Недавно Усама бин Ладен приступил к своему наиболее амбициозному афганскому проекту — восстановлению Кандагара, разрушенного в результате безжалостных боев в середине 1970-х и восстания «Талибана» в середине 1990-х. Кандагар — это «родной город» талибов, и потому его восстановление бин Ладеном играет важнейшее политическое значение.

Главными военными объектами проекта стала серия лагерей вокруг Кандагара: они защищают город и его важнейшую инфраструктуру — аэропорт. Бин Ладен строит и секретные стратегические базы для своего собственного использования — чрезвычайно хорошо укрепленные бункеры, спрятанные в горных ущельях к востоку от Кандагара. Во время афганской войны бойцы сопротивления уже построили здесь ряд крупномасштабных укрытий — они успешно выдержали бесчисленные бомбардировки и набеги войск СССР и ДРА. А в 1970-х при помощи СССР подобные подземные убежища были выстроены в районе между Кандагаром и Чаманом (Пакистан) для повстанцев-белуджей — и они тоже выдержали многочисленные атаки пакистанских вооруженных сил. Эта сеть восстановленных подземных укреплений, а также вновь выстроенных, является важным стратегическим элементом террористической империи бин Ладена, его собственным убежищем и основным местом хранения оружия массового поражения.

С начала 1998 года бин Ладен занялся превращением «Всемирного фронта джихада против евреев и крестоносцев» в мощную военно-террористическую организацию. Для начала бин Ладену и Завахири пришлось урегулировать разногласия между партиями «Исламского фронта» и решить ряд неотложных проблем, важнейшими из которых были создание руководящей структуры и механизма координации между террористическими организациями, Тегераном и «Интернационалом Хизбалла». К лету 1998 года эти задачи были решены под личным контролем бин Ладена и Завахири. Благодаря своему высокому положению среди террористического руководства, Завахири сумел установить необходимые контакты и добился больших успехов. О своем вступлении во Фронт объявил целый ряд организаций — «Египетский исламский джихад», «Египетская вооруженная группа», «Общество пакистанских ученых», партизанские организации Кашмира, движение «Джихад в Бангладеш» и военное крыло афганской «Комиссии по консультациям и реформам», возглавляемой бин Ладеном.

Наиболее значимым достижением стало создание механизма выработки стратегических задач и координации операций, проводимых всеми этими организациями и группами по всему миру. Был учрежден шура (консультативный совет) «Исламского фронта», состоящий из высших руководителей всех организаций — участников Фронта. Шура возглавляют бин Ладен и аль-Завахири (в качестве главнокомандующего). Создание единого командного центра резко увеличило эффективность военных формирований Исламского фронта. Совместные операции при поддержке государств-спонсоров — Ирана, Пакистана и Судана — уже продемонстрировали рост «профессионализма» этих групп, особенно на организационном и финансовом уровнях.

Согласно арабским источникам, американская разведка проинформировала консервативные арабские правительства, что организация бин Ладена — «Исламский фронт» — «есть неформальная коалиция бывших афганских моджахедов разных национальностей, включая египтян, иорданцев, палестинцев, ливанцев, жителей стран Персидского залива, алжирцев, пакистанцев и афганцев, — а также мусульман из других стран, включая и сами Соединенные Штаты». Было отмечено, что основные силы бин Ладена «постоянно базируются в Судане, Йемене, Эфиопии и Сомали, равно как в Пакистане и Афганистане». В многочисленных учебных лагерях, особенно в восточном Афганистане и Пакистане, готовится новое поколение моджахедов. Один араб, недавно посетивший Афганистан, обнаружил в одной из сетей лагерей примерно 5 000 стажеров, в возрасте от шестнадцати до двадцати пяти лет, прибывших практически из всех уголков земного шара. Наиболее многообещающие из них назначаются в Батальоны мучеников (самоубийц). Они называют себя «человеческими бомбами» и обучаются проведению эффективных терактов по всему миру во имя дела ислама, в том числе и с использованием оружия массового поражения.

Общая численность базирующегося в Афганистане отряда бин Ладена составляет более 10 000 человек. Осенью 1998 года статус этого отряда резко повысился, так как в него вступили представители элиты «Талибана». Это случилось после того, как две группы бойцов бин Ладена разгромили превосходящие силы Ахмада Шаха Массуда и возглавили операцию по захвату «Города Хо Ши Мина» — укрепленный центр Массуда в горах Гиндукуша, возле Бамиана. Костяк сил бин Ладена составляют примерно 3 000 арабских «афганцев». В начале ноября египетская разведка оценивала их численность в 2830 человек: 594 египтянина, 410 иорданцев, 291 йеменец, 255 иракцев, 177 алжирцев, 162 сирийца, 111 суданцев, 63 тунисца, 53 марокканца, 32 палестинца, а также представители стран Персидского залива и других государств. Эти моджахеды все чаще появляются на фронтах джихада по всему миру, особенно в Косово и Кашмире.

МВР активно помогает бин Ладену в расширении исламистской инфраструктуры в Индии. Очень эффективными показали себя кассеты с пропагандистскими записями, распространяемые

среди мусульманского населения Индии. На этих записях бин Ладен и другие авторитетные представители исламистов описывают Индию — наравне с Соединенными Штатами и Израилем — как величайшего врага ислама. Главные каналы распространения исламистских агитационных материалов — это учреждения религиозной благотворительной организации «Ахл-и-Хадит», которая, в свою очередь, сотрудничает с «Лашкар-и-Туиба» — организацией кашмирских исламистов. Эта организация, которую возглавляет Абдул Карим Тунда, уже брала на себя ответственность за несколько взрывов в Нью-Дели. Кроме того, у бин Ладена есть крупные террористические ячейки в южно-индийских городах Бангалор и Хайдарабад. Эти ячейки также распространяют пропагандистские воззвания, подчеркивающие важность исламистского джихада во всем мире, а финансируют их несколько принадлежащих бин Ладену благотворительных учреждений.

Тайное участие в исламистской войне против Индии «архитеррориста» (популярное прозвище бин Ладена) создает удобное прикрытие для МВР, стоящей за войной в Кашмире. Обеспечение террористам убежища и поддержка терактов против США и Израиля по всему миру — невысокая цена для Пакистана за использование в своих стратегических целях рвения и фанатизма исламистов.

Нынешнее укрепление сетей исламистского терроризма в самом сердце Запада — в Западной Европе, Соединенных Штатах и Канаде — имеет целью не только осуществление эффективных терактов, но и ускорение кризиса западного общества. Волна арестов и предъявления обвинений союзникам Усамы бин Ладена, прокатившаяся в США и Западной Европе после взрывов в Восточной Африке, помогла выявить весь размах и сложность его сетей. В США, к примеру, был обнаружен бывший личный секретарь бин Ладена — ливанец Вадих Эль Хейдж; он держал шинный магазин в Арлингтоне, штат Техас. Другой террорист — египтянин Али Мохамед — служил в американской армии, в элитном подразделении «зеленых беретов». Суданец Мамдух Махмуд Салим, выполнявший при бин Ладене роль специалиста по улаживанию конфликтов, был арестован, когда навещал друга в Мюнхене, в Германии, и выдан Соединенным Штатам. Хотя аресты подозреваемых помощников бин Ладена и вынужденный уход в подполье многих террористов, несомненно, подрывает активность исламистов, на Западе уже вовсю действуют террористические организации нового поколения, внешне не имеющие никакого отношения к исламу.

Террористы не сразу решились использовать оружие массового поражения. Сейчас международному терроризму крайне необходима сверхрелищная операция, равно как и государствам-спонсорам, — чтобы навести ужас на американцев и их союзников и лишний раз напомнить о себе. В этой связи очень велико искушение применить оружие массового поражения — химическое, бактериологическое и радиационное. Недавние прецеденты в Токио (использование химического оружия) и в Москве (применение чеченцами радиоактивных веществ) прошли для террористов безнаказанно, что значительно повысило уверенность в себе потенциальных исполнителей.

С начала лета 1998 года исламистские террористы — как афганцы, так и арабы — под командованием Усамы бин Ладена и поддержке МВР начали активно готовиться к эффективным терактам с использованием химического, бактериологического и, возможно, радиационного оружия — в хорошо оснащенном и укрепленном убежище возле Кандагара. Оружие производилось в специальных лабораториях, закупленных в начале мая 1998 в бывшей Югославии и переправленных через Пакистан. Реактивы и токсины добывались по всему миру. Вирусы, вызывающие смертельные заболевания — такие как эбола и сальмонелла, — были добыты в России. Образцы возбудителя ботулизма удалось получить в Чехии — вместе с оборудованием для их массового производства. Образцы возбудителя сибирской язвы — наиболее популярное биологическое оружие во всем мире — были куплены в Северной Корее за относительно небольшую сумму твердой валюты. Радиоактивные вещества и пестициды, заказанные на Украине, уже доставлены в Афганистан. Согласно достоверным источникам, изготавливались главным образом «яды для отравления водопроводов, смертельные газы для использования против людей, грибки для уничтожения посевов».

Это оружие разрабатывалось и производилось под наблюдением украинских специалистов (химиков и биологов). Они же занимаются обучением исламистов, отвечающих за подготовку операций и обучение террористов. В начале июля 1998 года эта группа состояла из семи жителей Саудовской Аравии и одного египтянина; все они изучали фармацевтику, медицину и микробиологию в Венгрии и Румынии. Они были завербованы арабскими «афганцами» еще во

время их пребывания в Восточной Европе и потому совершенно «чисты» с точки зрения разведслужб.

Если еще и оставались какие-либо сомнения насчет намерений и планов бин Ладена и его последователей, в конце августа 1998 года Омар Бакри, руководитель «аль-Мухаджирун» — исламистской организации в Лондоне, считавшей себя «глазами, ушами и ртом Усамы бин Ладена», — дал ясный ответ. Согласно Бакри, «Всемирный исламский фронт джихада против евреев и крестоносцев» снова дал клятву проводить «яростные и беспощадные» теракты против Израиля и США. В факсах, присылаемых из Афганистана, всем мусульманам рекомендовалось «сделать необходимые шаги» для развития джихада. По словам Бакри, в одном из факсов бин Ладен заявил, что «война началась». Он также отметил, что бин Ладен рассылал инструкции, касающиеся четырех конкретных целей: «Сбивайте их самолеты. Не давайте свободно проходить их кораблям. Занимайте их посольства. Добивайтесь закрытия их компаний и банков». Бакри снова повторяет, что израильские и американские самолеты являются «законными мишенями» в исламистском джихаде против Запада. «Американские и израильские пассажиры являются законными мишенями, но не думаю, что главный вопрос сейчас — угоны самолетов. Этот вопрос лишь теоретический».

С течением времени реакция исламистов на взрывы в Восточной Африке и на последующую американскую акцию возмездия стала более сложной. Теперь исламисты доказывают, что причина и взрывов американских посольств, и американских бомбардировок кроется во враждебном отношении США к исламу в целом. 28 августа это положение было прояснено в заявлении «Хизбут-Тахрир» — «Партии освобождения», еще одной крупной исламистской организации, базирующейся в США.

В заявлении говорилось, что нет никакого смысла пытаться достичь договоренности с Соединенными Штатами. «Америка относится к мусульманским странам так, будто они — ее ферма. Она относится к правителям мусульманских государств, как к своим слугам, даже — как к рабам. А с населением исламских стран она обращается, как с инструментом, эксплуатируя его в своих целях». В качестве примера подобного подхода приводились отношения между США и Саудовской Аравией, которые Америка поддерживала не из алчности, но из-за глубокой враждебности к исламу и мусульманам. «Америка — истинный враг Исламской нации. Ее союзники, участвующие в агрессии против Исламской нации или поддерживающие ее — англичане, французы и другие, — тоже являются врагами Исламской нации». В заявлении подчеркивалось, что Соединенные Штаты и их союзники подпадают под кораническое определение дьявола.

Союз оружия массового поражения и международного терроризма создает новую стратегическую реальность в Сердце ислама. Этот регион сейчас переживает переходный период, имеющий историческое значение. С одной стороны, мусульманский мир пытается противостоять проникновению западных ценностей и культуры, которые теперь распространяются через электронные средства массовой информации. С другой стороны, мусульманский мир переживает военный рост, ставший возможным благодаря обретению ядерного оружия, баллистических ракет и другого стратегического вооружения. Воздействие этих тенденций подкрепляется врожденной нестабильностью государств Сердца ислама. Пакистан и Иран испытывают серьезные — и кажущиеся неразрешимыми — общественно-экономические проблемы. В то же время благодаря получению ядерного оружия и баллистических ракет Пакистан и Иран воспринимаются как лидеры стратегического подъема. А их вмешательство в дела Афганистана лишь увеличивает нестабильность. Консервативные арабские правительства испытывают кризис законности, который осложняется кризисом престолонаследия в Саудовской Аравии, экономическими проблемами и агрессивностью Ирака и сменой политического курса Египта. В результате стратегический центр Сердца ислама переместился в не-арабские страны — Иран и Пакистан. Но, учитывая доминирующее положение в исламском мире арабов, этим странам необходимы серьезные достижения, чтобы продемонстрировать арабскому миру свое право на власть и лидерство. Судан, исторически являвшийся окраиной арабского мира, под руководством Тураби борется за право стать всеарабским лидером и религиозным наставником. Наталкиваясь на неприятие со стороны консервативных арабских режимов, Судан заключает стратегические союзы с подающими надежды не-арабскими силами.

По мере того как в Сердце ислама усиливается общая нестабильность, правящие режимы сталкиваются с проблемами международного уровня, которые практически невозможно разрешить, а напряжение в отношениях между Соединенными Штатами и мусульманским миром

растет, международный исламистский терроризм все более крепнет. В настоящее время эффективные и крайне разрушительные теракты — единственный «способ общения» между Сердцем ислама и Соединенными Штатами. А учитывая, что такие серьезные игроки, как Усама бин Ладен и Айман аль-Завахири, создают видимость непричастности государств-спонсоров — главным образом потому, что администрация Клинтона использует этот фиговый листок в своих собственных интересах, — этим государствам больше нет смысла воздерживаться в одностороннем порядке от использования столь эффективного инструмента политического давления, как терроризм. Нерешительность администрации Клинтона, которая так и не выступит против международного терроризма и воинственного исламистского радикализма на серьезном уровне, — то есть на уровне государств-спонсоров, — лишь придает смелости преступникам. Исламистские террористы, располагаящие новым арсеналом оружия массового поражения и осознавшие, сколь эффективным инструментом государственной политики являются теракты, готовятся к ведению борьбы на новом уровне.

ГЛАВА 11

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ БИН ЛАДЕНА

В конце весны 1999 года службы безопасности Соединенных Штатов, Великобритании и других западноевропейских стран — равно как Израиля и Индии — упорно трудились, чтобы предотвратить осуществление ряда разрушительных терактов, запланированных людьми бин Ладена. Отличительная черта этих планов (а далеко не все они известны западным спецслужбам) — разнообразие и количество намеченных операций, причем в случае их проведения последствия и разрушения будут беспрецедентными. Также западные службы безопасности уверены, что важнейшие государства-спонсоры и сами террористы уже подготовились к возможным актам возмездия.

Нынешнее положение вещей — результат главным образом двух факторов: во-первых, ярко выраженной «талибанизации» Пакистана, достигшей поворотного момента в начале декабря 1998 года, и, во-вторых, влияния американских бомбардировок Ирака в середине декабря.

«Талибанизация» Пакистана — превращение государства и общества в ультраконсервативный режим, возглавляемый движением «Талибан», — началась в конце лета 1998 года. Столкнувшись с неразрешимыми общественно-политическими и экономическими проблемами, угрожавшими самому существованию Пакистана, премьер-министр Наваз Шариф попытался найти решение в ведении шариата как юридической системы государства. В конце августа он поклялся заменить юридическую систему страны, построенную по образцу британской, на «совершенный исламский закон», основанный на Коране и суннах. «Простых изменений в законах недостаточно, — сказал Шариф парламенту. — Я хочу установить совершенные исламские законы, основанные на главенстве Корана и сунн».

В середине сентября официальный Исламабад доказывал, что исламизация — единственный путь сплочения нации, который спасет Пакистан от политического и общественного краха на фоне технического упадка и усиливающейся политической активности местных исламистских партий. Благодаря своим сильным военизированным отрядам и поддержке союзных кашмирских террористических организаций, исламистские партии Пакистана стали политической силой, которой Наваз Шариф более не мог противостоять. К концу месяца экономические и общественные проблемы достигли такого уровня, что страна оказалась на грани гражданской войны. Исламисты, занимавшие посты в руководстве армии и МВР, предупредили Наваза Шарифа, что единственной альтернативой хаосу является «талибанизация» — превращение Пакистана из формально светского псевдodemократического государства в экстремистскую исламскую теократию.

Эта трансформация происходила на фоне глубоких общественных сдвигов. К середине 1998 года количество талибов — учеников небольших, главным образом частных, духовных школ —

достигло такого уровня, что содержать их стране было больше не под силу. Согласно пакистанским властям, в стране было зарегистрировано около 4 000 духовных школ, где обучалось более 540 000 человек. Существовали также неофициальные «школы», насчитывавшие примерно 2 миллиона учеников. Большинство этих школ — как зарегистрированные, так и незарегистрированные — возглавляли воинственные улемы, внушавшие талибам, что их долг — бороться за дело ислама и исламизма. Талибы выходят из школ без всяких профессиональных навыков и могут заниматься только грубым ручным трудом. Многие так и остаются безработными. И потому они являются прекрасной средой для вербовки со стороны местных и иностранных исламистских партий. Пакистанские талибы не сомневаются, в каком направлении должна двигаться их страна. «Мы стремимся к тому, чтобы ислам в Пакистане был таким, как в Афганистане, — сказал один из них. — Наш долг — добиться этого, используя все средства».

Американские бомбардировки Ирака и волна протеста, которую они вызвали во всем мусульманском мире, не стали сюрпризом для планов бин Ладена. Завахири, бин Ладен, Тураби и их помощники стали уделять гораздо более пристальное внимание ситуации в Багдаде, в особенности противостоянию между Саддамом и Соединенными Штатами и ООН. Совершенно справедливо полагая, что Соединенные Штаты «не оставят Саддама в покое», Тураби видел в этой ситуации удобный случай для эскалации исламистского джихада при широкой народной поддержке. Во второй половине октября Тураби отправил своих эмиссаров — небольшие делегации боевых командиров и суданских официальных лиц — к Саддаму Хусейну и бин Ладену с написанными от руки письмами, в которых содержался анализ политической ситуации на Ближнем Востоке и советы по поводу начала террористической кампании. Тураби подчеркивал, что Соединенные Штаты не решатся на открытую конфронтацию с воинственным исламом. Вашингтон занят своими собственными проблемами и потому сейчас крайне уязвим перед террористическими операциями, доказывал Тураби. Он считал, что приступить к оказанию давления на Соединенные Штаты следует в конце декабря — во время Рамадана (начинающегося 19 декабря) и Рождества.

В первой половине декабря бин Ладен и Завахири прибыли в Пешавар (Пакистан), чтобы возглавить очередную встречу руководителей арабских «афганцев», проживавших в Пакистане. Во встрече участвовало примерно двенадцать человек, в то числе Асадалла Абдул Рахман, сын шейха Омара Абдула Рахмана, известного по взрыву Всемирного торгового центра. Бин Ладен присутствовал на встрече в качестве гостя руководителей Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) Пакистана, в число которых входили и родственники его четвертой жены.

Участники встречи обсудили будущую эскалацию джихада против Соединенных Штатов, в том числе и конкретные операции, находящиеся на разных стадиях подготовки. Было решено переправить более пятидесяти арабских моджахедов из Пешавара в учебные лагеря в Афганистане, чтобы их можно было задействовать в этих операциях. Встреча прошла не впустую. 11 декабря исламисты выпустили заявление от имени возглавляемой Завахири Исламской группы, в котором клялись вести против американцев «яростную и неустанную битву». А Соединенные Штаты объявлялись «главным врагом, стремящимся искоренить ислам». Рассматривалась и роль оружия массового поражения. «Мы должны продемонстрировать силу мусульманской нации, отпугнув тех, кто ведет против нее агрессию, — прежде всего Соединенные Штаты и Израиль. Мусульманская нация обладает самым разнообразным оружием борьбы против Соединенных Штатов, Израиля и их агентов». Напоминалось о важности «обучения всех мусульман пользованию оружием». Авторы заявления призывали к укреплению разведки и системы материального снабжения и требовали, чтобы «каждый мусульманин считал себя авангардом движения моджахедов, следя за передвижениями американцев, евреев и их агентов и информируя о них моджахедов».

Приготовления исламистов резко активизировались в конце декабря, когда, по приказу президента Клинтона, Соединенные Штаты и Великобритания начали бомбардировки Ирака, ссылаясь на неприемлемое нарушение Ираком режима контроля за оружием, установленного ООН. То, что обстрелы начались 16 декабря — в тот самый день, когда Палата представителей готовилась проголосовать за импичмент президенту Клинтону, — не прошло незамеченным. В Вашингтоне несколько бывших и нынешних правительственных чиновников открыто заявили, что Белый Дом заранее спланировал события так, чтобы спровоцировать Саддама Хусейна на конфликт с наблюдателями ООН, что давало президенту Клинтону оправдание для нанесения воздушных ударов и отвлекало внимание американской общественности от его трудностей с Конгрессом.

Исламисты ни на мгновение не сомневались, что американские бомбардировки были не реакцией на конфронтацию Саддама Хусейна с ООН, но очередной стадией в беспощадной борьбе США с исламом. Усама бин Ладен дал ряд интервью арабским и пакистанским газетам, а также западным электронным средствам массовой информации, при посредничестве арабских и пакистанских корреспондентов, которым он доверял.

В интервью газете «аль-Шарк аль-Авсат» бин Ладен определял двою позицию в отношении к бомбардировкам Ирака в контексте приоритетов джихада. «Наш враг — альянс крестоносцев, возглавляемый Америкой, Британией и Израилем. Это союз крестоносцев и евреев. Однако к нему присоединились некоторые арабские и мусульманские режимы, мешая нам, мусульманам, защищать священную Каабу. Наша ненависть направлена против этих неверных и против режимов, ставших послушными орудиями в этой оккупации исламских земель». Бин Ладен не сомневается, что люди встанут на защиту ислама. «Многих из этих правителей постигнет судьба иранского шаха, — предсказывал он. — При таких обстоятельствах мусульмане должны выполнять свой долг [т. е. вести джихад], поскольку их правители смирились с вторжением в их страны. Но эти государства принадлежат исламу, а не только их правителям. И пусть Аллах отвратит от них свой гнев». Настаивая, что он дал клятву мулле Омару не принимать прямого участия в каком-либо акте насилия, пока пребывает в Афганистане, бин Ладен сожалел, что ему не придется принять участие в этом священном джихаде. Но он признал, что оказывает влияние на ведение джихада и продолжает «вести мусульман на священную войну против евреев и христиан», являющуюся их долгом с точки зрения мусульманского закона.

В пятницу 8 января газета «Аусаф» опубликовала послание, переданное «арабским моджахедом Усамой бин Ладеном», в котором он требовал, чтобы мусульмане всего мира «продолжали джихад против Соединенных Штатов, Британии и международного сионизма». Бин Ладен также пояснял свою роль в джихаде в контексте своих договоренностей с муллой Омаром. Он заявлял, что из-за этих соглашений «не может участвовать в подобной деятельности здесь [в Афганистане], но продолжит свою борьбу в других частях мира». Бин Ладен подчеркивал, что в борьбе против притеснения со стороны Соединенных Штатов, Британии и международного сионизма мулла Омар его полностью поддерживает. Заявляя, что он не имеет отношения к взрывам американских посольств в Найроби и Дар-эс-Саламе, бин Ладен подтверждает, что «люди, совершившие эти взрывы, просто сделали легкое предупреждение Соединенным Штатам. А настоящий ответ еще впереди». В заключение Усама бин Ладен говорит: «Для Соединенных Штатов было бы лучше всего отказаться от своих действий против мусульман, извиниться перед Ираком, Афганистаном, Ливией и Суданом за свои нападения и отозвать войска из Персидского залива».

Эти темы неоднократно повторялись и одобрялись исламистами всего мира во время пятничных проповедей. Пройдет совсем немного времени, и весь мир захлестнет волна удавленных и с трудом предотвращенных террористических актов. А «общим знаменателем» для бесчисленных террористов были преданность бин Ладену и вера в его слова. Начиналась новая эра — время реванша исламистов.

ГЛАВА 12

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Сейчас, когда пишется эта книга — весной 1999 года, — террористическая система исламистов, уже общепризнанно отождествляемая с бин Ладеном, действует вполне эффективно. Бин Ладен чувствует себя в безопасности и отваживается выбираться из своего убежища на базе Ислам Дара и посещать Тора Бура, где легче общаться с его приверженцами по всему миру. За это время исламисты провели ряд эффективных терактов и пережили последующие преследования со стороны разведслужб по всему миру. Просто выжить в таких неблагоприятных условиях — уже достижение, но под руководством бин Ладена, Завахири и их товарищей исламистская террористическая система продолжает расширяться.

Уникальная роль и долговременное влияние руководства бин Ладена подчеркнуты в материалах допросов исламистских террористов в Египте. Усама бин Ладен — единственный исламистский лидер, которому удалось распространить дух идейного единства и истинного сотрудничества среди различных исламистских террористических организаций по всему миру. Шавки Саламах, один из египетских террористов, противопоставил достижения бин Ладена прежним неудачам исламистского руководства. По словам Саламаха, Завахири неоднократно жаловался, что, несмотря на «серьезные и упорные усилия, предпринимаемые суданскими политическими лидерами, и особенно Хасаном аль-Тураби» для достижения единства среди разных исламистских террористических организаций, все эти попытки «потерпели неудачу» в такой степени, что от них пришлось отказаться. «Не оставалось никакой надежды, что разные группировки придут к согласию», пока Усама бин Ладен не предложил их руководителям «пути прихода к согласию, показавшиеся осуществимыми», — пояснил Саламах.

Другой командир, Шариф Хазза, показал на допросах, что «после того, как бин Ладен обосновался в Афганистане и устроил лагерь, в которых находились люди с самыми разными устремлениями и склонностями, было логично, что бин Ладен навязет этим новичкам правила и условия, которые он согласовал с афганским движением «Талибан» и которые подразумевали, что он отвечает за всех арабов и что между ними не должно быть разногласий или конфликтов, могущих подорвать безопасность, — в противном случае талибы выгнали бы их всех». Достигнутое единство было истинным, поскольку разные исламистские организации начали тесно сотрудничать в международных вопросах и «могли получать пользу от опыта и способностей кадров друг друга». Хазза отметил, что это единство не ограничивалось террористами, действующими в Афганистане, но включало также «йеменские, суданские и даже албанские группы. А еще были группы из Филиппин, Бангладеш, Кашмира и даже Китая».

Все эти группы объединяла их верность беспощадному джихаду против Соединенных Штатов, заявил следователям египетский исламист Ахмад аль-Наджар. «Я сам слышал, как бин Ладен говорил, что теперь наша главная цель ограничивается лишь одним государством — Соединенными Штатами — и сводится к партизанской войне против всех интересов США, не только в арабских странах, но и во всем мире. Эта операция должна была в конечном счете заставить Соединенные Штаты и их союзников пересмотреть свою политику в отношении исламских группировок. Кроме того, в качестве первого шага [Исламский] фронт выбрал Афганистан своим трамплином и заручился поддержкой членов самых разных организаций для выполнения своих директив». Наджар подчеркнул центральную роль бин Ладена как ключевого лидера и источника вдохновения для всего исламистского движения, прикрывающегося ширмой «Всемирного исламского фронта джихада против евреев и крестоносцев». «Усама бин Ладен осуществлял основное руководство, в то время как около двадцати человек, и прежде всего Айман аль-Завахири и Ахмад Шавки аль-Исламбули, были назначены его помощниками», — заявил Наджар. Касаясь темы своего ареста и арестов множества других египетских командиров, он подчеркнул, что после того как разные исламистские организации были объединены бин Ладеном и вошли в «Исламский фронт», бин Ладен и Завахири создали многостороннюю, разветвленную и гибкую систему командования, состоящую из представителей многих стран. В результате, как подчеркнул Наджар, «Исламский фронт» может перенести аресты и (или) гибель многих командиров, включая бин Ладена и Завахири, и по-прежнему продолжать расширяться и наращивать джихад против Соединенных Штатов и Запада вплоть до неизбежного триумфа.

Возможно, наиболее значительное и прочное наследие бин Ладена — это его влияние на мусульманскую молодежь всего мира, для которой он является источником вдохновения. Когда Соединенные Штаты выражают ненависть к Усама, в мусульманском мире усиливается чувство любви к нему. Подавляющее большинство мусульманской молодежи считают Усаму своим героем. «Они выкрикивают лозунги в его поддержку и поют песни в его честь, — говорилось в передовице газеты «Пакистан» вскоре после исчезновения бин Ладена. — Где-бы он ни скрывался и где бы ни решил он жить, количество любящих его людей никогда не уменьшится».

Это почитание бин Ладена уже имело ужасные последствия для безопасности Соединенных Штатов и их союзников — а именно, радикализацию мусульманской молодежи и ее побуждение стать поколением джихада. Старший офицер МВР заметил, что после того, как США нанесли удар крылатыми ракетами по Ховсту, Усама бин Ладен «стал культовой фигурой». Даже пострадавшие от этой бомбардировки почитают его. «Конечно же, мы знаем, что он — величайший герой-мусульманин нашего времени», — сказал один пакистанский подросток, ставший инвалидом в результате бомбардировки. Именно такие настроения преобладают среди исламистской молодежи. Руководитель пакистанских духовных академий отметил, что «Усама бин Ладен —

главный герой для каждого из тысяч пакистанских и афганских талибов», обучающихся в его заведениях. Эти студенты полны стремления присоединиться к антиамериканскому джихаду бин Ладена, чтобы отомстить за удары, нанесенные по мусульманским странам. «Я вижу, что наша молодежь полна страстного желания отплатить американцам их же монетой», — пояснил он. Количество детей, получивших имя Усама, резко возросло во всем мусульманском мире. И в этом отображается народная популярность и авторитет бин Ладена — в чувстве исторического характера исламистского джихада. «Если нам не удастся отомстить американцам при жизни, то наши Усамы преподадут им урок», — объяснил один пакистанский талиб (студент духовного училища), отец шестимесячного Усамы.

Но главная угроза бин Ладена заключается в том, что он является звеном, пусть и важным, крупной системы, которая продолжит существование и после его смерти, — международного терроризма, поддерживаемого на государственном уровне. Но это ничуть не уменьшает значение бин Ладена, Завахири и их товарищей по оружию. Международный исламистский терроризм, осуществляемый сомнительными исламскими фронтами вроде организации бин Ладена и людьми, искренне убежденными в правоте их дела и методов, дает возможность государствам-спонсорам наращивать их борьбу против Запада при относительно низком уровне риска. Это отчетливо продемонстрировали непродуманные акты возмездия США против Судана и Афганистана после взрывов в Найроби и Дар-эс-Саламе. Как региональный, так и международный терроризм может использоваться беспощадными и беспринципными правительствами для достижения своих стратегических целей: Пакистан доказал это своей «войной по доверенности» против Индии (в Кашмире), а Иран — кампанией давления и принуждения стран Персидского залива. А наличие оружия массового уничтожения и готовность поразить Соединенные Штаты в самом сердце делают эту тенденцию все более угрожающей.

СЛОВАРЬ

ВИД. Вооруженное исламское движение. Организация со штаб-квартирой в Хартуме, служащая ширмой для исламистских террористических организаций, которые преследуют как локальные (свержение правящих режимов в их странах), так и глобальные панисламские цели.

Аллах. Слово, обозначающее Бога в арабском и всех остальных языках мусульманских народов.

Баян. Идеологический манифест или политическое заявление.

Дуа. Молитва-проповедь, которая читается в мечетях и наставляет верующего, как следует отвечать на Зов ислама (Дауах). Исламистские дуа часто затрагивают современные и политические темы, а не только религиозные вопросы.

Эмир. Духовный и военный лидер, чья власть обеспечена его успехами на поле боя, а не его официальным духовным саном.

Фатва. Указ, изданный духовным лидером (ученым) или группой духовных лидеров (т. е. как отдельными людьми, так и Исламским судом). Фатвы обычно дают верующим указания, как справляться с проблемами. Верующие обязаны поступать так, как предписывает им фатва.

Хадж. Паломничество к святыням ислама, находящимся в Мекке и Медине (Саудовская Аравия). Считается, что каждый мусульманин (мусульманка) должен совершить хотя бы один хадж.

ХАМАС. Арабский акроним — «Исламское движение сопротивления». Движение исламистских террористов-суннитов, действующее в Израиле, на контролируемых Израилем территориях и в районах, контролируемых палестинским правительством Ясира Арафата.

Хизбалла. Первоначально — название ливанской шиитской террористической организации, поддерживаемой Ираном; в переводе означает «партия Бога». В настоящее время название «Хизбалла» используют для обозначения сильной поддержки со стороны Ирана самые разные террористические организации — как местные (например, «Хизбалла» Палестины), так и международные («Интернационал Хизбалла»).

Хизб-и-Ислами. Первоначально — название афганской исламистской организации, которую возглавлял Гулбаддин Хекматияр и поддерживала МВР; в переводе значит «партия Ислама». Позже также использовались и другими организациями исламистов-«афганцев».

Интифада. Буквально означает «избавление» (например от гриппа, простуды и т. п.). В конце 1980-х годов это понятие было принято исламистами (а позже — и всеми мусульманами) для обозначения народного восстания — вроде тех, что происходят на управляемых Израилем территориях.

МВР. Межведомственная разведка — мощная пакистанская разведывательная служба, которую считают государством в государстве.

Исламский джихад. Общее название для элитных ударных отрядов нескольких исламистских террористических организаций — как суннитских, так и шиитских, — которые делают заявления и берут на себя ответственность за террористические операции, отводя подозрение от организаций и государств-спонсоров, действительно замешанных в них.

Джихад. Это слово, буквально означающее «борьба», употреблялось мусульманами для обозначения священной войны и сопутствующей ей деятельности (финансирование, закупки оружия и т. д.). Хотя в современном арабском и фарси слово «джихад» теперь обозначает крупные предприятия (к примеру, «строительный джихад» — восстановление разоренного войной Ирана), воинствующие исламисты по-прежнему считают первоначальное, узкое значение — «священная война против врагов ислама» — единственным значением этого слова.

Кафир (во множ. числе — Куфр). Не-мусульманин или отступник.

Хилафах. Единое общеисламское государство — конечная цель исламистов; обычно произносится как халифат.

Махди. Движимый религиозными мотивами руководитель исламского вооруженного восстания (переворота), направленного на установление исламского правительства; буквально значит «проводник».

Мавлави. Духовные лидеры и наставники, которые также могут быть и правителями. Это понятие особенно часто используется для обозначения мусульманских лидеров Южной Азии, на чье толкование и исполнение законов и принципов ислама сильное влияние оказывают местные особенности.

Моджахеды (муджахеддины). Те, кто ведет джихад; святые воины ислама.

Муллы. Духовные лидеры и наставники, которые также могут быть и правителями. Это понятие используется применительно к консервативным и радикально настроенным лидерам, следующим общеисламским учениям (к примеру, духовное руководство Исламской республики Иран).

Мусульманское братство («Братья-мусульмане»). Всемирная консервативная исламистская организация, занимающаяся пропагандой «истинного» и «фундаментального» учения ислама в религиозной, общественной (оказание социальных услуг, образование и т. д.) и политической (установление исламских режимов) областях. Возникшее в Египте в 1928 году, мусульманское братство стало главной организацией суннитских исламистов всего мира.

НМО. Народная международная организация, первая международная исламистская организация Тураби (см. вторую главу).

Пуштунвали. Традиционный кодекс поведения пуштунских племен Пакистана и Афганистана. Эти нормы поведения оказывают на общество гораздо более сильное влияние, чем даже традиционный мусульманский закон или государственные законы Пакистана и Афганистана.

Шариат. Традиционный закон ислама, основывающийся на учениях Корана и других священных текстов. Шариат нельзя изменить — его можно только по-новому толковать для решения проблем современности.

Шейх. Первоначально — арабское обозначение вождя группы, связанной кровным родством (многочисленная семья, клан, племя). Титул передается по наследству, но не переходит автоматически от отца к сыну. Обычно после смерти шейха совет старейшин передает титул наиболее достойному члену его семьи — брату, племяннику или другому родственнику. В наше время это слово также используется как почетный титул образованных людей, чьи знания, наставничество и руководство высоко ценятся их последователями и народом в целом. Конкретные условия, при которых человек признается шейхом, сильно отличаются у разных сообществ и в разных странах. Среди современных исламистов титул шейха обычно присваивается лидером, известным своей набожностью, образованностью и авторитетом.

Шиитский ислам. Вторая крупная ветвь ислама, названная так в честь приверженцев имама Али (шиит значит «сторонник, приверженец»). Шииты считают вдохновенного свыше имама Али и его потомком единственными законными преемниками пророка Мухаммеда. Шииты сформировались как отдельная религиозно-политическая общность во второй половине VII века в результате чрезвычайно яростной борьбы за власть над исламским миром. Впоследствии шииты добавили к общепризнанным Пяти столпам веры еще два — практику джихада и канонизацию мученичества. Хотя политическая власть предназначается потомкам Али, на самом деле она находится в руках улемов, а духовный лидер считается высшей властью в государстве. Иран — единственное по-настоящему шиитское государство. Крупные шиитские общины с ярко выраженным общественно-политическим характером есть в Ливане, Ираке, Афганистане, Пакистане и Индии.

Суннитский ислам. Большинство мусульман — сунниты. Определяя свой характер, суннитский ислам делает особый акцент на следовании Корану (священной книге мусульман) и суннам («посланиям» или «наследию» пророка Мухаммеда), а также изначальной традиции. Сунниты подчиняются шариату — кодексу законов, регулирующему повседневное поведение и общественные отношения, равно как и вопросы собственности и коммерции. Догмами своей веры они признают Пять столпов веры. Сунниты убеждены, что после смерти пророка Мухаммеда ни один человек не выступал в роли божественного посредника между Аллахом и человечеством (в том числе и имам Али, которого почитают шииты). Также они убеждены, что лидеры мусульман должны избираться всем обществом — как Абу Бакр был избран народом преемником Пророка. На сегодняшний день основные различия между суннитским и шиитским исламом сводятся к принципам юриспруденции (включая и гражданское законодательство), характеру праздников, моделям отношений с неверными и особенностям практики молитвы и других ритуалов.

Талибан. Слово буквально значит «ученики» или «студенты» и обозначает учащихся религиозных школ, принимающих активное участие в деятельности воинственных исламистских организаций. Также используется как общепринятое название нынешнего руководства Афганистана, поскольку большинство его лидеров — бывшие студенты и преподаватели подобных духовных школ, костяк вооруженных сил также составляют бывшие студенты.

Улема. Высшие духовные чины общины (государства), которые вместе составляют высшую власть в вопросах юриспруденции и законодательства. В странах с исламскими правительствами (Саудовская Аравия, Иран) улема является высшим авторитетом — правительство стремится получить ее одобрение серьезных политических решений и редко ей противоречит.

Примечания

1

Заметьте, что в этой книге я не использую понятие «исламист» ни в отношении тех, кому можно приклеить ярлык «мусульманин» из-за их родной веры и культуры, ни в отношении аспектов ислама — таких как исламская вера или исламское государство. Термин «исламизм» обозначает преобладающее распространение политического аспекта — особенно радикализма, экстремизма и милитаризма — под знаменем ислама в общепринятом его понимании. Термин «исламист», общепринятый в специальной литературе, редко используется американскими журналистами и другими авторами, предпочитающими такие понятия, как «исламский интеллектуал», «исламский фундаменталист» или «исламский милитарист». Но это стирает различия между большинством мусульман и тем меньшинством, которое составляют экстремисты и террористы.

2

Именно такое написание, используемое в подавляющем большинстве иностранных источников, переводчик считает правильным. Прежде всего, в арабском языке отсутствует звук «о», и потому употребление формы «Осама» совершенно неоправданно. Что же касается используемой в ряде русскоязычных источников огласовки «бен», то она возникла, очевидно, по аналогии с широкоупотребительным ивритским префиксом, имеющим то же значение. — Прим. перев.

3

Общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря.

Следует отметить, что в арабском мире имеет место своего рода двуязычие. Помимо общенационального литературного языка, основанного на языке Корана (т. е. в VI в. н. э.), в каждой стране существует и местный разговорный язык, сложившийся в более позднее время. В частности, этим можно объяснить и расхождения в огласовке имен: Мохаммед/Мухаммед/Мухаммад, Абдулла/Абдалла и т. д. В книге транскрипция приведена с учетом авторского текста, поэтому при чтении могут возникать различные варианты написания имен. — Прим. перев.

4

Следует отметить, что в арабском мире имеет место своего рода двуязычие. Помимо общенационального литературного языка, основанного на языке Корана (т. е. в VI в. н. э.), в каждой стране существует и местный разговорный язык, сложившийся в более позднее время. В частности, этим можно объяснить и расхождения в огласовке имен: Мохаммед/Мухаммед/Мухаммад, Абдулла/Абдалла и т. д. В книге транскрипция приведена с

учетом авторского текста, поэтому при чтении могут возникать различные варианты написания имен. — Прим. перев.

5

араб, воин ислама

6

Мусульманское священное предание, содержащее более или менее подробные сведения о жизни пророка Мухаммеда и его современников.